

Глазами детей войны

Сборник воспоминаний
жителей Ставрополя и других
регионов России о военном и
послевоенном времени,
пришедшемся на их детские годы.

Ставрополь 2020

УДК
ББК

Глазами детей войны : сборник воспоминаний жителей Ставрополя о военном и послевоенном времени, пришедшемся на их детские годы / под общ. ред. В. В. Митрофаненко ; Движение Добровольцев Ставрополя ; краевое отделение Всероссийской организации «Дети Войны» – г. Ставрополь : Изд-во «Седьмое небо», 2020 – 410 с.

Сборник включает мемориальные материалы и статьи, собранные на территории Ставропольского края членами объединённого добровольческого движения в период деятельности по профилактике распространения коронавирусной инфекции «Covid-19», обработанные добровольцами из аудио-, видеоинтервью, рукописей, сделанных самими «детьми войны» либо их родственниками.

«Глазами детей войны» – это уникальные воспоминания пожилых людей, которым сегодня за 80 лет, на чьи плечи легли не только ужасы самой Второй мировой войны, но и тяготы послевоенного времени. Этот сборник – живая история уходящего «стального поколения», вложившего в своё Отечество все силы, поднявшего его из руин и пребывающего пока в незаслуженном забвении. Именно это стало толчком для понимания участниками Движения Добровольцев Ставрополя своей ответственности перед этими людьми за передачу памяти следующим поколениям россиян.

Сборник воспоминаний жителей Ставрополя о военном и послевоенном времени, пришедшемся на их детские годы, адресован прежде всего самим детям войны, российскому гражданскому обществу, общественным организациям и добровольческим движениям, осуществляющим работу по гражданско-патриотическому воспитанию. Это издание может стать методическим пособием по организации работы по сохранению памяти этого поколения для молодежных организаций, реализующих программы работы с людьми пожилого возраста, а также для педагогических и социальных специальностей в вузах, студенческих педагогических отрядов и добровольческих объединений. Оно будет полезно государственным учреждениям и общественным организациям, работающим с людьми 3-го возраста. Также данное издание может быть использовано социально ответственным бизнесом и социальным предпринимательством, организующим программы гражданско-патриотического воспитания детей и молодёжи.

Авторский коллектив:

В. В. Митрофаненко (канд. пед. наук), И. А. Скиперский, А. В. Шаповалов (канд. социол. наук), Е. И. Толокнеева (канд. пед. наук), Е. В. Смирнова (канд. пед. наук), О. А. Дудникова (канд. техн. наук), Э. Р. Коноплева, Н. Б. Копнина и все участники сети Движения Добровольцев Ставрополя и участники Ставропольской городской общественной организации «Дети войны», принимавшие участие в сборе и обработке мемуарных материалов для данного издания.

ISBN

Дорогой читатель! Вы держите в руках книгу, которая написана не одним автором. Её авторами являются все, чьи воспоминания представлены в этой книге. Мало кто из них владеет навыками литературной или журналистской деятельности. И суть не в том, могут они складно выстраивать на листе свои повествования или нет. Суть в том, что все они - свидетели событий Великой Отечественной войны. Их детство пришлось на тяжелое время, когда Отечество было в опасности и их отцы и старшие братья шли на смертный бой, шли воевать с фашистским агрессором, вторгшимся в пределы нашей Родины. Тем, чьи воспоминания здесь собраны, пришлось вместе с матерями и стариками пережить оккупацию. Но им также довелось быть свидетелями Великой Победы. На их плечи легло бремя восстановления разрушенной страны. И обо всем этом они рассказывают сами иногда литературным, а иногда простым языком. И мы постарались сохранить их живые рассказы в той форме, в какой их сами услышали. Мы не старались прилизывать, приглаживать чрезмерной редактурой устные и письменные повествования детей войны. Мы хотели, чтобы Вам передался не только смысл, но и эмоциональный, и языковой колорит авторов этой живой книги. Правки вносились очень осторожно.

Примите, друг, эту книгу такой, какая она есть. Она поможет вам глубже понять трагедию целого поколения людей, лишенных детства. Она поможет вам укрепиться в ответственности за мир на Земле, поскольку все войны нацелены прежде всего на Детство!

***Выражаем благодарность всем добровольцам сети Движения
Добровольцев Ставрополя, участвовавшим в сборе и обработке
мемуарных материалов для книги «Глазами детей войны»***

Абдулкеримова Элиза Саид-Магомедовна, Алфимова Оксана Анатольевна, Андрищенко Лидия Александровна, Бальжирова Яна Александровна, Бирюкова Светлана Ивановна, Гаджиева Александра Арнольдовна, Гюлумян Арутюн Сергеевич, Данилова Елена Леонидовна, Загоруйко Наталья Борисовна, Мохов Евгений Александрович, Королева Татьяна Александровна, Кузьминова Наталья Александровна, Коноплева Элина Раисовна, Кроль Татьяна Борисовна, Кузмина Ольга Владимировна, Кулешов Дмитрий Сергеевич, Лапина Людмила Михайловна, Малышева Светлана Ивановна, Мирошник Елена Андреевна, Мирошник Никита Олегович, Молчанова Анжела Евгеньевна, Остапенко Татьяна Валентиновна, Палкина Инна Владимировна, Пальчикова Евгения Васильевна, Посевкина Инна Сергеевна, Рамаева Алина Ансаровна, Светличная Светлана Ивановна, Соина Ольга Александровна, Толокнеева Елена Ивановна, Топорищева Лариса Евгеньевна, Фадеева Елена Васильевна, Хиясов Махтум Бегалыевич, Шаповалова Роза Робертовна, Полевая Наталья Борисовна, Евглевская Елена, Фоминичева Галина Павловна, Хохлова Наталья Анатольевна, Шатохин Даниил Максимович, Филипенко Елена Александровна и другие добровольцы сети Движения Добровольцев Ставрополя и члены Ставропольской городской общественной организации «Дети войны», принимавшие участие в сборе и обработке мемуарных материалов для данного издания.

Глазами Детей войны

Движение Добровольцев Ставрополя,
СтРОМО «Творческий Союз «Звёздный Ветер»,
СтРО РБФ «НАН», СтРОО «Связь поколений»,
СтРОО «Социологическое агентство «Логос»,
Объединенный штаб добровольцев «Сjvid-Проф»

Глазами Детей войны

Сборник воспоминаний

жителей Ставрополя и других регионов России

о военном и послевоенном времени,

пришедшемся на их детские годы.

Издание 1

Ставрополь

2020

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	2
Титульный лист.....	3
Содержание.....	4
Глазами «Девочки войны» Стихотворение-вступление. Митрофаненко В.В.....	7
Полевая Н.Б. Ставропольская городская общественная организация «Дети войны».....	8
Сляднева Валентина Ивановна.....	12
Стихи Сляднейвой В.И., посвященные военному детству.....	17
Братусева Ольга Захаровна.....	25
Горбунова Людмила Васильевна.....	31
Кошель Людмила Ивановна.....	55
Сулима Наталья Александровна.....	57
Плотникова Полина Леонидовна.....	59
Емишев Вячеслав Хаджимуссович.....	64
Беркунова (Игнатова) Нинел Степановна.....	71
Панченко (Момот) Екатерина Петровна.....	79
Садич Мария Васильевна.....	82
Леонова Эльвира Константиновна.....	83
Косенко Ольга Дмитриевна.....	84
Хаджихметова Вера Александровна.....	85
Сорочан Лилия Станиславовна.....	86
Иваненко Иван Александрович.....	87
Сидоренко Нина Федоровна.....	91
Рассоха Нина Ивановна.....	93
Быков Алексей Михайлович.....	96
Быкова Тамара Егоровна.....	97
Труфанов Пётр Петрович.....	98
Уткина Валентина Ивановна.....	100
Персук Мария Федоровна.....	102
Галенина Любовь Сергеевна.....	103
Шаптала Надежда Ивановна.....	105
Сохонёв Виктор Владимирович.....	107
Кушева Тамара Семёновна.....	110
Дворникова Анна Александровна.....	112
Шаповалова Раиса Николаевна.....	116
Лапина Валентина Ивановна.....	119
Бакулин Иван Тихонович.....	121
Бакулина Антонина Ивановна.....	127
Салгалов Василий Владимирович.....	127
Маггелия Раиса Дмитриевна.....	130
Шевченко (Черкасова) Раиса Васильевна.....	132
Евзикова Элеонора Алексеевна.....	134
Чернышева Светлана Петровна.....	134
Сувернев Владимир Николаевич.....	136
Слюсарева Вера Васильевна.....	138
Моисеева Наталья Григорьевна.....	139
Молчанова Вера Павловна.....	141
Сидорченко Полина Романовна.....	142
Русанова Евдокия Степановна.....	144
Левкович (Донцова) Лидия Васильевна.....	147
Храмцов Андрей Георгиевич.....	149

Глазами Детей войны

Колесникова Татьяна Ивановна.....	155
Дорошенко (Андрющенко) Галина Ивановна.....	156
Арбузова Алла Михайловна.....	159
Денисенко Павел Георгиевич.....	159
Остахов Александр Алексеевич	162
Лупандина Лидия Антоновна	163
Стаценко Владимир Николаевич	165
Нарыкова Валентина Александровна	168
Солгалова (Соболевская) Клавдия Михайловна.....	170
Остапенко Василий Яковлевич	176
Карташова Людмила Михайловна.....	180
Мищенко Валентина Алимовна	183
Корниенко (Акопова) Маргарита Аругюновна	184
Курчев Владимир Исмаилович.....	186
Лукашова (Каргина) Галина Семеновна.....	190
Котельникова Нелли Ивановна.....	191
Строганов Виталий Васильевич.....	192
Чернова Лидия Павловна	194
Дроздов Юрий Иванович	195
Сарафанов Борис Петрович	197
Железный Виктор Федорович	200
Петрашова Зинаида Сергеевна	201
Ивченко Раиса Васильевна	202
Шаповалов Михаил Николаевич	204
Медведева (Ладыгина) Екатерина Сергеевна	206
Медведева Валентина Николаева	209
Гусева Евдокия Лазаревна	213
Таценко Николай Иванович	214
Демченко Галина Степановна	219
Кульчаева (Кимова) Вера Андреевна	223
Бровенко (Аникина) Пелагея Павловна	225
Чернова (Быкова) Таисия Михайловна	227
Грудин Василий Иванович	228
Чижова Лариса Дмитриевна.....	229
Темерёва Валентина Ивановна	231
Пономарёва Светлана Ивановна.....	232
Беловод Нина Николаевна.....	234
Барышникова (Юдина) Вера Григорьевна	238
Беликова Светлана Яковлевна	240
Рукавишников Надежда Георгиевна	242
Мощенко Раиса Даниловна	244
Колещук Александра Филипповна	248
Шеховцов Пётр Павлович	251
Шинкаренко Николай Филиппович	252
Пыхтин Алексей Михайлович	254
Атрошкин Семён Тимофеевич	254
Данилова (Новосёлова) Анфиса Яковлевна	255
Лещев Владимир Васильевич	260
Несмачная Светлана Ивановна	262
Араксянц Седа Миграновна.....	264
Милошенко Любовь Тимофеевна	267
Шейхсламова Лилия Хусаметдиновна.....	271
Данилова Раиса Ивановна	272

Глазами Детей войны

Леонов Валентин Александрович	275
Каргина Ирина Семенова	277
Королькова Алла Тимофеевна	281
Митрофаненко Валентин Николаевич	282
Фатеева Мария Григорьевна	287
Арсланова Валентина Григорьевна	288
Козлов Николай Борисович	289
Козлова (Антонова) Ольга Александровна.....	290
Куцов Иван Андреевич.....	292
Тарапатина Надежда Александровна.....	298
Назаренко Александр Алексеевич.....	298
Ненашева Валентина Максимовна.....	299
Марченко Нина Афанасьевна.....	306
Хайнова Антонина Васильевна.....	318
Шарикова Анна Егоровна.....	321
Григорьев Валентин Евдокимович.....	323
Григорьева Валентина Васильевна.....	336
Печёнкин Владимир Павлович.....	338
Архипенко Надежда Григорьевна	341
Гюлумян (Рец) Екатерина Петровна.....	344
Сердюкова Варвара Ивановна.	347
Новиков Анатолий Павлович.....	348
Новикова (Диденко) Вера Кузьминична.....	350
Загоруйко Лидия Георгиевна.....	353
Котлярова Тамара Сергеевна.....	356
Пономарев Алексей Иванович.....	358
Азанова Светлана Викторовна.....	360
Страхов Юрий Владимирович.....	363
Пахомова Зоя Михайловна.....	367
Колесников Анатолий Александрович.....	369
Тюльпанова Нина Ивановна.....	371
Евдокимова (Иванова) Лариса Ивановна.....	374
Скакун Василий Александрович.....	378
Выставочный проект в музее изобразительных искусств	
«Взгляд из военного детства».....	383
Биценко Евгений Фёдорович.....	385
Зайцев Николай Егорович.....	388
Соколенко Николай Егорович.....	391
Телин Владимир Николаевич.....	402
Чемсо Виктор Фёдорович.....	404
Стихи Слядневой В.И.....	407
«Она не видела боев» Стихотворение-заключение. Митрофаненко В.В.....	410

Глазами девочки войны¹

*Стихотворение посвящено
ставропольскому поэту*

В. И. Слядневой –

ребёнку войны, которой

*22 декабря 2020 г. исполнилось бы
80 лет*

Глазами девочки войны
Иду по выжженной России,
И нет ни в чём ее вины –
Любовь безмерная Мессии.

Она ведет меня с собой
Тропой, доставшейся ей доли,
Через святой, но смертный бой,
Через труды и слёзы вдовьи.

От самых первых черных дней,
От шума вражеских моторов.
И мне становится видней,
Палату чувств моих расшторив,

Я слышу сердцем и душой,
Так, будто сам ее участник,
Как будто это я ушел
На фронт и – в действующей
части.

И это есть в моей судьбе,
Меня печет пожаров жженье,
И радость жертвенных побед,
И скорбь безмерных поражений.

Глазами девочки войны
Через предательства и плены,
Где муки мужества полны,
Где ты не встала на колени,

Моя любимая страна.
И пусть Победу троллит ропот –
Какой ценой она дана,
Но флагом – взвилась над
Европой.

Ах, Валя, Валечка, мой друг,
Прижать тебя я не успею –
Я той войны не сын, а внук,
Я видел тех, о ком ты спела.

Я видел вдов, застал калек
Безногих-руких и безглазых,
Мне было минус 20 лет,
Когда фашистскую проказу

Повергли славные сыны,
Повергли воины Мессии.
Глазами девочки войны
Пусть смотрит новая Россия.

¹Вместо Предисловия.
Автор Валерий Митрофаненко.

Ставропольская городская
общественная организация «Дети войны»

Ставропольская городская общественная организация «Дети войны», созданная в 2007 году, одной из своих главных задач считает участие в активной работе по патриотическому воспитанию молодёжи,

расширению своего влияния на молодое поколение, организацию встреч актива «Детей войны» со студентами, школьниками. И до последнего времени эту задачу выполняла со всей ответственностью. Школы, вузы, открытые площадки микрорайонов города, воинские части – везде активисты СГОО «Дети войны» желанные гости.

Я, Полевая Наталья Борисовна, председателем Совета СГОО «Дети войны» была избрана на общем собрании в декабре 2017 года. До этого более 10 лет работала исполнительным директором организаций «Союз предпринимателей Ставропольского края» и «Деловая Россия». В молодые годы активно участвовала в работе комсомола.

За годы моего председательства численность членов организации увеличилась более чем в 4 раза. Людей, по возрасту имеющих статус «дети войны», на Ставрополье много, но в нашей городской организации состоит более 9 тысяч человек. Некоторые из них родились и в 50-е, и в 60-е годы, но, вступив в организацию, много времени посвящают тому, чтобы оказывать безвозмездную помощь тем, кто в годы войны был ребёнком, а сейчас в силу тех или иных причин испытывает затруднения в различных ситуациях или просто хочет общаться со своими сверстниками, принимать активное участие в общественной и культурной жизни города.

В принятии закона «О детях войны в Ставропольском крае» есть заслуга и наших активистов, которые на протяжении нескольких лет писали Губернатору и в Думу, встречались с депутатами, убеждая их обратить внимание на данную категорию населения.

Глазами Детей войны

Организация со своим проектом «Дети войны – отцам Победы» является победителем конкурсов на грант Президента РФ в 2020 году и на грант

на грант правительства Ставропольского края в 2019 году.

Члены организации участвуют в акциях: «Победа входит в каждый дом» 9 мая, «Я с тобой, ветеран!», «Бессмертный

полк».

В 2013 году при Ставропольской городской общественной организации «Дети войны» был создан хор. В его состав вошли

Гимн Детей войны
музыка: Татьяна Тераевич
слова: Эльвира Челнокова

**Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.**

**Мы были взрослыми не по годам,
Хоть лет тогда немного было нам.
Мы испытали ужасы войны:
Блокаду, голод и мороз зимы.**

**Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.**

**Теряли мы отцов и матерей,
В глаза смотрели тысячам смертей...
Мы – здесь. А сколько приняла земля
Невинных душ, не ведавших тепла?!**

**Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.**

**Взгляните в небо ночью при луне,
Там ярко светят звёзды в вышине,
Там наши братья – Родины сыны,
Родные, не пришедшие с войны.**

**Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.**

Глазами Детей войны

пенсионеры, образовавшие творческий коллектив из людей, искренне любящих искусство, любящих песню и душой болеющих за свое дело. Все они относятся к категории «дети войны», но всё еще полны неиссякаемого оптимизма и энергии.

Визитной карточкой хора стал гимн «Дети войны». Когда хор исполняет эту песню, люди в зале встают, тем самым признавая подвиг детей войны, родившихся в такое непростое время, своим трудом сумевших восстановить страну из разрухи, превратить ее в одну из величайших держав мира.

2020 год – год 75-летия окончания Великой Отечественной войны. Мы осознаём, что в деле воспитания патриотизма, сплочённости, единства общества и его мобилизации на технологический и цивилизационный прорыв, объявленный президентом страны, нашей организации принадлежит особая роль. Самое дорогое и священное, что передаёт отец сыну, дед – внуку, одно поколение другому – это ПАМЯТЬ. Она составляет одну из основ формирования мироощущения и сознания людей. Её роль особенно важна в гражданско-патриотическом воспитании и культурно- нравственном становлении молодёжи. Память о былом, об опыте прошлого, о людях, чьи дела и творения умножали славу Отечества и возвышали свой народ,

неотделима от сущности человека, без неё немислима сама жизнь.

Являясь общественной организацией, и по причине своих уставных

целей, и в силу личного призвания каждого её члена, считаем своим священным долгом пропагандировать, особенно в среде молодёжи, идеологию «Бессмертного полка» как идеологию победителей, а не побежденных, вселяющую оптимизм и устремленность в будущее нашей Великой страны.

Уверена, что размещенные в этой книге воспоминания многих членов Ставропольской городской организации «Дети войны», помогут в осуществлении этой задачи.

**Сляднева
Валентина Ивановна²**

Валентина Ивановна Сляднева родилась 22 декабря 1940 года в селе Надежда Ставропольского края, близ города Ставрополя, в многодетной крестьянской семье. В годы Великой Отечественной войны ее мать оставалась одна с тремя детьми, когда отец сражался на фронте с немецко-фашистскими захватчиками, вернулся с войны инвалидом, так что и в послевоенное время дети много работали рядом с родителями.

Ее трудовая биография началась очень рано: с пятнадцати лет пошла работать в совхоз села Надежда. Приходилось делать все, без чего немислим сельский уклад: работа в овощехранилище, на току, на свекловичном поле...

Окончив восьмилетнюю школу в родном селе, Валентина Ивановна начала трудовую деятельность в Ставрополе, одновременно училась. Десятилетку заканчивала в вечерней школе рабочей молодежи. Затем поступила на историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института. Помнит, как волновалась, идя на свой первый в жизни урок. Преподавала (правда, недолго) любимые предметы – русский язык и литературу. Но было это далеко от родного дома. По окончании института Валентина Ивановна вышла замуж за военного летчика, Ивана Дмитриевича Шматко, немало поездила по стране и за рубежом: Челябинск, Екатеринбург, Германия.

²Валентина Ивановна Сляднева (22 декабря 1940 года, СССР – 8 октября 2013 года, Россия) – русский поэт, прозаик, автор ряда поэтических и прозаических сборников, член Союза писателей СССР и России. Ее имя хорошо известно не только на Ставрополье, но и на Северном Кавказе, Урале, в других регионах России. Активно участвовала в литературной и общественно-политической жизни, пользовалась большим авторитетом у коллег по перу и среди многих земляков. Искренне гордилась своей малой родиной – Ставрополем.

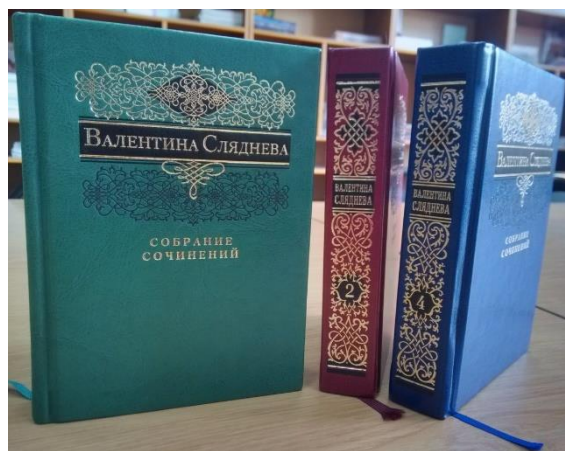
Валентина Ивановна – мать двоих детей. Сын – Шматко Сергей Иванович и дочь – Лариса Ивановна. И внуки: Полина, Артем и Валентина.

Валентина Ивановна Сляднева прожила яркую творческую жизнь в российской литературе – более сорока лет. Литературный труд был основным делом ее жизни. Стихи начала писать еще в школе и затем прошла большой творческий путь, став подлинным мастером художественного слова. В 1983 году она была принята в Союз писателей СССР, после

распада союзного государства состояла в Союзе писателей России.

Валентина Ивановна Сляднева талантлива во многих жанрах: поэзии, прозе, песне, переводе. Ею изданы книги художественной прозы «Перепелиная душа», «Полоска земли», записаны семь компактных дисков с песнями на ее стихотворные тексты. Всего было издано 13 книг поэзии и прозы общим тиражом более 50 000 экземпляров. Стихи ее публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба», «Урал», «Уральский следопыт», «Смена», газете «Неделя», в литературных журналах Ставрополя. Опубликованы ее переводы с татарского, карачаевского, черкесского языков.

Наиболее яркими книгами Валентины Ивановны Слядней являются: «Крутогорье» /Средне-Уральское книжное издательство/, «Час равноденствия» /издательство «Современник», г. Москва/, «Одолень-трава» /Ставропольское книжное издательство/.

Много времени и сил Валентина Ивановна на протяжении всей своей творческой жизни отдавала общественной деятельности. В течение тринадцати лет она возглавляла Ставропольское краевое отделение Общероссийской общественной организации писателей «Литературный фонд России». В качестве его директора много сделала для социальной защиты писателей Ставрополя, помогала осуществлять издание книг и решать материальные проблемы товарищей по литературному цеху. В. И. Сляднева последовательно вела словом и делом, личным примером линию на упрочение высокого статуса писателя – духовного наставника юношества. Она защищала русскую литературу как средство

утверждения созидательных и творческих начал в современном обществе, в формировании личности гражданина России. Под ее руководством регулярно проводились Дни литературы в крае. В составе творческих бригад она побывала во всех уголках края с концертами. Как поэт она всегда была подлинным патриотом Ставрополя, воспевающим его природу, селян, их быт, язык, казачьи характеры.

Творчество В. И. Слядневой дважды отмечено премией Губернатора Ставропольского края: за поэтический сборник «Одолень-трава» и за цикл песен, написанных к 80-летию Ставропольского края. Она становилась также лауреатом краевой молодежной премии им. А. Скокова.

В. И. Сляднева – почетный житель села Надежда Шпаковского района Ставропольского края, где она родилась и похоронена.

Именем В. И. Слядневой названы одна из улиц города Ставрополя, краевая библиотека для молодежи. Создан некоммерческий фонд

«Литературный фонд имени Валентины Ивановны Слядневой», учреждены литературные премии ее имени и стипендии студентам вузов и молодым писателям и поэтам.

Ставропольская поэтесса

Валентина Сляднева – ребенок войны³

Нет в России ни одной семьи, которую бы так или иначе не затронула война: это и погибшие отцы и братья, и изувеченные родственники, и пережившие голод и разруху женщины с ребятишками... И нередко – изломанные судьбы...

³ Ставропольская поэтесса Валентина Сляднева – ребенок войны. – URL: <https://stavropol.bezformata.com/>

Глазами Детей войны

Беда не щадила ни детей, ни взрослых, ни стариков, ни женщин. С тех пор, спустя семь десятков лет, отмечая великий праздник Победы, мы вспоминаем их всех. На фоне большой общей истории почему-то особенно трогают даже не фронтовые воспоминания – об этом уже столько рассказано и показано, и не столько скрупулезно выверенные исторические выкладки, которых тоже опубликовано достаточно, сколько судьбы отдельных людей. Не случайно вершиной народной летописи войны стало движение «Бессмертный полк».

Эту неслучайность угадала сердцем поэта наша замечательная землячка Валентина Сляднева, оставив всем нам в наследство свои пронзительные строки о войне и Памяти. Первые годы ее жизни совпали с военным лихолетьем, наверное, оттого и память о войне у нее своя – ребячья, но преломленная годами взросления. Как война прошла по одной конкретной семье? Что пережил и перечувствовал в войну ребенок? Валентина Ивановна вроде бы и помнить-то много не должна, поскольку в детской памяти многое со временем стирается. Но кто заглядывал в сборники ее стихов, тот знает, что архетип военной памяти в них – один из доминирующих. Конечно, свою роль в этом сыграли многие факторы. И то, что отец вернулся с фронта инвалидом, и то, что семья не один год перебивалась с картошки на воду, и то, что мать билась одна с тремя детьми... Однако удивительное дело – в личных ощущениях войны девочки Вали, ставшей поэтом, доминируют не трагические ноты, а по-своему позитивный мотив преодоления – преодоления того же голода, иных лишений и неустройств. В этом преодолении выработывался характер, закладывалась своя судьба, обозначался свой выбор пути – не всегда осознанно, исподволь, в простых ощущениях себя и мира вокруг. Когда пасла босоногой девчонкой гусей и вдруг поражалась красоте увиденного цветка, а на речке залюбовалась плеском рыбешек в пронизанных солнцем волнах... У нее каким-то непостижимым образом даже те невеселые годы спустя время преображались в светлые думы о жизни... И она даже умудрялась вносить в это долю юмора, причудливо соединявшегося с вполне серьезными размышлениями и высокими обобщениями. А сегодняшние мальчишки и девчонки так взволнованно читают ее знаменитую «Картошку», читают стихи про родное село Надежда в войну! И это уже

стало классикой. В незначительных бытовых, пейзажных зарисовках, таких детских капельках войны, отразились куда более масштабные – всенародные переживания.

Для Валентины Слядневой военная тема стала определяющей в формировании гражданской позиции, что сама она считала первоначально важным, говоря: поэт в России должен быть прежде всего гражданином. Она последовательно отразила эту позицию в поэзии, говоря о непреходящей ценности мира на земле, о своем личном преклонении перед солдатами Победы, перед поколениями, перенесшими испытания войны. Тут и особая любовь к своим матери и отцу, и стремление передать эти ощущения собственным детям, потом – внукам. Через много лет после войны судьба приведет Валентину Слядневу в Германию, к месту службы мужа-офицера. Наверное, с той поры появился и до сих пор хранится в доме портрет великого немецкого поэта Гёте. Вот так, несмотря ни на что, в их роду наряду с болью и памятью о войне жило уважение к немецкой культуре...

В стихах о войне лирический герой Валентины Слядневой всегда очень молод, поэт как бы видит себя старше воевавших отца, дяди, односельчан. Она словно оглядывается в прошлое с высоты Времени... И при этом – полное отсутствие какой бы то ни было патетики, в отличие от других видных советских, российских поэтов, авторов высоких реквиемов. Она же все выражала через «малую» судьбу человека, через простые житейские ситуации, и как же пронзительно остро отражалась там эта «капелька войны»...

Однажды Валентина Ивановна призналась, что образ войны в ее детском восприятии запечатлелся в виде... бескрайней степи, по которой

Глазами Детей войны

куда-то вдаль уходят нечеткие фигуры немецких солдат, причем уходят странно медленно, в звенящей тишине, без выстрелов и взрывов... Грохота войны не запомнилось. Зато крепко врезалось в память, как приходилось приспособливать корову к пахоте: животное не понимало поначалу, чего от него хотят. Валя шла с прутиком в руках, погоняя, а мама вела буренку, двигались медленно, буренка взбрыкивала, плуг вильнет в сторону – борозда выходит кривая, оставались проплешины... В конце концов и корова приучилась к военному быту, приучилась и вся семья: в еду шла всякая полезная трава, оказалось, что в поле можно много чего найти. А картошку мама чистила так, что кожура получалась прозрачной. Потом еще из нее варила кисель, не шибко красивого серого цвета, но очень вкусный! Особенно если добавить в него «сироп» из пшеничных распаренных колосьев... И даже с приходом Победы еще долго было тяжело. Отец после фронта привыкал управляться по хозяйству одной рукой, долго мучился, переживал... Все это осталось нам в стихах поэта, которые читают наши дети, и оттого бесценна каждая капелька войны.

Стихи В. И. Слядневой, посвященные военному детству

Шла война и убивала,
Убивала каждый день,
И пока не убывала –
Прибывала в лица тень.

Злою вестью, пулей вражьей
Среди поля, у избы...
Убивала там, где даже
И не слышали стрельбы.

Слово страшное «сирена»
Я узнала не из книг –
Мать, схватив меня, серела
И бежала в этот миг.

Вновь бессильною ручонкой,
Шею мамы обовью...
До сих пор за ту девчонку
Я боюсь, за мать мою.

Глазами Детей войны

Мы не ходили в наступление никогда!
Над нами «фокке-вульфы» не чернели,
Не видели мы наши города,
Когда в них жизнь мерцала еле-еле.

И всё, что называли мы войной:
И хлеб по карточкам, и смог,
И дым ползучий –
Нас обошли когда-то стороной...
Мы дети тех, кто избежать не смог
Ни горькой памяти, ни смерти неминучей.

Уйду я в землю. С вами разминусь.
Мелькнёт, исчезнет в поднебесье птица
Ни к чаю, ни к обеду не вернусь.
Никем я вам не буду приходиться.

Земля подарит вам мои леса,
И небеса, и соловья на ветке.
За дорогим застольем голоса
Русоволосых, светлолицых предков,

Что песни пели, собирали мёд,
Хранили родниковые колодцы...
Уйду я в землю – пусть она живет,
Чужим знамёнам сроду не сдаётся.

Деду чем-то помогали
Степи, тропки отчие...
Выли бабы за стогами:
Матери и дочери.
А отец в сыром окопе,
Не знаком с осечкою,
Все «рассказывал» Европе
Про лужок над речкою.
У ложбинки в спелой охре
Схоронил товарища...

Глазами Детей войны

И не мог вздохнуть и охнуть –
Сердце жгли пожарища.
За Победу было пито.
За окно с геранями.
А земля была разбита,
И душа изранена.

Уже под вечер вернулась мама.
Осели плечи под шалью рваной:
Достаньте, дети, в мешке – картошка...
Подмороженная... немножко...
И к стенке валится, и тихо плачет.
И – к самой маленькой! Ко мне, значит...
А завтра снова, чуть только утро –
Взмахнет крылами над полем влажным,
С тревогой смутной она отважно
Пойдет навстречу грядущим болям...
А писем нет – на глазах состарится:
То вдруг слезами она зальется,
То руки стиснет, то в крик ударится:
«Когда ж – вернется?!».
А новый день заботами новыми,
Детским плачем опять наступает.
Как и везде, огневая, суровая
И здесь продолжается – Передовая.

Как бы то ни было –
Дети ухожены,
Пашня свистит на юру.
Бабы идут за картошкой мороженой,
Стынут с утра на ветру.
В поле выходят
Порой развесененной
С горсточкой проса и ржи...
Так по тылам
Пелагеи и Ксении
Держат свои рубежи.
Мжичкой туманною,
Белой порошею,

Глазами Детей войны

С плача сбиваясь на вой:
– Где вы, родимые,
Где вы, хорошие?!
Все повенчались с войной!

Пришел июнь.
И на четыре года
Война – над водопольем,
Над жнивьем...
Невестки, как опущенные в воду,
А свекор им: «Войну – переживем...»
Он дочерям заглядывает в лица
И хмурится: «Они и не они...» –
А про себя: «Родимая земляца,
Заступница,
Храни нас всех, храни...»
Два сына полегли и оба зятя.
На поле сиротливое сел грач...
Наделал дед свистулек для дитяти,
И в каждой – хоть не пробуй –
Слышен плач.

...И мнится мне порой: я виновата
В том, что на свете я живу – не вы...
А вам в тяжелых сапогах солдатских
Стоять у тех позиций огневых.
Мне чудится, земля тихонько стонет,
Где громыхали смертные бои...
Ровесницы, скажите, ну за что вы
Мне отдали все радости свои?
И вам за них я отплатить не в силах,
Но стоя здесь, на берегу Невы,
Одно я знаю твердо, что Россию
Люблю я так же, как любили вы.

Война – ни апреля, ни мая,
И сердца остуда и хилость...

Глазами Детей войны

Зачем же, скажите на милость,
О ней все пишу я – не знаю.

Она мне самой надоела!
Я жгу безотцовщину в строчках,
Я рву одиночество в клочья,
Но все – бесполезное дело.

Никто не сотрет мою память
И раны мои не залечит!
Зачем завожу о ней речи,
Чтоб снова себя всю изранить.

Войны опостылел мне холод.
Хотя б отпустила немного!
Но нет же, стоит у порога,
И в сердце стоит – не уходит.

Убитые, наверное, смеются,
Что у меня, у глупой,
Слезы льются
За годом год,
Как дождичек из тучи...

Им жить на свете –
Значит, быть везучим,
Им плакать –
Значит, быть живым вдвойне.
Я лишь по книжкам
Знаю о войне.

Да по протезам,
Да по костылям,
По минам,
Что взрывались по полям.

Да по знаменам,
Где живая кровь
Взывает к памяти

Глазами Детей войны

Народной вновь.

Мой дом печальней с каждым днем:
Не детских игр, ни смеха в нем –
Отец не шлет вестей с войны.
И мать, совсем окаменев,

Поставит в печку чугуны –
И в поле. Слез ее посев,
Как повилика и осот,
По просу и пшенице всей
Поныне всходит каждый год!

А в поле – бабы, старики
Да председатель без руки...
Тот глух, а тот почти незряч,
Коров пяток да пара кляч...

Хозяйство все разорено
О поле, где твое зерно?
Где сено, синие луга?
Народ уходит от врага.
Куда?
К Донцу или к Ельцу? –
Кто мог в ту пору дать ответ!
И тени, тени по лицу –
Ответа нет, ответа нет.
Пойди туда, пойди сюда –
Везде разруха и беда,
Везде бессонница, бескормица...
В когтистых лапах бьется горлица,

И под Донцом, и под Ельцом
Земля разорвана свинцом.

Летней порою, осенней порою
Под вечер
Ветер калитку откроет.

Глазами Детей войны

Ты кинешься: – Папка!

Только опомнишься:

– В рамочке он же, со скаткой!

На фотографии...

В скатке, наверно, палатка!

Мать позовет:

– Ешь, клецки с маслом,

Посолены...

Нет уж давно в лице краски –

Она, как и ты, – обездолена

Летней порою, осеней порою,

Играя,

Ветер калитку откроет,

И пусть открывает.

Проклята война людьми навечно,

Только все ж вспоминается она!

Тысячи ложились под картечью,

Громкие стихали имена.

Где ты там, почтенный Марк Григорыч?

Где ты, русокудрый паренек?

Что ни чай дадут – сплошная горечь,

Что не путь покажут – всё далек.

Но пройду, пройду я путь тот длинный,

Не оставлю метра детворе...

Ну какая ягода-малина

Может быть: в душе – как в январе.

Никакая травка не залечит

Ран, забыть которые могу ль? –

Тысячи ложились под картечью,

Миллионы падали от пуль.

А кому-то пуль тема надоела,

Глазами Детей войны

Словно суп, что грели десять раз...
Но на той войне я овдовела
На десятки – миллионы раз.

И войну прошла я всю до края,
Сапоги закинув за плечо,
И не знаю, верите ль, не знаю,
Сколько мне по ней идти еще!

Изба. Потолок закопченный.
И в печи дозревает кулеш,
И самой меньшей из девчонок.
Гавриловна скажет: «Ты ешь...»

Возьмет она в руку ковригу,
Задумавшись, так и замрет,
А завтра опять почтариха
Ее стороной обойдет.

Опять не решится Анисим,
Что мается сам без жены,
Сказать: «Не дождешься ты писем
И мужа с прошедшей войны...»

Со стола уже собраны крошки,
И у кошки глазенки блестят.
Ох, вкусная будет картошка!
Ох, и дразнит картошка ребят.

Мама первой тарелку оставит:
Мол, сыта уже я до краев.
А картошка язычит и правит,
И наелись уже мы втроем.

Только двое из маленьких самых
Истерзали посуду вконец...
За порогом уже ждут их сани
И латунный на них бубенец.

Братусева
Ольга Захаровна⁴

Дети великой и страшной войны.
Может, герои, но, в сущности, дети.
В мае берёзки свежи и стройны,
Солнце для всех одинаково светит...

Чистая жертва для грязной войны –
Дети живые, погибшие дети.
Души, где нет ни греха, ни вины,
Ну, почему вы за взрослых в ответе?!

Война... Написал это слово и ужаснулся. В сердце старшего поколения это слово – незаживающая рана. Война ворвалась в сердце нашего народа, как осколок. Затмила солнечное небо дымом пожаров, стала болью невыносимой от черных похоронок, которые тысячами приходили каждый день. Сколько крови пролито! Сколько слез выплакано!

Мужчины ушли на фронт, женщины и старики трудились в тылу. А что же делали дети? Дети войны... Дети тех военных лет, им было страшно, голодно...

Сколько им было? Три, пять, семь лет... Маленькие, казалось бы, несмышленные, но воспоминания тех страшных лет прочно засели в их исковерканных судьбах.

Дети войны – это наши с вами бабушки и дедушки, которые в годы Великой Отечественной Войны были детьми. На их долю выпали все ужасы этого страшного времени в истории нашей страны. Разрушенные дома, голод и холод, отсутствие продуктов питания – это только малая часть из того, что пережили наши с вами родные. Моя бабушка относится к той категории людей, которые называются «дети войны»!

Помню, как я спросил у своей прабабушки Братусевой Ольги Захаровны:

⁴ Записал Даниил Шатохин. Труновский район, с. Донское.

– Бабуль, а ты была на войне?

И тут я увидел, как её красивые голубые глаза стали краснеть и потекли слезы. В её глазах было видно, что она вспомнила эти тяжёлые годы, а в слезе как будто (как мне показалось) видна война.

– Да, я была на войне. Когда она началась, мне было 11 лет, тогда я ещё училась в школе. Отца моего забрали на фронт. Призван он был Труновским военкоматом на войну с немецкими оккупантами в начале августа 1941 года. Так как он был грамотным человеком, ему предложили остаться в военкомате писарем. Моя мама, Дарья Семеновна, слезно уговаривала папу остаться в штабе, но он был тверд и непоколебим в своем решении идти на фронт. Я помню слова отца: «Враг топчет землю мою, убивает детей, стариков гонит в рабство, а я, как крыса канцелярская, буду сидеть в тылу, да как я потом буду смотреть в глаза своим детям, внукам. Не бывать этому!»

Мы с мамой и двумя моими сестрами Марией и Галиной остались одни. Женщины работали в полях, так как никакого отпуска по уходу за ребенком тогда не было, нам приходилось нянчить грудных детей. Чтобы они не плакали от голода, мы делали «соску»: в тряпочку заворачивали хлебный мякиш, завязывали узелок и давали им сосать. Закачивали и укладывались спать вместе с ними на полу и ждали прихода взрослых.

3 августа 1942 г. наше село захватили немецкие оккупанты. Свой штаб они разместили в Касименковой школе, не так далеко от нашего дома. Так как наша хата стояла по центру к соседней улице и очень хорошо просматривался соседний переулок, немцы решили поставить свою рацию у нас во дворе. Старшую сестру Марию мама отправила на хутор к своей родной тетке, подальше от немцев, так как на тот момент она была уже взрослой красивой девушкой. Помню, как однажды ночью, раздался тихий стук в окошко. Страшно было, немцы кругом, ожидать можно было чего угодно. Открыли дверь – счастьем нашему не было предела, перед нами стоял отец, он был сильно простужен и истощен. От отца (Шевелева Захара Прокопьевича) мы узнали, что немецкие войска быстро продвигались в глубь территории Украины, там, на территории Украины, где он воевал, и попал в плен. Где-то с июня по август 1942 года он находился в рабочем немецком лагере на территории Украины, где конкретно, я уже не помню. Но отцу удалось бежать из лагеря. Пленных гоняли на уборку хлеба, который затем отправляли в Германию. Солдат держали под открытым небом за колючей проволокой. Спали на земле. Однажды их гнали на работу, местные жители бросали им еду, начиналась потасовка за кусок хлеба, и вот в

этой суматохе прапрадедушке удалось убежать в огороды. Одна женщина сказала ему: «Сынок, беги в кукурузу, я тебе помогу». Немец тоже увидел и пошел за ним, отец подумал, что вот его смерть пришла. И вдруг он услышал, как кто-то говорит немцу: «Пан туда, туда побежал», – и показывала ему рукой в противоположную сторону. Некоторое время ему пришлось лежать, притаившись в кукурузе. Вскоре он услышал голос: «Сынок, сынок, ты где, отзовись. Не бойся, здесь никого нет. Я принесла тебе одежду». Доверившись местным жителям, отец жил у них, помогал по хозяйству, он также ходил к дороге и таким же способом помог убежать своим пяти землякам. Жили по разным семьям. Партизаны держали связь с нашими солдатами и готовили план по выводу ребят из немецкой оккупации. Но встреча в назначенное время так и не состоялась, проводник от партизан не пришел. Тут-то ребята поняли, что дела обстоят совсем плохо и надо уходить. А позже они узнали, что враги заняли и Кавказ. Очень долгой была их дорога до дома, почти целых два месяца. Многое пришлось пережить. Думали, что не дойдут, т.к. кругом были немцы. В основном шли ночью. В населенных пунктах, куда они заходили, расходились по одному и договаривались о встрече, чтобы дальше продолжить свой путь. Их кормили и даже давали еду в дорогу. И только в соседнем селе Безопасном они встретили знакомого, который привез их домой на гужевом транспорте. Долго, чуть больше двух месяцев, набирался сил, с печи почти не вставал. А однажды его увидел немец, который был ответственным за рационную установку, но отца не выдал.

21 января 1943 г. настал долгожданный день освобождения села Донского от немецко-фашистских захватчиков, радость, которую я испытала, когда услышала слово «наши пришли», – продолжала бабушка, – нельзя передать словами. Кричала от радости, у меня текли слёзы, все выбежали на улицу, везде было слышно: «Наши! Наши!». Наша улица Ленина была полностью забита военной техникой и солдатами. В радости все обнимали друг друга. Это был долгожданный час: Ура! Немцы ушли. Победа! Победа! Впереди нас ждали ещё долгие два года войны, и об этом мы еще не знали, но как ни странно, радость от освобождения превышала всё!!!

После выздоровления отец снова отправился на фронт.

А в начале марта 1943 года наша семья получили сообщение о том, что Шевелёв Захар Прокопьевич пропал без вести. Но отец оказался тяжело ранен и находился в госпитале. Через некоторое время получили от него письмо, писал не он, а товарищ по палате, т.к. сам он писать не мог. А после уже и сам присылал письма с фронта. В семье сохранилась

открытка с фотографией Героя Советского Союза танкиста Камала Касумова, а на обратной стороне открытки письмо с фронта от отца. Эта открытка постоянно висела рядом с его портретом, он просил в письме хранить эту открытку и как память «завести в рамку». Но затем мы отдали эту открытку в музей села Донского. На открытке имеется текст «Смерть немецким оккупантам», также имеется штамп «Просмотрено военной цензурой». Жаль, что не указан год, когда написано это письмо. Но самым ценным являются полные любви слова, написанные рукой отца.

После госпиталя мы узнали, что отца отправили снова на фронт. Я помню его последнее письмо, которое получили в феврале 1945 года. Он писал, что их перебрасывают в другую точку, и чувствует, что там будет очень жарко. Было так страшно, когда, перестали приходить с фронта письма, значит человек пропал без вести или убит.

Бывало и так, что иногда весточка с фронта о том, что родной человек жив-здоров, приходила после страшного казенного конверта. А матери и жены верили: похоронка пришла по ошибке. И ждали – годами, десятилетиями. Письма с фронтов Великой Отечественной войны – документы огромной силы. В пропахших порохом строках – дыхание войны, грубость суровых окопных будней, нежность солдатского сердца, вера в Победу...

Мы себе просто не находили места, на душе было тревожно.

В 14 лет мне пришлось идти работать весовщицей по приему и отгрузке зерна, приходилось также сопровождать отвоз зерна на подводах с лошадьми в соседний населенный пункт на элеватор. Там я работала до окончания войны.

– *Бабушка, расскажи, как вы узнали про долгожданную Победу 1945 года?*

– День Победы стал самым счастливым днем в жизни. Неописуемая радость была для нас, когда объявили окончание войны Великой Победой. Вижу, все обнимаются и плачут, я никак не могла понять, почему же все плачут? Вроде радоваться должны, смеяться, веселиться, но все плакали. Войне пришёл конец, и все понимали, что очень скоро начнётся новая жизнь – без бомбёжек, спокойная и счастливая.

И вот войне пришёл конец. Глава нашего семейства, наш папа, которого мы ждали всю войну, Шевелев Захар Прокопьевич после Великой Победы не вернулся домой. И мы о нем почти ничего не знали, лишь спустя много лет мой внук, твой дядя, отследил боевой путь моего отца на сайте в Интернете. Нашел приказ 40-й Гвардейской

Краснознаменной Енакиевской дивизии о награждении Шевелёва Захара Прокопьевича орденом Славы III степени.

Орден Славы III степени! В наградном листе написано: «Гвардии красноармеец Шевелёв в боевых действиях с немецкими захватчиками участвует с августа 1941 года, показав себя храбрым и смелым командиром. 20–25 ноября 1943 года в районе Ново-Петровка из автомата истребил 13 немцев, притом из них три человека экипажа танка. В этом же бою ручной гранатой разбил пулемет противника. Достоин правительственной награды – ордена Славы III степени». По данным ЦАМО, Шевелёв Захар Прокопьевич продолжил свой боевой путь после госпиталя в 25-й танковой бригаде.

Бои не прекращались практически ни днем ни ночью, вплоть до взятия Эльбенга». Вот в этом бою и погиб твой прапрадедушка гвардии старший сержант Шевелёв Захар Прокопьевич, вместе со своим командиром орудия ИСУ-152 Тепляковым Яковом Егоровичем (из Казахстана). Узнали мы об этом только в 2009 году из именного списка безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 25-й танковой Кировоградской дважды Краснознаменной ордена Суворова бригады. В нем говорится: «Пропал без вести. 24.1.1945 года в 1,5 км Сев.-Зап. с. Померендорф, в 10 км восточнее города Эльбенг (Восточная Пруссия) во время боя». А ведь 05.02.1945 г. твоему прапрадедушке исполнилось бы всего 38 лет. Благодаря учетным данным Центрального архива Министерства обороны, с большим трудом нам удалось проследить боевой путь отца Шевелёва Захара Прокопьевича и даже найти его захоронение. А ведь он числился «без вести пропавшим» дважды – в конце 1943 года и в начале 1945 года.

Твой дядя Брянцев Евгений Васильевич связался с поисковой группой в Польше. Войтек Бешчинский из Гданьска, который занимается советскими военными захоронениями в Польше, сказал, что фамилия Шевелёв у него имеется в списках, но без имени и отчества, и посоветовал обратиться в Красный Крест в Польше, подсказал, как это сделать. Сделав запрос, более двух лет ждали ответа, уже и не надеялись его получить. И вот 22 февраля 2013 года пришел долгожданный ответ, в котором говорилось: «По сообщению Польского Красного Креста, фамилия Шевелёва Захара Прокопьевича, 1907 г.р., погибшего 24.01.1945 года, внесена в списки воинов, захороненных в могиле № 36 на советском воинском кладбище в Эльблонге, ул. Агриколя, воеводство Варминьско-Мазурское, Польша».

На сайте в Интернете имеется несколько фотографий советского кладбища, в основном общий вид и несколько именных захоронений. Выйдя на связь опять с Войтеком Бешчинским, попросили сфотографировать могилу под № 36 и выслать по электронной почте. Войтек Бешчинский выполнил просьбу и выслал фото могилы № 36 и фото общего вида кладбища.

*Могилы Захара
Прокопьевича Шевелёва*

Рассказывая, прабабушка Оля очень плакала, но сказала, что теперь она спокойна, так как ее отец покоится в могиле.

Слушая рассказ бабушки, я ей сказал: «Я думаю, что кто-нибудь из внуков, а может, и правнуков обязательно побывает на могиле у деда Захара, для нас наш прапрадедушка – настоящий герой, и наша семья всегда будет его помнить и гордиться им».

– Бабушка, а как же, оставшись без кормильца, вы жили после войны?

– Тяжело было нам без отца, все невзгоды, мы – дети войны – вынесли на своих хрупких плечах и в послевоенные годы продолжали помогать взрослым, было тяжело, еды не было. Я очень любила свое село, но голод заставил меня вместе с сестрой Галиной завербоваться и уехать в шахты, на заработки. По вербовке получили подъемные деньгами и продуктами. Большую часть денег и продуктов оставили маме и сестре Марии. Пешком шли до г. Изобильный, можно сказать с пустым чемоданом, в котором лежало одно сменное платье и белье на двоих. Работая в шахтах, мы стали получать деньги, покупать себе одежду, питаться, а также помогать маме с сестрой деньгами. Там и вышла я замуж. А в 1953 г. с мужем Михаилом и сыном, которому было 1,5 года, вернулись в с. Донское.

Сейчас моей бабушке Ольге Захаровне 89 лет. В молодости, она была красивая, очень сильная духом женщина. На её долю выпало много испытаний. Она стойко держится в самых сложных жизненных обстоятельствах, очень любит людей. Прабабушка очень общительна и может найти общий язык с любым человеком, какое бы положение он ни занимал. У неё очень много друзей.

Наша Ольга Захаровна, была награждена орденом «Ветеран Великой Отечественной войны», получила медаль «Ветеран труда» как

секретарь исполкома краевого Совета народных депутатов, имела другие ордена и медали.

Моя прабабушка Оля в своих воспоминаниях о детстве говорит так:

– Детство – самое светлое и радостное время в жизни человека. Детство нашего поколения перечеркнула война. Нам пришлось испытать ужасы военного времени, голод, потерю родных и близких нам людей. Вспоминая то уже далёкое от нас время, очень веришь, что никогда дети не узнают и не переживут того, что пришлось пережить нам, детям войны».

Сейчас современным детям 2020 г. представить все это очень сложно. У нас есть все, что только можно себе представить: телефоны, компьютеры, разнообразная техника, одежда, еда. Можно ходить в школу и ничего не бояться. Тогда ничего этого не было, кусок хлеба считался деликатесом... Не говоря уже о каких-то вещах и игрушках. Мы знаем, что такое детство, у них же его не было...

Я не испытал на себе всех тягот военного времени, я не знаю, что это такое, но я благодарен тем людям, которые даровали нам жизнь и незнание того, что такое «война». 7 марта моей прабабушке Оле исполнилось 90 лет. Мне очень хочется, чтобы она радовала нас своим присутствием еще долгие годы. Низкий ей поклон!

Горбунова

Людмила Васильевна

Так уж создан человек, что с возрастом память оставляет его. Он напрочь забывает то, что было несколько лет назад, год, день и даже то, что было несколько минут назад. Но события, происходившие в юности, детстве, отрочестве, а порой и в младенчестве, помнит до конца своей жизни.

Меня часто просят рассказать о моей жизни и о войне. Я не решалась, ибо знаю, что многие из моего поколения прошли через годы и события, происходившие в стране. Минуту 75 лет со времени окончания той смертельной битвы.

Я, дитя войны, решила изложить ту часть моей жизни, через которую прошли люди, жившие в глухих деревнях и сёлах во время Великой Отечественной и последующих нескольких лет – времени восстановления мирной жизни.

Я, Горбунова Людмила Васильевна, родилась в глухом хуторе Ставропольского края, Курсавского района. Хутор назывался Виноградный. Но во времена создания колхозов – что ни хутор, то колхоз. Наш хутор – это колхоз «Хлебороб Кавказа» и в народе просто «Хлебороб». Основным направлением хозяйства было выращивание хлеба. Задавался государственный план на заготовку хлеба, который необходимо выполнить. Заданное количество зерна надо было сдать государству. Виноград и овощи выращивались для нужд колхозников. На них также задавался план, а часть урожая сдавалась государству. Народ трудился на благо страны. Рождались и учились дети.

Но грянула война. И жизнь людей превратилась в существование, труд и надежды.

Когда началась Великая Отечественная, мне было около двух лет. И рассказать о ней, как очевидец, могу очень мало.

Семья наша состояла из четырёх человек. Отец, мама, сестрёнка и я. Мама работала разнорабочей в колхозе. Выполняла самую тяжёлую работу, так как была совершенно неграмотная. Детей у мамы было пятеро. Трое умерли в младенческом возрасте от кори, скарлатины и голода. Отец работал в органах НКВД. Дома его никогда не было. Если и бывал, то наездами. Старшую дочь, то есть мою сестру любил. Меня он вообще не замечал.

Когда была объявлена война, отец приехал домой, попрощался с любимицей и сказал ей, что уезжает на фронт! Сестре был уже седьмой год. Она помнила расставание. Он писал письма с фронта маме. Но никогда не писал, на каком фронте. Письма маме читал кто-нибудь из хуторян. Отец прошёл всю войну. Возвратился, но не к нам.

Из родственников многие ушли на войну. Но остановлюсь на двоюродном брате Гаврильченко Викторе Никитовиче, 1921 года рождения. В самом начале войны он окончил танковую школу. Воевал на защите Сталинграда.

Был тяжело ранен уже в звании лейтенанта. Не умея плавать, переплыл Волгу. Был спасён нашими. Госпиталь. После опять фронт и опять ранение. Но домой возвратился. Имел высокие награды. Работал в школе учителем истории и военного дела. Внесён в Книгу памяти края. Умер от ран. В моей жизни сыграл очень большую роль.

Во время войны мы были втроём. Но теперь жизнь всех нас зависела от войны. По рассказам сестры и мамы знаю, что летом 1942

гола, когда мне чуть более двух лет, а сестре семь лет, маму забрали рыть окопы. Она денно и ночью была на этих окопах. Как было организовано там питание и отдых не знаю. Помнится чуть, или по воспоминаниям и рассказам я это знаю, что в хуторе была женщина, которая лечила травами, отхаживала маму при возвращении с тех самых окопов. Она говорила, что у мамы нет крови. Но лечить её нужно пиявками. Мама была совершенно обессиленная и худая.

Во время длительного отсутствия мамы на сестренке лежала обязанность ведения хозяйства. Она каждое утро должна была вставать часа в четыре – пять, подоить и выгнать в стадо корову, выгнать на пастбище гусей. Но так как часов тогда у нас не было, она вставала неизвестно когда, доила корову и ждала, когда пастух прогонит по улице стадо. Поэтому ложилась на завалинке и засыпала. В котором часу она поднималась, не знает никто. Может в первой, а может и во второй половине ночи.

Тогда все работоспособное население хутора было призвано на рытьё окопов, чтобы немецкие танки не могли свободно пройти в район большого села Султан и окрестные хутора. Надо было как-то задержать фашистов, пока наши советские войска не придут на помощь. А память об окопах и их значение до сих пор хранят глубокие овраги, заросшие травой и бурьяном в районе райцентра Курсавка и ст. Нагутской.

Соседи, кто постарше, знали историю семьи, поэтому помогали, порой девочкам. Пастух будил ее или просто сам выгонял корову из сарая. А соседки выгоняли гусей и вместе со своими гнали на пастбище. Могли подоить, разбудить, даже покормить. Сельчане понимали и знали историю неграмотной, работающей женщины, которая сама растила детей. Помогали, чем могли. Милосердию и доброте людей российских нет предела.

Немцы пришли и к нам. Они заняли хутор, когда мне было чуть более двух лет. Позже велись рассказы о том времени. Их танки прошли по улице, разрушив несколько хат. Наша тоже попала на пути. Был разрушен угол и часть стены.

Но был и такой момент, что немец зашёл к нам в хату и дал мне шоколад, чем напугал маму, объяснил, что у него четверо.

Фашисты с хохотом, криком и азартом вылавливали кур, гусей. Выгоняли скот, выводили животных на улицу, куда-то угоняли или забивали на месте. Лазали по погребам и сараям. Забирали хранившиеся там продукты: молоко и молочные продукты, зерно, хлеб. Если что-то было в огородах, все забирали, грузили на машины и увозили, угрожали оружием, если кто пытался спрятать или просто не давать. Вокруг был

сплошной крик, плачь, ржание, выстрелы и крики фашистов. Люди остались без пищи, без одежды, а некоторые и без крова. Враг занял несколько хат, а хозяева вынуждены были идти к соседям или близким. Но самое главное – они выискивали юношей и девушек, бросали их в грузовую крытую машину и куда-то отправляли. Кое-кто из них возвратился. Судьбы многих остались неизвестны. Полгода хутор жил в страхе, голоде, ожидании и в надежде на освобождение. Поскольку здоровых мужчин и молодежи в хуторе не осталось, фрицы стариков и детей не трогали. Они думали, что все мы просто умрём с голода.

Я обо всем этом знаю только по рассказам. Но день освобождения я помню точно. Это был холодный, морозный, снежный день без метели и ветра. В этот день мы проснулись рано, а может быть и не спали всю ночь. Где-то стреляли и что-то все время гудело. То станет тихо, а то - опять стрельба и гул. Мама куда-то заспешила. Мы с сестрёнкой остались одни. Через некоторое время мы ушли из своего холодного и неуютного жилья к соседке. Мы большую часть времени проводили у своих соседей, поскольку наша хата была почти развалина. У нее было пятеро или шестеро детей. В это утро матерей наших с нами не было. Они занимались какими-то жизненно важными делами.

От грохота, световых всполохов и страшного свиста мы все прятались под кроватью и столом. Старшие дети прикрывали своими телами меньших, прижимая их к земляному полу. Мы затыкали уши и вздрагивали при взрывах. Вздрагивали хата, где мы находились и земля по нами. И гремело в небе. Вокруг все ухало, охало сверкало и стонало. Мы плакали и кричали. А над хатой без конца пролетал огонь. Мы, конечно, не понимали что происходит. Наши крошечные мозги и детский инстинкт подсказывали нам, что нужно бояться и прятаться как можно дальше и глубже.

Это состояние не описать и не рассказать так, чтобы донести до человеческого сознания полностью и навсегда. Это надо пережить!

Ужас остался в памяти и сердце до сих пор. Мне снится часто война и этот ад. Я просыпаюсь в слезах и с давлением. Я понимаю, что это болезнь – болезнь памяти. Неизлечимая и пожизненная.

И верба огромная, до неба, срубленная шальным снарядом, упав на черепичную крышу, словно прикрывала собой жилище, где прятались дети. От шума ее падения и исчезнувшего света стало страшнее. Но чуть спустя спокойнее. Все прекратилось. Это, оказывается, «катюши» били по с. Султан, который был расположен дальше «Хлебороба». Там была большая группировка немцев. На наш хутор не попал ни один снаряд. Но об этом я узнала и поняла все много позже – стреляли «катюши».

Стреляли «катюши»⁵

Мне не забыть тот грохот канонады,
Сознание давил он и мозги,
Мы прятались, как это было надо, –
В пол земляной вжимались, как могли.
И страшно было – мамы нету рядом.
Свист непонятный, долгий и сплошной,
И охала земля от тех снарядов,
И дым до неба был сплошной стеной,
И иву ту, что хату нам накрыла,
Подкошенную, память сохранила.
Дитя войны, о них я много знаю,
Прошла сама горнило голода, разрух...
Нет, ностальгией я о прошлом не страдаю,
Одной мне жизни хватит, а не двух.
О, мама, милая, хорошая, живая! –
Глаза печальные и волосы до плеч.
Я каюсь пред тобой, моя родная,
Что от несчастий не смогла тебя сберечь!

Это все, что я могла рассказать о войне не по рассказам, а как очевидец. Я пытаюсь моим детям, внукам, правнукам донести до разума и сознания, что такое война и как важно переживать такие катаклизмы вместе с людьми, поддерживать друг друга, сопереживать и сочувствовать. Главное – всегда быть с людьми.

Рассказывая далее, я не указываю точный порядок и даты происшедшего! После освобождения нашего Курсавского района, народ трудился и трудился, чтобы не только наладить жизнь колхоза, но и помогать армии в разгроме врага.

Я была слишком мала, чтобы понимать происходящее. А вот день Победы помню точно. В те дни я обожгла правую руку от ладони до локтя. Лечили меня гусиным жиром, смазывая ожог утром и вечером. День был ненастный. Сыпал дождик. Дул ветерок. Было довольно прохладно.

Поддерживая больную руку, согнутую в локте и завернутую каким-то тряпьем, я стояла у завалинки и внимательно рассматривала окно, где вместо стекол была вставлена многослойная слюда, которая пропускала света немного. А вот если смотреть на нее с улицы, можно увидеть, как слюда отливала самыми разными цветами радуги. Станешь близко – какие-то земные, мрачные пятна ползут по слюде. Станешь дальше – появляются красные или желтоватые пятна. Слюду ставили вместо стекол, так как стекла были в основном побиты во время обстрела

⁵ Стихотворение Л. В. Горбуновой.

«катушками». За хутором в овраге слюды было видимо-невидимо. Мы таскали ее домой, где ей находилось применение.

Рука болела невероятно. Я время от времени присаживалась на дощечку на мокрой завалинке или вставала и ходила из стороны в сторону. Все думала о маме, которая ушла рано утром, когда я ещё спала. Мне хотелось есть. И было настроение такое, как его вроде и нет.

Знаю, что мысли были какие-то с фантазией. То хорошо бы, чтобы у нас появился бассейн, куда мама привезет и зальёт воду, а дядя Федя даст ей лошадей с бочкой, и мы не будем ходить за водой на дальний колодец. И другие подобные мысли бродили в моей голове. В то время мне было почти пять лет. Я всегда отличалась необыкновенной памятью и обладала большой фантазией. И в моем повествовании нет ничуть выдуманного. Этот день врезался в мою память и засел здесь навеки.

У соседей напротив топилась печь. Из трубы шел дым. У них всегда было уютно и светло. Там отец семейства не был на войне по причине какой-то болезни. Дым как-то интересно не поднимался высоко, а сразу тянулся к земле. Это привлекло мое внимание. Вдруг из того двора бегом выбегает женщина. Фуфайка нараспашку, платок просто наброшен на голову, в обуви типа галош и, выскочив на середину улицы, закричала громко-громко: «Победа! Победа!» Посмотрев по сторонам, опять: «А-а-а, Победа! По-бе-е-да-а!» Вдруг смотрю, а со стороны захода солнца, справа бежит женщина и что-то спрашивает или кричит. Они бегут навстречу друг другу. Спрашивают или восклицают: «По-бе-да-а! А-а-а! Победа!». Откуда-то ещё бегут, хромают с костылями старики и женщины. Все обнимаются, целуются, хохочут и плачут. Я не понимала, что происходит. Но я вспомнила, что рядом нет моей сестрёнки, нет мамы. Она бы тоже посмеялась и поплакала. И я заплакала. Как все. От причитаний или смеха, а может, от чужих слез, а может, от моей боли. Плакала сразу тихонько. Потом громче и громче. Потом я начала выть. Меня слышали те, кто ликовал на улице. Кто-то целовал, смеялся, плакал. Мне дали хлеба, и я опять плакала. Что было дальше, не помню.

Это был, действительно День Победы. У соседей был какой-то приёмник, и новость о Победе узнали из него. Хотя утверждать, какое это было число не могу. Но за этот день я всегда благодарю Господа! Страна отпраздновала Победу. Начиналась другая, послевоенная жизнь.

Сейчас я не могу утверждать, был последующий период моего малолетнего возраста после освобождения района или после Великой Победы.

Всё работоспособное население трудилось. А малышей всех возрастов от семи месяцев до семи лет отправляли в Площадку. Так назывался на местном диалекте детский сад-ясли!

Для нас это был рай. Там с нами играли, рассказывали, чему-то учили, а главное – были чистые постели и трехразовая кормёжка. Утром давали молочную кашу. В обед – супы или борщ. Хлеба давали по кусочку. Но мы были приучены к тому, что дома-то есть нечего. И старшим надо тоже покушать. Поэтому порцию своего хлеба основная часть ребятишек старалась спрятать, чтобы унести домой. А место сохранения всегда была подмышка. Воспитатели узрели нашу хитрость. Они понимали нас и старались, чтобы мы всё съедали. Поэтому, как только заканчивался обед, нам командовали «Руки вверх!» Хлеб вываливался из мест захоронения. Нас опять сажали за стол и подавали компот. Мы съедали хлеб и запивали компотом.

А знаете ли, из чего варили вкуснейшие компоты? Весной – из виноградных листьев. Обработывался виноградник. Срезались нижние листья и передавались на Площадку. Добавлялись зелёные ягоды алычи, солодка со стеблями и листьями, мята или чабрец. От такого компота не страдали желудки, меньше хотелось пить. А вкусно необыкновенно!

Нас водили в поле, где мы собирали ромашку и ковыль. Мы бегали наперегонки по траве босыми и счастливыми. Нам плели венки, а мальчикам какие-то кепки, мы катались по траве, радовались солнцу. Мы были очень счастливые!

Хорошо помню, как мы встречали Новый год. Мы лепили цепочки из бумаги. Бумага была из газет, из старых тетрадок или каких-нибудь упаковок. Бумагу никогда не выбрасывали. А к Новому году ее красили. То в соке свеклы, то моркови. Или ломали тонкие стебельки вишни или смородины и отваривали. Остывшим отваром окрашивали бумагу. Выручала и шелуха лука. Взрослые учили делать самые различные игрушки-поделки из бумаги. Председатель разрешал спилить в лесной полосе акацию. Высота была два или два с половиной метра, чтобы она уместилась в классе. Новый Год праздновался в школе, это была наша «ёлка». Мы наряжали ее, оборачивали ватой. Благо, ваты было много. И кружились вокруг нашей красавицы. Некоторые девочки были наряжены в белые накрахмаленные платица. Снежинки. Шили и

крахмалили те мамы, у которых тогда была такая возможность. Мы кружились и пели: «За наше счастливое детство спасибо, родная страна!..»

А наши мамы стояли у двери. Слезы откровенно лились из глаз. Они вручали нам подарки, целовали и поздравляли все и всех и... плакали. Это страшно даже вспоминать. И как они это пережили?

А мы, дети, радовались, получая подарки. А в подарки входил довольно большой пряник собственного приготовления. Из кукурузной муки попеременно с макухой (прессованная шелуха от семечек, зерна семечковые – это все отходы при изготовлении подсолнечного масла), но сюда добавлены белки яичные. В подарок же входило два варёных яйца, обязательно маленькая булочка настоящего хлеба и открытка, нарисованная на картинке местным художником – отцом Вани Глушко. Он сам воспитывал детей. По-моему, четверо или пятеро. Жена скончалась при родах, оставив последнего, новорожденного, впридачу к живым детям.

Война не закончилась...⁶

Так мы встречали Новый Год,
Война, похоже, не кончалась.
Подарков, что омытые слезами,
Трудом и потом матерей
И кровью тех, кого нет с нами,
На свете нет дороже и вкусней!
Нам в новогодний праздник было жарко,
И было весело нам всем и хорошо.
А женщины, вручая нам подарки,
Молились, чтоб скорее мир пришел!

И он пришёл этот год. Он в памяти в сердце, в мыслях, в прозе и стихах. Счастливый и невероятно трудный! Победный мой 1945 год!

Через несколько дней после Дня Победы стало совсем тепло, и все ждали возвращения мужчин с фронта. Многие ранее получили похоронки. Горе, плач и безнадёга состарили молодых. Занемогли старики. Но это только первые дни после известия. Голодные дети просили есть. Надо было изо всех сил подниматься и пытаться найти еду и растить своих чад. А война уносила и уносила мужчин.

В начале июня в хутор возвратились с фронта четверо мужчин. Из них один пришел тот, кто «без вести пропал», целый и невредимый. А вот смотреть на одного из них бегали мы, дети. А было нас человек

⁶ Стихотворение Л. В. Горбуновой

восемнадцать. Грязные, босоногие, лохматые, голодные. А причина того посещения была такая: пришел солдат без рук. Это было необыкновенно интересно. И посмотреть надо было обязательно. Нам всем старшие не разрешали это делать, но любопытство брало верх над всеми запретами. Узнали мы об этом происшествии от кого-то, кто посетил вернувшегося с поля битвы солдата.

Женщины хутора воспряли духом. Они ждали и надеялись, что мужа и сыновья, на которых пришли «похоронки», или «без вести пропавшие», возвратятся домой. Кое-кому счастье улыбнулось. А кто-то ждал и не дождался по разным причинам, а были и такие, кто ждал до конца своей жизни, многие десятки лет.

Мы гурьбой подошли к хате. И не знали, как зайти и что говорить. Нам просто надо было посмотреть. Все мы галдели со своими предложениями знакомства. И, конечно, подняли шум.

На улицу смотрели два довольно больших для того времени окна. Несколько шибок было стеклянных и некоторые слюдяные. Вдруг отодвинулась шторка и кто-то выглянул на улицу. Тут же открылась дверь и вышел он – Иван Семёнович. Высокий и улыбающийся. А руки... Их не было. Один рукав завязан ниже локтя, другой – выше локтя. Мы все уставились на него и от неожиданности молчали. А он улыбнулся во весь рот и говорит: «Здравствуйте, орлы и орлицы! Прилетели? Пацаны, обслуживайте подруг!» И перед нами кто-то поставил тазик... С пирожками. Пирожки со щавелем и морковником. Мука, похоже, была всякая. Вперемешку. Кукурузная, пшеничная с добавлением семечек. Маленькие пирожочки, поджаренные и очень вкусные. Не хватило только одному. Но этот момент разрешили добром, – от каждого по чуть-чуть. Помнится этот момент, как будто вчера это случилось.

Позднее Ивана Семёновича избрали председателем правления колхоза.

Жизнь на хуторе была спокойная. Без немцев и выстрелов. Надо было жить и восстанавливать разрушенное. Первый послевоенный год особенно тяжёлый. Откуда-то из эвакуации пригнали коров голов 70–80. Из них часть относилась к дойному стаду. Откуда-то привезли цыплят и гусят. Осенью во всех дворах кудахтали куры, гоготали гуси и мычали телята. Но было голодно. Вся живность выращивалась на траве. Мы, все, кто передвигался, ходили в поля и собирали разные съедобные травы: молочай, свинушки. Крапива росла рядом с жильем. Весной – цветы акации, зелёная алыча и курага в лесополосах. Безбожно драли

воробьиные гнезда, забирали яйца, выскивали солодку. Все это съедалось.

Все взрослое население: женщины, вернувшиеся с фронта мужчины, работоспособные старики и дети, начиная с двенадцати лет и выше, – работало в колхозе.

Но наш «Хлебороб» стонал от безводья. Километров в двух находился пруд. И летом там поился скот и отдыхал в самую жару. Там плавали гуси и барахталась детвора. Подъезжали телеги с 100–200 литровыми бочками, заливали ведрами в бочку воду и везли на ферму поить молодняк. Питьевая вода была в колодце. Километра два-три надо было туда топтать, чтобы набрать в ведра. Мне старшие нальют в ведра по половинке, помогут поднять коромысло на плечи, да лопушком прикроют воду в ведре. Вот и иду, ведра раскачиваются, вода выплёскивается, но два-три литра принесу домой. Воду очень сэкономили. Кое у кого из сельчан были во дворе бассейны, куда завозили и сливали воду. Мы, порой, подворовывали ее, чтобы не идти к колодцу. Поставив «охрану», зачерпнем ведром, прицепленным к крышке бассейна, разольем по ведрам. Или кто посильнее достанем ещё ведро-другое, перельем в приготовленные подставленные ведра, и... бегом оттуда, пока нас не увидели. За эти поступки нас наказывали. Хорошо, если убежим вовремя, пока никто не увидел. Если застукуют – скандал и наказание. С этим колодцем – нашей палочкой-выручалочкой – связано очень тяжёлое воспоминание, в которое трудно поверить.

Зимой, когда замерзал пруд, вся живность колхоза «Хлебороб Кавказа» утоляла жажду только из колодезя. Как всегда, бригадир давал на завтра наряд, кому поить скот. Выдавались резиновые сапоги и ведра. Четыре женщины шли к колодцу и наливали воду в специально оборудованные корыта. Корыт было два. По одному на двух противоположных сторонах колодца. Длинная веревка привязана к каждому ведру отдельно. Ведро бросается в колодец. Резко дёрнуть верёвку – ведро переворачивается. Оно зачерпывает воду, и, руками перебирая верёвку, поднимаешь ведро. Рядом стоящая женщина перехватывает ведро и выливает воду в корыто. Второе ведро уже летит в колодец к воде. Все повторяется. Коров подгоняют к корытам. Они быстро запоминают, что идут к воде. Женщины наливают, а животные пьют. Взрослая корова при жажде может выпить 4–5 вёдер. Напоить надо более полутора сотен животных: коров, телят, лошадей. Наполнить бочки для молодняка.

На улице мороз более двадцати. Облитые с головы до ног, наши мамы возвращались домой в огрубевшей от мороза одежде и ногах,

вмерзших в сапоги. Мы с трудом стаскивали эти сапоги, и мама чуть не ползком забиралась на печь. Хотя теплой печь была редко.... Повторяю, в это трудно поверить. Но таковы последствия разрушительной войны, отсутствие мужчин и техники, и выносливости русских женщин. За все время моя мама заболела один раз. Однажды она не могла подняться утром. А когда я возвратилась из школы, в хате были женщины и суетились вокруг нее. Они протопили русскую печь, выгребли золу и ногами вперед затолкали ее в печь. Только голова лежала на столе, что поднесли к печке. Вот и все лечение. Я только по прошествии многих лет, спросила ее: «Мама, что было у Вас?» Она ответила: «Да не знаю. Было очень больно внизу живота. А, когда согрелась в печке, что-то лопнуло внутри и разлилось. Потом никогда не болело». Позже я выяснила у доктора, что могло быть? Она сказала, что воспалился яичник. Но что выжила мать – это чудо. Мамочку мы всегда называли уважительно на Вы.

Хочу выделить молодежь и подростков. На их долю выпало восстановление разрушенного хозяйства. Они делали все, что необходимо было для полноценной жизни людей. На колхозном огороде выращивались овощи. Здесь требовалось много труда и сил. Попытались восстановить частично уничтоженный виноградник, посеяли яровые быстро созревающие сорта зерновых культур. Развели пчел, где работал безногий пасечник и его помощник. Пасли, кормили, ухаживали за скотом. Доили коров и молоко отправляли на молзавод в Курсавку. В колхозе появилась свиноферма, где выращивались свиньи на мясо. Не хватало мужских рук, плотников, кузнецов. Не было никакого тяглогового транспорта для перевозки грузов и людей. Несколько волов, два десятка лошадей были на вес золота. Мужчин вернулось с фронта мало. На кого пришла похоронка, кто попал в плен и смог как-то прислать весточку, чьи-то судьбы неизвестны!

Мой отец вернулся, но к другой женщине. У него образовалась новая семья. Нас не хотел знать. Добиться алиментов мама не смогла, так как он изменил имя. Умер в одиночестве, прожив на свете 90 лет. Я поставила ему памятник. Ведь он – участник той Войны. Райвоенкомат помог материально. Ни сожаления, ни любви к нему не испытываю. Только обида за маму в моей душе. Ей столько пришлось перенести!.. Господь нам всем судья!

Ну как мы выжили тогда...⁷

Ну как мы выжили тогда,

⁷ Стихотворение Л. В. Горбуновой

Глазами Детей войны

В послевоенные года?
Без света, хлеба и тепла.
Весна холодная была.
Морковник ели, лебеду,
Цветы акации в саду,
Да одуванчики жевали.
Не жили мы, а выживали.

Труд был ручной, тяжёлый, требующий много сил и выносливости. Землю пахали на собственных коровах. Были организованы бригады: доярки, свиноводы, птичницы, огородницы, пахари и т. д. Бригадир даёт наряд: «Сегодня три человека идут пахать: Сенченко, Рыкун – на коровах, Рябко – прицепщик!». И идут женщины в поле, запрягают своих буренок, цепляют плуг, где тупые лемеха и пашут. Каждая держит свою корову и управляет ею. Боится ее ударить, чтобы шла живее. А сзади третья работница давит на лемех со всей силы, и тянут, как бурлаки, свою ношу. Идут-тянут. Вдруг упала корова. Слезы на глазах. Хозяйка обнимет ее и воеет от безысходности. Сил нет ни у животного, ни у хозяйки. А другая хозяйка успокаивает, уговаривает. И плачут все пятеро в поле, где никто не услышит. А ведь кормилицу-коровку надо покормить дома, да подоить да покормить деток. А и корма-то нет. Может, детки принесут с поля соломы, за которую головой отвечает председатель.

А дома тоже нет ничего, чем подкрепиться и набраться сил. Там были только голодные сорванцы, что сами себе выискивали пищу.

В колхозе было организовано общее питание. Двум женщинам по очереди давалось задание: готовить обед для питания всех семей колхозников. Один раз в день, в обед, кто-то из членов семьи приходил во двор конюшни, где смастерили огромную печь для большого котла. В нем готовилось первое блюдо типа борща, супа, лапши и т. п. Всем в принесенную посуду наливали сваренное по порции на человека. Порция – один половник на двоих. Мы получали один половник и половинку. Ждали каждый день, когда солнышко начнет светить прямо на окно правления колхоза, и мчались к конюшне. Но временами солнышко меняло расположение своих лучей. Все зависело от времени года. По настоящему времени обед выдавался в 13:00. Продукты для обеда выделяло правление колхоза. Каждый со своей посудой. У меня был металлический кофейник-гирюничек. Мы носили в нем воду, грели, собирали в него любую ягоду. И ходили за общим питанием.

Животноводы: телятницы, доярки и свиноводы – питались на фермах. Домой, бывало, не приходили даже ночью. Там молоко, хлеб и

воду выдавали на целую неделю. Работала одна молодежь. Там было весело.

Днями спасала пища из трав, о чем описывалось выше. Но «общее питание» было позже.

Были ли это послевоенные годы или военные, утверждать не могу. И не могу дать точную хронологию всего происходящего. Ибо эти тяжёлые испытания переносил народ как во время, так и после войны ещё несколько лет! Да, собственно, только в пятьдесят третьем году собрали хороший урожай зерновых, и получили зерно на трудодни.

Хорошо помнится случай, который оставил тяжёлый, но благодарный след в моей душе. В один сумрачный, холодный день я пошла к подруге по соседству. Взрослых, как всегда, дома не было. Детей в этой семье было шестеро. Старшему было лет десять-одиннадцать, самая маленькая годовалая Валька часто плакала, просилась на руки и постоянно сосала большой палец левой или правой руки. Она шлепала босыми ножками по земляному полу и нисколько не переживала, что на ней мокрые, короткие штанишки. Все мы по очереди нянчилась с Валькой и также по очереди играли с скатанным из коровьей шерсти мячом. Нам очень хотелось есть, но все равно было весело. В хату быстро зашла тетя Катя – хозяйка и мать моих друзей. Она поцеловала Вальку и положила что-то на стол. Валька потянулась к матери, обрадованная, улыбающаяся. Но тетя Катя развернула сверток, и мы увидели хлеб.

Мы все молча сгрудились около стола. Круглая, блестящая небольшая булка. Ее свободно можно взять одной рукой. Я взяла Вальку на руки, и она тоже почему-то молчала. Тетя Катя долго смотрела на хлеб, на нас. И опять – на хлеб, и опять на нас. Потом взяла нож из ящичка стола и несколько раз ножом приложилась к хлебу, рассчитывая разделить бесценный дар судьбы на части. Затем медленно, осторожно она начала резать. Мы все затаили дыхание. Она опять осмотрела всех нас. Паляничка была разрезана на семь частей. Совершенно ровненькие и душистые треугольнички. Теперь мое сознание работало в одном направлении: дадут ли мне кусочек? Сразу хлебушек получила Валька. Она обеими ручонками схватила кусочек и быстро начала откусывать и жевать. Мы все засмеялись. Затем все стали протягивать руки и осторожно принимать небольшой, драгоценный продукт. Когда остался один, женщина опять посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом, и медленно взяла со стола и протянула хлеб мне. Затем смела крошки со стола и опять медленно, осторожно и как-то по-особенному нежно слизала со своей ладошки.

Вкус того черно-зеленого, пахнущего кориандром и мятой хлеба был невероятным, запоминающимся и сладковато-солонюватым. Лучше и вкуснее его я больше никогда не ела. Хорошую память о себе оставила тетя Катя – добрая, красивая, молодая женщина, постаревшая очень рано и ушедшая из жизни в сорок лет. В день пятилетия Победы.

Мне не забыть⁸

Да знает земля, да поможет и небо!
Чтоб не позабыть мне горбушечку хлеба:
Соседка ее принесла для детей,
Голодных своих сыновей-дочерей,
Бессильных галчат босоногих,
Без признаков жизни уж многих.
Хлеб для спасения жизни
Маленьких граждан Отчизны!
Средь них и чужой оказался нежданно
И тоже голодный – кормить его надобно.
Окинула взглядом своих и седьмого,
И мерила хлебушек снова и снова.
На семь треугольников весь разделила –
Себя позабыла, но деткам хватило!
И бережно в руку собрала все крошки
И их лишь слизала с ладошки.
Уж много воды утекло с того времени,
И всё у нас есть, хлеба – тоже немерено,
Но вкус, я скажу без притворства,
Во мне – той горбушечки чёрствой,
Войною, слезами омытой и кровью,
Душою большой, материнской любовью!
И мне не забыть до конца моих дней
Особую жертвенность наших людей!

Такова была жизнь. Добрые, бескорыстные, милосердные и всё понимающие люди жили в хуторах и деревнях.

Я пишу только о том, что видела и слышала в те мои детские тяжёлые годы, все, что мы перенесли, испытали. Мы, дети глухого хутора в степи Ставрополя, забытого властями и брошенного на произвол судьбы. И не только хуторские дети, а и дети, эвакуированные из Ленинграда, о которых расскажу далее.

Первый учебный год и некоторые приключения

Я не помню, когда открылись школы после войны. Я знаю, что сестра пошла сразу в четвертый класс. Она хорошо читала, считала. Она шила кукол из ткани и набивала шерстью. Катала мячи, тоже из шерсти.

⁸ Стихотворение Л. В. Горбуновой

Она шила игрушкам платья. Хорошо рисовала мелом, всякими камушками, угольками древесными. Став постарше, вязала, вышивала, играла на гитаре, баяне. Позже набивала ковры. Настоящая русская умелица. Ушла от меня в возрасте 76 лет. Но ковер, что она рисовала и набивала шерстяными нитками, остался. Реликвия далёких лет. Но училась неважно. Видно, сказало то, что, не зная программы прошлых классов, она комиссии сказала, что окончила третий класс. В старших классах ей было трудно. Окончив семь классов, она пошла работать в животноводство.

На хуторе школа находилась в одной двухкомнатной хате. В одной комнате была учительская. В другой – класс, где мы обучались. В первую смену – первый и третий классы. Во вторую смену – второй и четвертый классы.

При входе в класс слева от стола стояли четыре парты. Одна за другой. Это первый класс. С правой стороны четыре парты – это третий класс.

Во вторую смену учились второй и четвертый классы. Одновременно учитель занимался с обоими классами. Один класс решает или пишет задание, а другой слушает или отвечает.

Сначала у нас не было учебников. Все задание записывалось на доске. Писали на листках, что давал учитель. Один учебник на класс. Мы были дружными, все понимающими! Все брали его по очереди. Очень берегли. Я практически все запоминала. И даже не записывала. Отличалась феноменальной памятью и сообразительностью. Учиться мне было легко.

В школу я пошла в 7 лет. Проучилась до холодов. Одежды не было. Обуви – тоже. При первом морозе возвратилась из школы и сказала: «В школу больше не пойду. В пальцы грязь залазит». И больше я туда не пошла. В следующем 1948 году я пришла в школу, но учиться было неинтересно. К тому времени я решала задачи пятого класса. Я прочитала книги: «Улица младшего сына», «Повесть о Зое и Шуре». Я писала стихи. Учитель давал мне задания уже не по моему возрасту. Я прочитала «Кавалер Золотой звезды». Мне не верили. Проверяли, заставляли пересказывать.

Я была девочкой очень быстрой, худенькой и любознательной. Огороды нашего колхоза, виноградники и сады соседней «Гарантии» (колхоз «Гарантия»), а также сад моей родной тети – были основным поприщем существования для меня и моих друзей. Посетим колхозный огород, утащим по паре огурцов и рады. Сумок с собой не брали. Старались тут же съесть то, что уперли. Иначе дома нас наказывали за

воровство. Часто попадали на сторожа, который напускал на нас собачек Быстрые, злые, гавкучие, они пытались схватить за пятки. Но это им удавалось очень и очень редко. Приду домой вечером, а мама с вопросом: «В винограднике сегодня была?» Обычно я молчала. Мама всегда держала прутик надо мною и грозила отстегать. Я всегда боялась, но ни разу этот прут не прошёлся по мне. Я всегда удивлялась, откуда она знает, где я бываю и куда влезаю.

Однажды она, согласно очереди, пасла коров. Я прибежала к ней на помощь. Ее напарница говорит: «Ох, и далеко же тебя видать! Всегда и все тебя угадывают. Волосы длинные и белые, как ковыль. Попробуй не догадаться! Одна такая на все четыре хутора! И бегаешь, как пуля!». Так и узнала я секрет угадывания меня. А фамилия была Ковылина. Друзья звали Ковылка.

Жизнь шла... Часто с друзьями бегала мимо пекарни, что находилась прямо напротив школы. Метрах в пятидесяти. Заглядывая в окна, всегда видали громадные булки хлеба. Смотреть в окна было большое удовольствие, тем более окна находились наравне с землёй. А сама пекарня в земле. И так пахло ароматным хлебом, дух захватывало.

И решила наша команда из восьми человек забраться в пекарню и стащить булку-другую. Но все-то мы не полезем. Надо кого-то одного «командировать». Это сейчас я так говорю. А тогда таких слов и не знали! Подумали, посоветались. Кого затолкать в пекарню? Шибки стеклянные, маленькие. Влезть могу только я. Было тепло. Солнышко уже почти скрылось за горизонтом. Кто-то из наших выставил стекло. Я смело присела на корточки, сунула поочередно ноги в образовавшийся проем и поползла животом по земле. Проем оказался маловат. Голову заталкивали все и со всех сторон. Я часто сейчас об этом вспоминаю. Какого же размера были булки, если с трудом протиснули мою голову? А две булки я свободно вытолкала друзьям.

Хлеб-то они взяли, а меня забыли. Уже стемнело, когда какая-то женщина вытащила меня на улицу. Я, наверно, орала в пекарне не своим голосом. Я не знаю, что за женщина. Не помню. Но помню, что под камешком лежала моя четвертушка хлеба. Все по-честному. Так договорились.

Пришла я домой довольная, что принесла хлеб. А мама ждёт меня: «Ты что, лазила в пекарню?» Завернула хлебушек, взяла меня за руку и пошли мы с ней в правление колхоза. Было совсем темно, но нас там ждали. Все мы, орлы и подруги пришли к Ивану Семёновича на разборки. Какой же он умный, мудрый и хороший человек! Он недолго расспрашивал! Не учил, не ругался. Он только сказал: «Ну что, ребятки!

Залезли в пекарню? Это плохо! Кто-то остался голодным. А вот друзей бросать в беде нельзя! Что ж вы убежали, а подругу оставили? Стыдно! За все стыдно! Наказать бы вас надо, но я думаю, что вы все поняли. Правда?»

И тут отец Вани Глушко развернулся и со всей силы ударил Ваню. И в этот же момент наш председатель со словами «Что ты делаешь? Они же есть хотели!» со всего маха большей культией руки ударил Ваниного папу. В этот удар он вложил всю свою боль за нас – детей, за несправедливость и свою боль. А нам Иван Семёнович сказал: «Дети, никогда не воруйте! Захотите есть, идите на Общее питание. Вас там покормят». Плакали все. Оба мужчины. Безрукий председатель и постаревший без времени Ванин отец, плакали женщины, обняв своих маленьких «преступников», и плакали дети. Я точно знаю, что и позже было трудно и голодно, но никто и никогда не ходил на Общее питание. Именно ситуация того вечера научила меня, подсказала жизненный путь, по которому мне надо идти и как и что делать. Осуждать ли человека за его проступки или просто помочь.

По окончании четырех классов нашей хуторской школы я следующие три класса училась в двух километрах, в «Гарантии». Училась легко и с желанием. Затем 8-9-10 классы – в с. Янкуль Курсавского района. Из всех моих друзей я одна закончила десятилетку и поступила учиться дальше. Но это уже другая история.

А Иван Семенович – это пример для меня. Пример чести, совести, благородства, понимания, честности и милосердия. Я всегда помню о нем. И опять моя Судьба сталкивала меня с ним. Вечная ему память!

Мы всегда с удовольствием ходили на ток. Летом. Во время уборки хлеба. Там установили молотилки – такие машины, на которых молотили снопы. Мы видали, как женщины косили пшеницу косами. Одни косили, другие вязали снопы и ставили колосьями вверх один сноп к другому по 15–20 штук в один шалаш. Потом снопы привозили на ток и молотили. Цепями. Предварительно на току, на отведённом месте, хорошо мели вениками землю, простилали это место соломой и на солому клали сноп. Затем применяли цепи. Это длинный шест, на конце которого крепилась тяжёлая стальная цепь. Женщина поднимала высоко цепь, раскручивала его вверху и с силой ударяла по колосьям снопа. Зерно вылетало из колоса и просыпалось сквозь солому на землю. Так один сноп за другим. Затем солому собирали. Зерно далеко не разлеталось. Дожидались, когда был ветер, ведром набирали зерно, поднимали ведро и веяли пшеницу. Но позже появились молотилки. Две. На каждой из них работали по пять человек. Молотилка – это машина на четырех колесах, Сверху устроена

квадратная воронка. В нее вниз колосьями помещается сноп. Внутри воронки находятся специальные молоточки, которые бьют по колосьям. А в движение эти молоточки приводятся специальным колесом, сбоку молотилки. Зерно, освободившись от колоса, просыпается вниз на решето. И далее вниз, на землю. На решете остаётся полова (чешуя колоса) и солома (стебель колоса – это отходы). А колесо этой самой молотилки крутят две женщины. На колесе две ручки. И крутят они одна за другой. Одна подаёт сноп, другая принимает его сверху и вносит в воронку. Одна убирает отходы. Десять человек работают на двух молотилках. Двое наводят порядок и принимают вновь прибывшие снопы. Временами меняются местами. Затем зерно поступало на мельницу, а мука – в пекарню.

Вот мы и узнали, как получается хлеб. Каждое лето после уборки мы собирали колоски по полю, затем на него пускали стада гусей, что содержали жители хутора. Интересно, что гусь, как известно, птица глупая, но мы выгоняли их каждое утро далеко к пруду, в поле. Они возвращались домой каждый вечер. Но, когда подрастали гусята, наступал день, когда гусиное стадо домой не возвращалось. И только при первых заморозках вожак-гусь приводил стадо домой. Все взрослые, нагулявшиеся. Готовое мясо. Тогда хутор оживал от гусяного гогота и хорошего настроения людей.

Никакого медицинского обслуживания не было. Лечились травами, наговорами и... керосином. Очередной зимою на хутор пришел коклюш. Так называли кашель. То ли это бронхи, то ли грипп (о нем тогда и не слышали), то ли воспаление лёгких. Коклюш. Было так, что от кашля шла кровь носом. Грели нас на печке и заставляли пить керосин. Удивительно, но помогало. Болело горло, говорили «шишки в горле», мазали керосином. И помогало. Сейчас говорят, что керосин был другой. Может быть.

Случилось однажды, что я поранила ногу большой колючкой акации глядячей. Вся пятка у меня настолько воспалилась, что вместо нее был сплошной волдырь размера крупного яблока. Я почти не двигалась и почти не спала. К тому времени мы жили в другой хате, накрытой не соломой, а черепицей. Хата была на краю хутора. Это меня и спасло. Днём я выбралась во двор – было очень тепло – и легла в уголок, как раз на виду с улицы. Мимо проходил фельдшер, который работал в амбулатории соседней «Гарантии». Молоденький и хорошенький Федя Дегтярев. Его не брали ни фронт, так как он только поступил в Кисловодское медучилище. Говорили, что он «в резерве», но что это, я не понимала. Он возвращался домой и увидал меня. Вернее,

обратил внимание на мою завернутую в тряпки ногу. Проснулась я от того, что он осматривал мою болячку, развернув ногу. Он повел меня к себе домой. Временами я хромала, а порой он нес меня. Там посадил меня на стул, подставил тазик с теплой водой промыл мою рану. Говорил со мной без конца, отвлекая внимание. Он обработал рану, перевязал чистыми бинтами и сказал, чтобы я три дня не становилась на ногу. С тех пор у меня все прошло. Но какие же внимательные, чуткие, добрые люди жили в те давние времена?

Во все времена дети оставались детьми. Даже если на столе полно всякой еды, где-то имеются запасы. Даже если родители строго-настрого наказывают не соваться в колхозные сады и огороды, детей это не удерживает. Вкус свободы, ощущение радости от того, что ты со всеми вместе, желание подразнить старших или похвастать перед сверстниками – все это подталкивает на какие-то «подвиги». Часто это приводило к каким-то непредсказуемым последствиям. Хотя не допускалась и мысль, чтобы сделать что-то плохое.

Мы безудержно рвались в колхозный виноградник или на бахчу. Идём, скажем, на бахчу за арбузами. Делимся на две команды. Человек по шесть-семь. Одна группа с одной стороны бахчи. Мало того, что рвем арбузы, дыни, мы поднимаем страшный шум. Сторож дядя Миша вылезает из своего шалаша, собачата-злючата за ним. И несутся к первой группе. Дядя Миша с одной ногой, вторая на протезе. Бежит вместе с собаками. А тут вторая группа с другой стороны. С ериками, улюлюканьем. Станет сторож посреди поля, наставит на нас свой костыль, как ружье и: «Тра-та-та! Тра-та-та!» – «стреляет» в нас. А мы от хохота катаемся по полю. Вот это да! Вроде жестоко, но это сходило с рук.

Однажды дядя Миша каким-то образом поймал троих ребятшек. Наказание придумал!.. Кто сколько арбузов или дынь сорвал, он же должен съесть все вместе с кожурой и в присутствии сторожа. Такого испытания никто не выдержал. А дядю Мишу сняли с работы за жестокое обращение с детьми.

Я пишу, не зная возраста своего и года события. Просто все волной на память. Мне самой разобраться уже невозможно. Был у нас сосед, дед Макар. Он, когда узнал, что мы ночью пробирается бахчи, попросил взять с собой. Так нам не жалко. Только мы берём или два арбуза, или дыню и арбуз. Но ни сумок, ни мешков. Пошел Макар с нами. Но взял крапивной мешок эдак килограммов на сто. Мы обещали ему первому наполнить мешок. Что и сделали. Оттуда мы остановились в нашем огороде. Там была посажена кукуруза. Но кукуруза была только по

краям. Внутри мы, воровская группировка, вытоптали землю, убегая постоянно от места преступления. Так и в тот вечер. Дотащил дед свой мешок. Попыхтел от радости и, развязав мешок, стал считать, сколько и чего он принесет домой. Луна была яркая. Но разобрать, где и что в мешке невозможно. Он вытаскивает ягоду, нюхает и говорит: «Цэ – кавун! А Цэ – дыня! Оцэ – кавун!» Пока до конца пересмотрел все содержимое мешка. Ну и ушел домой довольный. А утром мама меня будит и говорит: «Вставай, старый Макар пришел!» Я здорово перетрухнула. Мы все потом от него убегали. Наверно, с месяц. Мы же ему вместо дынь и арбузов натолкали тыквы!

Дети в любые времена находят себе занятие, ставят перед собой какие-то цели и стремятся к ним. А время всё ещё трудное, послевоенное. Транспорт – лошади да быки. При вывозе пшеницы в Курсавку на элеватор все, кто управлял лошадьми, делали два рейса. Три тонны золотого зерна вывозилось в день на лошадях. Те, кто помоложе, получали пару быков. Ими управлять легче, да они более послушны на голос. Ими не управляют, как лошадьми. «Цоб-Цабе! Налево! Направо!» – вот и все управление животными. Моя сестра в 13 лет ловко управлялась с ними. В день делала «Хлебороб» – Курсавка один рейс – 1,7 тонн.

Первый автомобиль грузовой появился уже после войны. Он из трех хуторов собирал на молочно-товарных фермах после дойки молоко и отвозил на молзавод в ст. Нагутскую. Машина – это диво-дивное для будущих водителей машин.

Все события, которые я описывала, происходили в разные периоды времени. Зимой и летом, осенью или весной. Разные года и разные ситуации. Но во все года колхоз платил огромный подоходный налог. На землю, на сад, на картошку, корову, свинью и т. д. Он все сдавал государству, согласно заключённому договору на выполнение госплана. Любыми судьбами – хватает или нет, – но выполнить план есть первая необходимость. За непоставку продукции впоследствии отвечал председатель правления.

Налог был не только на колхоз, но и на колхозников. На каждый квадратный метр земли, сад, огород. Учитывалось все! Какие деревья в саду, какие овощи в огороде, какая скотина во дворе. На корову налог

300 литров молока сдать государству. Но сдать молоко было невозможно, так как не было транспорта. А молзавод, куда оно сдавалось, был далеко. Поэтому вместо молока можно сдавать масло – 20 кг или сметану – 30 кг.

Кормов не было, да и физический труд – животные применялись как тягловый скот – поэтому молока было очень мало. И детям молока порой доставалось стакан или полстакана в день.

На курицу (они учитывались обязательно) был налог – 70–80 яиц надо сдать. За овцу – 2 кг шерсти. Все для блага страны.

Зимы были очень холодные. Снежные и ветреные. Соломой кормили животных и стелили птице.

А таскали мы солому от скирд, расположенных далеко в поле. Глубокий снег, мороз, а мы один за другим идём к скирду. Надо кормить корову-кормилицу.

Надергаем ключкой (металлический крюк для сена и соломы), набьем мешки или сделаем вязанки при помощи веревки и топаем домой. Да хорошо, если объездчик не поймает. А то заставит назад возвратить солому, а нас потащит в контору соседнего хутора. Там закроют в холодном старом здании детдома и ждём, когда выручат взрослые.

А их наказывали. Потому что соломой кормился колхозный скот. Конечно, не обходилось без помощи и наказания председателя.

Источником тепла являлась и лесополоса, состоящая из акации. Дерево выносливое и очень колючее. В сильные мороза ветки акации покрывались инеем и под тяжестью льда низко наклонялись и очень хорошо, если ломались. Мы стаскивали все вместе, отрывали от дерева ветвь. И тащили домой. Ломали на хворост и этим протапливали свое жилище. Топоры брать и рубить деревья запрещалось строго и тоже за это наказывали. Но, сколько помню, об этом говорили, но никого не наказали. Председатель колхоза давал наставления. Пока был Иван Семёнович, на него была вся надежда.

А работали за трудодни. Отработал день – начислили трудовой день. По окончании уборки зерна, давали оплату. Зерно – 300–500 г на трудодень. Размер оплаты зависел от урожая. Оставшееся зерно после сдачи государству распределялось так: оставляли для посева и для корма. Остальное для оплаты трудодней.

У моей мамы было до 310–312 рабочих дней в год. Рассчитать легко. На трудодни давали овощи, виноград.

Трудные, прямо рабовладельческие времена. Но народ не роптал. А, может, я просто не понимала. Война оправдывала и наказывала. Все

для Родины! И во время войны, и после. Об этом должны знать все поколения. Об этом надо писать и говорить.

Иван Семёнович, придя к нам в школу на несколько минут, говорил: «Ребята, война закончилась. Но всю жизнь надо драться, защищать себя и ближнего! Вам поднимать страну! А для этого надо учиться и учиться. Учиться не только знаниям, а и правилам поведения и уважения. Благородству и любви. К Родине и людям! Быть честными во всех смыслах: не воровать, не обманывать. Быть трудолюбивыми и добрыми. И все в жизни получится. А главное – всегда быть с людьми. Верить им, прощать, помогать и поддерживать!»

Обучение в школе было серьезное, несмотря на то, что время такое. В третьем классе, помню, как я двойку получила по русскому языку. У меня никогда не было двоек, для меня это было шоком, а учитель говорит мне: «Вот садись после уроков пиши, пока найдешь сама ошибку, и вот я шестнадцать раз переписывала упражнение, оно небольшое было. И он только глянет и говорит: «Переписывай снова!» И, как сейчас помню, в слове «девушка» я писала без «в». И он меня заставлял вновь и вновь, и потом он мне сказал, где. Тогда серьезно требовали, и времена тяжелые были, но, как мне кажется, мы дети, мы были взрослыми.

У меня сестра на пять лет старше, ей было пять лет двенадцать, ее сажали на волов, грузили ей зерно и везли в Курсавку, где хлебозаготовки были. Дети работали и в животноводстве, работали тяжело. Тогда поднимали страну как могли.

Мы плакали, когда Сталина не стало, я помню этот год. Как мы все весной выли. Только у учителя был радиоприемник, у нас радио не было. Как мы плакали, но после войны поднялись цены на продукты, и Сталин сказал: «На все продукты поднялись цены, а хлеб и молоко – это продукт первой необходимости. Эти цены не тронули». Да, были налоги и было тяжело. Мы должны были и за молоко отдать налог и яйца. Но вот за то, что не подняли цены на молоко и хлеб, те люди, кто моего возраста и старше, они благодарны. Мы знали, это было свободно. И причем все было качественно. В каждой семье была корова, было много скота в

колхозе. Тогда люди держались друг дружки. Люди знали, за что

работают. У меня мама работала, она ничего не получала. Стали выращивать виноградник, стали давить виноград на вино. Однажды мама принесла ведро вот с патокой виноградной и говорит: «Пейте, ешьте сколько хотите!» Я напилась и опьянела, а потом ходила по дому, по хате и говорила: «Ой, голова качается, глаза шевелятся», – и упала. Мы же не видели сладкого.

Я увидела лампочку электрическую первый раз, когда пошла в восьмой класс. У нас не было. Когда я училась читать, когда пошла в начальные классы у нас был патрон, большая гильза и в ней сделана дырочка. В эту дырочку заливался керосин и фитилек, и вот это жгли. Или, например, начинаешь топить, а спичек нет. Особенно зимой, выйдешь, посмотришь, у кого дымок и побежал туда с какой-то черепушкой, чтобы взять у них огонек, золы горячей. Или соли нет – бежишь по соседям.

История

«Дедушка, дай ей там сандалии мальчиговые!» Я с ним прошла до лесополосы и сняла эти сандалии. И пришли мы в школу, а там школа была – одноэтажное здание. Это соседнее село, село Гарантия. Мы пришли босиком почти все. Вышла учительница, стоит смотрит на нас и заплакала: «Что же это вы все босые, голодные!» Нам поставили корыто с теплой водой, и мы помыли ноги и зашли в школу. Я вытатила билет и мне попался билет «Зимой я на студеной». Рассказ о том, как старик на зимовье был, речка студеной. И вот о нем я рассказывала. И когда я рассказала, они все глаза вытаращили. Я его не просто рассказывала, я и свое что-то добавляла, – свои какие-то мысли, что-то фантазировала. Фантазировать я могла! Я, кстати, в детстве стихи писала и их даже печатала местная газета в Курсавке. И мне даже давали гонорар. Помню, что мне прислали гонорар за стихотворение – 2 рубля 12 копеек.

Вот за это стихотворение:

Солнце светит мне в окно.
Встала я уже давно.
Быстро койку убрала,
Взявши веник, подмела,
Быстро печку растопила
И братишку накормила,
В детский садик отвела, –

Так я маме помогла!

Потом ко мне приезжали, разговаривали со мной – не помню фамилию. Он рассказывал мне, какие стили стихосложения есть. «Не бросай, – говорил он мне, – пиши! С тебя будет толк».

Семь классов я закончила в селе, а потом идти некуда. Пошла в соседнее село учиться. Мы ходили туда каждый день. Нас было несколько человек. А ходили мы через гору Султан. Но потом все побросали, и осталась одна я. А мне не за что было ничего, ни за квартиру платить... Я училась у двоюродного брата в селе Янкуль. Он работал в школе. Вот я у него и училась три года. Я не кончала высших учебных заведений. Я очень хотела в медицинский. И вот уже старая я, но, если бы меня сейчас спросили: «Куда хочешь идти учиться?» – я бы пошла в медицинский.

Я приехала поступать в медицинский и сдала один экзамен – написала сочинение на пятерку. Мне прислали телеграмму, что тяжело больна мама. Я приехала, а мама на работе. Она не хотела, чтобы я шла в медицинский. Она сказала: «А что, начнется война, тебя первую заберут! Не надо тебе в медицинский!»

Прошли годы, я уже замужем, закончила сельхозтехникум заочно, работала главным зоотехником по кормам. А мы тогда, мое поколение, мы с документами об окончании техникумов большими начальниками работали. Один из нас работал и потом стал начальником западных

электросетей города Краснодара. Второй – закончил какой-то автодорожный. Нас в классе было всего восемнадцать человек. Восемь мальчиков и десять девочек. Кто-то, конечно, по непутовому, и пил, и все, а кто-то... Один только из всех нас закончил институт авиастроения, потом работал где-то в газовом министерстве в Москве. Это единственный – такой великий. Кстати, «Ставропольрегионгаз» – это его детище. Он строил, его сестра там работала. А я рядом жила и не знала. У нас практически основная масса работали. Я работала бригадиром, потом главным зоотехником по кормам и совмещала с должностью ветеринара.

Вообще, хотя я закончила зооветеринарный техникум, считается, что в основном у меня было направление ветеринарное, но я работала зоотехником.

Как жизнь сложилась? Пусть мне сейчас говорят: что Вы там закончили... Да, никаких я вузов не заканчивала, но зато сейчас могу сказать, что с пятого по восьмой класс я любого ребенка отрепетирую так, что пушу его и будет пятерки получать по математике или русскому...

Кошель Людмила Ивановна

Я, Кошель Людмила Ивановна, в детстве Зелениная, родилась в Тульской области, г. Венев, что от Москвы 140 км, а от Тулы 40 км. Но прожила я всю жизнь в Ленинграде. Жили мы всей семьей в Ленинграде, в одной квартире: папа, сестра папы и их мама.

На начало войны мне было 13 лет. Мама была моя на начало войны у своей матери, которая тяжело болела г. Веневе. Нас с папой и его сестрой и дочерью застала война без мамы. В Ленинграде папа работал начальником складов по военной одежде. Он закончил Торговый институт.

Я помню, как мы гасили фугасы. Я тоже была волонтером, 13 летняя, делала уколы больным, пока жила с папой. Потом его мобилизовали. Он был начпродом (возил продукты) в 1942 году.

Мама была фельдшером в больнице города Венев. На фронт ушла моя сестра, когда ей исполнилось 18 лет. Всю войну она была зенитчицей. Я ее не провожала на войну, так как болела сильно, после того как нас с сестрой вывезли в 1942 году из Ленинграда. Я была с ней в блокаде 1 год. В апреле месяце 1942 года нас из Ленинграда вывезли специальным рейсом по Ладоге. Я не помню: то ли катером, то ли самолетом, но я попала в село и там заболела.

Я немцев не видела, лежала больная в то время зимой у деда чужого Никандра (он же Поликарп). Лечил он мою пневмонию горячей печкой и свиным жиром. У него было 5 человек детей. Это было под Венёвом – село Потитино. Дед – чужой человек – помог мне вылечиться, выходил меня и дальше я поехала к бабушке в город Венев, где родилась, учиться до окончания войны. Там я прожила уже послевоенное время. Учиться пошла только в 6 класс.

Летом 1942–1944 я работала в артели по сбору урожая ржи: вязали снопы, сушили, потом возили на ток, где ребята серпами молотили эту рожь – выбивали зерно. Учились зимой. Летом посылали класс в поля по уборке урожая ржи вручную. Трудно было. Тогда ни комбайнов, ничего не было, и мы руками своими собирали каждое зернышко. А Сталин наказывал за каждое украденное зерно. Мы же спасали этот колхоз и всё делали, чтобы никто ничего не крал. В 14 лет руки все в занозах были. Кормили сначала армию, потом себя. Кормили нас один раз в день: молоко, хлеб 200 грамм в день и то, что дадут колхозники с огорода. Три года мы так работали. Руки были у нас все изъеденные. Жили мы у селян, они нас подкармливали, а мы им помогали в хозяйстве. Тогда леса берегли. Мы хворост собирали, чтобы топить печь.

В Веневе немцы были при отходе от Москвы проходом без вреда населению.

Окончание войны встретили очень радостно: музыка танцы, обнимались. Все гуляли 3 дня, музыка лилась после войны. Когда сестра вернулась, конечно, это была особенная радость – вернуться, живой вернуться с войны! Но было и очень тяжело: папа погиб под Ленинградом. Он вез на передовую обувь и одежду, так как ополченцы и армейцы были в болотах, защищая подступы к Ленинграду, – и прямое попадание немецкого снаряда в машину. Шофер жив остался, только без правой ноги, а тело папы даже не нашли. Похоронку на него не получили. Наш дом в Ленинграде, где мы жили семьей, разбомбило. Бабушка, мать отца, не пошла в бомбоубежище, надоело ей с 5-го этажа спускаться. Моя тетя Аня, ее дочь, когда при разборе дома нашли труп, отвезла на санках через весь город и захоронила в общей могиле.

Сестра после войны окончила техникум легкой промышленности в Веневе. Я окончила медтехникум, стала медсестрой. В Ленинград я вернулась только 1949 году. Дали нам квартиру однокомнатную с тетей. Работала медсестрой в больнице Чудновского – спасала раненых: делала им уколы внутривенно, шины накладывала, перевязки делала. Раненых было полно – кто без ног, кто без рук. Было много работы, и я работала. Война досталась мне очень тяжело. Потом я замуж вышла, сразу поехала в Германию с мужем. Немцы там к нам относились с уважением. Стаж мой – 36 лет медсестрой.

Президент В. В. Путин меня поздравляет каждый юбилей.

В 60-году я вышла замуж за ставропольца-летчика, и мы сразу

получили назначение в Германию и отбыли туда на 12 лет. И там я работала медсестрой. Девиз летчика был: «Много летаешь – хорошо летаешь!»

А потом мы с мужем по всей стране проехали сначала Вильнюс – Литва, потом – Латвия, Эстония, Молдавия, а потом Тоцкие лагеря, где испытывалась ядерная бомба.

И потом уже Бузулук. Там мой муж разбился. И после этого мы с детьми приехали уже в Ставрополь. И я снова работала медсестрой...

У меня сын и дочь, четверо внуков и четверо правнуков. В Ставрополе я работала в больнице № 2 Горбачевской, в неврологическом отделении. 20 лет работала, а потом, когда закрыли эту больницу, я ушла на пенсию.

Я желаю всему населению нашей России только добра, внимания, потому что пора очень тяжелая, и ее надо выдержать. Всеми силами помогать стране, не забывать и о нас, о том, что мы – дети войны – люди той эпохи, которые прошли все невзгоды и выстояли!

И я надеюсь, что и следующие поколения поймут и будут человечными, добрыми и отзывчивыми – такими же, какими были мы.

Сулима Наталья Александровна

Я, Сулима Наталья Александровна, жительница Ставрополя. Здесь родились мои дети, здесь я вышла замуж. А родилась я на Украине в 1939 году. И детство моё прошло на Украине. Мне было где-то 2 года, когда началась война.

Когда немцы зашли в наш хутор, нас всех выгнали с наших хат. Хаты там были под соломой, а хутор был – одна большая улица. А при немцах мы жили в подвалах. Подвалы земляные, ничего там не было: ни отопления, ничего. А немцы жили в наших домах.

Глазами Детей войны

Из рассказов: дедушка, бабушка были, мама моя и тётя. Тётя была с 1923 года. Её сразу угнали в Германию. А нас осталось: дедушка, бабушка, мама и я. Вот мы с ними и жили в подвалах. И единственное что нас спасло от голода, (голод, холод, представьте, в земляном подвале) это то, что у нас была корова. Немцы эту корову не тронули,

потому что в следующем доме от нас была немецкая кухня, где для них готовили. Бабушка доила корову, а немец стоял и ждал. И всё забирали туда, на кухню. Но я была маленькой, и она как-то ухитрялась чуть-чуть где-то там отлить, чтобы меня прокормить. Вот так эта корова выкормила меня. Кур тоже не трогали, яйца

все шли на немецкую кухню. Что я ещё помню хорошо – это конец войны, когда уже немцев гнали с Украины. И мы все повылезли, весь хутор. Вылезли из подвалов и смотрели, как наши солдаты шли. Выгоны были такие... Выгоняли скотину, где-то может метров 500, а дальше поле, колхозное поле. И вот всё оно было полно военными. Солдаты, винтовки ... Весна, тепло, шинели были через плечо. И ушли туда, где село было, где-то 15 километров от нас. Ушли туда. Это военные годы. А мне рассказывали, что, да, было и зверство со стороны фашистов: отбирали всё, резали всё. Хутор был такой хороший, богатый. У каждого в семье была и скотина – всё. Всё резали, а нас оставляли голодать. Вот единственное, что меня спасло, как я уже говорила, – это корова. Кстати,

эта корова осталась и после войны. Её всё-таки не зарезали, и она ещё нас кормила и в послевоенные голодные годы. Это уже я хорошо помню, когда мы с детворой ходили на бурты колхозные. Немцы, конечно, выгребли всю картошку, но там оставалась гнилая картошка, мерзлая. Мы её собирали и бабушка пекла нам лепешки. У нас на Украине они назывались маторженики. Туда она чего-то там намелет, нарвет зелени – крапиву, незабудки... Вот так мы и выживали.

В 1954 году моя мама забрала меня сюда, на Ставрополье. Училась я, работала, вышла замуж, родилось у меня двое деток. Мы с мужем работали. Муж у меня был партийным работником, а я – культработником.

Сейчас я на пенсии. И хочу я, чтобы у нас было такого, чтобы для наших детей и внуков не повторилось такое время, которое пережили мы, – наше военное детство.

Плотникова Полина Леонидовна

Об этой трагедии 1941 года знают немногие. Давным-давно все это закончилось и изрядно уже подзабыто. Письма, да редкие воспоминания сохранились от тех, кто прошел через этот ад – ад первых дней войны.

Немецкие пикирующие бомбардировщики совершенно безнаказанно налетали волна за волной.

Спасения от них не было нигде. Ценой огромных потерь обреченные бойцы все же сумели вырваться из стянутой горловины «Белостокского мешка»⁹, разгромив пехотный полк и выйдя к своим.

«Белостокский выступ» или, как его называли немцы, «Белостокский балкон», перед войной в силу своей географии на сотни километров уходил в глубь Германии и соблазнял советских стратегов возможностью нанесения удара прямо по Варшаве. Всего сто километров от границы.

Поэтому заблаговременно усиливали фланги выступа, отчего войск на «балконе» становилось еще больше. Считали, что приграничные войска не позволят немцам окружить Белостокский выступ.

Так бы и было, но советские войска в роковую ночь, как известно, оказались в казармах, летних лагерях... Трудно винить штабистов, что

⁹ **Белостокско-Минское сражение** — приграничное сражение на центральном участке советско-германского фронта во время Великой Отечественной войны 22 июня — 8 июля 1941 года. В результате сражения основные силы советского Западного фронта оказались в окружении и были частично разгромлены, частично дезертировали, частично ушли в партизаны, частично попали в плен. 28 июня немецкие войска взяли Минск. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Белостокско-Минское_сражение

они не угадали направление главного удара. Гитлер в своих решениях был непредсказуем даже для своих генералов. Направление главного удара он менял несколько раз, как и дату нападения на СССР.

Белостокский выступ, в котором располагались советские войска, имел форму бутылки с горлышком на восток с единственной дорогой Белосток – Слоним.

«Белостокский балкон» рухнул на третий день войны. 25 июня немецкие войска смогли окружить Белостокский выступ. 27 июня советские войска оставили Белосток, чтобы не остаться в нем навсегда. Пути отхода были перерезаны, и войска, сумевшие отойти из Белостокского выступа, оказались в окружении, в нескольких «котлах».

Фронт зеркально повернулся: русские наступали с запада, а немцы обороняли восточное направление.

Именно в это время там был майор госбезопасности Бельченко. Спустя много лет он рассказывал: «Война – жестокая штука. На одной из дорог я увидел мертвую женщину. По ней ползал живой годовалый ребенок. Машины проезжали мимо, и никому не было дела до этой трагедии. Я приказал своему водителю остановиться. Ребенок плакал. Увидев санитарную машину, следовавшую на восток, я вышел на дорогу и поднял левую руку. В правой руке держал маузер так, чтобы шофер „санитарки” видел его. Это была крайняя мера, но иначе я поступить не мог. Машина оказалась забита ранеными красноармейцами. Я попросил шофера взять ребенка. Однако он наотрез отказался. Тогда я сказал ему, что, не сходя с места, расстреляю его, как не выполнившего приказ старшего по званию. Поглядев мне в глаза и поняв, что я исполню свою угрозу, он молча взял ребенка и разместил в кабине водителя. Дальнейшая судьба этого малыша мне неизвестна».

В это же время, в Белостоке, в Польше, находилась маленькая девочка, с двумя своими старшими братьями, и со своей еще живой мамой. Родилась она 3 августа 1939 года в Гродно, в Белоруссии. И звали ее Полиной. Непростая ждала ее впереди жизнь – детдомовская. Непростая, как, наверное, и судьба спасенного майором малыша – без материнского тепла и ласки.

Когда началась война, ее мама, полька Малишевская Ядвига Казимировна, с отцом Беляевым Леонидом Григорьевичем, майором Красной Армии, связистом, командиром взвода, находились в Польше, в Белостоке, в связи с назначением по службе. Жили в двухэтажном доме, и маленькая Полинка радовалась и была счастлива, когда вся

Глазами Детей войны

семья была вместе. До сих пор она помнит ласковые мамины и папины глаза и руки.

Начало войны Полина Леонидовна плохо помнит – была еще очень мала. Но до сих пор остались в памяти гул пролетающих низко над домами самолетов, сбрасывающих бомбы, и ужас в глазах мамы, которая с ней на руках и с двумя ее братьями старалась скрыться в подвале. И еще помнит она, как на ее глазах рушились и падали балконы, и свой страх помнит.

В памяти рассказ о том, как три немца выстроили всех соседей в ряд, требуя сказать, где и кто отец троих детей. Но ни один сосед не выдал, что отец этих детей – офицер Красной Армии.

Детство – прекрасное время, оно вне пространства жестокости войны. Оно все равно продолжается и в эти суровые дни. Лишь бы рядом была мама, и что бы ни происходило, мама всегда замкнет круг безопасности. Станет на улице веселей играть в кругу друзей, с братьями во дворе, мама рядом поможет всегда и везде. Мама не разрешала гулять у вокзала железной дороги по ул. Колеева (по-русски ул. Железнодорожная). Маленькая Полинка, конечно же, не знала о тяготах взрослой жизни, она была всего лишь ребенком и мало что могла понимать, кто и с кем воюет, и зачем, и что происходит вокруг.

В 1943 погиб ее отец. А 7 февраля 1949 умерла мама, не перенесла смерти мужа, как считает Полина Леонидовна. Пришли три человека в военной форме забирать Полину с братьями в детдом. Соседка, подруга матери, потерявшая своих детей и мужа, просила оставить их ей. Она умоляла, говорила, что сможет вырастить, как своих. Но ей не позволили.

Полина, как и братья, немного могла говорить по-русски, но ее родным языком был польский – язык её родной мамочки. И когда их с братьями привезли в детдом, все вокруг слышали польскую речь, дети их не сразу приняли, и даже издевались над ними. До сих пор помнит Полина Леонидовна, как после очередного издевательства, она убежала подальше от жестокости и неприятия и, стоя у акации, плакала и просила: «Мамочка, забери меня!»

Трое суток искали ее...

Лидия Сидоровна Воропаева, воспитательница детского дома, сумела растопить ее сердце и помогла наладить жизнь Полины с братьями в детдоме. И вскоре у неё появились друзья и даже поклонники...

Полине, как и ее братьям, нравилось учиться. У нее был красивый каллиграфический почерк (до сих пор сохранился в альбоме с фотографиями детдомовцев листик ученицы третьего класса). Ей нравилось читать книги, петь, участвовать в самодеятельности. Шефы воинской части за успехи в учебе Толе, Саше и Поле Беляевым вручили коньки, а Поле еще и бант в коробочке, который она хранила всю жизнь, а платье и ложечка – подарки от Лидии Сидоровны. Она всю жизнь трепетно хранит не только воспоминания, но и подарки. В детдоме всех девочек стригли очень коротко, но Лидия Сидоровна, взяв под свою опеку Полину, не разрешила состричь ее косы.

Только в 1963 году младшая сестра матери, тетя Ванда из Вильнюса нашла Полю с братьями в Ставрополе. Поля уже жила самостоятельно, после окончания «Школы резервов» стала строителем, проработала всю жизнь в «Ставропольгражданстрое». Здесь же в Ставрополе вышла замуж.

А в 1971 году, в декабре месяце, будучи беременной, захотелось Полине Леонидовне навестить места, где в детстве она была со своей мамочкой. В купе вагона вместе с ней ехала полька со своими девочками. Она узнала, что Полина Леонидовна говорит по-польски. И они разговорились. Полька все время удивлялась: как Полина «в тюнже» (то есть в положении), решила на такую поездку, да еще и с маленькой дочкой. Попросила проводника принести чай для Полины. Неожиданно выяснилось, что Полина проехала Белосток. Все: и полька и проводник – стали её успокаивать. Полька сказала, что либо она сама, либо ее сын отвезут ее в Белосток, когда они приедут в Варшаву. Так оно и произошло. А когда в Белостоке подъехали к дому № 82, в котором прошло ее детство, у Полины подкосились ноги. Сын польки предложил остаться в машине, а сам вышел узнать. Ноги продолжали дрожать у Поли Леонидовны, когда она поднималась на второй этаж. Её руки дрожали, когда она стучала в дверь когда-то своей квартиры. За дверью слышались шаги, дверь распахнулась, и старенькая женщина сказала: «Прошэ! – и воскликнула: – Это цурка Яди!», и прижала ее к груди. После этого Поля побывала на могилке мамы.

Ей объяснили, что если она здесь родит, то нескоро сможет отсюда уехать. Полина поторопилась к мужу в Ставрополь и через неделю родила сына.

15 августа 1983 года ездила с маленькой дочкой в Гродно, в свой детдом на слет воспитанников. Сейчас он переименован в школу-интернат. На вокзале ее встречала любимая воспитательница – Лидия Сидоровна.

За годы работы строителем Полина Леонидовна награждена многими наградами: «За трудовые успехи в социалистическом соревновании» дважды – в 1973 и 1974 гг.; дипломом «Лучший строитель Ставрополья» – в 1975 году; в 1976 – за трудовые успехи награждена путевкой на ВДНХ СССР, знаком «Победитель социалистического соревнования» и орденом «Знак Почета» – за трудовые успехи, о чём писали в «Ставропольской правде». В 1979 году Полина Леонидовна получила удостоверение «Победитель социалистического соревнования».

Вот такая Полина Леонидовна! Она до сих пор ведет активный образ жизни и на досуге поет солисткой в хоре городской общественной организации «Дети войны». Их хор выступает в лицах, в высших учебных заведениях, в школах города. «Дети войны» выиграли грант, стали лауреатами Конкурса песни 2019 года. Семь ставропольчан из их организации за пять лет до 70-летия Дня Победы в Великой Отечественной войне начали добиваться для «Детей войны» официального статуса. Они писали заявления в Правительство с требованием установления такого статуса и добились его признания для всех детей войны в крае.

Три месяца назад Полина Леонидовна сделала запрос в Подольск об отце и ждет ответа. Фотография ее отца есть в Ставропольском государственном музее-заповеднике имени Прозрителева и Праве и на аллее Памяти перед Центральным парком, но до сих пор она не знает, где он погиб.

Полина Леонидовна часто рассказывает своим детям и внукам о своей жизни и о Великой Отечественной войне и с нетерпением ждет, когда вновь увидит портрет своего отца на аллее Памяти.

Глазами Детей войны

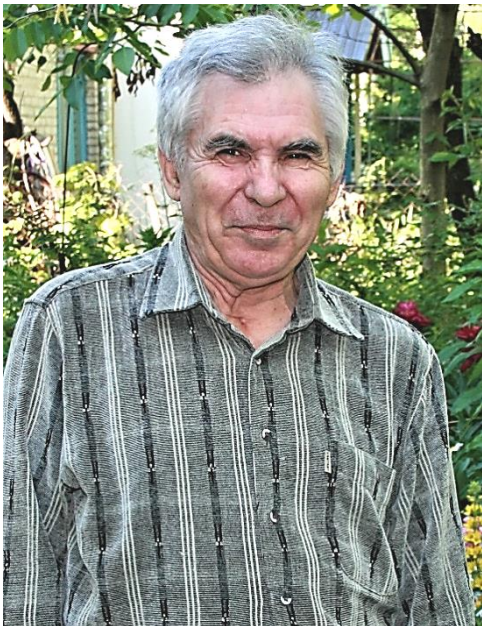
Прошло более 80 лет со дня рождения Полины Леонидовны, красивой, статной женщины, с непростой судьбой.

2020 год... Год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Она говорит сегодня: «Эта трагедия прошла через каждую семью и

сердце каждого гражданина СССР. За годы Великой Отечественной войны погибли более 40 миллионов человек. Если после Гражданской войны советской Родине досталось 4 миллиона

беспризорных детей, то в 1945 году СССР – 19 миллионов детей или без родителей, или с одной мамой. Всех выучили, всем дали путевку в жизнь. И все состоялись как полноценные граждане. Всегда в памяти народа останется гордость за наших предков, за их героические поступки, за любовь к нашей Родине, которую мы обязаны пронести через свою жизнь и передать будущему поколению».

Емишев

Вячеслав Хаджимуссович

Оккупация

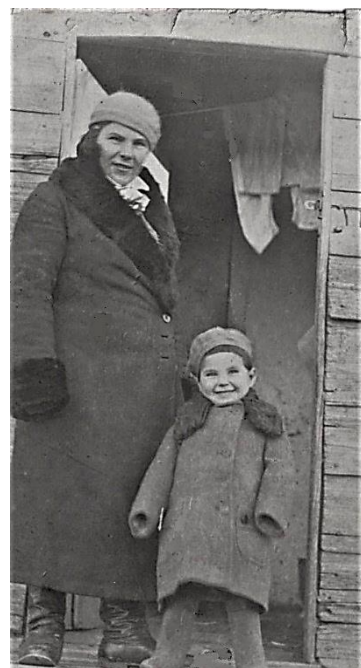
Оккупация застала нас в селе Приютном. Перед вечером к нам пришел знакомый и сказал: «Мария, я против вас ничего не имею, но немцы назначили меня старостой и приказали подать список коммунистов, комсомольцев и женщин, мужа которых ушли на фронт. Так что будет лучше, если вы уедете куда-нибудь». Материн отец, Блохин Николай Васильевич, подогнал телегу, на которую погрузили сундук, шифоньер, кровать, стол и стулья, и мы выехали в сторону села Кормовое.

В Кормовое мы приехали затемно. Стали проситься на ночевую, но все жители села были членами какой-то секты и не пускали нас. В последнем доме на краю села женщина сжалась и разрешила спать в сарае.

Утром, провожая нас, она сказала: «А как же вы проедете через балку, там лошади не вытянут». Действительно, на подъеме к балке часть груза и троих детей пришлось выгрузить из телеги. И все-таки лошади не вытянули и начали пятиться назад. Старинные часы, которые лежали сверху, полетели, вниз, кувыряясь, и упали возле младшей сестренки. Все это сопровождалось отчаянным визгом старшей сестры, которая решила, что их бросили. Мать пошла в село Ремонтное, просить у председателя колхоза быков. Председатель дал быков и русского военнопленного в сопровождающие. Когда они ехали на быках, мать спросила у него, почему он не убежит, на что он сказал: «Неделю назад трое убежали. Через два дня приехали калмыки, вытряхнули из мешка три головы, получили от немцев награду – двух колхозных лошадей – и уехали».

Мы поселились в селе Большеремонтное, в здании школы. Спустя какое-то время по дороге от Элисты, в западном направлении вновь потянулись немецкие машины с солдатами, а за ним пешком пошли румыны. Дед, Николай Васильевич Блохин, отец моей матери, зайдя в комнату на обед, сказал: «Десь наши дали им прикурить».

Вечером возле здания школы остановился немецкий танк, из него вылезли трое немцев. Один из них, механик-водитель, подошел к матери, взял меня на руки, посадил в танк, сел за рычаги управления, запустил двигатель и поехал вперед. Проехал метров 300, развернулся и двинулся назад. Высадил меня, подошел к матери, достал из кармана портмоне и показал фотографию. На фото был он, его жена, миловидная немка, и двое детей – девочка и мальчик, как две капли воды, похожий на меня.

Вечером к матери пришла ее подруга, Екатерина Порфирьевна Савченко (в замужестве Анатская). Один из танкистов, не раздеваясь, завалился во второй комнате спать, а два других немца предложили матери и ее подруге сыграть в карты. При свете керосиновой лампы сели играть. В ходе игры один из немцев спрятал свои карты в карман, буркнул “Айн момент”, вышел на улицу. И тогда второй немец почти шепотом спросил у матери:

- Матка, муж?
- Сталинград.
- О, Сталинград.

Указательным пальцем правой руки он начертил на столе круг, перечеркнул его двумя косыми линиями и сказал: “Гитлер капут”. Так мы узнали, где немцам дали прикурить.

Утром танк ушел на запад.

Путешествие за кукурузой

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет
Н. А. Некрасов*

В 1944 году мы жили в селе Большеремонтном, в сорока километрах северо-западнее Элисты, по дороге на Зимовники. Война ушла далеко на запад, но до победы было еще далеко. Предстояло пережить зиму. Запасов никаких не было. Все, что собирали колхозы, государство отправляло на фронт или на пайки для тех, кто работал в оборонной промышленности. Остальным доставались крохи. Спасались приусадебными огородами, которые обрабатывали в нерабочее время. Но в тех краях, где мы жили, от них проку было мало, так как не было полива.

И вот три человека: моя мать, мужчина-инвалид, вернувшийся с фронта без ноги, и еще одна женщина, – прослышав, что в центральных районах Ставропольского края хороший урожай кукурузы и на одежду можно наменять ее, решились попытать счастья. Мужчине в колхозе дали пару быков и телегу. Ранним утром, побросав в телегу мешки с одеждой и запасшись с вечера рекомендациями соседей и знакомых, у кого и в каких селах можно попроситься на ночлег, тронулись в долгий путь.

Спустя несколько дней на ночевке в селе Грачевка им посоветовали ехать в село Барсуковка. Так и сделали, тронувшись рано утром. К вечеру приехали туда. К обеду следующего дня телега была загружена мешками с кукурузой. Когда трогались в обратный путь, местные жители предупредили, что в одном месте, где дорога идет на крутой подъем, быки могут не вытянуть груженую тяжело телегу, и посоветовали кому-нибудь подняться на гору в бригаду и попросить у бригадира еще пару быков.

Действительно, в указанном месте, несмотря на то что обе женщины, как могли, помогали, подталкивая телегу сзади, быки стали. Подложили под колеса камни, чтобы телега не скатывалась назад, и моя мать пошла на гору в бригаду. Но бригадир быков ей не дал, мотивировав отказ тем, что послать ему некого, а незнакомому человеку он быков доверить не может.

Мать вернулась к телеге ни с чем, и в бригаду пошел мужчина. Уже стемнело, и в темноте какое-то время слышалось поскрипывание его костылей, но вскоре оно стихло, и тишину нарушал только надоедливый звон комаров. Две женщины сидели у телеги, чутко прислушиваясь к каждому шороху и думая о том, что делать, если нагрянут грабители. В селе все видели, что по дороге к бригаде ушла телега, груженная мешками с кукурузой. По тем голодным временам целое богатство. А у каждой из женщин дома осталось по трое детей.

Вскоре донесшийся со стороны бригады лай собак известил, что их спутник дошел до цели, а спустя некоторое время они услышали поскрипывание костыля. С горы мужчина шел, опираясь на один костыль, в другой руке он держал повод, ведя на нем двух быков. Две пары быков без особого труда втащили телегу на гору, и путники заночевали в бригаде.

Наутро тронулись в путь. Не доезжая четырех километров до Грачевки, лег один бык. Он стер копыто задней ноги и идти не мог. Его пришлось зарезать. Заднюю ногу, где было стертое копыто, отделили, мать взвалила ее на плечо и пошла с ней в Грачевку. Найдя ветеринарного врача, она положила ему на стол эту ногу и рассказала всю суть дела. Поняв, что не менее сорока килограммов мяса останутся ему, ветврач без колебаний выписал справку о том, что он осматривал быка и санкционировал вынужденный забой.

С этой справкой мать вернулась назад, к телеге. Там, на бычьей шкуре лежала гора мяса. Мужчина и женщина сидели около него и ветками отгоняли мух. Надо было срочно везти его в село и продать. Мясо сложили на телегу. Но как ехать? Бычья упряжка устроена так, что телегу может тянуть только пара быков. И тогда вместо второго быка в упряжку (она называется ярмо) стала моя мать. Вторая женщина стала подталкивать телегу сзади, и, напрягшись до предела, они втроем, бык, моя мать и вторая женщина, сдвинули телегу с места и потащили ее по дороге к селу.

К вечеру мясо удалось распродать. Деньги (их предстояло внести в кассу колхоза) и справку отдали мужчине, так как он должен был отчитываться за быка. Ночевали там же, где и ранее, по пути к Барсуковке. Утром стали держать совет, как быть дальше. Быка, ясное дело, никто не даст. Оставался только один выход, двум женщинам заменять быка. Так и решили. Тронулись в путь.

Вскоре, однако, выяснилось, что другая женщина заменить быка не в состоянии. У нее не хватало сил уравновесить тягу быка. Ярмо, когда она становилась на место быка, перекашивалось, грозя сломать

оглоблю. Второго быка могла заменить только моя мать. Другая женщина что было у нее сил толкала телегу сзади.

И вот по дороге движется удивительный экипаж – телега, которую тащит бык и обливающаяся потом, с красным от напряжения лицом, женщина. Другая женщина, упираясь руками в задний борт телеги, толкает ее. Проехав несколько километров, останавливались, и женщины отдыхали в тени телеги. О чем они думали в эти четверть часа? О детях, которые ждут их дома? С том, что до темноты надо успеть дотащить телегу до следующего села? Кто его знает. Их никого уже нет в живых.

Особо много хлопот доставляли подъемы. Телегу разгружали, оставив в ней два или три мешка, в зависимости от крутизны подъема. Мужчина оставался возле сложенных на земле мешков, а женщины тащили телегу на подъем. Там мешки выгружали. Женщина оставалась сторожить мешки, а мать в упряжке с быком возвращалась назад. Здесь они с мужчиной грузили следующую партию мешков, и мать с быком тащили телегу на подъем. И так 5–8 раз (мешков было двенадцать). С последним рейсом с ними уходил и мужчина. Там мешки вновь грузили на телегу и – в добрый путь.

На шестой день добрались до села Дивное. Предстоял тяжелый переход от Дивного до Приютного. Большое расстояние (31 км) надо было пройти за один день. Посовещались, и мама предложила: она пойдет в Приютное, попросит у председателя колхоза, которого она знает, быка и вернется с быком в Приютное. В Дивного быка им не дали. Мужчина вызвался идти с ней, и, как его ни отговаривали, он стоял на своем. Матери быка дадут или нет, а двоим больше шансов уговорить председателя.

Женщина осталась возле телеги, а мама и мужчина тронулись в путь. На этот раз им дважды повезло. Не прошли они и километра, как их подобрала грузовая машина. Председателя нашли, но лишь после обеда.

Председатель узнал мою мать и быка дал. Мужчина остался у наших бывших соседей, с которыми мать договорилась о ночлеге, а сама она повела быка назад, в Дивное. Пришла она туда к вечеру, и выезжать на ночь они не рискнули. Выехали утром и после полудня были в Приютном. Мужчина за это время побывал еще раз у председателя и попросил у него оставить им быка, чтобы дотянуть телегу хотя бы до Кормового, до которого было 19 км. Председатель подумал и сказал, что если найдут поводыря, то даст. Поводыря нашли. Одна из жительниц села снарядила для этого своего пятнадцатилетнего сына за две

трехлитровые банки кукурузы. Он должен был идти с нашими скитальцами до села Кормовое, а там забрать быка и вернуться назад. Он пришел с пастушьей сумкой на боку, длинной, выше его роста, палкой и переброшенной через плечо веревкой. Попросил разрешения положить веревку на телегу, и тронулись в путь. В Кормовое приехали в три часа дня и парнишка, отдохнув четверть часа и перекусив тем, что положила ему в сумку мать, забрал быка и ушел назад в Приютное.

На следующий, десятый день после старта из Грачевки, добрались до села Первомайское, протащив телегу 185 километров. Оставалось 22 километра до Ремонтного и 17 километров до дома. Сил больше не было, а надо было спешить. Шли последние дни августа, и у матери заканчивался отпуск. Она работала учительницей в школе. Женщина как-то раньше говорила, что в Ремонтном живет ее сестра, и мужчина предложил: пусть она идет туда, вместе с сестрой найдут председателя колхоза, кланяются ему в ноги и просят быка.

Она ушла вечером, отдохнув и поужинав похлебкой из вареной кукурузы. Мужчина предложил ей единственное имевшееся у них оружие – нож, точнее немецкий кинжал. Ей некуда было его спрятать, и она отказалась, сказав на прощание, что на все воля Божья. Ушла в ночь, так как председателя надо было увидеть рано утром.

Утром, чуть свет, мать и мужчина, позавтракав остатками ужина, тронулись в путь. Неизвестно было, приведет их спутница быка или нет, а надо было добираться до Ремонтного 22 километра. Хозяйка, у которой они ночевали, получив плату за ночлег кукурузой, помогла вытолкать телегу на дорогу и пожелала им доброго пути.

Протащились примерно два километра, когда мужчина скомандовал:

– Стой, Мария, кажется, идут.

Мать остановила быка. Далеко впереди шли навстречу две женщины. Они шли рядом, и за ними не видно было, ведут они быка или нет. Мужчина отошел в сторону от дороги, чтобы видеть их под углом и сказал:

– Ведут.

Женщина пришла вместе с сестрой, под ручательство которой председатель дал быка, и отпустил ее с работы. Вечером этого же дня наши путешественники были уже дома, проделав долгий, более чем пятисоткилометровый путь, на 136 километрах которого две женщины, выбиваясь из сил, тащили телегу, заменяя павшего быка.

Была ли моя мать геркулесом в юбке? Нет. Невысокого роста, плотно сложенная. Мой рост 164 см, а она была ниже меня. Ей было тридцать лет. Что придавало ей силы и заставляло превозмогать себя?!

Для чего я это все написал? Внукам? Вряд ли их это заинтересует, им подавай что-нибудь про вампиров, монстров и т. п. Впрочем, если вдуматься, то в нашем детстве тоже были монстры: Змей Горыныч, Кощей Бессмертный и прочие.

Три рассказа

Я помню постоянное чувство голода. Мы просыпались голодными и ложились спать с тем же ощущением урчащей пустоты в желудке. В письмах на фронт писать о голоде было запрещено, чтобы не подрывать моральный дух солдат.

В колхозе было два верблюда. Точнее, самец и самка с маленьким верблюжонком. Детвора прозвала его Яшкой. К сожалению, весной верблюд заболел. Приехавший из райцентра ветеринар осмотрел его и вынес вердикт: «Зарезать».

Спустя день моя мать, работавшая учителем, пошла к председателю колхоза и стала просить выделить кусок мяса, чтобы накормить учеников. Председатель выделил верблюжью голову. Матушка вдвоём с уборщицей с большим трудом смогли разрубить голову вдоль; в колхозе со склада взяли котёл и из одной половины сварили зелёный борщ со щавелём. У всех соседей здания школы были вынуждены собрать посуду, но усилия того стоили.

Ели ученики за партами. По окончании обеда было объявлено: «Тем, у кого отцы погибли на фронте, завтра дадут борщ с собой. Но надо принести из дома посуду». В итоге на следующий день восемь учеников получили на руки по куску мяса и по чугунок борща. Мама вспоминала, что от головы верблюда шёл неприятный запах, но дети ели с огромным аппетитом. И я до сих пор помню это сосущее, неистребимое чувство голода.

В 1944 году летом к зданию школы подъехала телега, запряжённая парой быков. Когда на ней расселись ученики, их повезли в бригаду. Там они собирали колосья пшеницы, что падали с комбайна. Детей кормили бесплатно. На обед давали постный борщ.

В письмах с фронта солдатам не разрешалось упоминать названия населённых пунктов, близ которых ведёт бои их воинская часть. Отец и

матушка договорились о способах шифровки. Например, вот фрагмент письма: «Передавай привет Кате, Инне, Елене и Василию». В первых буквах имён спрятано слово Киев. А в одном из первых писем дедушки с фронта подобным образом было зашифровано слово «Сталинград».

Беркунова (Игнатова) Нинел Степановна

Будто случилось всё вчера. Я вижу маленькую девочку в белом платье, подпоясанном красным пояском, с украшенной двумя голубыми бантами головкой, и мужчину в полувоенной форме с портупеей, бегущих друг другу навстречу с распростертыми руками, как крыльями. Вот малышка уже на руках, высоко

поднимающих ее вверх, все выше и выше. Смеется подходящая к ним женщина. Смех ребенка наполняет все пространство.

Да, это я, мой папа, Степан, и мама, Мария, или, как ласково ее называл папа, Машенька. Это моя семья.

Я с мамой всегда встречала папу на этом месте, после окончания фильма, где он работал киномехаником звукового кино 2-й категории при воинской части КУПС (курсы по усовершенствованию политсостава). Командиры часто просили папу оставить дочку погулять с ними, дарили подарки. И я часто находилась в помещении, откуда папа показывал кино. В семье ожидали – так им хотелось – сына, а мне братика.

Самое страшное слово «война». Она началась 22 июня 1941 года, а папу забрали на фронт 26 июня 1941 года. Папе был 31 год, а маме 22 июня исполнилось 25 лет.

За все время мама получила в 1941 году 2 письма. Папа, во-первых, очень беспокоился о нас, о ребенке, который должен был родиться, и, во-вторых, кратко сообщал, что его вместе с другими направили на переформирование. Во втором письме писал, что он на передовой. Переписка оборвалась с августа 1941 года.

В суматохе, которая была в той жизни, письма не сохранились, пропали вместе со скарбом. Да и фашистские угодники, обнаружив письмо советского солдата, могли расстрелять без предупреждения.

Мама получила извещение о том, что ее муж пропал без вести. Но самое главное, не известно ни место захоронения, ни направление войск, где он воевал, ни в каких частях, ни его боевой путь.

Мама получила извещение о том, что отец пропал без вести в сентябре 1943 года, и есть еще одно извещение о гибели, вот такие получились разночтения¹⁰.

В нашем поселке городского типа появились чужие люди, немцы. Появилась комендатура. Наш край лесной, партизанский. В первую очередь, как и везде, немцы забирали все себе, грабили, что попадало под руку: драгоценности, продукты питания. И первыми не признали чужаков собаки, лаяли и выли, за что и поплатились своими жизнями.

Фашисты, среди которых были румыны и финны, располагались в домах, в любых, которые понравятся, выселяя оттуда всех: стариков, детей, никого не жалея. В нашем недостроенном доме они тоже появлялись, и мама старалась прятать нас.

Однажды я и братишка столкнулись с ними. А дело было так. Во дворе на костре три немца жарили мясо и яичницу с салом. О чем-то громко разговаривали и хохотали. Мы, я в легком платице и братишка без штанишек, наблюдали за ними из-за навозной кучи. Очень хотелось есть, а запах привлекал нас все ближе к костру. Ели они быстро, видимо, куда-то торопились. Один из немцев подошел к куче навоза и вытряхнул сковороду с недоеденной яичницей. Она была так соблазнительна! Куски сала, крупно порезанные, облитые желтками, очутились на навозе. Первым не выдержал годовалый братишка. Его пальчики уже коснулись яичницы, как послышался звук передёрнутого затвора автомата. Фашисты повернулись в нашу сторону. Мы испугано закричали. Один из них направил автомат в нашу сторону. Второй вовремя отвел ствол автомата вверх и в сторону, и пули пронеслись над нашими головами. Между ними возникла какая-то перебранка. Выскочила из дома испуганная мама, схватила нас и увела. Фашисты,

¹⁰ Вот эти разночтения двух документов предопределили судьбу моего брата Вячеслава. Мама определяла сына в московское Суворовское училище. Получила согласие, а через две недели брата вернули назад в сопровождение проводницы вагона (основание отчисления – пропавший без вести отец). Брат окончил школу, поступил в строительное училище, поработал на стройке в Москве, был призван в армию. Служил на подводной лодке. Затем окончил институт.

громко разговаривая, ушли. Видимо, им по приказу надо было торопиться. Вот так нас спас случай,

Забрав всю живность: кур, гусей, поросят, – немцы принялись за коров. Не знаю, каким образом, но сами коровы как будто поняли опасность и попрятались в лесу. Наша корова чуть было не стала жертвой немцев. Её пытались убить – стреляли по ней. Если бы вы видели, как она убежала! Мчалась и металась из одной стороны в другую.

Из троих наших постояльцев самым опасным оказался финн.

Партизаны неоднократно нападали на комендатуру, происходили военные столкновения. Немцы устраивали облавы, хватали без разбора местное население. Для устрашения в центре поселка на площади была поставлена виселица, куда сгоняли жителей. Вешали по определенным дням пойманных, а основным местом расстрела была территория конного завода. В связи с тем, что партизанских отрядов и групп было много, а координации не было, были случаи столкновений между ними. Чуть позднее, к 1942–1943 годам, был организован единый орган управления партизанами.

Фашисты освобождали территорию от местного населения. Часть угоняли на работу в Германию. В один из дней ранней осени фашисты объявили приказ об отъезде. Поезд уже стоял и ожидал всех нас.

Мама, собрав нас и все необходимое, погрузила на двухколесную тачку, приспособила оглобли, запрягла корову. Как и все другие, в общей колонне под охраной немцев и полицейев мы потянулись к железной дороге, где стоял товарняк.

Когда пошли разговоры, что наши красноармейцы и партизаны близко, все, кого гнали к станции, пытались отстать в лесу и спрятаться в любой овражек, за любое дерево. Да и полицейи (немцы раньше смылись) в испуге стали потихоньку уходить, вот тогда наш «табор» побежал к большому оврагу. Где-то впереди в обозе раздались выстрелы, ракеты осветили лес. Послышались голоса, все затаились и услышали крики «Ура». Тут и поняли, что это свои. Боже, что здесь было! Плач, крики, объятия. Солдаты не задерживались, шли вслед за отступающими немцами, а нам говорили ждать, чтобы не попасть под общий обстрел, и только утром идти домой.

И поползи мы назад в свой поселок. Заночевали в один из дней в деревне. Я заболела малярией. Я помню было тепло, солнце светило ярко. На берегу реки были разбросаны для просушки вещи, которые мы тащили, когда нас гнали немцы. Меня положили на какую-то теплую подстилку, но я вся дрожала от холода. Потом незаметно уснула.

Разбудило меня что-то прикасающееся к лицу, теплое и влажное. Когда я открыла глаза, оказалось, что это был поросенок.

Прожив в деревушке несколько дней, пока мне не стало лучше, мы вернулись домой, а вместо дома – одни головешки. Выкопали мы погреб – это яма 2,5 на 2,5 метра, может, больше, не помню. Накрыли сверху чем придется и лазили туда по лестнице через люк сверху. Сыро, грязно, лягушки... Вместо матрасов и подушек – солома, покрытая ветошью.

И так стали обживать. Редко у кого что было: у погорельцев судьба одна. Тянулись из последних сил. Что ели? Благо, был огород, где была картошка, капуста. Морковь сажали. Но негде было брать посадочный материал, поэтому всего было мало. Ходили по заброшенным огородам, копали, вернее, перекапывали землю. И – о, счастье! – если находили замерзшую картошку, несли домой, варили суп, терли на терке и пекли оладьи. На чем пекли? А что раздобудешь: сало, масло... Думаете, масло сливочное? Нет, вкуса не знали, а вот подсолнечное с привкусом керосина было.

А если картошка к весне оттаивала, то запах стоял отвратительный, а и из нее что-то нужно было готовить. Представляете, как пахнет подпорченная, полусгнившая картошка. Но нам драники из нее пекли. Богатым был тот, кто в эту так называемую массу всыпал хоть немного муки.

Все было по карточкам: спички, соль, маргарин, керосин. Но чтобы это получить были большие очереди. Шум, гам, толкотня. Нас, малышню, все в сторону оттесняют, а когда выстоишь и отвесят хлеб на весах определенное количество, то пока донесешь, общипаешь его со всех сторон. Конечно, мама бранила, если и ей, и братишке надо тоже кушать.

В 1947 году карточная система была отменена. Спасала нас корова – молоко было, но определенное количество его надо было отдавать на госпоставки, и, помню, оставалось мало. Но все-таки что-то было, чего не было у других. Уже с малолетства у меня были обязанности (мама работала): уход за братишкой, готовка обеда, прополка огорода, корова – уборка в стойле и доение.

Приглядывалась ко всему: и как мужчины бревна тесали, как гвозди вбивали, дом строили. Отсюда и навыки получила строительные.

Электричества не было, а тяга к книгам была великая. Помню, дадут детскую книгу в библиотеке, пока домой дойду всю прочитаю, бегу назад прошу другую. Смеялись надо мной, но давали.

Домик мамуля построила, ссуду брала. Домик небольшой, рубленый: одна комнатка да печь русская. Вот на этой печи и был мой

читальный зал. Зажгу керосиновую лампу и читаю. А керосин был в дефиците. Достань еще! Вот мама и просила погасить лампу, а я завешу на печи одеяло, чтобы не просвечивало, прикручу огонек. А мама чуть заснет – вновь включу побольше и читаю.

Что читали? То над чем сейчас – после 90-х – смеются: о Павле Корчагине («Как закалялась сталь»), «Орлята» Абсалямова, «Робинзон Крузо», «Молодая гвардия» Фадеева, «Черное и красное» Стендаля и другие, то есть о светлой любви, о добре, о дружбе, взаимовыручке. То есть себя не жалея – другого выручай.

Мы не думали о себе. Везде были люди, подобные нам, – ни олигархов, ни бандитов. Если кто высовывался пожить за счет других, то быстро в тюрьму сажали за воровство. Может, где и было другое, другая жизнь была, но в моем окружении жили одним порывом, надеждой на будущее. И вдовы погибших солдат перед Днем Победы всегда собирались поплакать о своих погибших мужьях, приносили на стол кто что имел: кто бутылочку самогонки, кто кусок сала, кто тарелку холодца... Поплачут, песни попоют и разойдутся по домам, тихие и задумчивые.

Да, лучше жили те, чьи отцы вернулись с войны целые и здоровые. Они, как правило, занимали хорошие должности по партийной и хозяйственной линии. Имели все, но в дом не водили. Хором, конечно, не имели, не имели машин, и уж тем более шоферов при себе. Боялись: народ трудовой – время было сталинское. Вместе жили и работали одной семьей.

По нашей улице, в километр длиной, в каждом доме кто-нибудь погиб.

Да, все поколение детей войны были спасены еще и благодаря коровам. И у нас такая была – Зорька. Эх, Зорька, Зорька! Любила километра на 2-3 уходить. На пруд спиртзавода, куда барду (отходы спиртовой промышленности) спускают. А прудов было много: и старые, заросшие кустарником, и новые, и мелкие, и глубокие. И вот эта разбойница уйдет, и ищи ее там. Ночь, звезды, кусты. И кричишь: «Зорька, Зорька!» И вдруг откуда-то из глубины: «Му-му...», – уже и голос знали ее. А потом она поняла, что как только откликнется, ее погонят домой. Вот и выработала тактику – пока не наестся, не напьется, не ответит.

И вот избегавшись и наплакавшись, потеряв всякую надежду (а были случаи: коровы тонули в этой массе), услышишь ее отзыв и сразу легко и радостно бежишь к ней, или она подходит ближе. И уже вдвоем

топаем домой. Ей же тоже тяжело, доить-то нужно. Вот и молочка побольше бывало.

А когда охрана предприятия не пускала, то барду сами носили в ведрах на коромыслах. Коромысло – это такое деревянное приспособление длиной в 1,5–2 метра с двумя крючками на концах, на которые навешивались ведра, килограмм по 10–12 каждое. И вот осенью, зимой с этими ведрами туда 2 км и обратно тягали на плечах эту тяжесть. Коромысло прижимает тебя к земле, трет плечо, несешь то на правом плече, то на левом. Вот оттуда, может быть, я и не выросла высокой.

А посадить, прополоть, окучить пятнадцать соток картофеля, а вытянуть из печки каждый день чугунок ведерный с варевом для поросенка. Его же надо и на пол поставить! Не говорю, что это я всегда делала, но делала часто, особенно когда подрастать стала.

Мама работала изо всех сил, чтобы заработать денег на уплату налогов, нам на одежду, скотине на прокорм. На праздники мама старалась порадовать нас пирогами. Очень вкусные получались, берегла к празднику, когда родственники приезжали, а мы с братом зачастую таскали их.

Из всех родственников хорошо помню тетю Раю, и вот по какой причине. Работала она продавцом в ларьке, промокли шоколадные конфеты, и она принесла их домой просушить. И что же вы думаете, решила посушить в русской печи. Разложила их на бумажке, на деревянной доске и поставила внутрь русской печи. Конечно же, они растаяли. Слез было! А нам повезло, эти растаявшие конфеты достались нам. Вот, может быть, тогда – а было мне 10 лет – я и узнала впервые вкус шоколадных конфет. Деревянную доску, где они лежали, мы вылизали с братом до блеска.

В школу пошла, когда еще 7 лет не было. За партой меня не было видно, ноги не доставали до пола, болтались, когда я сидела. Посадили меня за первую парту, чтобы не потерять. Помню, учителя на меня жаловались, что я могла в любой момент встать и уйти. А когда спрашивали: «Куда идешь?», отвечала: «Сейчас приду».

Кукол, игрушек не было. Кукол делали из тряпок, мордашки рисовали карандашом. Вместо портфеля мама сшила мне из маленькой наволочки сумку, на ляпочке через плечо. Материала для вышивания на урок рукоделия у меня не было, как не было и цветных ниток мулине. А у других, у которых отцы пришли с фронта, были. И у них пятерки по вышиванию были. Помню один момент, как я отрезала кусок ткани от белой простыни, за что и получила строгое внушение от мамы.

В ту пору познала я чувство несправедливости. Обиды лишь усилили понимание: по мелочам не обижаться. Есть что-то большее – это необходимость познания наук. Но познавать было некогда, домашних дел хватало вдоволь. И возникло следующее понимание: внимательно слушать, что говорит учитель. Он сказал, дал задание на завтра, а я здесь же сегодня и сделала.

Вспоминаю еще случай, произошедший на Новый год. Сварили чугунок холодца и выставили его остывать. Но вовремя не уследили, и его чуть ли не до дна сожрала собака. Думаете, остатки выбросили? Как бы не так! Мама переварила оставшееся, и мы съели, еще и благодарили собаку, что не все съела.

После окончания средней школы с подругой решили поступать в Саратовский университет на факультет русского языка и литературы. На выборе профессии сказалось большое влияние школьного учителя. Да и в самом слове «университет» – великая значимость. Однако по конкурсу (12 человек на место) не прошли, не добрали двух баллов. С этими показателями была возможность

поступить в медтехникум, но там не было общежития. Обговорив ситуацию по телефону с родителями, решили ехать домой и поступать в сельхозтехникум. Денег на обратный путь не было, поэтому устроились разнорабочими на завод. Обещали общежитие, но все было решено. И через два месяца я стала учащейся второго курса сельхозтехникума по четырехлетней программе. Там была стипендия, почти как у мамы зарплата, тем более решили, что если не понравится, буду пробовать поступать в институт на следующий год.

Однако повышенная стипендия, общественная работа и учеба увлекли. И через три года получила диплом с отличием и предложение поступать в Московский институт (МИИЗ).

Понятное дело, Москва, Красная площадь, Ленинские горы и музеи. Увлекла мысль и надежда получить диплом и быстрее ехать на работу. Тогда каждому выпускнику давали направление на работу с

правом получения бесплатного жилья. Если не предоставляли, то можно было перераспределиться на тех же условиях. Учеба в институте давалась легко, так как в техникуме уже проходили многие предметы. Общежитие было за городом. На дорогу уходило более часа на электричке, но это способствовало изучению иностранного языка – никто не отвлекал. Учили по словарям, переводили художественные произведения. И опять любовь к предмету – от преподавателя. Полюбив преподавателя, мы влюблялись и в его предмет. Общественная работа, организация вечеров, встречи со студентами других вузов давали энергию жизни. Распределялась в первой десятке выпускников, выбирала место назначения.

Моим, вернее, нашим местом назначения стал город Ставрополь. Расписавшись в загсе в Москве, вместе с мужем Юрием прибыли в Ставрополь. И город нас принял. Это было в 1962 году.

Попали в хороший коллектив. Один архитектор Лысяков Анатолий Георгиевич чего стоил! А директор Лопаткин – человек слова и дела! Великие дела делали. Проектировали, строили, принимали решения, обсуждали текущие вопросы. Командировки по всему краю. Новые люди, общительные и заботливые: нас, командировочных, устраивали и в гостиницы, и столовую свою. Проекты, особенно проекты застройки сельских населенных пунктов, рассматривали в Домах культуры, где присутствовало все население этого поселка. Доставалось, когда что-то было не так, но учитывали недостатки и вновь рассматривали проекты на градостроительном Совете. Но наград маловато – всего одна медаль с выставки ВДНХ.

У нас была тесная связь с руководством сельхозпредприятий. Мы выезжали на уборку сельхоз культур: собирали яблоки, клубнику, помидоры, пололи капусту, косили траву и другое. И заработок был – десятая часть от собранного натуральными продуктами. Но так как это превышало потребности, мы брали только необходимое количество. Ни о какой перепродаже даже слов не было. Продукция на нашем институтском автобусе доставлялась прямо к подъезду.

А какая художественная самодеятельность была: театр теней, хор, выпуск книг. По итогам года получали премиальные. Лето, осень – балконы были завалены арбузами, цена условная – 3 копейки за килограмм, но надо было собирать семечки от тех арбузов и сдавать семеноводческому хозяйству.

Хорошая работа сотрудников и награда за труд – благодарственные письма, грамоты, поездки на своем автобусе в Крым,

города-герои, по Северному Кавказу и другим местам. Ездили и за границу – в Финляндию.

Что теперь вспоминать! Труд был основой нашего богатства. Не жалели своих выходных.

Руководство помогало устроить детей в детские ясли, садики. Разве можно забыть свой институт? Я проработала там с 1962 года до пенсии.

Мы не хотим повторения войн. Остановитесь!

Да, мы старшее поколение, родились в СССР, где своей колыбелью считали Россию, где не было вражды, где учились, лечились, получали бесплатное жильё. Где труд оценивали за дело, а не за многословие.

Понимаем, жизнь не стоит на месте, каждая эпоха лепит соответствующего ей человека. Только любовь, тепло рук, взаимное уважение спасут мир.

Панченко (Момот) Екатерина Петровна

Я, Панченко Екатерина Петровна, 23 ноября 1932 года рождения. Отец – Момот Пётр Романович, мать – Момот Прасковья Ивановна. Родилась и выросла в крестьянской многодетной семье – 6 детей. Детство пришлось на военные годы.

Екатерина Петровна награждена орденом «Материнская слава» 3-й степени: 7 детей, 15 внуков и 8 правнуков.

Является ветераном труда.

В детях и внуках продолжается человек

У каждого человека своя судьба, порой преподносящая жестокие уроки жизни, начиная с детства. Рано выросли дети войны, по большому счёту у них и не было детства. И дело даже не в том, что им пришлось трудиться наравне со взрослыми. В память этих детей навсегда врезались смерть близких, голод, страх. Все они для нашего поколения – их детей, внуков – являются героями. К сожалению, с каждым годом их становится всё меньше и меньше. Одной из таких героинь является Е. П. Панченко.

С особой болью и скорбью вспоминает Екатерина Петровна те далёкие времена, когда жить было очень трудно. В школу почти не ходили: не было обуви, одежды, семья была многодетной, одевались по очереди. В свои десять лет она уже и по хозяйству управлялась, и в поле работала. Спали очень мало. Кушать было нечего, зачастую вся семья оставалась голодной. А какие суровые были зимы. Но работать надо было. Вот и приморозила пальцы на ногах, болезни сейчас сказываются.

Когда вышла замуж, вместе с супругом работала на комбайне штурвальным. Потом трудилась разнорабочей в колхозе имени Ленина. Шло время, подрастали дети, большой семье уже тесно было жить в стареньком доме. Вскоре собственными силами построили новый, просторный. Екатерина Петровна всю себя отдавала семье, всё делала сама: хлеб пекла, пирожки, сладости, которыми угощала не только своих детей, но и соседских. Уже выросли те малыши, но до сих пор помнят пироги тёти Кати. А сколько она за свою жизнь вылепила пельменей и вареников, не сосчитать!

Она награждена орденом «Материнская Слава», имеет юбилейные медали ко Дню Победы, звание «Ветеран труда».

В трудах и заботах пролетели годы. Выросли дети и живут теперь со своими семьями, но никогда не забывают о матери и о том, сколько любви и труда она в них вложила. Они всегда заботятся о ней, о её здоровье. Екатерина Петровна по-прежнему остаётся их главным авторитетом. Каждому ребёнку она отдала частичку души, а это значит – жизнь прожита не зря. Ведь в детях и внуках продолжается человек.

В эти дни Екатерина Петровна услышит много поздравлений в свой адрес не только с юбилеем, но и с таким замечательным праздником – Днём матери. Здоровья вам и счастья!

Наша бабушка¹¹

В тихом узком переулке села Арзгир проживает наша бабушка Панченко Екатерина Петровна, которой в этом году исполнится 70 лет. Наша милая бабушка самая “богатая”, потому что у нее 15 внучат и 6 правнуков.

Хотелось бы рассказать о ней, о ее нелегкой судьбе и необычайной доброте. Детство было у нее трудное, так как росла она в большой семье.

Родители рано оставили их. Бабушка Катя окончила всего три класса, потому что помешала война. Надо было всем выживать. Очень рано она познала крестьянский труд. В послевоенное время на полях работали и на коровах. Вместе со всеми трудилась и наша бабушка. Но больше всего бабушка любит нам рассказывать о своей семейной жизни: о дедушке, который ушел из жизни незадолго до моего рождения. У них в семье появлялись один за другим семь детей: пять сыновей и две дочери. Это наши родители: добрые и прекрасные. За это наша бабушка была награждена медалью материнства.

И когда она бывает у нас, то мы просим ее рассказать что-нибудь о наших родителях, их шалостях. И это так забавно, что время, проведенное с ней, пролетает очень быстро и незаметно.

Еще наша бабушка очень вкусно готовит – печет пироги и чебуреки. И носки вяжет для нас такие классные, теплые, шерстяные. Мы очень любим сидеть рядом и смотреть на ее руки за прялкой. Она умело делает из шерсти нити, а чуть позже – готов и носок.

Бабушка, милая! Спасибо, что ты есть у нас, и мы тебя от души поздравляем с твоим праздником. Только радости в жизни желаем, чтоб сердце твое не старело, чтоб ты была всегда счастлива и годы пусть поменьше оставляют в твоих волосах седины и на лице морщин.

¹¹ Этот небольшой рассказ написан в 2002 году, 18 лет назад. В нём ярко отражена любовь к своей бабушке со стороны внуков.

Садич
Мария Васильевна

- Бабуль, назови своё полное имя.
- Садич, тогда была Аврамчук, Мария Васильевна.
- Что ты помнишь о войне?
- Помню, как на восходе солнца зашли в нашу деревню немцы... Их было очень много.

Нас в семье было четверо: я, сестра и два брата. С нами осталась мама, отец был на фронте и не вернулся. Я отца не помню. Когда он ушёл, мне было 9 месяцев.

И вот немцы зашли к нам в хату. Были сильные шум и крик. Я очень была испугана, как и мои братья и сестра. В нашу избу были открыты двери, была зима. Мы забились на печку от холода и страха. Немцы начали таскать в избу кур, насобирали их очень много по соседским домам. Я, конечно, этого не видела, потому что на печке была. Но слышала, как они кричали на маму по-немецки. А мама отвечала: «Я буду стараться. Буду стараться...». Теперь уже я понимаю, почему она им так отвечала. Они требовали с неё делать всё быстрее. Когда они занесли всё в избу, стали в окно проводить связь, провод, к своим.

Мама этих кур обработала, сложила в два чугуна больших, и в русскую печь поставила готовить. Все немцы ушли из дома, остались только мама и мы. И такой был очень ароматный запах этого жаркого. Мы голодные были и всё просили: «Дай по кусочку мяса, мама». А она плакала и говорила: «Детки, не просите, если я начну вам давать, а вдруг они вернуться, они нас всех перестреляют». Так тянулся целый день. В голоде мы были и холоде.

Вечером шум, крик, опять раскрыли дверь на всю, зашли, начали чугуны вытаскивать, уже даже маму не допустили до печки, всё сами делали. И кто что хватал. Кто-то мясо, а кому его не хватило, так они кружками черпали бульон, а мы через дырку в печке смотрели, как они хватали. Они вычерпали всё, чугуны остались пустые. И убежали с криком, с шумом.

Мы остались голодные, ничего нам не досталось ... Пустая хата: только мы с матерью.

**Леонова
Эльвира Константиновна**

Мне было два с половиной года, когда началась война. Мы жили тогда во Владикавказе (тогда г. Оржоникидзе)

Моя мама, Елена Арсентьевна, медицинская сестра, была призвана в армию с начала войны. Расставание было очень тяжелым. Отец, Константин Михайлович, служил инженером на железной дороге. Маму направили в тыловой госпиталь в Грузию. Если бы она не взяла меня с собой, её бы отправили на передовую. Но для матерей с маленькими детьми были послабления. Отец остался с десятилетней сестрой.

Оккупацию пережили, но трудностей хватало. В госпиталь, где работала мама, привозили тяжелораненых из разных боевых точек. Госпиталь был расположен в недостроенном здании без водоснабжения. Весь медперсонал должен был обеспечивать раненых водой. Мы, маленькие дети, видели это, и помогали взрослым донести хотя бы ведерко воды.

Во время войны семья моих родителей распалась. Мама вышла замуж за Александра Александровича Вандровского, который был тяжело ранен в самый первый день войны на границе с Белоруссией. Он видел, как несущиеся через границу фашистские танки вдруг остановились. На дороге стояло много женщин с детьми на руках, не все они поняли, что началась война. Фашисты выскакивали из танков, вырывали маленьких детей из материнских рук и бросали их под колеса. Мой отчим кричал каждую ночь во сне, потому что это было невозможно забыть. Остановить фашистов было невозможно.

9 мая 1945 года я встретила вместе с мамой в этом госпитале. Мы, дети, мало понимали, что происходит, но навсегда запомнили, как раненые с криками «Ура!» и со слезами на глазах выбегали во двор, обнимали друг друга, забывая о собственных ранах.

В 1945 г. отчим был направлен в г. Ставрополь, я и мама приехали вместе с ним. Жить было негде. Совершенно неожиданно навстречу

выскочил мужчина с криком: «Леночка, как ты здесь оказалась?». Это был врач, с которым мама работала в Орджоникидзе. Узнав, что нам негде жить, он пригласил нас к себе. А у него с семьей была всего одна комната. Отгородили уголок простыней, там и разместились. Вот такая была доброта у людей в те страшные годы.

Окончив школу в 1956 г., я поступила в ставропольский педагогический институт. Вся моя трудовая деятельность была постоянным самообразованием. Мне приходилось работать в самых разных направлениях, но все было связано с детьми, с литературой, с экологическим просвещением, которое сегодня необходимо каждому человеку. Я помню очень многих учеников, потому что наши отношения строились на взаимоуважении и взаимопонимании – мне были нужны ученики, я была нужна им. Мы вместе искали ответы на волнующие ребят вопросы.

После окончания института работала учителем, потом – педагогом дополнительного образования. Стаж работы в образовании – почти 60 лет.

Молодежь должна понимать, что образование – это самая главная жизненная ценность. Образованный человек имеет всегда опыт личностного знания, которое помогает ему адаптироваться к тем задачам, которые ставит перед ним жизнь. Нужно анализировать происходящие процессы и уметь сделать свой выбор. Мы должны помнить, что человек – существо общественное, ему обязательно нужен контакт с другими людьми.

Косенко Ольга Дмитриевна

Я, Косенко Ольга Дмитриевна, 1929 года рождения, родилась и проживаю в селе Архангельском.

23 июня 1941 года мне исполнилось 12 лет. 22 июня мама испекла именинный пирог, но День рождения получился мрачный, так как началась война.

23 июня на фронт проводили моего дядю и отца, стали ждать письма и помогать фронту.

Глазами Детей войны

У меня были две подруги: Храменко Мария и Красько Мария, мы ходили в степь собирать колоски, а вечерами вязали носки, варежки, шили кисеты для табака, да и табак весной сеяли, потом его сушили в печи, мелко рубили и отправляли на фронт.

В 1943 году, в конце июня, я уже взрослая, мне 14 лет, и меня попросили поработать в детском саду воспитателем, где я проработала 2 года. Дети писали письма, рисовали и отправляли все своим отцам на фронт.

А в 1945 году ходили встречать возвратившихся с фронта воинов.

Вот так и прошло моё военное детство.

Хаджихметова Вера Александровна

Вера в победу

Я, Хаджихметова Вера Александровна, родилась 05.03.1942 г. Мой папа – Горло Александр Андреевич, мама – Божко Анна Гавриловна. Брат – Горло Валентин Александрович родился 20.07.1940 г.

Папа ушел на фронт в сентябре 1941 года. На тот момент был третий месяц

беременности мною. За папой ко двору подъехала грузовая машина. Папа взял па руки моего братика, крепко обняв маму, попросил, если родится сын, назвать его Павлом, а если родится дочь, то сделать выбор из трёх имен: Вера, Надежда, Любовь.

Когда папа узнал, что родилась дочь и мама назвала меня Верой, в своем очередном письме с фронта он ей написал: «Спасибо, Аннушка! Значит, мы победим!». Вера явилась верой в победу!

Глазами Детей войны

Папа воевал в Керчи. В одном из боев он был тяжело ранен. На поле боя его подобрала полевая кухня. Об этом сообщили маме. А через некоторое время пришло извещение, что он пропал без вести.

Воспоминания детства – это одна пара шнурованных ботинок на двоих с братом Валентином. С утра до обеда обувал он, во второй половине дня носила их я. Мама в послевоенные годы продавала сшитую совместно с братьями обувь. Всегда старалась, чтобы мы не были голодными и раздетыми.

Сорочан Лилия Станиславовна

Родилась на Украине, в Винницкой области. Детей в нашей семье было четверо, я самая младшая. Отец – шахтёр, мама – домохозяйка.

Раньше семья жила в Винницкой области, а в 1936 году, когда там стали организовывать колхоз, переехали в Донецкую область. Отец не захотел вступать в колхоз.

О том, что началась война, я узнала тогда, когда мою сестру забрали на фронт. Хорошо помню, как мы её провожали, как я пела в тот день песни. Старшая сестра ушла на фронт медсестрой, а где был еще один брат, я не помню.

Когда началась война и фашисты захватили Донецкую область, тогда семья вернулась обратно в Винницкую область. Шли пешком три месяца – папа, мама, брат и я.

По пути в Винницкую область мы с братом сильно заболели, нас положили в больницу, мы долго были без сознания. Когда я пришла в себя, оказалось, что я лишилась слуха. Мне тогда было 5 лет.

Войну видела только через окно нашего дома, немцы часто были в нашем селе, но мама не выпускала меня из дома. Страх к немцам я не испытывала. Я их почти не помню. Вспоминаю только, как мама просила тихо себя вести, когда они заходили в нашу деревню. Отец на фронте не был, т. к. в шахте потерял руку.

После войны сестра вернулась домой с мужем, они ждали ребёнка. Муж сестры был из Ставрополя. Позже сестра с мужем и детьми

Глазами Детей войны

переехали в Ставрополь. В 1973 году я со своей семьёй и мамой тоже переехали в Ставрополь. У меня 1 дочь, 2 внучки и 3 правнука.

Когда пришла Победа, я была уже глухой. Помню, что мама была очень радостной, все люди обнимались. Я спросила, что случилось, и мне объяснили, что мы победили в войне. Только в 1947 году папа смог устроить меня в школу-интернат.

Знову сонце, знову лад,
Шагал до нас фашистський гад,
Думав ворог понувати –
Довелось йому конати.

Это стихотворение я выучила в 1 классе и читала его в День Победы, и помню его до сих пор.

Иваненко Иван Александрович

Я, Иваненко Иван Александрович, 20 января 1928 года рождения, являюсь ветераном Великой Отечественной войны и ветераном труда федерального значения, инвалидом 2-ой группы. Мой рабочий стаж - 50 лет.

1941 год - начало войны, мне 13 лет. Отца с первых дней мобилизовали и отправили на фронт. В апреле 1943 года мы получили похоронку. Нас трое детей в семье, я старший.

Когда провожали папу на фронт, это было в 1941 году, в июле месяце, я еще был маленький. Стенка высокая была, я поднялся на стенку, и папа сказал: «Сын, я уйду на войну, ты тут будешь старший! Будешь смотреть за всем».

В то время была карточная система я пошел в магазин, значит, отовариваться, занял очередь, и тут началась бомбежка – как раз в этом районе сбросили бомбы на площади Ашихина. Мы разбежались все, попрятались, а потом мы вернулись, и женщина, за которой я занимал очередь, – это то, что мне первое бросилось в глаза, я запомнил это на всю жизнь и часто вспоминаю этот случай, – так вот эта женщина лежала на порошках, а из-под неё текла кровь. Я ее постарался разбудить, она без сознания была.

Как я уже говорил, я был старшим ребёнком в семье. У меня были брат и сестра, брат был моложе на шесть лет, а сестра - на четыре года. Мамы часто дома не было – она ходила по селам, меняла продукты какие-то – нас кормила. Когда после бомбёжки я вернулся домой, - а

детей дома нет. Я испугался, конечно. Оказалось, что детей забрали соседи, - в подвал попрытали, мне сказали. Но потом все нормально было – дети пришли. Мамы не было. После бомбежки было очень много завалов. Смертей порядочно было.

Когда наши отступали, мы выходили на площадь и видели, как они уходили, уставшие такие...

Когда вошли немцы, я как глянул, их туча, такие у них мотоциклы, танки. И вот я прихожу к соседу, был у меня товарищ Боря Белецкий. А у него папа был на пенсии, на броне, и он работал. Я был расстроен, думал: «Боже мой, немцы зашли». На меня это повлияло отрицательно, конечно. А к нему пошел вроде пожалился, говорю ему: «Дядь Мить, вот пришли немцы. Смотрел я, наши отступали, бедные такие, уже заморенные, уставшие. А у этих танки, мотоциклы, одежда такая у них и вооружение все, наверное...». А он мне говорит: «Ванятка, да что ты, это ерунда все, а ты знаешь: француз ведь до Москвы дошел, а потом ты же учился, ты же помнишь, как его поперли, и этих попрут!..». И он какой-то такой, в таком возрасте вселил в меня надежду на будущее! Вот это я до сих пор вспоминаю!

Когда немцы были, я однажды прихожу и вижу: у нас на воротах написано «Küche» (кухня). Во дворе нашем было углублённое место, каштан красивый рос и гора консервов рядом с ним.

Мы с друзьями шли на пруд, когда немецкие машины заезжали к нам. Они, мы видели, повезли большую кучу консервов, примерно метра два высотой. На другой день мы проснулись: стоит часовой и охраняет эти консервы. Мы собрались кучкой, и он подошёл, собрал нас и поставил перед нами банки и говорит нам, мол, банки по сортам разбрасывать нужно. Нас было шестеро – четыре парня и две девочки. Среди нас был один смысленый парень. Он брал консервы и через стенку бросал их. Я смотрел, как он бросает их через стенку, ну и я тоже начал. Потом тот немец увидел, что мы бросаем консервы через стену, как заорал на немецком. Мы сидим, а он с автомата очередь – вверх. Мы испугались. Он нам чего-то говорит, а мы его не понимаем. Он показывает на забор, мол, лезьте через забор и доставайте оттуда консервы. Ну, мы, конечно, перелезли да кидали их обратно.

Был у меня и такой случай при немцах. Я вечером пошел к своим друзьям, где-то метров 300–400 от нас, и задержался. Ну, а потом темно стало. Иду, вижу: стоит немец. Я подхожу, а он что-то мне говорит. Потом я понял одно слово «партизан». Ну, я ему говорю, что вот к больному ходил. А закончилось это тем, что он говорит: «Иди!» Ну, я и пошёл, а сам иду и дрожу – боялся, что даст сейчас очередь. Вот, такая история!

Потом я пошел на работу, потому что я был старшим. Мама не работала. Я поступил на работу в КЕЧ, что переводится как Квартирная станционная часть. Это в 1942–1943 годах. Мне было 13 лет. КЕЧ отвечала за все казармы, коммуникации здания, сооружения. Мы все

завалы расчищали, вывозили, грузили, занимались подготовкой помещения, когда уже немцы ушли.

Когда наши заходили, это конечно фурор был! Такая радость была! Все: и старые и малые – радовались! И что мы могли, мы выносили. Так встречали, с таким восторгом! Это для нас была большая радость!

Ну, а потом начали все восстанавливать и привлекали и малых, и старых. Когда я поступил на работу в КЕЧ, специальности у меня еще не было, но меня взяли.

Отец не вернулся с фронта – погиб в 1943 году, в августе месяце. Он занесен в «Книгу памяти».

В КЕЧ я поработал на этих завалах подсобным рабочим, а потом меня взяли в штат. Я в то время закончил пять классов и учился в шестом. Я маленький ростом был, и меня взяли в КЕЧ делать новые планы – казармы отмеряли. А потом, значит, начали набирать в ремесленное училище. Мне было тяжело. И мама мне говорила: «Вань, ты, наверное, иди в ремесленное училище. Там кормить будут и форму вам будут давать». И я пошел, поступил в ремесленное училище. Когда оформляли, мне там повестку дали и сказали: «Вы пойдете литейщиком». А я сказал: «Да, нет! Я не пойду литейщиком». «А куда ты хочешь?» – спросили. – «Я модельщиком пойду», – ответил я. Мне мой товарищ, который поступил на модельщика, рассказал об этой специальности. Ну, она меня уговаривать и отказывает: нет, мол, мы группу уже набрали. В это время заходит мужчина, прилично одетый и слышит, как мы с ней переговариваемся. И он спрашивает, в чем дело. Она говорит: «Вот, не хочет идти литейщиком, а хочет в модельщики. Но на эту специальность мы уже набрали группу». Тогда от меня спросил, кто я и как, с кем я живу... Я говорю, что папы нет у меня. Есть брат сестра и мама, я старший, а отец на фронте. Он тогда говорит этой женщине: «Запишите его!» И меня записали.

Так в 1943 году я поступил в Ставропольское ремесленное училище №1.

В 1945 г. я его заканчиваю с присвоением профессии модельщика. 2 года отработывая (такой был закон), я поступаю на курсы шоферов, заканчиваю и работаю в 110 автобазе. Во время учёбы в ремесленном училище нас часто привлекали к восстановлению разрухи после оккупации и посадке деревьев на территории города.

Ребят, у кого отцы не воевали, их направляли в Челябинск и в другие в промышленные города, а меня оставили в протезной мастерской. Мы там изготавливали протезы для инвалидов Великой Отечественной войны.

С 1948 года - служба в армии. После армии работал во ВНИИОК(е) водителем, и одновременно закончил вечернюю общеобразовательную школу.

Работая, в 1960 году, поступил в Ставропольский строительный техникум на вечернее очное отделение П.Г.С. (промышленного и гражданского строительства). В 1964 закончил его с присвоением мне

Глазами Детей войны

профессии «Техник-Строитель» и меня переводят с должности водителя, на должность по моей профессии. На этой должности я проработал во ВНИИОК(е) 27 лет, а всего, мой стаж составляет 40 лет.

За мою трудовую деятельность, мною было построено много объектов и промышленных, и гражданских, таких как: 4-х этажный лабораторный корпус по адресу пер. Зоотехнический 15, общежитие на 216 человек по ул. Пушкина 30, и 70-ти квартирный жилой дом по ул. Тухачевского 7, станция в обходе «Темнолесский» с установкой 25-ти метровой водонапорной башни,

Много лет я занимался долевым строительством жилья для сотрудников института. Более полсотни из них получили отличные квартиры.

На протяжении нескольких лет организовывал отдых для сотрудников ВНИИОК-а на Чёрном море с проживанием в сборных деревянных домиках. Возглавлял группу строителей по ремонту зданий и сооружений. На общественных началах был ответственным за газовое хозяйство института, котельной и жилых домов.

Активно участвовал в общественной жизни института. Был членом профкома института, вёл кружок по политзанятиям по понедельникам. Возглавлял профгруппу хоз.части. Вышел на пенсию по возрасту в 1991 году. С 1992 по 1996гг., будучи на пенсии, работал в Уникомбанке.

Мне сейчас нравится воочию видеть свои творения, мимо которых я частенько хожу.

В 1954 году я женился у нас родилось двое детей сейчас у меня троя внуков, две правнучки я хочу чтобы мои дети, правнуки, внуки и остальные дети не видели того что я пережил за эти военные и другие годы желаю, им счастья, здоровья, благополучия и храни их бог на многие годы

В своём арсенале имею 4 медали к юбилейным датам к победе в ВОВ 1991-1945гг. Одну - «Ветерана войны» и знак «Дети войны», «Ветеран труда», грамоты, благодарности и поощрения.

В настоящее время являюсь членом Актива общественной организации «Дети войны».

Сидоренко Нина Федоровна

Я родилась 20 ноября 1936 года. Когда началась война, мне было 4 года. Ещё пяти не исполнилось. Она же началась в июне, а я родилась в ноябре. Мы в это время жили в средней полосе, тогда это была Горьковская область сейчас – Чувашская республика, в городе Канаш. Это был небольшой город, узловая станция, через него проходило много поездов. В городе был большой вагоноремонтный завод. После войны на

нём работали пленные немцы.

До войны папа был корреспондентом, развозил корреспонденцию по городам на поезде. Мама была домохозяйкой, нас четверо у неё было. Младшая сестрёнка 40-го года рождения. Я хорошо помню, как началась война. Мама тогда вдруг заболела и лежала в больнице. Папу сначала призвали на войну, но из-за того, что мама была в больнице, ему дали отсрочку. А потом, когда мама вышла из больницы, его забрали на войну.

– Помните ли Вы как папа уходил на фронт?

– Конечно, помню. Мы, маленькие дети, прижались к нему. Но он нас успокоил: «Не переживайте, я скоро вернусь» Все думали, что всё очень быстро закончится. На вокзал мы папу провожать не ходили, мы маленькие, дома были. Его проводили родственники. Так мы остались без папы, с мамой и очень старенькой бабушкой.

В начале войны я ещё маленькая была. Нас мама брала с собой в лес. Мы ходили туда, собирали там всё. Он был недалеко. Но как недалеко – 3 километра. По дороге в лес стояла ветряная мельница с огромными лопастями. И мы на них катались. Нам было интересно. В лесу собирали ягоды, грибы. Много орехов росло там. Всё это мы собирали, заготавливали. Лес кормил нас. И дрова в лесу заготавливали.

О войне я помню, что через наш город по проспекту Островского день и ночь шли танки на фронт. А мы, дети, выбегали к дороге, махали

им ручкой, провожали. Танкисты улыбались в ответ. Для нас это было игрой.

Фашисты в наш город не дошли. Наш город недалеко от Москвы, но немцев туда не пустили. И немцев я видела только после войны, когда они пленные работали у нас на заводе.

День Победы я очень хорошо помню. Все радиоприёмники сообщали об этом, музыка играла, люди и плакали, и смеялись. Дети прыгали и кричали: «Конец войне. Гитлер капут!». Даже выучили эти слова. Но вы знаете, от немцев, от пленных мы ничего плохого не видели. Им разрешали ходить по городу. Бывало, они подходили к нашему окошку. Мы дома одни сидели, мамы не было. Мы открывали окно, а они просили у нас хлебца. Мама хлеб пекла так: в ручную зернодробилку кидала горсточку зерна, картошку, травы разные. Из этого пекли хлебушек. Его немного было у нас, не вдоволь. Дорогой для нас был хлебушек. И мы давали немцам всё, что есть. Жалко их было.

Война закончилась, отец ещё какое-то время находился в госпитале: очень тяжело ранен был. У него пуля попала в одно бедро, а из другого вышла, и ещё было ранение в грудь. Он нам потом рассказывал, что лежал на поле и истекал кровью. Но он верующий у нас был. У него в кармане в гимнастёрке всегда лежал крестик. И он говорил нам: «Меня спасла Божья мать. Я видел её, когда был без сознания». К нему, видимо, медсестра подошла, когда его забирали с поля боя. А он говорит: «Ко мне подошла Божья мать и сказала: „Ты будешь жить!“» И так он долго лежал в госпитале. Из госпиталя присылал нам письма. А однажды он прислал письмо. Мамы дома не было. Мы его открыли, а там фотография: он в больничном белье. Мама пришла, а мы ей: «Мама, какой-то дядя прислал фотографию» Она посмотрела: «Деточки, это папа наш, папа». Папа вернулся с фронта. Хоть раненый, но вернулся. Такая радость была!!!

Я в школу пошла в 44-ом. В школу я убежала. Меня ещё не пускали. Сама убежала. Взяла дома брошюрку Сталина (тетрадей не было) и пошла. Так я попала в 1 класс. Просто пришла в школу и сказала: «Хочу учиться». А когда я в школу ходила, хорошо помню, нам на перемене давали кусочек чёрного хлебца. Ой, какая была радость, какая радость! В 54-ом я закончила школу.

После школы поступила в сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет в городе Чебоксары. Был очень большой конкурс. Нас приехало поступать 12 человек из нашего класса. Но по конкурсу только я прошла и поступила. Отучилась. И на распределении сама попросилась в Ставропольский край. Сначала приехала в Прикумский район, а потом меня перевели в Александровский район на конезавод. Там мне дали коня. У меня был свой конь. Так я научилась ездить верхом на лошади. Но потом, через полтора года меня послали на

Глазами Детей войны

курсы в Ставрополь. Здесь я познакомилась с будущим мужем. Я осталась в Ставрополе и работала экономистом. Вырастила двоих сыновей.

Сейчас пою в хоре «Дети войны». Хожу на стадион, занимаюсь скандинавской ходьбой.

Современные дети – это очень счастливые дети! У них сейчас всё есть. И я хочу сказать: «Берегите, дети, честь смолоду!

Дорожка жизненная будет и лёгкая, и трудная. Будут трудные испытания. Но всё нужно перенести и не потерять человеческих чувств. Нужно дружить со всеми народами. Берегите мир!»

Рассоха Нина Ивановна¹²

А вы папу нашего не видели?

Меня зовут *Нина Ивановна Рассоха* (девичья фамилия Володикова), я родилась в селе Крупышино Дмитровского района Орловской области (примерно 25 километров от города Орла). Дата моего рождения в паспорте 26 июля 1936 года, однако на самом деле я родилась на год раньше и в августе, но в связи с утратой документов точную дату рождения восстановить не смогли.

¹² В подготовке текста воспоминаний оказала помощь доцент кафедры педагогики и образовательных технологий Института образования и социальных наук СКФУ Толокнеева Елена Ивановна.

Мой отец, Иван Иванович Володиков, воевал на фронте с самых первых дней, потому что незадолго до начала войны его забрали в армию (предполагалось, что его служба продлится 7 лет). Мать, Мария Егоровна Володикова, осталась дома с тремя детьми: я 5 лет от роду (самая старшая), сестра Тоня 4 лет и Рая 3 лет. Мы, дети, конечно, не поняли, что происходит самая страшная трагедия в нашей жизни.

Мои воспоминания о войне начинаются с одного летнего дня, который, как казалось, совсем не отличался от многих других обычных дней. Но на самом деле, это был роковой день, перевернувший всю нашу размеренную, обычную жизнь. Наша мама пошла по делам в соседнюю деревню, мы ее ждали, стоя на подоконнике... Вдруг по небу стали летать большие, черные, жутко гудящие «птицы», а в село с пригорка стала двигаться целая колонна каких-то странных злых людей – потом мы узнали, что это были немцы. Несмотря на опасность, мама, пробираясь через немецкую толпу, бежала домой к детям. Прибежав домой, она схватила нас, и мы побежали к маминим родителям, с которыми проживали еще две тети и дядя (лет 16–17). Какое-то время мы так и жили все вместе...

В деревне поселились немцы, заняли все уцелевшие дома. Чуть ли ни под дулом пистолета наша мама готовила еду и стирала им. Мы, как мышки, сидели на печке и боялись высунуться. От страха часто плакали и мешали фашистам, которые однажды, пока мама была занята, стащили нас с печки и выкинули полураздетыми прямо на снег. Мы сильно тогда замерзли. Рискуя своей жизнью, мама буквально собрала нас в охапку и стала ругаться с угрожавшим ей пистолетом немцем... В этот момент на наше счастье зашёл их командир. Он довольно неплохо говорил по-русски. Он приказал завести всех в хату. Потом он рассказывал, что дома его ждут жена и трое детей и что мы на них чем-то похожи.

Следующая волна ярких воспоминаний, которые вспыхивают в памяти всю жизнь, берет свое начало в страшном зимнем дне... Над нашим селом стали кружиться уже такие знакомые черные «птицы», но на этот раз они что-то сбрасывали вниз, и то там, то здесь звучали страшные взрывы. Вся семья сначала упала на пол, а поняв, что это не спасет, бросилась бежать куда глаза глядят, даже не взяв никакой одежды. Оставшиеся в живых жители нашего села тоже бежали кто куда, в лучшем случае успев прихватить с собой что-нибудь из нехитрого скарба. Повсюду лежали убитые люди и животные, порой разорванные в клочья... Белый снег был ярко алым... Самое страшное, что бомбили эту местность и немцы, и наши советские войска, потом мы узнали, что здесь шли одни из самых ожесточенных боев.

Каким-то чудом нам удалось в этой бомбежке выжить, но нашу самую младшую сестренку ранило осколком бомбы, а дядю немцы с другими молодыми людьми и девушками погрузили в машину и увезли к глубокому яру на расстрел.

Там произошло еще одно чудо, наш дядя и еще один парень смогли выпрыгнуть из машины и сбежать. Прибежали они в первый попавшийся дом и попросили о помощи хозяйку дома, одинокую добрую женщину, которая, рискуя своей жизнью, спасала их. Женщина спрятала ребят в глубоком колодце, закидала его вход ветками и разным хламом, а потом около двух недель подкармливала и приносила воды. Смогли они вернуться домой, только когда немцы отступили.

Оставшиеся в живых жители нашего села и наша семья добрались до сёл Мураевка и Тюленево, где бои, как нам казалось, были немного слабее. Но все заболели тифом, и абсолютно чужие женщины пытались оказать нам помощь, подкармливали, лечили как могли... Через некоторое время наша маленькая, раненая осколком сестричка умерла. Похоронили ее посторонние люди, так как вся семья была не в силах даже подняться. Так и думали, что все умрем... Выжили! Прошло еще немало времени, было много бомбежек, много слез, страха, болезней, страданий, прежде чем мы ощутили неистовую радость – радость Победы, победы над злом и смертью!

А потом было возвращение домой... Однажды мы шли через лес и увидели наших солдат. Не передать, какие они были изможденные, грязные, оборванные, голодные. В лесу рос орешник, и солдаты разбрелись по лесу, чтобы орехами утолить голод. Мы так радовались нашим солдатам, а они, несмотря на свое состояние, старались каждого подбодрить, убедить, что такого ужаса больше не повторится, в душу каждого ребенка и взрослого вселить надежду на дальнейшую счастливую жизнь.

Мы подбегали ко всем с одними и теми же вопросами: «А вы папу нашего не видели? Вы не знаете, где наш папа? А наш папа скоро вернется домой?» Они отвечали, что видели, что идет, что скоро вернется. Но папа так и не вернулся.

Придя домой, вернее туда, где раньше был наш дом, а теперь зияла воронка от взрыва, мы получили известие, что наш папа, сержант Володииков Иван Иванович, в битве под Смоленском пропал без вести.

После войны жить было очень трудно... Не было даже крыши над головой, прошло немало времени, пока мы смогли практически из подручного материала «слепить» хатенку. Всех мучил страшный голод, готовили лепешки из крапивы, собирали орехи, сушили цветки клевера, толкли и ели полупрелую, перемерзшую картошку. Вместо тарелок использовали остатки гильз, вместо ложек – деревянные палочки. Одежду мама шила из солдатских шинелей и плащ-палаток. Обувались в плетеные из веревок чуни (это что-то вроде лаптей). Однако, несмотря на эти страшные трудности, у нас было главное – надежда на счастливую жизнь, вселённая в наши сердца и души, измученными войной солдатами.

Быков Алексей Михайлович Детские годы

Семья большая, 6 человек. Отец умер рано. Мать одна, было очень тяжело, особенно с 1940 года по 1954 год. Нас выручала весна, потому что можно было ловить сусликов и на что-нибудь их поменять. Ходила мать на озеро за солью и по сёлам ходила, меняла на продукты. Работали в колхозе за трудодни, которые давали только в конце года, и то копейки.

Стало легче с 1954--1955 года. С 13 лет пошёл работать, пас телят.

Воспоминание детства

Родился я 5.02.1940 г. в многодетной семье, нас у родителей было семеро. Отец на фронте не был, он очень болел, умер в 37 лет. Вот с такой оравой осталась наша мама где-то в 40 лет. И мы, дети, быстро повзрослели. Я пошел в школу в 9 лет и проучился 5 классов, бросил школу, пошёл в колхоз пасти телят и в 15 лет меня поставили гуртоправом (зав. фермой), и я нёс уже вполне взрослую ответственность.

Детские годы запомнились голодом и жестокими зимами, а рано весной ездили ловить сусликов в поле, было очень холодно. Вот, что нас спасло от голода, мы уже были без хлеба, но с мясом. Был у нас ишак, он

был нам большой подмогой. Вот коротко о детстве. Его у нас как и не было. Мы в 12–13 лет были уже взрослыми.

Быкова Тамара Егоровна

Детские годы

Школьные годы. Мама жила с отчимом, потому что папа погиб. Отца я не помню. Они работали чабанами и уходили на черные земли на 8–9 месяцев. Мы с сестрой оставались на попечении тети. В школу мы с сестрой ходили попеременно, ходить было не в чем, то одна наденет обувь, потом другая. Холод был зимой сильный, топили кураём и не могли согреться. Кушать было нечего, отчим привез с черных земель жмых, это была такая радость. Ходили собирать колоски.

Воспоминание детства

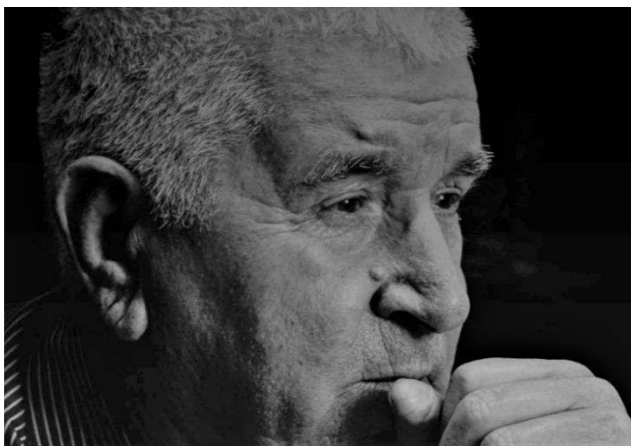
Родилась я 25.09.1939 г. в семье колхозника, мама и отец были чабанами. Нас, детей, брали с собой (нас было трое). Когда началась война, отец в первый день был призван на фронт, а мама осталась с нами троими. Не знаю, в каком году пришли немцы и бомбили наши. Мама с нами бежала в ту балку, где расстреливали евреев, накрыла нас зеленой толью, и лежали мы, пока не затихла стрельба. Это воспоминание маленького детства. Помню, были мы на детской площадке, где умерла сестра (самая маленькая) от цинги.

Я пошла в школу почти в 10 лет, потому что мама всё время в степи, а мы с сестрой были с тетей. Помню школьные годы. Зимы стояли очень холодные, и школа отапливалась кураём, так мы называли растение (перекати поле). Руки не могли держать ручку, да чернильница была замерзшая.

Школу я любила и учителей любила как святых. Окончила 7 классов. Мама не могла дальше меня учить, так как сильно болел наш отчим. Мы все старались ему помочь.

Мама работала на лесопитомных. Там много было девчонок 13–14 лет. Сейчас как вспомнишь: нам, наверное, ничего не платили или платили копейки.

Детские годы запомнились холодом и голодом. Мы не знали сами, как мы выжили, а наши родители с нами пострадали. О наших детских годах много можно писать, но всего пересказать невозможно.

Труфанов Пётр Петрович¹³

Я не помню, как началась война. В далёком 1941 году мне было всего пять лет. Тогда мы жили в селе Сергиевском, это в Грачёвском районе. Очень многое из моего детства

рассказывала мне бабушка, но кое-какие воспоминания остались.

Я не видел ужасов войны. От них меня уберегла бабушка. Когда на Ставрополье начались бомбёжки, меня прятали в холодном подвале. Я видел раненых, немецкие танки в нашем селе. Враги всё разрушили. Они взорвали молокозавод, сожгли поля с пшеницей. Но ни одного убитого солдата маленьким не увидел: меня от всего этого спасала бабушка.

Я ведь родился здоровым, где-то лет до пяти всё слышал и хорошо разговаривал. А потом резко оглох, чем-то заболел. Врачи так и не выяснили, что послужило причиной. Мой товарищ, например, оглох в детстве из-за взрыва в Ставрополе – здесь было тоже много бомбёжек. А

я жил в селе, врачей там не было. Выяснили, что я глухой, только когда переехали в Ставрополь. Может, если бы не прятался в холодном подвале, сейчас слышал.

До войны у нас была большая, дружная семья. В голодные военные годы бабушка прокормила всех детей и внуков. Она развела хозяйство. А ещё нам помогал колхоз. В селе было проще, чем в городе. Ни один ребёнок у нас не нуждался.

Войну не пережили только мой папа и дядя. Первый пропал без вести в Ростовской области, второй погиб в Сталинграде. Сейчас никого из нашей семьи не осталось, только я. В тот год, когда пропал отец,

¹³ «Спасибо тебе большое. Я вырос счастливым». Глухонемой серебряный волонтер из Ставрополя Пётр Труфанов о том, как он ребёнком пережил Великую Отечественную войну, кто спас от её ужасов и что заставляет пожилого мужчину оставаться активным. <https://livestory.pobeda26.ru/trufanov>

умерла и моя мама. Из-за чего, не знаю до сих пор. Даже бабушка потом

не рассказывала, всё покрыто тайной. Может быть, убили. Мне специально не говорили, чтобы я не переживал. В нашей деревне очень многие погибли тогда или пропали без вести. Сейчас там стоит памятник, на котором только наших однофамильцев 46 человек. Труфановых очень много.

Когда война закончилась, мне было 9 лет. В 1946 году мы переехали в Ставрополь, потому что здесь была школа-интернат для глухонемых. Привезли сюда на лошади. Сейчас город красивый, большой. А тогда страшно было. Мы сидели в интернате, как в тюрьме. Оттуда запрещалось выходить, за этим строго следили старшеклассники-дежурные. На улицах было просто опасно. После войны в Ставрополе было много преступников: воровство, грабежи, хулиганы.

А после интерната, где я только не был. Долгое время трудился фрезеровщиком здесь, на «Красном металлисте». До 78 лет работал дворником в роддоме. И до сих пор не сижу на месте. Сейчас я волонтер, помогаю всем что-то ремонтировать. У меня двое детей и внучка. Я бы работал до сих пор, но вот дочь запрещает. А дома мне сидеть просто скучно.

Важно быть активным и помогать людям

Никто не верит, что мне 83 года. В душе я себя ощущаю на 60. И при этом у меня маленькая больничная карточка! Если не сидеть на месте, времени болеть не будет. Поэтому я часто хожу по утрам пешком. Вечером тоже гуляю с палками для скандинавской ходьбы.

Занимаюсь спортом на спортплощадке рядом с домом. Вот и весь секрет.

Я столько всего хотел бы рассказать внучке! «Вот только говорим мы на разных языках: жесты она не понимает, живёт в другом месте...

Хочу дожить минимум до 95 лет. Это одно из моих заветных желаний. Хочу, чтобы семья была в достатке, никто не был голодным. Чтобы с детьми всё было хорошо.

Обожаю смешное кино! Меня очень веселят комедии, сказки, фильмы про спорт. А вот про войну смотреть не люблю. Кино должно быть добрым.

В моей жизни была только одна любовь, – это моя жена. Ни одну женщину не любил так, как её. Она умерла в 55 лет, много работала, было больное сердце, а она продолжала трудиться. Чувства к ней у меня остались до сих пор.

Я боюсь только темноты. Просто потому, что я не слышу. Особенно страшно оставаться одному в тёмной комнате или идти в сумерках домой. А больше никаких страхов нет, даже смерти.

Хотел бы сказать бабушке «спасибо». Она спасла меня от ужасов войны. До сих пор езжу к ней в гости, на кладбище. Если бы сейчас оказалась здесь передо мной, я бы сказал: «Спасибо тебе большое. Я вырос счастливым».

Уткина Валентина Ивановна

Я Уткина Валентина Ивановна. Родилась в селе Воронцово-Александровское (сейчас г. Зеленокумск) 25 января 1939 года. В семье моих родителей было семеро детей. Пять сестер: Анна (1923 г. р.), Нина (1926), Шура (1929), Антонина (1935) и я (1939), и два брата – Николай (1940) и Леша (1941). Наша семья считалась многодетной и мама была награждена медалью «Материнская слава».

Во время войны старшим сестрам приходилось рыть окопы, меньшим валять валенки солдатам на фронт. Работали в полях, сеяли хлеб, убирали лен, собирали колоски. В огороде у нас был земляной окоп, который вырыл папа. Там мы прятались во время бомбежки и со свечами уходили в него ночевать.

Помню, как сзади дома упало две бомбы, и одна из них взорвалась. Папа находился в комнате, и его взрывной волной откинуло в другую комнату, где в люльке лежал братишка, которого также снесла волна, и он закатился под кровать. Вылетели стекла с окон хаты. Акацию около дома срезало как будто пилой. А нас спасло, что вторая бомба не взорвалась.

В 1943 году с августа по октябрь у нас в хате стояли немцы. Один из них меня частенько угощал брынзой. В огороде у нас был большой виноградник. В конце августа, не дав созреть винограду, немцы оборвали его и выбросили. Увидев это, моя старшая сестра Нина хотела украсть у папы пистолет и расстрелять их, но папа категорически запрещал ей даже и думать об этом.

Глазами Детей войны

Немцы расстреливали евреев и летчиков.

9 января 1943 года село было освобождено от немцев. 800 жителей района погибли за этот период.

В один из дней над селом стали очень низко летать самолеты. Испугавшись, мы спрятались в окоп. А самолеты с красной звездой кружили и не было бомбежек. Тогда мы догадались, что это Победа.

После войны в нашем городе в нижнем парке поставили памятник расстрелянным летчикам. И в верхнем парке был памятник воину-освободителю.

В 1975 году из двух памятников был сооружен мемориальный комплекс «Огонь вечной славы».

Тяжелые годы были и после войны. Снег на полях, а мы убираем хлопок. Приходили домой голодные, уставшие, грелись на русской печке. Били соргу и делали веники, собирали колоски. Рвали траву и меняли ее на молоко. На молоке нам мама варила кашу из цветов акации.

Ели траву всякую: сурепку, пастушью сумку, калачики, цветы и плоды акации, корень солодки. Ходили на мельницу, просили крупы. Мама варила нам затёрку и мамалыгу. Иногда тайком от родителей попрошайничали у тех, кто нас не знает.

К нам в село из соседних хуторов приезжали торговцы, мы им продавали воду по 10 копеек кружку. Тем самым зарабатывали себе на жизнь, облегчая родительскую участь.

Папа у меня был мастер на все руки. Любил он сапожное дело. Помнится, он сшил мне первые красные сандалики. Сколько радости и восторга было! А когда я пошла в школу, он обул меня в черевички собственного производства.

После войны проработала слесарем на заводе «Электроаппарат». Получила награду «Ветеран труда».

Последние 15 лет пою в хоре ветеранов «Вдохновение», занимаюсь в местной музыкальной школе. Ездим по городам с выступлениями.

В нашем хоре есть группа из шести человек, мы – дети войны. Наша маленькая группа ездит по городам и селам Ставропольского края с поздравлениями ко Дню Победы.

В 2015 к 70-летию Победы моих сестер Шуру и Нину в здании администрации г. Зеленокумска наградили медалью «Участник войны», потом состоялся концерт.

В 2020 году приезжали к нам домой, меня и мою сестру Нину поздравляли с 75-летием Великой Победы, подарив нам сладости, открытки и цветы.

Персук Мария Федоровна¹⁴

«Война» – страшное слово...

«Война» – страшное слово... А знаете ли вы, чем пахнет война? Для одних она пахнет дымом и гарью, для других – копотью и порохом, а для моей прабабушки война запомнилась резким запахом немецкого одеколона и страхом от встречи с фашистами.

Шел 1942 год. Немцы пришли в село Донская Балка и начали там расквартировываться. Прабабушка, на тот момент 11-летняя Маша, жила с семьей в этом селе. Однажды четыре солдата, возглавляемые офицером, зашли в их двор. Густой запах парфюма окружал чужаков. Маша с четырехлетней сестрой Катей укрылись в сарае. Старшая сестра спряталась за дверью, а младшая зарылась в сено. Гитлеровцы, осматривая двор, зашли в сарай и увидели, что в сене что-то копошится. Насторожившись, они направили туда дула автоматов и уже готовы были стрелять в стог, где сидела маленькая девочка. Но в этот момент, желая спасти сестренку, Маша выбежала из укрытия. Она пыталась объяснить, что в сене ребенок, но фашисты не слушали и кричали: «Хэндэ хох! Партизанэн! Партизанэн!», – готовясь выстрелить. Тогда маленькая Катя вылезла из сена и, замерла, растерянно хлопая ничего не понимающими глазами. Убедившись, что партизан в стоге нет, немцы ушли, а страх остался. И стойкий запах одеколона еще долго витал над сеновалом.

Когда прабабушка рассказала мне эту историю, я почувствовала большое счастье от того, что живу в мирное время и знаю о войне только

¹⁴ Горбачева Алина 5 «Г» 14-й Лицей г. Ставрополь, Сочинение на тему «Дети войны» о своей бабушке Персук Марии Фёдоровне, проживающей в с. Донская Балка Петровского района.

из рассказов и книг. Я бы очень хотела, чтобы детство каждого ребенка было наполнено ароматами шоколада, конфет, маминого яблочного пирога или первого снега. Пусть весна всегда пахнет ландышами и сиренью, как в мае 1945 года.

Галенина Любовь Сергеевна

– Сколько вам было лет, когда война началась?

– Война началась, мне было 14, наверное. Я 1928 года, вот посчитайте, сколько. Где-то 14 лет, даже не было ещё 14.

– Где вы жили, когда война началась?

– В Башкирии. Детство моё прошло

в Башкирии, голодное... трудное, голодное...

– Чем родители ваши занимались?

– В колхозе работали.

– Из ваших родных кто-нибудь на фронт уходили?

– Брат погиб Михаил, 1925 года рождения.

– Ещё братья, сёстры были у вас?

– Были, все поумерли уже, нету их. Были брат и 2 сестры, нас было всего 5 у родителей.

– Помните, как брата провожали?

– Помню, как провожали тогда: посадили на сани, зимой забирали, отвезли, тогда так провожали. Было голодно очень, есть было нечего, картошку одну и ели.

– Отец ушёл на фронт тоже?

– Нет, отец нет.

– Чем вы помогали старшим?

– Ой! Вот с таких пор мы, наверное, с 10 лет работали в колхозе. Всё делали! Что старшие делали, то и мы делали. И на лошадях работали, и на севе работали, и на уборке, тогда же у нас там комбайны не ходили – серпом жали. Всё делали. Всё-всё делали! Абсолютно во всём помогали. И картошку копали... Мы даже учились, – с сентября не начинали учиться, а с октября, потому что у нас там картошку в сентябре копают. Уже бывает и снег там в это время... По снегу обувь мне, одеть

нечего было. Ой! Вот не хочу даже вспоминать той жизни, честное слово, не хочу вспоминать даже, плакать хочется.

– Брату писали письма или вот связь какую-то?

– Писали, да. Брат писал, прислал последнее письмо, говорит: «Гоним немца, у него пятки только сверкают». Всё, последнее письмо его было. Он погиб в восточной Пруссии.

– В оккупации были?

– Нет, нет, у нас не было.

– Немцы не заходили, нет, получается?

– Нет, до нас немцы не дошли. Кроме пленных. Пленных у нас было много. Пленные у нас и в колхозе тоже работали, мы с пленными вместе работали, говорю: «Помогайте нам».

– Помните, как односельчане возвращались?

– Ой, помню

– Как встречали?

– Всем селом встречали. И безногие приходили, и без рук приходили. Ужас! Не хочу вспоминать, честное слово.

– Брат не вернулся, да?

– Брат не вернулся, погиб.

– Запомнилось какое-нибудь событие?

– Вспоминаю день Победы, это хорошо вспоминаю. Все собрались, все! Вышли на улицу, все босиком – плясали, радовались и плакали одновременно. Вот это событие помню, хорошо помню!

– После войны где вы были? Где жили?

– После войны ну там же мы и жили. Там у нас воинская часть была, мой бывший муж там служил, поэтому мы поженились и переехали сюда в 1952 году.

– Это его направили служить сюда?

– Ну, его забрали как участника войны, во время войны, правда, на фронт не успел попасть мой муж, он там 8 лет отслужил. И в 1952 году демобилизовался, и приехали сюда.

– На Ставрополье, да?

– На Ставрополье с тех пор я здесь живу.

– Где вы работали?

– Я работала здесь, в основном в торговле, в магазине. Работала в магазине, и дома, и в колхозе работала – везде работала. У меня 5 детей, муж рано умер, мне надо было их растить.

– Как вы свою жизнь оцениваете?

– Сегодняшний день? Ну, сегодняшний день как я оцениваю очень хорошо, очень хорошо. И я вот говорю: «Голосуйте за Конституцию», я

всем так говорю, честное слово. Сегодняшний день я оцениваю... А чего не хватает? Вот принесли, когда это было такое? Всё есть, сейчас в магазинах всё есть, пенсию платят, дают. Всё, спасибо Путину. Я Путиным довольна, конечно, может быть, в чём-то у него и ошибки есть, ну я не одобряю его по сельскому хозяйству, а так он страну поднял, очень даже. Честь и хвала ему!

– А внуки? Сколько внуков у вас?

– Ой! У меня внуков много, 20 внуков и правнуки уже есть.

– А правнуков сколько?

– Уже 6 правнуков. Внуки все хорошие, все меня навещают, приезжают, и дети приезжают. Один сын умер у меня в Мурманске, он моряк у меня был, там он и умер. Вот такие дела.

– Что-нибудь вы бы хотели сказать следующим поколениям, через эту книгу?

– Я бы сказала, пусть берегут Россию, вот и всё. Пусть берегут Россию следующие поколения! Конечно, желательно, чтобы вот это поколение наше оставили больше молодёжи, больше чтобы им осталось. Молодёжь хорошая, вот, пожалуйста, чем вы плохие? А вы вообще откуда?

– С Летней Ставки, в газовом хозяйстве работаем.

– Такие люди в Летней Ставке? Ой, молодцы, спасибо Вам, какие вы молодцы!

Шаптала Надежда Ивановна

Я, Шаптала Надежда Ивановна, родилась 18 марта 1926 года. Я коренная ставропольчанка, здесь родились мои предки, в Ставрополе я прожила всю свою жизнь.

Когда началась война мне было 15 лет. Я в школе занималась в танцевальном ансамбле, и мы часто выступали с концертами, танцевали народные танцы.

Глазами Детей войны

22 июня 1941 года мы с ансамблем поехали на концерт для строителей Кубано-Егорлыкского канала. Сначала был торжественный митинг, а после него концерт. Поставили рядом две большие бортовые машины, борта открыли и получилась «сцена». У нас были очень красивые костюмы, мы танцевали с большим удовольствием, нас очень тепло встречали, концерт прошел хорошо. Настроение было приподнятое. А после концерта мы узнали, что началась война...

Потом мы много концертов давали в госпитале, выступали перед ранеными.

Очень хорошо помню ночь со 2 на 3 августа 1942 года. Летом 1942 года все школьники старших классов были на сельскохозяйственных работах, я работала на полях Петровского района и жила там у своей тети. В последних числах июня пришло письмо от моего папы о том, что фашисты уже под Ростовом, и он велел мне срочно возвращаться домой. А на чем возвращаться? Никакой транспорт не ходит. Но мне повезло. Два зоотехника должны были ехать в Ставрополь за какими-то лекарствами для овец, и моя тетя договорилась, чтобы они меня взяли с собой. Конюх, два зоотехника и я на подводе, запряженной двумя лошадьми, поехали в город, и в дороге нас застал дождь. Колеса подводы топнут в грязи, глубоко прорезая землю, и засветло мы добраться не успели. Непогода совсем разгулялась, ливень, гром, гроза, мы вымокли до нитки, и мужчины приняли решение заночевать у знакомых в селе Михайловском (ныне г. Михайловск), а наутро ехать в Ставрополь. Мы заночевали у учительницы Дарьи Михайловны.

В 3 часа ночи началась бомбежка, немцы бомбили железную дорогу. Все подскочили, я не понимала что происходит, было очень страшно. Конюх был пожилой мужчины, воевал еще в Первую мировую войну, он объяснил, что это бомбежка.

Утром я вернулась домой и примерно с 9 до 17 часов фашисты бомбили Ставрополь. В городе был ужас! Стояла страшная жара, повсюду поваленные столбы, провода, искалеченные трупы, мухи, запах смерти.

Немцы вывесили объявление «Всем явиться на уборку города! За неявку – расстрел». Вот так началась оккупация моего родного города.

Глазами Детей войны

Фашисты, которые были в Ставрополе, были не только немцы, было много румын и итальянцев.

Я не участвовала в боях, но я ветеран войны, потому что с 1943 года работала на железной дороге, а она была военизирована. Я пришла в

военкомат, просилась на фронт, меня не взяли, потому что мне было только 17 лет, но предложили работу, и я пошла работать в столовую на железную дорогу, сначала помощником повара, потом поваром и диет-поваром. Много было демобилизованных, которым требовалось диетическое питание, а весной 1945 года меня послали на курсы шеф-поваров в Харьков. Там я и встретила Победу.

Мои старшие сестры работали в госпиталях, одна фельдшером в Пятигорске, другая медсестрой в Ставрополе. Брат пошел добровольцем на фронт, был десантником, закончил войну в Чехословакии. Отец водил железнодорожные составы с военной техникой, доставляя ее на фронт.

Саханёв Виктор Трофимович

Родился я 9 февраля 1941 года. Зарегистрирован я в Бешпагире, а родился в Ставрополе.

Во время войны отца не было, он был на фронте, дядя был на фронте. Когда немцы пришли, тетю нашу спрятали на хуторе. Она была учительницей. А мы, мама, бабушка, дедушка и брат, проживали

в своей хате. Когда немцы пришли, единственное, что я помню, – немец меня угощал конфетами.

Во время войны бабушка моя, Донская Надежда Кузьминична, прятала советского солдата на чердаке. Немцы были в зале в квартире, они там жили, там кушали. А после того как они поедят, бабушка передавала объедки солдату. Так он на чердаке четыре месяца пробыл, почти всю оккупацию. А когда пришли советские войска, он опять пошел воевать и погиб. Его дети знали, что бабушка его прятала и присылали благодарственные письма, военкомат благодарил. Это было в 1946–1947 годах. Я это запомнил и запомнил, как бабушка рассказывала это и плакала. Она боялась, что немцы узнают и всех поубивают...

А когда наши пришли красноармейцы, меня катали на лошади.

Победу мы встретили не так радужно, как передают по телевизору, а просто обыкновенно радовались, кричали и все плакали. Мама плакала, потому что отец пришёл инвалидом, один дядька пришёл, а второй дядька погиб. И поэтому мало особо

радости было. Просто радовались, потому что все радовались.

Радовались наши родители и плакали. Отец воевал под Москвой, пулеметчиком был. Был ранен и пришёл инвалидом. И дядька пришёл инвалидом. Они рано ушли из жизни, особенно дядька. Очень рано, потому что у него была большая контузия. Он без ноги пришёл. Нога загнивала после ранения, и он быстро ушёл из жизни.

Отец прожил дольше, ну и работали. Мама, в основном... Питались мы – бабушка пекла пирожки из картошки и крапивы. Суп был горький из крапивы с картошкой.

Вот, такое вот военное детство! В основном питались подножным кормом. Сладости у нас были – это акация, и если попадалась, кушали березу (береза – это такое растение красное). И калачики – это самое любимое, из них пирожки делала бабушка.

А после войны кушать мы ходили на площадку, да на Малагу. Радовались, ходили далеко километра за три на Малыгин. Но там хорошая пища была, и мы с удовольствием туда бегали.

Потом пошли в школу, я пошёл раньше времени в школу с братом и прозанимался почти четверть. Я ходил с братом, он старше меня. Меня

попросили уйти, так как я маленький был. Я прятался под столом. Он был большой и за ним можно было прятаться, но учительница меня заметила и удалила из класса.

Ну, а потом, когда я подрос, пошла школа. В школу я ходил далеко. Много в то время мне запомнилось. Например, как наши танки шли. Их было много. Потом мы ходили смотреть, как разминировали немецкие мины. Мы с братом ходили и два брата-близнеца Мальцевых. Когда мины разминировали, одна взорвалась, братьев этих обоих убило. А мой брат остался без глаза. А я спрятался и тем самым спасся.

Мама работала на комбайне комбайнером. А мы с детками ходили и собирали колоски. Нас за это хвалили и награждали чем-нибудь вкусненьким. Это в основном были пирожки – учительница нас угощала.

А потом уже дальше, когда старше стал, мы в основном занимались сельским хозяйством. Ходили пропалывать поля, мама тоже там была. А папы на этих работах не было. А так как папа раненый пришёл, рука его не годна для работы была.

Потом мы переехали в Ставрополь, немножко пожили там и снова вернулись к бабушке в Бешпагир.

Начиная с пятого класса мы помогали в колхозе. Работали на лошадях, на быках: отвозили зерно с комбайна и с тока на ток. Было весело, мы маленькие все интересно, мы соревновались на этих быках, кто кого обгонит.

Когда стали постарше – класс седьмой, – нас уже заставляли навоз возить и сено убирать. В восьмом классе мы уже работали прицепщиками, помощниками комбайнеров работали.

Когда Сталин умер в 1953 году, мы думали, что это выходной. Думали, что праздник, и в школу не пошли. Нас за это отругали.

Вот так прошло детство военное и послевоенное. Никаких подвигов мы не совершали, страхов особо не чувствовали, так как мы были маленькие. Мы жались к родителям, а

родители нас и кормили. Тетя, которая пряталась на хуторе от немцев, и после войны учительницей была и так всю жизнь и проработала учителем.

Когда я повзрослел, то поступил в музыкальное училище, закончил его. Затем, пошел в армию, в институт и на работу в ансамбль «Нива золотая». Проработал я всю жизнь учителем в музыкальной школе. Стаж у меня большой – 57 лет. Можно было раньше на пенсию уйти, но жена умерла, самому было трудно, и коллектив мне помогал.

С годами мы становимся все строже,
К поступкам и своим делам,
Мне мысль о том, что день напрасно прожит,
Горька, как перец с солью пополам,
И я не сплю до самого рассвета,
Перебираю в памяти года,
Как много дней похожих вот на этот,
Прошли и не оставили следа ...

Как отнесутся к критике, к такому сравненью... Но я бы так сказал, что я к утру собой напоминаю пустой вагон, пришедший на вокзал. Готов заполниться так до отказа и привести в три раза ценней груз, чем от меня ждали! Но силы ушли...

Кушева Тамара Семёновна

Мой отец был кадровым офицером. Служил в Закавказском военном округе, в городе Тбилиси с 1926 года. А я родилась в 1932 году. Он женился, съездил на родину в Волгоградскую область, забрал оттуда свою девушку, Надежду, мою маму, и оттуда приехали.

Это был 1932 год. Я в Тбилиси и

родилась. Там я ходила в детский сад, ходила в школу, в грузинскую школу. Четыре года там училась, 4-й класс окончила.

Когда я закончила 1-й класс, началась война 22 июня 1941 года. Это было воскресенье. Мы жили в военном городке. Жили нормально, у нас нив чем недостатка не было. Была

комната большая. Достаток был. Папа работал и всех нас обеспечивал, как говорится. Мама не работала.

День войны я прекрасно помню. Когда я была маленькая, каждое воскресенье мы собирались и шли в центр города – гуляли. Ходили то в цирк, то в театр кукольный. В общем, гуляли по городу всегда. И в этот же день, когда началась война, меня уже одели, я уже на улице стояла. Папа ушёл на работу, его вызвали. Мама там ждёт, когда папа придёт, чтобы опять выйти и пойти на прогулку. Папы нет и нет, нет и нет. Ну и потом в этот день объявили войну. Вот так и началась война. Папа ушёл, мы с мамой остались.

В Тбилиси был военный госпиталь. Когда привозили раненых, мама уходила грузить их. Там она помогала сортировать их и что-то такое ее делала. Я оставалась одна ночью, боялась, на кровати укрывалась чуть ли не с головой. Одной было страшновато.

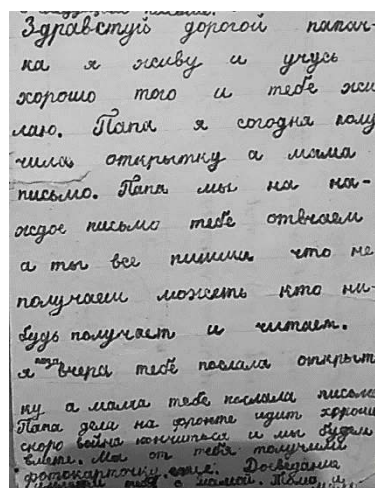
Потом, в 1944 году я окончила 4-й класс и мы переехали по службе папы в город Воронеж. Там он продолжал служить, а я продолжала учиться. Уже пошла в 5-й класс там. Там у нас родился мой брат. А как он родился, мама говорит (она уже немолодая была, под 40 лет):

«Я уже не собиралась больше рожать, но папа сказал: „Сталин сказал, что большие потери во время войны. Призываю всех рожать детей, чтобы население прирастало”. Мама говорит: „Вот я и родила вот этого сына”. Так что я родилась в Тбилиси. Толик, мой брат, родился в Воронеже.

Два года мы жили в Воронеже, и там встретили окончание войны в 1945 году. Мы были во дворе и тут объявили... Мы радовались. Мне было 12 лет. Но у нас был военный городок, военные всё жили, не кто-то там другой. У нас всегда там вечером прямо на улице кино показывали. Мы сидели на каких-то скамеечках или на земле. В общем, развлекали, кино показывали. Вот это я прекрасно помню.

Потом папу перевели в другой округ, в Северный, в Беломоро-Балтийский, в Архангельск. В Архангельске я уже пошла в 7-й класс, 8-й, 9-й, 10-й. Потом пошла в институт, 6 лет училась. Медицинский институт я окончила. Потом работать пошла. После окончания института вышла замуж. Мой сын родился в Архангельске. Работала педиатром там же.

А потом мы переехали. Папа уже ушёл в отставку, уже он отслужил 30 лет, тоже уже хотел куда-то уехать. И муж мой тоже мечтал уехать, хотя он был из Архангельска. Семья у них была «поморская». «Поморы» – так они назывались. Мы стали искать место, куда лучше уехать. Ну, вот и приехали сюда, на Ставрополье.

Сначала мы жили в городе Невинномысске, потом родители туда же переехали, там тоже обосновались. Там мы прожили, по-моему, 12 лет, а потом переехали в Ставрополь. Ну и всё, тут уже остановились.

В Невинномысске – у нас так получилось – 3 могилы оставили. Умер сначала дедушка – папиного отца мы забрали из Волгоградской области. Он остался один, уже почти 90 лет ему было. Ну, и дедушка сначала умер, сначала дедушку похоронили, потом папу похоронили в 1987 году, потом маму в 1997 году. Переехали сюда, здесь муж умер, в 2013 году. 81 год ему был.

Ну вот, а я пока живу. Сын тут. Брат Анатолий остался в Невинномысске. Он там живёт. Ну, вот это вот кратко.

Дворникова Анна Александровна

Я, Дворникова Анна Александровна, 1935 года рождения. Я приехала в этот край, замечательный край, который полюбила, в 1955 году.

– Анна Александровна, скажите, пожалуйста, сколько вам было лет, когда началась война?

– Это грустная история... Мне было... 1942 год... Когда уже война шла, мы хоронили папу в 33 года. И я бежала за похоронной процессией, потом меня посадили кушать, и слышала раскаты зениток в этот момент, и, конечно, мне было очень грустно, больно, обидно... Вот так начиналась моя жизнь... Мне было 7 лет.

– Скажите, пожалуйста, Анна Александровна, а где застала вас война? Где вы проживали тогда?

– Горьковская область, у нас была остановлена война у Москвы, сами знаете это наверняка. И до нас, до Горьковской области, война не дошла. Меня поражало, что война в Ставропольском крае дошла даже до самых дальних уголков: границ Георгиевского района, Советского района, в Ставрополе – везде были немцы. Меня еще здесь не было, я приехала сюда в 1955 году, когда родилась у меня дочь, когда я вышла замуж. Я уже говорила, что самое страшное в жизни – это война... для людей. И сейчас вот 75-летие Победы. Это счастье, когда люди столько лет не ощущали войны.

Это страшно. В 2008 году мы ездили с дочерью и с внуком в Ленинград, на экскурсию. Я снова проходила те места, где училась, где очень много посмотрела. В Ленинграде очень много музеев. Нам давали бесплатные путевки по субботам. И каждую неделю мы посещали музеи Ленинграда. И я была там соответственно во всех знаменитых местах. И когда мы приехали в 2008 году, внук мой был настолько поражен и удивлен увиденным!

Мой сын закончил престижный вуз в Москве и работает сейчас там. Он удостоен благодарности Путина за работу на олимпиаде в Сочи в 2014 году.

– Анна Александровна, скажите, пожалуйста, а чем занимались ваши родители до войны?

– Отец, еще я тогда была девочкой совершенно, работал на хлебозаводе сначала в одном из отделов, потом начальником хлебозавода. Вот, и 1933 год хорошо знаком по ужасному, страшному, голоду. И мама говорила мне, когда она пекла какие-то там блины, оладьи и все прочее, у нее было угрызение совести, что остальные люди голодают. Вот такое было время страшное. А мама была домохозяйкой, без образования, без ничего.

– Анна Александровна, скажите, а кто из родных, ваших близких ушел на фронт?

– Ушел дядя, который под Смоленском погиб в первый год войны. И всё.

– А помните, как расставание было с дядей?

– С дядей, знаете, нет. Можно сказать, что я не осмысливала в то время, и это было так стремительно быстро, но то же время тема войны, Великой Отечественной войны, она мне настолько близка, настолько понятна, я очень уважаю Георгия Константиновича Жукова, и мне очень больно за него, как за маршала обороны страны, что с ним так поступили жестоко, несправедливо, когда его отправили Зауральским округом управлять, а потом в Одессу усмирять бандитов, мне за него было обидно, честно говоря. И мне было больно, когда под Киевом, когда Иосиф Виссарионович Сталин дал команду не сдавать Киев, а Жуков как военный профессионал, не имел права не сдавать, потому что обстановка была страшная, и две дивизии были загнаны в карьер, который был в окружении, без оружия, без хлеба, без туалета, без ничего, надо было сдать, это... и я это очень близко потом приняла «Горячий снег», с Жженовым в главной роли, это тот фильм, который меня настолько потряс, когда после того как завоевали эту высоту, приехала кухня полевая, но некого было кормить, там же все погибли.

– Анна Александровна, скажите, пожалуйста, а вот вы лично помните, как оно было, вот в том месте, где вы проживали в военное время?

– Мы жили в бараках, мама соответственно нас содержала, мы ели даже лягушек, и в один день нас ограбили – у нас украли картошку весеннюю и для посадки, и для жизни, и в то же время совсем недалеко

от нашего домика был лагерь для военнопленных, и вот они проходили мимо нашего огорода, я это видела лично, но как пленные. Вот это у меня впечатление осталось, они были такие, ходили строем, достаточно упитанные, и даже румын заходил к нам в квартиру и к маме обращался за хлебом.

И люди все выживали в этих ужасных условиях голода, холода. Была суровая зима, которая, с другой стороны, нам помогла в достижении победы.

Недалеко от нас была электростанция местного значения, которая давала нам электричество. Питалась /топилась/ она торфом. И там были насыпи песка такие, потому что они строили железную дорогу. Был подъезд к электростанции, вагоны и насыпи огромные. Почва была такая песчаная, и мы прибегали туда, смотрели на строящуюся дорогу, и там иногда проскальзывали немцы, очень просили курить у нас, потому что это было для них... ну мужчины там... А мы убегали от них и соответственно не общались, потому что это всё-таки были враги, в любом случае. Это трагедия, и у меня боль внутренняя, глубокая за Россию, за нашу страну.

И Германия, что Франция, да и вся Европа, по сути, сдались фашистам полностью. Белоруссия, с северо-запада до южного берега Крыма была атакована 22 июня 1941 года. И поэтому мне настолько близка эта тема, трогательна, ведь такой дорогой ценой Победа досталась!

– Анна Александровна, а вы помните, как возвращались с фронта односельчане? Как встретили День Победы? Можете рассказать об этом?

– Во-первых, это очень много эмоций, и тем более у нас! От областного центра, города Горького, до нашего города Балахны и одного из пригородных районов ходила электричка. И вот эти встречи! Вся радость Победы – это когда военнослужащих встречают жены, дети, они берут их на руки, они улыбаются все, это настолько было трогательно! И я всегда это вижу и в фильмах, и меня всегда это очень волнует.

– Скажите, пожалуйста, Анна Александровна, что вы наиболее ясно помните в послевоенном времени?

– Четко помню до сих пор, когда понизили цены на хлеб, это самое главное. Я училась в школе и ходила достаточно далеко в школу через железнодорожные пути. И однажды одна девочка, одноклассница попала под поезд. Ей отрезало ногу. И я, когда приезжала из Ленинграда и приходила домой, к тому домику, где мы жили, то заходила к ней домой, к этой однокласснице. И было очень горько ее видеть на одной ноге. Очень было грустно видеть это.

Во-первых, было очень далеко ходить в школу, во-вторых, были плохо обуты, одеты. Мама одна воспитывала троих детей, но у меня было стремление к науке, к знаниям, к спорту. Я каждый день каталась на лыжах, так как у моего брата (он на 5 лет старше) были коньки и лыжи, и я вставала на них тоже. И это дало мне заряд бодрости, здоровья и до сегодняшнего дня.

– Замечательно! Анна Александровна, скажите, пожалуйста, а как вы оцениваете свою жизнь? Смогли ли вы реализоваться в полном понимании этого слова?

– Я счастливый человек. Я удачливый человек. Мне повезло по жизни. Во-первых, потому что я окончила училище – токарь пятого разряда – и только с отличием. Токарь пятого разряда для тех лет – это очень высокая оценка. Во-вторых, я сдала экзамены в Горьковской области и потом в Ленинграде, и поступила в единственный техникум физической культуры трудовых резервов. 25 девочек только брали, и я оказалась в их числе. Закончила его с отличием. В-третьих, я была там секретарем комсомольской организации, я была на виду, и когда я закончила с отличием, нас распределяли на работу. И представитель госкомиссии меня спросил, почему я еду в Украину, а не в Горький? Диплом с отличием давал мне право уехать в любую точку страны, и я выбирала Винницу в Украине, она влекла меня какой-то своей романтичностью: говорок украинский, музыкальность такая очень нежная, и климат соответствующий. Я представляла, что там очень тепло, и море, и это меня привлекало. А Поволжье меня не привлекало, потому что там было голодно, холодно, сложно и это навсегда врезалась мне в память, к сожалению. Но поехала я на Ставрополье.

– Анна Александровна, скажите пожалуйста, а кем вы работали до пенсии?

– Когда я приехала сюда, нас направили в Георгиевский техникум механизации сельского хозяйства с мужем вместе. Но остановило нас от поездки туда то, что умерла бабушка мужа. И она оставила нам квартиру в самом центре города Ставрополя, на улице Дзержинского. Я боготворю эту улицу, она мне очень симпатична до сих пор, это напротив храма Андрея Первозванного. А во дворе у нас был Пединститут, и его какие-то там грядки биологического факультета. И, учитывая эти обстоятельства, мы никуда не поехали. Но с нас взяли подъемные. По всем правилам, мы вернули их. Было сложно с работой. Я работала в поликлинике по улице Дзержинского лаборантом. Меня приняли туда, и я проработала так 2 года, родила дочь. А потом построили дом физкультуры, на улице Советской и я пошла туда. Меня взяли инструктором, а через пять лет меня взяли в Министерство, и я проработала 45 лет в Министерстве спорта. Детский спорт, работа с кадрами.

Я была непосредственно связана с плановой системой. Начальник орготдела. 15 лет я проработала в этой должности. Потом работа с ветеранами. И работала с таким размахом, какого не было в стране. Так я смогла это дело организовать! С ветеранами спорта, мероприятия, посвященные Дню Победы в Великой Отечественной войне и к олимпийским играм, которые проходили у нас. Потом работа с инвалидами уже позже. У меня общий трудовой стаж составляет 52 года. И я удовлетворена своей работой, своими достижениями, оценкой и отношением людей.

И вот сейчас, в этом году мне 85 лет, и мы отправились в кафе, 17 человек, представителей самых достойных для меня симпатичных, таких интересных людей. Они как родные для меня, были и являются. Это люди, с которыми я работала. У нас был прекрасный вечер памяти, удовольствия, поздравления, общения.

– Анна Александровна, скажите, пожалуйста, а что бы хотели сказать следующему поколению?

– Держать! Это первое. Здоровья – это главное богатство, которое мы недооцениваем, роль физической культуры и спорта, я даже сейчас первому заму администрации Михайловска написала письменное заявление: построить плавательный бассейн с подогревом воды; плюс ко всему Петину, который избирался в 2016 году в депутаты Думы, была просьба обгородить и поддержать сам поселок для людей, те же скамейки на конечных остановках, то же внимание к культуре поселка, запретить категорически вырубать деревья, которые требуют восстановления более 40 лет, это я лично Петину говорила об этом и писала, а первому заму говорила сделать освещение аллеи, потому что это повысит уровень культуры.

– Анна Александровна, хотел вас поблагодарить за интервью, спасибо вам большое!

– От души я говорю, что я счастлива, что полюбила этот поселок, я сначала скучала по Ставрополю, он сейчас красивый такой стал, он благоустроенный.

– Спасибо вам, Анна Александровна.

Шаповалова Раиса Николаевна

Шаповалова Раиса Николаевна, 1939 года рождения, в девичестве Ерошевская, в годы войны была совсем еще маленьким ребенком... Но ужас прожитых лет войны, навсегда остался в памяти ребенка.

Когда началась война, маленькой Рае не было и двух лет. Отец ушел на фронт.

Мама осталась одна с двумя детьми. Жили они в станице Черниговской Краснодарского края.

Погиб отец в августе 1943 года. В своем последнем письме он писал: «Наша часть стоит в Украинском городе Белая Церковь. Идем в бой за Харьков». В этом бою отец, Ерошевский Николай Григорьевич, погиб.

Глазами Детей войны

Летом 1942 семью из станицы Черниговской эвакуировали в станицу Самурскую, так как между ними должна была проходить линия фронта. Жителям на сборы дали один час и две бички.

Перевезя детей и самые необходимые вещи к родственникам, мама Раи вернулась обратно за вещами. Расстояние между станицами десять километров. Но она пошла и второй раз – пригнать корову. Вернуться она не успела... проход закрыли, больше никого не пропускали.

Шесть месяцев дети были у родственников без матери и считали ее погибшей. Но мама Раи смогла вернуться. Она спасла раненого русского офицера, и солдаты помогли ей пробраться в Самурскую к детям.

Обнаружив в станице новую жительницу, немцы решили, что она партизан и хотели её повесить. Анну Еро, так звали Раечкину маму, спас местный полицай. Имени его Раиса Николаевна не помнит, но знает, что хоть он и пошел в полицай, но помогал всем жителям. И когда его после войны судили, все село встало на защиту.

Во время оккупации семья жила в хате, где с ними жил немец. С одной стороны, около хаты размещалась немецкая кухня.

Маленькой Раечке к этому времени было только три годика, но на всю жизнь она запомнила это время. Голод был страшный, и девочка просила у мамы кушать. Анна взяла котелок и пошла к немцам на кухню. Жестами показала, что просит чуть еды для маленького ребенка... Вернулась мама без котелка, вся в крови... «Три годика всего мне было, – вспоминает Раиса Николаевна, – как я осознала, не знаю, но больше никогда я не просила есть. А запахи из немецкой кухни доносились такие, такой вкусной казалась это еда, так я мечтала о ней, что после войны сварила этот перловый суп, но он уже не был таким вкусным, каким казался мне тогда».

Хотела бы сказать спасибо...

На всю жизнь остались в детской памяти два немецких солдата.

Боясь немца-сапожника, маленькая девочка почти все время сидела под кроватью. Но однажды, когда мама ушла, а немца не было дома, ребенок подошел к окошку, ведь там за окном кухня, откуда доносился запах еды, и гремели котелками солдаты. В этот момент и вернулся немец. Он схватил сапожный молоток и кинулся к девочке. От ужаса Раечка так закричала, что в дом вбежал молодой солдатик и

остановил изверга. Солдатик орал на сапожника что-то по-немецки, показывая на девочку. Раиса Николаевна запомнила только одно слово: «Киндер, киндер», – кричал солдатик. Потом она поняла смысл. Защищая девочку, её спаситель кричал что-то вроде: «Это же ребёнок!»

Так немецкий солдат спас жизнь русской девочке.

После этого случая немца-сапожника убрали из дома, а вместо него поселили офицера. «Я бы хотела сказать ему спасибо», – говорит Раиса Николаевна, и на глаза её наворачиваются слезы. – Он был очень добр ко мне. Гладил по голове, угощал хлебом с маслом». «Я не хочу война. «Я не хочу пух-пух», – говорил он Раечке, – Гитлер заставляет. У меня тоже киндер», – и показывал ребенку фотографию. На ней его мама, жена и двое детей.

Так два немецких солдата помогали выжить маленькой Рае в это тяжелое время.

Восемь месяцев прошли в оккупации. Как уходили немцы, как пришла Победа, Раиса Николаевна не помнит. Запомнила тяжелые послевоенные годы, запомнила, как пухли от голода, запомнила, что не было одежды, не было соли, не было мыла...

Тяжело было и после... Переехали к родне в Ставрополь. Решили построить дом. Работа на заводе. После работы – строительство хатки. Ежедневно всей семьей месили глину с соломой, укладывали в формы, сушили и получали несколько кирпичей. В яру, где была пустошь, складывали постепенно свой дом. Так жили и другие соседи. Когда у многих домики были готовы, власти решили, что это незаконные постройки. Приехал бульдозер, все хатки, в которых хозяев не оказалось дома, снесли. Домик Раисы Николаевны не тронули, она с детьми была дома. Но после этого мужа осудили за постройку по уголовной статье. А потом власти нашли выход из создавшегося положения. Всем, чьи дома остались, выдали ордер на получение их домов в пользование от государства.

И сейчас, прожив такую тяжелую жизнь, получая маленькую пенсию, Раиса Николаевна на вопрос: «Что бы вы сказали молодому поколению?» отвечает: «Да мы сейчас прекрасно живем!»

**Лапина
Валентина Ивановна**

В селе Кугульта Грачёвского района Ставропольского края проживает 378 «детей войны». Одна из них Лапина Валентина Ивановна, чьё детство опалила война.

Ребёнок войны... Она хорошо помнит Великую Отечественную, хотя в начале войны ей было всего 3 года...

Из воспоминаний Валентины Ивановны: «Когда началась война, мне исполнилось 3 года. Папу забрали в 1941 году на фронт, а мы жили с мамой, Пелагеей Осиповной, и братьями Фёдором и Александром в Кугульте, в маленькой хатке на улице Прогонной.

Последний раз я видела папу в марте 1943 года, он после ранения и лечения в госпитале в Армавире, приехал на 4 дня домой. Не думала я и не гадала, что когда-то увижу на Мемориале Воинской Славы самое дорогое мне имя – Селюков Иван Пантелеевич. Когда папа пропал без вести, ему было 44 года».

Федора забрали на войну 6 марта 1944 года в кавалерийскую дивизию, с ней он прошел до Румынии и там встретил Победу.

Горькую чашу войны вместе с ушедшими на фронт мужьями, отцами, братьями и сыновьями делили жены и дети, оставшиеся в тылу. Они наравне с ними приближали победный час.

«Вспоминаю, как мы выживали с мамой в военные годы, и не могу удержаться от слез. Детская память самая цепкая. Я была всегда голодная. Страшно и вспоминать. Помню только бесконечный голод, всегда хотелось есть. А что ели? Мешали отруби с картофельными очистками и пекли лепешки. Весной искали мерзлый картофель, собирали птичьи яйца. Ещё спасали шелуха семечек и смётки от мельницы. Этот корм возили скоту, а мы тайно прятали, заливали все это водой, что оседало, из этого пекли лепёшки и ели. Если удавалось собрать колоски, то это было счастьем, варили настоящую пшеничную кашу.

Мы, дети, росшие в годы войны, хорошо знаем, что такое волдыри на детских ручонках, когда толчешь ступкой зерно на кашу. Как сейчас вижу, как мы с мамой ходили на мельницу по улице

Крестьянской, чтобы смолотить ведро пшеницы, с которого мельник обязательно брал себе баночку.

Вместе с детьми ходила на «греблю», ловить рыбу, в поле собирать колоски, которые у нас нередко отнимал охранник. Часто мы ходили на полянку, где старались найти какую-нибудь съедобную травку. Выкапывали и ели «дикий лук», сурепку, в народе называется «кашка-малашка», наевшись этой травы, нередко маялись животами, а еще лазали по деревьям, обрывая тутовник, лакомством были «вылитые»¹⁵ суслики и зажаренные на костре.

Брат Александр с 13 лет работал в колхозе им. Калинина на быках. Спасала корова, мама с братьями косили для нее траву, сами заготавливали сено. Мама допоздна трудилась в поле, а затем вместе со всеми собирала оставшуюся от копки свеклу или картофелины.

Сколько себя помню, мы всегда работали. Работали все. И взрослые, и дети с 5 лет: собирали щепки, делали кизяки из навоза, сушили их, этим и топили. В школу ходили в том, что доставалось от старших.

Помню я хорошо и свои детские слезы по поводу того, как впервые увидела в Кугульте молодых дядечек, уже отвоевавших своё, сидевших без обеих ног на деревянных колясочках. Мне было их так жалко!

И хорошо помню слезы матери, лившиеся ручьем на маленький конверт-треугольник. Это была та самая похоронка, получить которую так боялись в каждой семье.

Моя трудовая жизнь началась в 1951 году, закончила я 6 классов и стала работать – надо было помогать матери. Летом в полевой бригаде пололи поля, в уборку вместе с тремя девочками такого же возраста возили на лошадях зерно в Грачевку на старый элеватор, сгружали там мешки с зерном. За первый свой трудовой год заработала в колхозе 61 трудодень и 656 кг пшеницы. Благодаря колхозу выучилась на ветфельдшера».

На фотографии Валентина Ивановна с мужем и дочерьми.

¹⁵ «Вылитые» суслики – технология ловли сусликов, когда в норку суслика заливалась вода. Суслик вылезал из норки, и его в этот момент нужно было поймать...

**Бакулин
Иван Тихонович¹⁶**

Показывали кино «Джюльбарс». Такое было кино, пограничное. Это было 21 числа, в субботу. Кино посмотрели, и утром я встаю, а женщины кругом плачут.

Когда объявили о войне, я говорю: «Что это такое, мама?» А она отвечает: «Гитлер напал на наши границы». А я ей и отвечаю: «Мама, не плачьте. Наш Джюльбарс его задушит». Я откуда знал, что Гитлер – это человек? Я ж не знал, – думал, что это тоже собака какая-то. А корову ведешь, а она плачет. А сейчас такая техника, такое всё – и такая дороговизна. И некому работать на полях. А тогда как мы переживали. И вот когда с нашими разговоримся, они говорят: «Да это уже всё прошло». Но оно не прошло! Я всё помню с 3 лет.

У меня в семье было две младших сестры. Отец в 1933 умер от голода. А мать уже в 1936 вышла замуж, и родились две сестры 1938 и 1939 годов. Отчима забрали на фронт, и там он был убит.

Война началась, а тут как раз была уборка хлеба. Подсолнухи цветут. А мой отец, тот который не родной, возил зерно, потому что машин не было. В Изобильное возили зерно зимой и летом, потому что зерна-то много. В бригаде было 10 подвод, и вот они постоянно возили зерно, а я с ними ездил, катался. И когда все позабрали, и лошадей забрали в военкомат. Всё позабирали. А отцовы лошади – у нас огород большой гектар был, яр такой, речушка – так вот, они попутались там, и их забрали, повозки были во дворе.

Женщину поставили бригадиром, потому что всех позабрали. Она приходит и спрашивает, могу ли я запрягать лошадей? Я сказал ей, что могу. Я же с отцом ездил и купал лошадей. Ну, приезжай, пожалуйста, зерно возить в амбары будете. Женщины будут нагружать, а вы будете отвозить. Я сразу подрос тогда до небес от того, что разрешили. Пошел,

¹⁶ Бакулин Иван Тихонович родился 1 сентября 1930 года. Фотографии, кроме личной, не имеют прямого отношения к статье. Взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

нашел лошадей, запутанные были повозки, но хорошо, что лошади умные: хомут же тяжелый, его же надо развернуть и надеть, и вот подхожу, а лошадь голову уже наклонила. Я надеваю, разворачиваю, запряг. Ну, ни я один был, ещё же пацаны были. И вот женщина насыпает зерно ящичками, а мы подъезжаем и передаем ведром. Вот представь, мне ещё не было 13 лет. И вот разгрузим и снова приезжаем. Пока наши не пришли и не позабрали всё.

Целый месяц у нас никого не было во время войны. Уже немцы прошли по трассе. На Ставрополье немцы пришли в августе 1941 во время уборки. И решили на каждую душу понемножку дать хамсы, не немцам же отдавать! А она там ржавая, красная. И вот каждому сообщили, пришли в кладовую, взвесили, завернули. Нас было четверо. А я иду, взял одну, и я съел всю прямо с бумагой, а потом взял и бегом, чтобы всё не съесть, а донести до дома. Ну, оно ж тогда ни хлеба не было, ничего. Курай принесёшь – в печке топили. Напхают полную, а потом вытащат, ступы такие деревянные – толчешь её мелко, просеешь. Мама лаваша делала с курая и чуть картошечки. И вот такие лаваша ели.

Немцы ехали – сперва небольшие танкетки впереди. С автоматами сидели, а двое ходили с корзинами, яйца собирали. Заходили в дом и просили яйца. А у кого не было говорили, чтобы отдавали «яйкину мать».

Потом они приехали с района на машинах с танками и говорят, что нужно выбирать старосту села. Была одна семья с 3 братьями, а они все хозяйственные. Начали выбирать, выбрали того, которому было 65 лет, а он не хотел. Все старики стали уговаривать его, мол, таких, как ты, больше нет. Ну, выбрали. Полицаев четверых выбрали. Во время войны было: руку поднимешь, а они пальцы отбивали, а потом когда уже закон был, кто поднимал руку на власть, то тех сразу расстреливали. Детей немцы не трогали. А вот взрослых... Был там дедушка один, пороли его и бабушку за то, что их сын Илюша был председателем, а потом первым

секретарем района. В 1937 году их посадили как врагов народа. Тогда их сажали многих.

А я расскажу, как делала эта власть? Комендантский час с 6 часов вечера начинался. А нас, пацанов, разве удержишь? Нам же надо какую-нибудь палку срубить в лесополосе

или солому принести коровам. И вот один раз нас прихватили. А в то время были самострелы, те, кто которые не хотели советской власти. Не

все же хотели советскую власть, и вот они себе делали, простреливали то ногу, то руку, и потом такие становились полицаями. И вот они-то нас и прихватили. Привели в сельсовет и в бывшей конюшне заперли нас. И мы, пацанята, какие – потолок продрали под черепком, черепок один вытащили и выскочили оттуда.

Был у немцев ещё транспорт по ту сторону речки, где сельсовет. Там еще балка есть и заросли камышей. Они там колеса машины ремонтировали, немцы. Вот они ушли на обед все, а тут колесо стояло. Нам интересно было. Мы колесо поставили, а рядом камыши, и мы это колесо туда. Ну и всё, мы убежали, а они уехали. Потом уже наши вернулись к машине. А мы крутимся между ними, и они монтируют колесо. Они ремонтируют колесо. А мы подходим и говорим, что у нас есть колесо. Рассказали, где находится и с какой машины. А у них точно такая же машина. А они бойца в резиновых сапогах – туда. Он полез и достал.

Вот когда уже наши пришли. Ой, как они шли. Фуфайка оторвана, на ногу проволока привязана, без обуви. Страсть. А вшей сколько было. Вот было у нас человек 6, на соломе голые полежали, а потом печку потопили соломою, и туда всё барахло, и там кишело этих вшей. Вот тогда было этих вшей! И у нас было, и кругом их было...

После того как солдаты в 1943 вернулись домой на Ставрополье, дети продолжали работать на полях. В июле 1943 и я начал работать, когда не было еще и 13 лет. На коровах пахали. Немцы прошли, но мы в стороне жили в селе Подлесное Труновского района. Они по центру отступали по дороге на Ростов, а мы были в сторонке, значит, но знали, что немцы уже уходят. А вот когда так анархически люди без какого-либо права, они не могут действовать. Собрались все старики в клубе, церкви и решили выбрать председателя, бригадиров. У нас было 2 бригады. А пацаны – все. Ничего ж не было, потому что когда наши уходили, забрали всю технику, какая была. Тогда же и лошадей забирали в военкомат, и какие повозки. Уходили и всё забрали. Ничего из техники не было. Никакой! И ни бычка, ни лошаденки – ничего, вот, как голый стол. Теперь решили на собрании пацаны, чтобы всё это возродить: кто плотником у нас – отобрали 6 человек, – кто кузнецом, чтобы делать колеса, повозки. Они пилили акации по улицам, сушили и делали их. Теперь надо было пахать, но не на чем. Сказали: будем пахать на коровах. И решили, что нужно возродить в колхозе бычков, телочек, а у каждого были коровы. Вот всех телят сдать в колхоз осенью, для того чтобы были и бычки, и коровы. Мол, зерно потом дадим.

А когда коровами пахали, то по картошине – на проволоку и на костре жарили. Сидели мы возле мастерской своей и увидели человека, который шел из плена. Иван Тихонович помог ему дойти до дома. А его жена сказала: ему срочно нужно найти собаку. Нашли, и он её съел и выздоровел. А этот человек был потом сторожем, и дома строил людям. Он мастером оказался. А ещё был хорошим сапожником. Мы ему рассказали, что у нас есть скат и что у нас есть кожа. И вот он одной девочке сделал сапожки. Он скат разрежет – и в русскую печку, а он расплавится, и он делает, какие хочет, листы. И сделал сапожки за то, что немцы шлепнули её родных. А потом ещё ботинки поделал.

Надо сеять, а семян никаких нет. А каждому перед войной давали по 10 килограмм на трудодень не зерна, а пшеницы. Как говорят, давали все, что было: капусту, картошку. Сильно зажили в 1940 году, крепко: вот эти 1939–1940 годы были самые урожайные. И у людей что-то было. И потом, когда отступали, зерно осталось на улице. Как раз уборка была в июне – июле. Наши ушли, а зерно осталось, что накопили на токах. Ну, люди понавозили себе всё. Теперь сказали, что всё на семена, со двора по два мешка пшеницы заберем на посев. Ну, забрали, а пахать надо на коровах. Вот было 3 пары коров, плуг таскали, и мы, 6 человек, каждый свою корову таскал. Кому не было 13, кому было 13 лет. А её надо было ещё научить, для этого мы надевали ярмо, чтобы обучить корову. Представьте, когда надеваешь это ярмо на корову, она же туда-сюда головой. Пока приучили... Вот так и пахали. Было всего 3 плуга. Каждый брал свою корову и плуг и пахал землю. Пахали, а сеяли вручную.

К бревну в лесополосе привяжем проволоку колючих и на коровах ведем, и она загребаёт зерно. И с ней ничего не было.

Вот таким путем всего вспахивали 100 гектаров.

Не хватало семян. Зерно собирали вручную. 15 пацанов и 2 женщины лет так под 40, которые косят косой, и мы следом, и так на километр. Нам поточат косы и потом туда и оттуда за день километр проходим. Чтобы вырастить бычка, нужно 2-3 года. Их не было, поэтому и в косилку запрягали коров по 2 пары и косили. А женщины

отбрасывали, а девчонки граблями сгребали всё в копны. А потом эти копны складывали граблями, а когда оно присядет, то сносили в одно место. А оно тяжелое. Всё это в скирды носили, а потом уже были фермы. И женщины с цепями либо палками на цепи на землю положат и лупят. Побили, граблями сгребли, пшеницу сгребли дальше. И если есть такой каток каменный с хрустами, то запрягли коров и тогда по этому зерну – оно отбивает. А зерно холодное, только можешь жевать. Сорвешь килограмм – год получишь. И вот так 3 года продолжалось.

В 1943–1944 годах за работу на поле давали картошку и то не всегда. Только на Пасху. Вот нас 12 детей, вагончик стоит деревянный, и повариха пришла что-то там сделала. Отошла, плачет и вытирается, а мы ещё пашем. Пришли 12 человек – по стакану сухого овса насыпала, а мы в карман и жуём. А сейчас смотрю, какая детвора, им всё не вкусно. Да, мы овёс высасывали и потом эту шкурку выбрасывали.

А еще так получилось, что в 1943–1944 годах снежная была зима, а потом как засушило! И до 1948 ничего не посеешь: ничего не было. Вроде посеют семена люди, а они не всходят. Люди вот голодовали с 1943 по 1948. У меня был дядюшка директором школы в Кисловодске, он приезжал и забрал меня.

Во время Великой Отечественной войны я стал работать плотником. Поехали как-то хоронить русских солдат, которые погибли на участке в Подлесенке. Они погибли в полуторке, в машине, их подорвали, и они все сгорели. Дед мой приехал за продуктами и рассказал, что было, что похоронили всех, а какой-то из них остался живым и теперь с ним живет в землянке. Рассказал, что осталось много железа там. Я попросился с ним поехать. У меня сосед был кузнец, который научил меня делать ножницы, ведра, выварки. И я уже научился это сам делать, а вот железа не осталось. Поехал с ним, но меня, конечно же, не пустили с ним по степи ходить. Когда тех хоронили, главный бригады шел по степи и нашел гранату, поворачивается и говорит: «Ложитесь». Он только и успел это сказать, как она взорвалась. И вот привезли их и похоронили.

А потом поехали за железом, а по этой дороге стали отступать немцы и день и ночь. И солдат посмотрел на дорогу и сказал нам не ездить, переждать до утра. А дед хотел меня домой отвезти, а то мать же переживает. Переждали мы и утром проскочили эту дорогу. Приехали и тут уже немцы во всю стали отступать.

В 1945 году тогда мы уже подросли, нам было по 15 лет, и отправили нас на те земли, где надо было покосить. У нас уже был трактор и косилка, и мы приехали туда где-то 28 апреля. Меня заставили воду возить за 10 километров на быках. Трактор был один, травянка была, которая косила траву, а девчонки сгребали. Воду возили от колхоза, а вода эта была расхожая – трактору и быкам. Вот так весь

вечер. А на Соляном озере там была хорошая вода, где соль брали. Я брал одну бочку с питьевой водой, а другую бочку с бытовой водой. Возил день и ночь воду, потому что далеко: пока привезу – жара, вода расходуется, быки же пьют. И вот ехал я как-то за водой, а колодец с землёю только камнями выложен, доходят быки уже до колодца. И один бык стал пятиться назад и упал в колодец задними ногами, и уперся там в стенки колодца. А я его за хвост держу, а он там ногами уперся, он сделался мокрым. Смотрю: идут женщина и мужчина с косой, а я давай кричать, а далековато было. Они услышали и бегут ко мне. Подскочили, видят: такое дело, и говорит мужик женщине, чтобы та бежала на ферму к ребятам и попросила вытащить дышло повозки и идти сюда. Прибегают они, под пузо дышло задели там и там по два человека и вытащили его. Положили его, а он весь мокрый. Они мне бочку воды налили, развернули ее. А бык полежал-полежал, а потом поднялся. Я впряг его и приехал.

Приехав, боялся сказать об этом бригадиру. Слил воду и опять туда. Веду быка в ту сторону, а он не хочет идти. Но кое-как налил, потом приехал дяде Васе бригадиру и рассказал, что случилось. Дали мне других быков, и я их приучил. А кормили нас – мука такая зеленая была, в котел засыпят – два раза в день, мы называли это будан. Чашка была такая литровая алюминиевая, вот нальют – выпьешь, ни хлеба, ни масла не было. И вот так два раза в день, утром и вечером. Работаем!

Голодные все же. А я ещё ездил туда-сюда брюки были замяшные, нитка шерстяная, нитка замяшняя с конопли. Тогда же в каждом огороде чуть ли не сотни конопли сеяли. И с неё шили брюки, кофты, что хочешь.

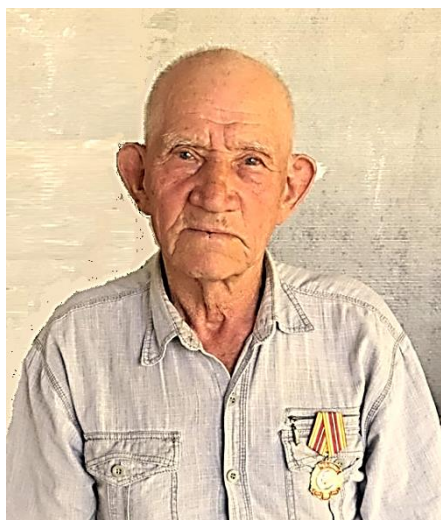
А День Победы, конечно, помню! Мы об этом узнали 8 мая. Приезжает конный и говорит, что война закончилась. Сколько слез было! Нас было 60 человек молодежи. Когда нам сообщили, что война закончилась, мы и плакали, и смеялись...

**Бакулина
Антонина Ивановна**

Бакулина Антонина Ивановна. В девичестве Фролова. 28.06.1931. Когда началась Великая Отечественная война, было 10 лет, работала на переработке пшеницы, потом дояркой. До 1949 года проживала в станице Суворовская. А потом уехала в Кисловодск на стройку работать. Отец ушел на фронт и вернулся раненым. Мать с бабушкой воспитывали 5 детей. В семье была вторым ребенком после брата.

«Когда я пошла в школу после войны. Ходили собирали солдат, где были закопаны. У нас был клуб. И в клубе стояли гробы и в каждый гроб приносили, то голову, то руку. И виселица была тоже, вешали. Но я уже не помню, чтобы вешали солдат. Видела только как стояла виселица. Ну и партийных вешали, всяких разных.

**Салгалов
Василий Владимирович¹⁷**

«Начало войны я не помню, но хорошо помню послевоенные годы. Всю войну был в родном городе Михайловске. Родители были разнорабочими, где была работа, там и работали: отец мой работал на железной дороге, мать была домохозяйкой, вырастила и воспитала 10 детей, награждена орденом «Мать-героиня».

Из моей семьи на фронт никто не отправился, отца оставили «по броне», т. е. из-за того, что он работал на железной дороге, которую нужно было сохранить. Мы же, мама и дети, были дома.

Интересный случай рассказала мать со времени оккупации. Сделала она замечание немцу, мол, зачем он яблоки рвёт, а тот сразу автомат на неё направил, выстрелить хотел. И тут две дочки к её груди

¹⁷ Салгалов Василий Владимирович родился 17 апреля 1940 г.

прижались, а у немца словно сердце сжалось, не выстрелил. Этот случай я хорошо запомнил.

День Победы 1945 года не помню, но взрослые все радовались – война окончена! Постепенно возвращались односельчане, кто-то выжил, кто-то нет, кто инвалидом вернулся, а кто цел.

Из послевоенного периода точно помню – детства не было. Какое могло быть детство, когда покушать нечего? Я хорошо помню 1947 год. Голод. Подошел однажды к матери и говорю ей: «Мама, я кушать хочу», а она мне оладушек дала овсяной. Я съел и говорю: «Ещё хочу», а она говорит: «Нет, сынок, глянь – их 10, каждый хочет этот овсяной оладушек». Вот это я запомнил на всю жизнь.

Будучи уже постарше работал везде, где только можно. Работы я не боюсь, не трус, но где-то был обман, а где платили за дело, там я и работал. Организаций сменил много, хотя по специальности был крановщик башенного крана. Последующему поколению хочу сказать так: не курить, водку пить в меру, трудиться. Работать надо везде и всем, и получать за свой труд честно».

Очень хорошо помню пару стихотворений со школы :

Забрал мороз окошко
Серебряным щитком.
В печи стоит картошка
С топлёным молоком.
А на печи-то сухо,
Тепло... Сиди себе!
К трубе приложишь ухо,
Буря поёт в трубе.
Я делаю игрушки
До самой темноты:
Из деревяшек – пушки,
Из лоскутков – бинты.
Я будто санитарка,
А печка – лазарет
Бойцам на печке жарко,
Да лучше места нет.
Здесь очень сладко спится,
Особенно в углу...
Из школы брат примчится,
Мы сядем все к столу.
Мы станем есть картошку
С топлёным молоком.
Возьмётся мать за ложку
Да и вздохнёт тайком.
Вздохнёт! А это значит,
Ей горше с каждым днём.

Глазами Детей войны

Она так часто плачет
О брате о моём.
О том, который в море
Уже давно в бою –
Воюет на линкоре
За Родину свою,
За наш колхоз, за речку,
За вербу у плетня,
За дом, за эту печку,
За маму, за меня...»

Родина, Отчизна,
родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой –
Что ты перенесла?
Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, –
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...
Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты – выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,

Глазами Детей войны

За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять.
Родина, Отчизна,
родная наша мать!

Маглелия Раиса Дмитриевна¹⁸

– Сколько вам было лет, когда началась война?

– Год.

– А где застала вас война?

– В селе Михайловском (сегодня город Михайловск).

– Чем занимались ваши родители до войны?

– Ой, я не знаю, чем они занимались. В колхозе работали.

– Кто из ваших родных ушел на фронт? –

– Отец.

– Вы помните расставание?

– Я не помню.

– С кем вы остались, были у вас братья, сестры?

– Нет, я одна была. Осталась с мамой. Дедушка был у меня, дяди были, кто воевал, кто молодой еще был. Бабушка рано умерла у нас, до войны еще. А у мамы тоже был брат, воевал на фронте. Семью, правда, отправляли в Краснодарский край тогда, когда война началась. Вся семья в Краснодаре была.

– Пережили ли вы оккупацию?

– Как раз я маленькая еще ж была в это время. Мама немножко рассказывала. Придут немцы, мы прятались в то время. Говорит, возьми тебя и убежала. Боялись немцев, так говорила.

– Возможно, мама вам рассказывала, как приходили оккупанты, как приходили уже наши. Может, папа рассказывал?

– Папу я не видела, война закончилась, папа остался на Украине, он там женился. Меня мама возила к нему, уже война заканчивалась, в 1945 году. Война заканчивалась, в Крым мы уехали с мамой. И

¹⁸ Маглелия Раиса Дмитриевна родилась 26 сентября 1940 года.

двоюродный брат отца звонил, мы как раз в Крыму были, и сказал Люська (маму так звали), говорит, Митька находится на Украине. И вот он как остался на Украине, так и остался. Меня возила мама туда к нему, видела его один раз на Украине и все.

– Как встретили день Победы, помните?

– Нет, ничего не помню.

– А кто и как возвращались с фронта?

– Отец же на Украине остался, не помню. Мы ж как раз уехали в Крым. Вот это началось переселение, войска ушли оттуда, из Крыма, и началось переселение туда, в Крым. И мама туда с сестрой переселились, в Крым поехали.

– А что вы помните наиболее ясно о времени послевоенном?

– В 11 лет я пошла работать в колхоз. Мама вышла замуж за другого, дети появились, трое. Я четвертая. И с неродным отцом я пошла, там он трактористом работал. А я работала с зерном. Веяли, отвозили на Старомарьевку. Нас посылали на машинах, – отвозили зерно. А потом в 15 лет я пошла на стройку уже. Строили Ставрополь, краевую больницу, трехэтажки. Это все мы там строили! Потом начали мясокомбинат, вот это все строили, весь Ставрополь строили в то время.

Запомнилось, как мы в Крым ехали, хорошо запомнилось, как войска отступали в Кавказской, много солдат. Шли наши на Сталинград по Кавказской шли. Говорили, что наши гонят немцев. Мы еще детворой были, а в вагонах теплушки. Мы в теплушках ехали тогда. И слышно было: танки везут, танки, танки. Но мы тогда дети были, что мы там понимали.

– Как вы оцениваете свою жизнь? Смогли ли вы в результате реализовать себя в полном понимании?

– Ну, я хочу сказать, что последнее время мы стали жить неплохо. Вот Брежневское время, а сейчас мы уже старые и не понимаем, как жить. Пенсия, что тут пенсия. Ну что можно на эту пенсию, как прожить.

- Вы расскажите, как вы видите, довольны ли вы жизнью, не довольны? Может с чем-то вы не согласны, что-то не так получилось? Или все-таки жизнь прожита не зря?

– Воспитала детей, двое детей, сын и дочка. Дочка окончила техникум строительный, уже тоже на пенсии она. Сын умер у нас. Мы двое остались с дедом. Ну, мы сначала жили в начале улицы, когда он ушел в армию, я одна достраивала дом. Вот там жили мы, трудно, конечно, было. А теперь вот 10 лет как построили здесь. Мама умерла, и я в наследство вступила, и здесь построили.

– Кем вы работали до пенсии?

– Проводником, 16 лет.

– Что бы вы хотели сказать следующему поколению, Ваши пожелания?

– Я хочу, чтобы молодежь понимала стариков. И не дай Бог вот этой войны, никому. Молодежь надо немножко изменить. Очень не хорошо, по телевизору показывают. Мы так не жили. Понимаете? Мы понимали старых и вот этого безобразия мы не видели. Если было что-то, но оно скрывалось. А сейчас нехорошо ведут себя. Все открыто. Зачем? К чему? И теперь вот из-за границы все везут, везут. Всю гадость эту, к чему это. Учителей не понимают. Мы учились, не дай Бог на учителя что-нибудь сказать. Сейчас безобразие. Путину нужно на это обратить внимание. Нехорошо это. Немножко построже с молодежью надо. Сильно распущенность большая. Но не всё, конечно, но многое некрасиво по телевизору показывают. Как ведут себя, как в школах, убивают, убивают детей...

Шевченко (Черкасова) Раиса Васильевна¹⁹

Я выросла в многодетной семье, нас у родителей было семеро. Пять дочерей и два сына. Папа наш ушёл на фронт в августе 1941 года, а погиб в ноябре 1943 года в битве за Кавказ. Что нам пришлось пережить в военное и послевоенное лихолетье, описать трудно. Но постараюсь!

Старшей дочери Любе в 1941 году было 13 лет, а второй, Ане – 12 лет, старшему брату Илюше – 8 лет. И они все пошли работать вместе со взрослыми в колхоз «Земледелец». Убирали урожай, грузили ящиками в телеги и отвозили на Плаксейский элеватор. Собирали колобки, пололи кукурузу и бахчи, убирали осенью хлопок. Люба была очень шустрой, оптимистичной, очень трудолюбивой. Она организовала звено из таких же девочек, а они единогласно избрали её звеньевой: звено их все звали ударным, так как они везде были первыми. За отличные успехи в труде Любу премировали – дали тёлочку двухмесячную, а мы её вырастили,

¹⁹ Фотография не имеет прямого отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

выкохали всей семьёй, а она нас кормила молоком и отвела от голода, мы её звали Милкой. Звено Любы работало в колхозе до 1950 года.

Старший брат Илюша был нам как второй отец. Папа, уходя на фронт, давал ему наказ, чтобы он как старший мужчина помогал поднять на ноги нас, малышей. И он до конца дней своих старался помогать нам во всём. Память о нём я свято храню в душе. Он очень любил лошадей. И когда в колхозе наступила бескормица, он взял двух лошадей и к весне выкормил, выходил их: зимой ходил в рощу и из-под снега доставал траву – каждый день по мешку – кормил своих лошадок, поил талой водой, чистил, холил. К весне они были как «игрушки» – так отзывались старики, которые работали в конюшне. А ведь ему было всего 10 лет! За это его правление колхоза наградило премией – парой сапог. В то время это было богатство! И он (Илюша) стал работать ездовым на этих лошадях: подвозил корма, в общем, выполнял всю работу, какую ему давали. Умер он очень рано, в 55 лет на работе, в конюшне, среди своих любимец – лошадок.

Две сестры, Маша и Валя, тоже трудились в меру своих сил – были нянечками – Маша у Нарских, а Валя – у Камоевых.

А мы с братом Толиком – последушки – были «домохозяйевами», если так можно выразиться. Все были на работе, а мы делали домашние дела: убирали, подметали двор, ходили по воду и за травой для коровки Милки. А старшие наши – Люба, Аня и Илюша – с ранней весны и до поздней осени жили в степи и изредка приходили (ездить было не на чем) домой, чтобы помыться и постирать одежду, и также пешком снова шли в степь. Спали все в большом амбаре на полу, постелив побольше соломы. Еду им готовила бабушка Даша (Косенко) – галушки, затирку. Так жили все дети войны из нашего села.

Нет в живых моих дорогих сестёр и братьев, я осталась одна из всей большой семьи. Я очень скучаю и часто плачу, мне не с кем поделиться даже словом, ведь многих моих подруг и односельчан нет в живых! Светлая им всем память и вечный покой!

С уважением Р. Шевченко. Дитя войны. 9 июня 2020 года.

Р. С. Все жители села: старики, женщины и дети – трудились под девизом: «Всё для фронта, всё для Победы!!!» И она пришла – наша великая Победа! Пусть со слезами на глазах, пусть с сединами на висках! И неоценимый вклад в неё внесли дети войны! Здоровья живым и вечная слава умершим!

Евзикова

Элеонора Алексеевна²⁰

Когда началась война, Элеонора Алексеевна жила в Минеральных Водах. Отец в военные годы ушел на войну, а её мать осталась с детьми. В семье их было двое, а также племянник и племянница. Сестра матери Антонина работала в продуктовом магазине, и так как их отец был офицером-артиллеристом, то взрослые получали карточку для пайка на двоих детей. Всю войну они прожили в городе Минеральные Воды. Перед Сталинградской битвой часть отца перебазировалась в Сталинград, а она, узнав об этом, прорвалась в Сталинград, благодаря электропоездам и несколько дней побыла там по разрешению командира.

Закончилась война, и отец вернулся домой в 1946 году. После войны он ещё оставался в Кракове комендантом, так как город был очень разрушен немцами, ведь они пытались его полностью взорвать. Как раз в фильме «Семнадцать мгновений весны» показывали Штирлица, который пытался воспрепятствовать этому.

Элеонора Александровна сначала была поваром, потом окончила курсы бухгалтеров и всю жизнь проработала в тресте ресторанов и столовых в городе Пятигорске, далее 7 лет пробыла на крайнем севере в Североморске, где базируются наши подводные лодки. И снова приехала в Пятигорск.

Чернышева

Светлана Петровна

Я, Чернышева Светлана Петровна, жительница города Ставрополя. Родилась 3 февраля 1945 г. в лагере для угнанных в Германию. Являюсь несовершеннолетним узником.

Мои родители были угнаны в Германию в июле 1942 г. из города Славянск, Украина.

²⁰ Евзикова Элеонора Алексеевна , 1939 года рождения.

Глазами Детей войны

Мама вспоминала, что немцы забирали юношей и девушек прямо на улице, грузили в товарные вагоны и увозили на работу в Германию. Жили в бараках. С утра до вечера работали каждый день. Работали много, надсмотрщики били. Кормили плохо, одну баланду давали.

Освободила нас Красная Армия в апреле 1945 г. Сначала отправили домой одиноких парней и девушек. В этом эшелоне была и мамина сестра, моя тётя Вера, которая не доехала домой. По дороге многие заболели тифом, в том числе она, и её не стало. В следующем эшелоне отправили всех остальных узников.

Мой отец был родом из Белоруссии, поэтому мои родители вместе со мной приехали в Брянскую область, в деревню. Мама с папой работали. Жили бедно, но не голодали. Картошки было много, коровы давали молоко.

В деревне, куда мы приехали я и выросла. Окончила там 10 классов, поступила в Брянский педагогический институт. Закончила учиться и вернулась в свою деревню учить детей. Живут там трудолюбивые, добрые люди.

Лагерная жизнь сказалась на здоровье моих родителей, и они вскоре умерли. Широко тема в семье никогда не обсуждалась, так как остались тяжёлые воспоминания...

Я вышла замуж и уехала в Россию. Работала в торговле, суде, русском языке и литературе. Дальнем Востоке, родила дочь. Там на Ставрополье, работала.

Теперь на пенсии. Живём в частном доме, работы хватает. У нас есть внучка и внук, а также два правнука и две правнучки. Помогаем им, чем можем.

Пусть растут достойными гражданами нашей страны, и чтобы не пришлось им перенести те страдания, которые выпали на долю их прадедов и дедов.

Сувернев Владимир Николаевич

– Я, Владимир Николаевич Сувернев, родился 4 декабря 1944 года в городе Уфе. Это Башкортостан...

– А чем занимались родители в довоенное время?

– До военного времени мама была работница колхоза, а папа работал на военном заводе. Была бронь, и он на фронт не попал. Его также направляли как бы в руководство колхоза, где они

познакомились с мамой.

– А кто-то из родных, близких ваших ушел на фронт?

– У нас было так же, как и в каждой семье Советского Союза... На фронте в то время были из каждой семьи. И из нашей семьи были фронтовики. И брат мамы, и брат отца – это мои дяди. Из нашей семьи погибших было очень много. И вернувшиеся с фронта также были, потому что наша семья была многочисленной. В то время и участвовали, и вернулись тоже.

– Скажите, пожалуйста, возможно, мама или папа, соседи или родственники рассказывали Вам какие-то истории о войне или как было во время оккупации и о послевоенном времени. Может быть, что-то такое Вам запомнилось из этих историй?

– Действительно, я разговаривал с моим дядей, участником войны. Он рассказывал, что очень было трудное время поначалу. Это было потому, что не было хорошего руководства в начале войны. Не было хорошего вооружения. И в начальный период войны, он мне рассказывал, что очень большие несли потери. Потом Курская дуга, где была одержана победа, там вообще потерь много было... Он как раз был на Курской дуге и ранен был осколком гранаты, посечена была его нога. Там очень много было погибших.

Но затем под конец войны, я не с его слов знаю, что наши руководители военные как бы стали лучше понимать тактику военных действий, пошла боевая техника. И напряжение всего советского народа сыграло большую роль. В течение двух месяцев мы мобилизовались,

вывезли в тыл все производство, вооружение с тех территорий, которые могли попасть под оккупацию. И даже не было крыши, а станки уже работали в то время, понимаете! И вот это все, вся Европа была настроена против Советского Союза. Но народ под руководством, я прямо скажу, и под умным руководством и единоначалием Сталина. Были ошибки у него, но в этот момент он... Это его заслуга.

– А Вы помните послевоенное время?

– Да, я помню. Когда мне было 3 года, это был сорок седьмой год, дедушка попросил помочь отца построить дом, и мы переехали в деревню. А семья дедушки – дедушка и бабушка и их последняя дочка – жила в землянке. Сейчас вот, лет 7 назад, я ездил туда на родину и смотрел, где эта была землянка. Еще сохранились некоторые лаги там. Видно, что там было строение. И я помню, что они уходили на работу, а эта землянка была в одном месте, а строили дом в другом месте. А я оставался один, и мне хотелось есть. У нас там в землянке была русская печка и стояла картошка в чугушке. И я туда залазил, отодвигал заслонку – и было мне всего 3 года – я отодвигал, вытаскивал вот этот чугунок и съедал всю картошку. Это была картошка в «мундирах», и я не знаю, я столько не съем сейчас, понимаешь?

Но я также помню, что в 1947 году отменили карточную систему. Это почему? Да потому что сельское хозяйство было поднято за два года... Карточная система отменена была в Англии в пятьдесят шестом году.

И восстановление народного хозяйства шло высокими темпами, до 20 % прирост был восстановленных заводов, фабрик и всего прочего. Вот так... И мы жили в то время тяжело, было трудно, но мы надеялись на улучшение. И они, улучшения действительно в жизни и были. Достаточно!

– Да. Владимир Николаевич, скажите, пожалуйста, а как Вы оцениваете свою жизнь? Смогли Вы реализовать себя в полном понимании вот этого слова?

– Вот я скажу Вам о своей жизни, если бы я жил вторую жизнь, я был бы такого же настроения. Ну были ошибки в жизни, но чистые ошибки такие, что нужно было так поступить, нужно было по-другому поступить... Но я как бы старался также прожить эту жизнь честно, не воруя, не пьянствуя, чтоб семья, чтоб дом были. Чтоб все это достигнуто было, чтоб дети воспитаны были хорошо. У меня два сына, две внучки. Они, сыновья, не алкаши, не пьяницы, не наркоманы, с семьями. Один сын в Петербурге, 42 года, еще не женат, но успешен в работе, аналитик-

программист, заработки приличные, больше 100 тысяч. Вот и я считаю, что это тоже достижение моей жизни.

– Владимир Николаевич, что бы Вы хотели сказать следующему поколению через нашу книгу?

– Через вашу книгу вот следующему поколению... я хочу сказать, что ничто так просто и ниоткуда не приходит. Может быть, некоторым людям, которые имеют богатства, дается все и без усилия. А вот молодежь другая смотрит на них и думает, что и им это все нужно, и можно это всё получить так просто... Но нет, ребята. Нужно везде трудиться. И нужно трудиться так, чтобы ты получил специальность и верно в ней разобрался. То ли ты каменщиком будешь, то ли ты программист, но ты хороший программист, – только тогда ты будешь востребован в жизни, и будет у тебя достойная заработная плата и хорошая семья.

Слюсарева Вера Васильевна

Я, Слюсарева Вера Васильевна, девичья фамилия Шкода, родилась на Украине 28 мая 1942 году, в посёлке Грушевое, Луганской области. Отец был шахтёр, мама занималась хозяйством и детьми. На шахте отцу оторвало руку и поэтому на фронт его не взяли.

Практически все мужское население, и мамин брат, ушло на фронт. Мамину сестру угнали в Германию на работы. В нашей семье было четверо детей. Когда немцы оккупировали Украину, в нашем доме сделали штаб и нашу семью переселили в маленькую кухню, где мы проживали.

Немцы в нашем селе относились к местным жителям сравнительно неплохо. Детей периодически даже угощали конфетами. В детстве я была болезненным ребенком, у меня была шишка на шее, немец-врач посоветовал маме лечение этой шишки, после чего она исчезла. Немцы в нашем селе пробыли недолго – около года. Потом быстро собрались и уехали.

Из маминых рассказов я помню, что, когда было нечего есть, мама варила сухие зёрна кукурузы и кормила нас ими.

Глазами Детей войны

После войны, родители много работали, у нас семья была трудолюбивой, сажали большие огороды, на которых выращивали овощи, пшеницу, чтобы прокормить себя и скот.

После окончания школы я уехала в город Тирасполь и поступила в политехнический институт, где познакомилась со своим будущим мужем. Он тоже родился перед войной, его отец был офицером Красной Армии, погиб в 1943 году.

Я являюсь ветераном труда, всю жизнь проработала на большом заводе, сначала диспетчером, потом заместителем, затем начальником склада. Я благодарна Богу и родителям за то, что они воспитали меня трудолюбивой, позитивной и жизнерадостной.

Молодому поколению желаю побольше оптимизма, ценить жизнь, а главное – любить ее и на нее не жаловаться!

Моисеева

Наталья Григорьевна²¹

– Сколько вам было лет, когда началась война?

– Годик.

– А где именно застала вас война?

– Брянская область, Брянск

– Чем занимались ваши родители до войны?

– В колхозе работали, мама дояркой была.

– Кто из ваших родных ушёл на фронт?

– Отец и его 3 брата. Четверо человек сразу.

– А вы помните расставание, как они уходили?

– Нет.

– С кем и где вы остались, когда мужчины ушли на фронт.

²¹ Моисеева Наталья Григорьевна, родилась 1941 года 14 ноября.

– С мамой. Одна мама и я. Она сиротой была, рано родители у неё померли, маме было 12 лет, когда родителей не стало. И ещё 2 сестры моложе неё были. Она и работала и детей (сестёр) воспитывала сама, одна.

– Как пережили вы период оккупации?

– Я ж маленькая была, мама рассказывала: немцы с одной стороны, говорит, стреляют, а наши с другой, а мы, говорит, в лес убежим, в уложину ляжем, говорит, а ты кричишь, ты кричишь. А люди, которые прятались с мамой и говорят: заткни ей рот али уходи, а то немцы нас найдут. Ходят же кругом немцы, говорят. Мама говорит: намучилась с тобой!

– То есть вы с мамой в лес убежали, получается, да?

– Да.

– А те периоды, возможно, мама, рассказывала, когда оккупанты уходили, наши приходили?

– Рассказывала мама. Рассказывала, немцы их водили на расстрел, 3 раза. Соберут посёлок небольшой и повели. Подъедет какой-то главный – отпустят, говорит, нас. Раз с тобой, рассказывала она, забрали. Ты, говорил один ей, хлеб партизанам пекла, говорит, тебя стрелять надо, и повел. А другой дядька, кажется, полицай, говорит: не надо, не надо! За маму заступился и её отпустили. Говорит мама, а то застрелили б и всё.

Вот так и жили. Война есть война, не дай Бог никому её!

– А как встретили День Победы, что запомнилось?

– Как-то Победу – не то... А как идёт какой-нибудь чей-то мужик, – встречали наших! Но мало наших попришло с посёлка, мало людей.

– Что наиболее запомнилось в послевоенном времени?

– Помню наши огороды, как сеяли картошку. Тащат плуг, и бабы впереди за тот тянут, а я бегу с прутком: «Но! Но!» – кричу на них. Вот это я запомнила сильно. Таскали на себе, вместо лошадей, вместо тракторов.

– А кем вы работали до пенсии?

– Дояркой, 18 лет я продоила коров.

– Как вы оцениваете свою жизнь? Смогли ли реализовать себя?

– Орден получила. И в совхозе тут работала тоже, награждали. Так и прожила.

– Что бы вы хотели сказать следующему поколению через нашу книгу?

– Бог их знает, что им сказать.

– Может, пожелать что-то

– Любить страну надо и всё – это самое главное. Чтобы не было никакой войны. Всего хорошего, пусть живут да и всё!

Молчанова Вера Павловна²²

Молчанова Вера Павловна родилась в 1933 году, в х. Лисички Спицевского района.

Дети и подростки в те годы рано приучались к трудовой деятельности. И вся жизнь хуторских детей посвящалась сельскому труду.

С ранних лет работали в колхозе старшие брат и сестра В. П. Молчановой. Поколение, к которому принадлежит В. П. Молчанова, без

натяжки можно назвать «детьми войны». Тяжелым и неизгладимым воспоминанием остались в ее памяти годы войны и оккупации...

«Немцы вошли в наш хуторок, заняли нашу школу под штаб, а сами в тот же день разошлись по домам для проживания.... Нас тоже посетили немцы, думали жить у нас. Но, когда вошли, увидели старшую сестру в постели – она больная была, – сразу ушли. Правда, хату нашу исцарапали снаружи, со всех сторон: «Тиф. Тиф.». Поэтому только у нас со всего хутора немцы не жили»...

В детской памяти хорошо отпечатались радостные дни освобождения хуторка от оккупантов. «Со стороны Спицевки пошли наши. Немцы в панике кинулись по машинам, а кто на мотоциклах, удирать. Подождли нашу школу. Сгорела она дотла...

²² Молчанова Вера Павловна в настоящее время проживает в с. Грачёвка

Потом я часто бегала на дорогу, по которой шли наши солдаты. Мама пекла лавашаи, давала их мне со словами: «Неси, доченька, может, где-то и наш папа так голодает». Я выносила, и, когда раздавала эти лавашаи, солдаты брали меня на руки и говорили: «И у меня такая дочка есть. Жива ли?» Плакали. И я плакала. Видела, какие они все оборванные, вши прямо сверху одежды ползали».

Сидорченко Полина Романовна

Я родилась 28 мая 1935 года в селе Ипатово (сейчас город) Ставропольского края. До войны родители работали в колхозе, отец был бригадиром в колхозе имени Сталина, мама, простая колхозница, на полях работала.

Из родных на фронт ушли очень многие – перечислять долго, в общем, все дяди.

Отца не взяли, у него инвалидность с рождения, и всю жизнь он работал в колхозе. А после войны в 1945 году, в мае месяце, как только война закончилась, его назначили председателем колхоза в село Софиевка Ипатовского района.

Я знаю, что немцы пришли на Ставрополье в августе 1942 года. А в Ипатово – где-то в начале ноября.

Так как я занималась краеведением 25 лет и учитель географии, то я рассказываю детям о Михайловске. Так вот и те зверства, которые немцы совершали в разных селах и городах, особенно на Кавминводах, в Ставрополе, в селе Михайловском (потом Шпаковское назвали), таких в Ипатово не было. Немцы уже чувствовали, что надвигается Красная Армия и что они будут отступать. Они вели в Ипатово разгульный образ жизни: грабили население, все забирали, в том числе и у нас, колхозников. Мы держали кур, коров, овец, гусей, свиней. Так вот в моей памяти осталось: в 1942 году, когда мне было 7 лет, помню визг поросят, так как немцы в основном их и брали. Также немцы пьянствовали, особенно в новый год. Они пришли и в нашу хату. Мама была очень чистоплотной. Нас было три сестры: я самая младшая, сестре старшей тогда было 14, и 12 лет средней сестре. Так вот, немцы зашли, а чистейшие тогда занавески были марлевые – сестра делала

искусственные цветочки и все ими украшала, и иконы – «Набожник». А в Ипатово в то время было очень много выходцев из Украины и помещь их наречия стала называться хохольской. Немцы жили с нами, нас в доме было пятеро, мы с сестрами спали на печи, а немцы заняли горницу, и после них все было черное, они там курили и все закоптили. У нас поселились офицеры, это было понятно, так как они по нашим меркам в то время были богаты. Мы не знали, что такое шоколад, конфеты, и они нас угощали. Издевательства со стороны немцев не было. В основном они мучили коммунистов и евреев. Коммунисты ушли на фронт, а евреев в Ипатово почти не было. Если и находили, то это, как и везде, было дело рук предателей – такие находились, в том числе и у нас. Как я потом узнала, одну семью евреев немцы нашли. А в Михайловске по доносу было схвачено 98 евреев. И вот, значит, в эти семьи шли немцы и говорили: «Собирайте вещи, какие у вас есть, и мы вас отправим в райскую жизнь, в Германию. Только там вы увидите, что такое настоящая жизнь». И вот погрузили они этих 98 человек в машины-душегубки, был пущен газ, и все 98 евреев погибли. А трупы были вывезены в карьер в районе Пелагиады.

Как рассказывают старожилы, где совхоз Михайловский, там были конюшни для лошадей, а немцы держали там наших военнопленных. Их там было почти 400 человек. Местные жители, рискуя жизнью, бросали пленным печеную картошку, хлеб и т. д.

Потом этих людей еврейской национальности и 400 человек военнопленных перезахоронили в братскую могилу вместе с погибшими солдатами, стоявшими в обороне Михайловска.

Я переехала в Михайловск и живу уже здесь 60 лет, и там, где сейчас круг, был памятник в честь 30-летия Победы, установленный в 1974–1975 годах. Останки погибших были перезахоронены. Я была свидетелем перезахоронения. 3 ноября 1974 года перезахоронили 16 гробов.

Немцы из Ипатово были изгнаны 21 января. При отступлении они сжигали все ценное. В Ипатово основными ценностями были элеватор, мельница, маслозавод. Все это немцы сожгли, взорвали или сломали. Перед нашими глазами было страшное зрелище – красное зарево от пожара. Мама не выдержала и кричала: «Посмотрите, что же делается! Изверги!».

После того как немцы похозяйничали, у нас ничего почти не осталось, только несколько кур и две овцы. Кушать было нечего – зерна не было. Мы, три сестры, ходили на этот элеватор выгребать это

полусгоревшее зерно. Мы сделали такую «мельницу» из камня, и траву лебеду сушили, и вот эти зерна мололи, а мама пекла лепешки.

Невинномысский канал строили до войны, а потом из-за войны строительство прервалось и только после войны продолжилось. Участие в строительстве принимала в основном молодежь 16–17 лет, в том числе моя старшая 16-летняя сестра, ее туда отец отправил, а прорабом при стройке был герой Советского Союза из Шпаковского района Владимир Яковлевич Ткачев, который из пяти героев этого района остался в живых. Ему сейчас 95 лет, родился он на хуторе Извещательном, сейчас он живет в Невинномыске. Когда он ушёл на фронт, ему 18 не было.

До пенсии я работала учителем, завучем школы и инструктором в райкоме партии.

Желаю следующему поколению самое главное – любить свою родину, быть преданным своей Родине и быть готовыми отвечать на все происки врагов, даже на моральные. Изучайте истории тех участников войны, которых уже нет в живых, а с оставшимися встречайтесь и благодарите за солнце и чистое небо над головой, и за то, что мы живем мирно!

Русанова Евдокия Степановна²³

Когда началась война, я училась в 3-м классе. Я жила в селе Таврическом, которое изначально относилось к Благодарненскому району Ставропольского края. За справками, документами надо было ехать в город Благодарный. За справками в Благодарный ездили на быках. Потом решили перевести нас в Кучерлу. Позже организовался Туркменский район и сельский совет был в селе Куликовы Копани, и стало удобнее ездить за справками туда.

Братьев провожали в армию в 1941 году из Благодарного.

Во время войны родители работали. Папа был чабаном. Во время войны его заставили отогнать стадо в Сухой яр в районе Летней ставки, зная, что немцы туда не поедут. В то время не было тракторов, запрягали

²³Интервью предоставлено командой добровольцев Туркменского района: Элиной Раисовной Коноплевой, 31 год, специалистом абонентского отдела филиала в Туркменском районе ООО «Газпром межрегионгаз Ставрополь», членом Молодежного совета, и Махтумом Бегалыевичем Хиясовым, техником АДС в АО «Туркменскрайгаз».

быков в трёхкорпусные плуги на двух колёсах. Идет мужчина держит плуг, чтобы он не перевернулся. Две пары быков запрягли в ярмо. И вот один идёт, погоняя первых быков, – на них ярмо. Держишь их за налыгыч и ведёшь, а второй погоняет. И когда бык замаривается, он останавливается и дальше не идёт, пока не отдохнёт.

Добирались везде на быках, на телеге и пешком с мамой ходили.

Три класса мы закончили, и нас заставили работать (расписаться умеете и хватит). Из обуви у нас были чувячки (поршни) или туфельки, сшитые примитивным способом из невыделанной шкуры колхозной коровы. Такая обувь во время солнцепёка усыхала и натирала ноги. Домой возвращались с мозолями на ногах. Потом мы их увлажняли на ночь.

Братьев забрали: старший брат дошел до Германии, а меньший чуть поближе. Старшего брата, когда война закончилась, отправили на лечение.

Девчат забрали копать окопы куда-то в Сибирь. И все остались там. Одна была в Воркуте, она в Ставрополе училась на телефонистку. Через три или через пять месяцев мы получили только одно письмо, в котором сообщила, что она на севере, работает телефонисткой, и нарисовала телефонный аппарат. Работала сутками во время войны.

Немцы заходили к нам село. Одна машина проехала по селу, доехали до конторы. Вторая остановилась около нас, и мама вышла из дома. Немцы попросили маму вынести им что-нибудь покушать. Мама ответила голодным немцам, что у неё большая семья. Дала им яиц, но боясь быть застреленной, мама разрешила одному из немцев поймать и забрать понравившуюся ему курицу. Они проехали по пустому посёлку, в нём не было ни асфальта, ни деревьев, видимо, оно им не понравилось.

Во время войны, домашнее молоко сдавали в колхоз. Яйца собирала женщина. За воровство строго наказывали. Нас заставляли в

Глазами Детей войны

полях вырывать сорную траву – курай. Мы рвали сорняк и кушали его цветочки. Трава расковица росла по пшенице, её тоже приходилось вырывать. С нами ходили учителя или старшие девочки. Мы в полях должны были вычистить весь сорняк, чтобы он не мешал росту пшеницы. Собирала дождевую воду, поливала орех, чтобы были крупными плоды. Из скошенной молотилками пшеницы делали копны, потом молотили, все в пыли были. Потом стали выдавать защитные очки.

День Победы встречали с музыкой. В одной части села жили молокане, а в другой хохлы. Мы как идём в клуб в выходные дни и песни поём. Встречали на пути двух сестёр, сидевших, на завалинке с ними пели песни. Они нас научили петь свадебные песни. Весёлый был у нас посёлок, а сейчас все богатые стали. Мы лишним куском пышки делились.

Папа с войны не вернулся.

Когда председатель вернулся с войны инвалидом (без ноги, на деревянных костылях), его снова поставили председателем. Он купил 10 поросят и предложил нам вести колхозное хозяйство, когда наш посёлок был присоединен к селу Куликовы Копани Туркменского района.

После войны я осталась одна, погибли все из нашей семьи.

Сейчас мне 87 лет. До пенсии работала на свинарнике. Прихожанка Зоя помогает мне с продуктами, приносит молоко, сметану, у них своя корова. Помогает и сын. Сын у меня служил десантником в Афганистане, вернулся домой больным, сейчас живёт недалеко от меня.

Страшно, конечно, ни к кому из сестер и братьев на могилку не сходишь, ведь они похоронены в разных местах. Только к маме могу сходить.

У меня 6 детей, 14 внуков.

Будущему поколению хочу пожелать, чтобы слушались и почитали родителей. Раньше, Боже спаси, обидеть родителей.

Левкович (Донцова) Лидия Васильевна²⁴

Лидия Васильевна Левкович (Донцова) родилась 26 декабря в 1938 году, в Черкесске.

В этом городе, на улице Кавказской, ее бабушке, Григорию Донцову, дали жактовский дом для его большой семьи. Было у него семь детей. Пятеро сыновей воевали во время Великой Отечественной войны. Один из них, Петр, долго считался без вести пропавшим, но потом нашли где он погиб и поставили ему памятник.

Бабушка Лиды был очень трудолюбивым, и всегда говорил, что надо трудиться, чтобы хорошо жить. И, видимо, поэтому ему многое удавалось в жизни. Был он очень мастеровитым человеком, все умел руками сделать и ко всему с умом подойти.

Семья Лиды, состоящая из пяти человек, жила у бабушки. Лида была третьим ребенком в семье и всегда донашивала за всеми одежду. Зимой не в чем было гулять, поэтому лето ждали с нетерпением, потому как можно было ходить в одних трусах. И это притом, что у деда был самодельный ткацкий станок, на котором ткали из льна простыни, дорожки на пол, добавляя нить из крапивы, и веретено было для пряжи. Была пасека, коровка и курочки - несушки.

Лидаия Васильевна помнит о своем детстве все, начиная с двух-трех летнего возраста. Помнит, как в доме пол очищали деревянный кирпичом и застилали дорожками. Помнит, как отец уходил на войну, как она плакала...

- Так сильно плакала! А, когда спросили, почему ты так сильно плачешь, сказала: да потому что вся станция плачет, и я плачу!

В это время, ее еще носили на руках, маленькой совсем была.

3 августа 1942 года пала оборона Ставрополя, 7 августа сдали Армавир, 10 августа немцы заняли Майкоп, а 11 августа немцы вошли в Черкесск. 12 августа они были в Краснодаре и Элисте.

В Черкесск фашисты вошли без стрельбы. Двигались они со стороны Пятигорска. Они заранее укрепили оборону Черкесска в тех местах, где расположился полк гитлеровцев и их штаб.

Маленькая Лида видела немцев на улицах города.

Возможно, она видела и немецкую дивизию «Эдельвейс», двигавшуюся к перевалам Главного Кавказского Хребта и на Эльбрус. Некоторые из тех, кто был в рядах этой дивизии знали эти места. До войны будущие бойцы «Эдельвейса» приезжали в СССР. Они участвовали в восхождениях на Эльбрус и другие вершины, как и Хуберт

²⁴ Фотография не имеет непосредственного отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРЕТ.

Ланц, - командир дивизии, Во довоенное времена, когда он посещал Кавказ, занимаясь восхождениями, Хуберт завел немало полезных знакомств с представителями местного населения.

Помнит Лидия Васильевна и то, как приходил староста полицаев и нагло забирал все что хотел, и немца, с ищущим взглядом: «яйка, млеко, мед?» И то, как немцы говорили: "Сталин гуд – Гитлер капут!"

В 1943 заселились в их жактовский дом два адъютанта, немца. Дом был большой, и семья Лиды еще оставалась в нем.

И вот, однажды, один из них, заложив руки за спину, в задумчивости вышагивая туда-сюда по комнате, чеканя шаг в своих сапогах, не замечая, как Лида старается сзади заглянуть под подошву его сапог, от чего ж так громко они стучат, вдруг повернулся и наступил на большой палец правой ноги Лиды. Испугался, схватил Лиду на руки, достал ароматную мазь, забинтовал палец. Дал Лиде конфетку. Взял ее на руки и расплакался. Как выяснилось, в Германии у него тоже были маленькие дети.

На пальце у Лидии Васильевны на всю жизнь остался шрам.

Когда бомбили Черкесск, Лида с детьми находилась рядом с «Молсырзаводом». По ее воспоминаниям после бомбежки головки сыра плавали в колодце с водой и люди их вылавливали...

На заборе их двора вывесили надпись: "Комендант".

Но вскоре приехал дедушка Лиды, чтобы забрать их из оккупированного Черкесска в село Успенское Краснодарского края. Лидия Васильевна вспоминает как их телега с вещами никак не могла преодолеть через брод через реку Зеленчук.

В селе для того чтобы купить хатку, продали телку. В ней и жили до той поры пока Лидия Васильевна не вышла замуж.

Дедушка Лиды был железнодорожным обходчиком, и Лидия Васильевна помогала ему. Ей приходилось рано вставать для того, чтобы пасти гусей.

Летом было хорошо, можно было ходить в одних трусах, платья не было, и сшить тоже было не из чего. И, Лиде говорили: "Вот папа придет, красное платье, красное пальто и красную шапку привезет!"

Отец Лиды был ранен в 1944 году, воевал в пехоте.

Когда приехал после войны, плакал.

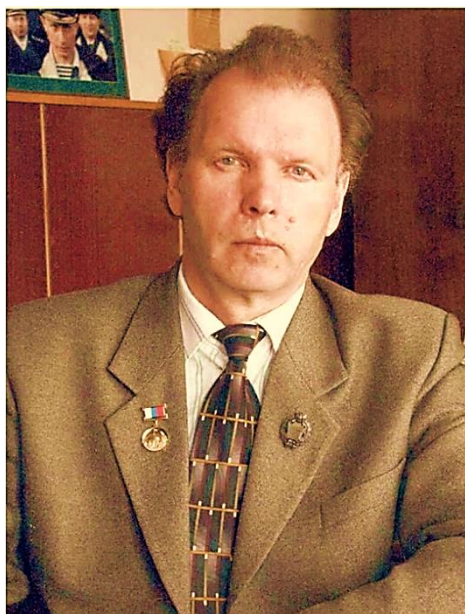
- Что ж плачешь? – спрашивали. Отвечал - Детей жалко.

У него уже была другая семья и дочка. Работал он на шахте, помогал деньгами.

Мама Лиды работала уборщицей в школе, и учителя видя, как Лида на ходу все запоминает и повторяет за школьниками, предложили маме отдать Лиду с шести лет в школу. И мама согласилась. А, когда в 1946 вернулись в Черкесск, учителя предложили Лиде пойти в первый класс. Но Лида не согласилась, а продолжила учебу дальше и четыре года была отличницей.

С семи лет Лидия Васильевна уже зарабатывала деньги. В поле она собирала колоски после жатвы. Было так тяжело, что ноги ее не

держали от усталости. А, когда она несла мешок с колосками, то ступни истекали кровью, потому что ходили босиком, обуви не было. Одежду шили из мешковины. Трудным было послевоенное время.

Храмцов Андрей Георгиевич²⁵

Я из многолетней сибирской семьи. Из самой глубинки, 100 км от Омска. Нас было всего 11 человек, то есть 9 детей и мама с папочкой.

Для меня война – это та самая война с первого дня, когда мама голосила о брате Михаиле, который перед войной переехал из Владивостока, где он служил, в Брест. Я помню его письмо, так как оно начиналось «Я люблю всех, а особенного малого брата». Я понял, что он меня помнит еще, когда я сопли вытирал. Я помню, мне в первый раз штаны сшили, когда я в школу пошёл. А до этого мне перешивали штаны братьев. Вот до первого класса я был тот еще байстрюк – бандитик маленький с Ленькой Бахтуреным и Витькой Червяковым моими дружбанами. Мы били маленькой бандой, нас заставляли пасти гусей, свиней, за курами ухаживать. Мы действительно бегали вместе в канаву курить – мох из строений вытаскивали, который наши же вкладывали между брёвен. Я не курил после, так как папа носил широкий немецкий ремень... Вот нас мой брат Иван сдал отцу, мол, мы уже, как взрослые, там в канаве курим. Так папа меня выпорол, и я с тех пор даже не смотрю в сторону курева. Один раз я это дело испытал на своей внучке, я ей сказал: «Если я ещё раз об этом узнаю, я тебе уши отрежу и обратно пришью, чтоб меня не посадили за это». Правда она мне в этом в 30 лет призналась, но тем не менее... А сын мой Андрей в первый раз закурил, когда в колхоз поехал. Это я вам рассказал, так как запомнил, что Миша написал письмо, и там было написано: «Я целую Лею, дарю тебе корзиночку, она из алых роз, там 10 поцелуев и 5 горячих слез!». И там родители перечитывали и было так написано: «Я переехал от одного грозного соседа, к другому».

На фронт сначала ушел Миша, затем Митя и затем – папа. А Ивана, брата, после войны или во время забрали в ПТУ, чтобы сделать из него

²⁵ Андрей Георгиевич Храмцов — российский учёный в области технологий глубокой переработки молочного сыра, академик РАСХН (1993), академик РАН (2013), родился 22 июня 1936 года.

рабочего, там пять или шесть лет учёбы. Почему-то провожали его со слезами, а я считал это большим достижением, как сейчас бакалавр. Потом пришли люди и арестовали мою маму за то, что у неё в кармане обнаружили пшеницу. Она работала на токе, веяла пшеницу, и я понял - она для ребятшек в карман положила пшеницу. И 7-8 женщин вместе с ней за это осудили и дали по 10 лет. У нас конфисковали все - от ружья до швейных машинок. Это было в селе Аксеново в Соргатском районе Омской области, в Сибири. Маму забрали, а нас осталось семеро, старшей сестре было 15 лет, Мере было лет 13, Марии – 11, Ивану - 10, Вере 9, мне – 5 лет и Гале - 2 года. И мы были брошены на произвол судьбы. Дяди наши - Кирилл и Ваня воевали, — братья папины. Но хоть каким-то образом их жены помогали нам, советовали что-то...

Через 6 месяцев мамочку реабилитировали полностью, она вернулась и до конца войны собирала все конфискованные у нас вещи и швейные машинки. По всей округе она пошла искать их по показаниям подруг. Видимо, те люди, которые забрали у нас вещи, и посадили маму намеренно. Это была женщина-председатель, два мужика бригадира - инвалида безногих и кладовщик. У нас даже, однажды забрали все белье, мы его вынесли, чтоб оно промерзло и его украли. На следующий день мама проделала такое: смотала клубок ниток и положила на стол... И белье вернули. Она была знахаркой и повитухой в нашей деревне. Все, кому она помогала, помогли и ей найти наши вещи.

Мы питались коноплей, картошкой, зернами. Иван, когда дробовик нам вернули, охотился на зайцев, лисиц. Маша умерла, когда мне исполнилось 13 лет. Я пошел в школу, но меня исключали несколько раз за плохое поведение. Первая учительница у нас была Анна Ивановна, но сдал я все экзамены, мы ходили в другую деревню, чтоб четыре класса защитить. И меня не хотели отдавать в 5 класс, а я две недели плакал, лучше оставили бы и жил бы там! Но я отучился, а потом окончил университет и стал доктором наук.

Два моих брата Миша и Митя отдали свою жизнь за то, чтоб мы с вами сидели вот здесь и говорили. Я как дитя войны буду обращаться к вам с предложением, которое я подготовил на 9 мая, к 70-летию. Хотел президенту дать свои предложения, я имею право раз в год обращаться к Президенту, ко всем! У Российской Академии наук – это еще с Петра I был такой порядок – каждый из академиков может обратиться к президенту с предложениями. А он должен выслушать и ответить. Особенно этим пользовались во времена культа личности, для защиты близких, имея возможность обратиться к самому товарищу Сталину. Это мне известно от моего учителя.

Миша погиб или пропал без вести в Бресте, теперь у меня из Бреста только кусочек земли как у ребенка войны. Митя, я его помню, он в 1941 или 1942 уходил в армию. Он 1923 года рождения, то есть ему было 18 лет, когда началась война. Он поставил меня на шесток, мы же жили в деревне, там изба была и деревянный забор. Он снял значок «Ворошиловский стрелок» и сказал: «Лейка, возьми и помни о брате!». Он ушёл. А после войны были письма или нет?...

Знаю, что мама, Аксинья Васильевна, доярка и телятница, она воспитывала эту орду. Мама, она всегда, когда летели журавли весной, – я тогда еще Расула Гамзатова не знал – говорила, что это её Мишенька и Митенька летят. Потом я увиделся с Расулом, был у них в Дагестане, сказал ему об этом, а он мне ответил: «Я взял это понятие из мира, что в журавлях какое-то человеческое воспоминание скрыто».

Митя попал в действующую армию. После войны девушка из Смоленской области нам написала, что она дружила с Митей. Он служил в армии, попал в плен, бежал, вступил в отряд смоленских партизан и, так как он был трактористом, попал туда механиком, взрывал немецкие эшелоны. В одном случае, когда одна мина не взорвалась, Митя вскочил, соединил провода и подорвался сам. Его похоронили в братской могиле в Смоленской области. Я там не был, а сестра моя Лени была, она видела эту братскую могилу. У нас есть документ о безвременной кончине его, по данным смоленского архива, где он был партизаном.

Последние 50 лет я искал их фотографии. Я последний из девяти остался живым на сегодняшний день. И ещё, когда мне было 25, я стал искать фото, а когда пошли Бессмертные полки, прямая необходимость появилась у дочки. Потом они с правнучкой вырезали журавликов и подписали «Миша» и «Митя». И к моей радости, племянник в Казахстане – мама в последнее время жила там, у дочки, и там похоронена – так вот, племянник разобрал мамин альбом и нашел фотографии. Теперь моя дочка сделает фото и пойдет с внучкой в строю Бессмертного полка. А я буду там присутствовать виртуально!

Я хочу подарить вам книжку о своих воспоминаниях в знак уважения.

Папа, Игорь Иванович, умер, в 1953 году, ему было 55 лет. Он был два раза отравлен в Первую мировую. А во Вторую мировую он не был в действующей армии, а в Омске строил подземные заводы. Два раза их там травили, он попадал «диверсантом», был отличным плотником в стройбате. Как я понял, благодаря опыту, полученному в Первой мировой войне, он смог выжить дважды. Как он нам говорил, их учили мочой мочить тряпку и использовать вместо противогаза. Те, кто

брезговал, умирали, а они, ребята простые, деревенские, выжили. «Когда пускали этот газ, мы выживали – из ста где-то десять оставалось в живых». Папа уже был совсем слабым и попал в больницу. Нам с братом его отдали и сказали: пусть умирает дома.

Когда папа умер, мы с братом дом развалили. Брат уехал в Караганду. После того, как он отслужил, из колхоза его взяли, как я потом понял, на строительство Байконура. Три года о нём не было известий. Потом он сообщил нам, что строит секретный объект. Так вот, когда мы дом наш развалили, я оставался с мамой и с младшей сестрой Галиной, последней дочкой. Я сдал на проходной бал на гидрофак. В колхоз я не поехал, а поехал строить дом и параллельно учился. Наш секретарь райкома комсомола сказал: «Андрей, езжай, сдавай экзамены за первый курс, поступи, куда можешь, заочно».

Пока я в колхозе был, чем только ни занимался: и секретарём был, и завклубом, сеял, веял, на быках работал. Все было нормально. Но в один день мне сказали: есть место на молочном факультете, и там нужны ребята, либо девки, либо инвалиды, ну кто там пойдёт на этот «простоквашник». Так я попал на молочный факультет, как гадкий утенок, без стипендии, с досдачей ряда предметов. А декан сказал: «Я возьму тебя, Андрей, но общежития нет, стипендии нет и 6 предметов нужно будет досдать».

Я досдал, все 6 предметов досдал. Декан меня вызвал и говорит: «Иди, тебе по иностранному ставят „отлично”». А у меня тройка, а почему? Потому что у нас в деревне было 4 класса. Я просил родителей, и меня отправили в школу за 7 км. Я окончил там 7 классов. А потом за 15 км в районе – 10 классов.

Когда я поступил на молочный факультет, я усердно учился. Хотел, чтобы в пример меня приводили. Переутомлялся, конечно, – старался 6 предметов осилить, чтобы их досдать. Но однажды мне стало плохо, и мой друг меня отвез в медпункт, где медсестра мне сказала, что мне нужно остановиться, иначе я могу умереть. А я ночами сидел в читальном зале, мне же надо было досдать. Я знал тогда, что повышенную стипендию могли дать, вот и старался добиться этого. Но мне пришлось уехать – мама меня откормила, и я вернулся. Вскоре я стал старостой факультета. На альтернативной основе хотели секретарем взять девчонку-отличницу. Хорошая была – Варя Свириденко. Но мои ребята, с которыми я жил в общежитии, сказали, что хотят меня выдвинуть на эту должность. Наш декан решил, что за кого проголосуют, тот и будет на этой должности. И было голосование. В общем, меня избрали секретарем, и я уже на третьем курсе стал

секретарем. Потом я понял, что я уже как бы и не учусь. Я хожу, а мне ставят «отлично». И я ушел с этой должности.

Закончил вуз я нормально и поехал на Алтай. Меня отправили в НИИ²⁶, чтобы там я мог написать свою кандидатскую диссертацию и получить степень. Я работал на алтайском заводе, где было секретное производство и где делали молочный сахар как среду для антибиотиков. И один из руководителей молочной промышленности сказал: «Если через год ты не будешь делать сыворотку!... Мы выливаем миллионы тонн, а в Швеции 5 тонн золота тратим за лактозу!» Вот меня привезли в НИИ, чтобы я на этой теме делал кандидатскую степень.

Родители²⁷

Мама и папа встретились, когда учились в Омском сельскохозяйственном институте. Оба вспоминают студенческие годы с благодарностью. Иногда голодали, и одежда была небогатая, а все равно было веселое и счастливое время: ходили в театр и кино, на концерты и танцы. Однажды папа пригласил маму на танец и тут же влюбился. Работал по ночам грузчиком, чтобы купить цветы (мама до сих пор помнит, что это были тигровые лилии). А уж когда (по семейному преданию) маму угостила папу запеченной в сметане рыбой, которую она всегда готовит просто волшебным образом, его сердце было отдано раз и навсегда...

Родители создавали свой дом с нуля, все зарабатывали сами, начиная с ложек и вилок. Было много трудностей, забот и проблем, но мама с папой их всегда решали вместе и никогда не унывали. Мама – сильная, смелая и энергичная – с удовольствием переезжала в другие города, поддерживая карьерный рост папы, и всегда очень быстро создавала теплый и уютный дом на новом месте. Успевала и работать, и растить детей, и вязать, и вкусно готовить, и гостей принимать, и заготавливать огромное количество банок с вареньями-соленьями, и печатать наши опусы – сначала статьи и диссертации папы, потом помогала мне и брату.

²⁶ Алтайский научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

²⁷ Из рассказа дочери А. Г. Храмцова С. А. Рябцевой

Глазами Детей войны

Мама долгое время работала химиком-аналитиком, всегда вдумчиво и творчески относилась к своей работе. Она могла бы и сама написать и защитить диссертацию, но предпочла ведение дома, помощь мужу и детям. Как метко заметили наши друзья, она вынянчила три докторские диссертации (мужа, сына и дочери)! Не говоря о том, что аспиранты и докторанты папы и до сих пор частые гости в нашем доме, они всегда находят добро и понимание, а иногда и защиту моей мамы.

Нелегко быть дочерью академика. Своего рода это бремя имени и большая ответственность. Нельзя ошибаться, надо быть выше других. Ведь все думают, что отец помогает, продвигает, подсказывает. Но... никаких поощрений, ни по службе, ни по учебе. Андрей Георгиевич всего сам достиг, трудом, своими силами, опытом. И поэтому его дети шли по такому же пути. Помощь советами, конечно, есть, но все достижения Светланы – это результат только ее труда, энергии и настойчивости.

Мой брат – Андрей Андреевич... Он водил меня в садик, он первым открыл для меня, что цветам и листочкам больно, когда их рвут. Он учил меня играть в шахматы, а потом много лет спустя – работать на компьютере. Он побеждал в олимпиадах и сочинял стихи. Он ушел внезапно, в автомобильной аварии, где не должен был погибнуть, и ушел – такое ощущение – на взлете. Ведь совсем недавно защитил докторскую диссертацию, принял крещение, налаживалась личная жизнь. Значит, судьба. Иногда, читая интересную книгу или смотря фильм, я думаю: «Как жаль, что это не может увидеть (причитать) Андрей, ему бы понравилось». Вечная, неизбывная боль моей семьи...

Колесникова
Татьяна Ивановна²⁸

Как война меняет линию жизни или
судьбу

Татьяна Ивановна Колесникова родилась 9 апреля 1941 года в Кремлевской больнице, в Москве. Когда началась война, ей было всего два с половиной месяца. Она была пятым ребенком в семье.

Папа, Иван Николаевич Недорезов, 1898 года рождения, переживший Гражданскую войну, работавший в юности в Таганроге и Ростове на кожевенном производстве, служил в Министерстве легкой промышленности.

Мама, Мария Андреевна, 1907 года, не работала, воспитывая пятерых детей. Имея четыре класса образования, «запоем» читала книги, и всем детям привила любовь к книге и русскому языку. Читая рассказы, вместе с героями радовались, плакали, горевали.

Когда началась война, старший брат Петя рыл окопы у Москвы. Ему было 16 лет. В последующие 4 года войны Петя был механиком морской авиации. После войны остался на 7 лет в Армии – таков был закон послевоенного времени.

В сентябре – октябре 1941 года эвакуировали детей за Урал. И Мария Андреевна решила ехать вместе с четверью детьми. Лиля, старшая сестра, 1927 года рождения, брат Николай, 1929 года рождения, брат Борис, 1937 года и шестимесячная Таня с мамой оказались в Новокузнецке, под Новосибирском. Жили в бараке. На питание выдавали талоны. 12-летний Коля был маминим помощником.

Как-то раз мама с Колей и Лилей пошли на рынок. И вдруг Коля вскрикнул: «Мама, посмотри, какая полная корзина продуктов!» Он вцепился в нее. Мама подошла к нему и спокойно сказала: «Никогда не бери чужого!» Причитая и плача, подбежала женщина, схватила корзину с продуктами и, ни слова никому не сказав, убежала. Мама сказала детям: «Видите, какую беду мы отвели от нее, она, наверное, последние вещи поменяла на продукты!»

Пока мама кормила грудью Таню, все было хорошо. Но случилось непоправимое, у мамы начался гнойный мастит груди, и молока не стало.

²⁸ Фотография не имеет отношения к Т. И. Колесниковой. Взято из сети Интернет.

8 месяцев тогда было Тане. Лиля видела, как закатываются глаза сестренки. Мама попросила старших детей обменять самую теплую кофту на курицу и отпаивать бульоном Таню, и еще жевать хлеб и им кормить её. Таня до сих пор благодарит сестру, живущую сейчас в Алма-Ате, спасшую ей жизнь, пока мама была в больнице.

Папа во время войны вместе с кожевенным производством страны был эвакуирован за Урал, для обеспечения фронта одеждой из кожи. Но он был вдали от семьи, поэтому помочь маме не мог. Скромность, честность, терпение были главными качествами семьи. Для многих женщин это было трудное время. Мамы старшего поколения – святые люди!

После войны папу отправили восстанавливать кожевенный завод в Ельце. Временно специалистам давали жактовские квартиры. Таня помнит, как папа вел ее за ручку на демонстрацию. В папины времена коммунист не имел права дарить драгоценности своим женам. Жили скромно.

В 1947 году папу отправили в Ставрополь для восстановления кожзавода. В товарном вагоне с клеткой с курами, примусом, кроватями 6 дней ехали на место назначения, выходя на полустанках за кипятком.

В Ставрополе началась спокойная жизнь, счастливое детство, на улице Трунова, в районе кожзавода. Вокруг были отзывчивые и добрые люди. Если родители давали 10 копеек на 100 граммов леденцов, это было счастье!!! Таня бежала угощать ими всех во дворе. Училась хорошо в школе и вместе с учителями занималась и «подтягивала» тех учеников, которым труднее давалась учеба. Все школьники дружили. Играли в выбивного, водили хороводы «березки», пели песни, танцевали во дворе, все вместе смотрели фильмы, плакали, смеялись....

Дорошенко (Андрющенко)

Галина Ивановна

Прошло столько лет, но я помню свое прошлое.

Я, Галина Ивановна Дорошенко (Андрющенко), ставропольчанка. Родилась 4 мая 1938 года.

Отец, Иван Данилович, 1915 года рождения и мать, Анна Семеновна, 1916 года рождения, их родители пришли на Ставрополье с Украины в 30-е годы, в трудные и голодные годы, переехали всем большим семейством. Для

родителей оказался тяжелым 1938 год, когда умерла моя бабушка и мамина сестра. Мама тяжело заболела, и поэтому я родилась очень слабой и болезненной.

Папа жил в Ставрополе, учился на агронома и был на практике в совхозе, где он и познакомился с мамой в 1937 году. А в мае 1938 года родилась я. Отец мало был с семьей – учеба, практика по всему Ставропольскому краю и за его пределами. Но он постоянно писал письма, которые сохранила мама, а теперь храню и я.

Он очень любил маму и меня. Называл ее ласково не Анна, а Нюся. Когда я только родилась, он написал маме, что, несмотря на трудные времена, вырастим и воспитаем своего ребенка.

Война отняла у меня отца. Он погиб в 1942 году, ему было 27 лет.

После победы над фашистами, в 1946 году я пошла в школу. Вместо парт стояли столы с табуретками. В помещении было холодно, школа отапливалась печкой. Дров часто не хватало. Наш школьный учитель Михаил Иванович как мог спасал нас от голода. Там же в школе, на печке, он пек какие-то оладьи, только ему известно, из чего. Мы забыли вкус хлеба. И когда хлеб привозили в наш хутор, то собирались большие очереди.

На каникулах во время хлебоуборки мы собирали колоски и сдавали их. Уходя домой, нам давали понемногу необмолоченных колосков, которые мы потом толкли до крупы и добавляли разные собранные травы. В ту пору и травы, и листья многих деревьев были съедобными.

Начался учебный год, из-за отсутствия одежды я зачастую пропускала занятия. Из-за недоедания и истощения учеба давалась трудно.

Когда мне исполнилось 15 лет, мы, школьницы, пошли доить коров. В то время профессия доярки была почетной, но очень трудной. Коров доили вручную, стадо коров состояло из 20 голов, их нужно было не только подоить, но и накормить, и напоить.

Получив паспорт, поехала в Ставрополь, поступила на работу и одновременно в вечернюю школу.

После окончания обучения поступила рабочей на завод «Красный металлист».

Глазами Детей войны

В 1968 году встретила свою судьбу – Дорошенко Анатолия Федоровича. Вместе растили и воспитывали сына Анатолия и жили с мамой мужа.

В 1974 году, после 6 лет совместной жизни мужу от работы дали квартиру в четырехквартирном жилом доме, в котором я живу и по сегодняшний день.

Основным недостатком дома было отсутствие крепкого фундамента. Дому 44 года, и он сейчас находится в аварийном состоянии.

Моя мама говорила: «Хотя бы хлеба наесться, а то все траву едим, да и ту всю поели». А сейчас не только хлеба, но и всего вдоволь. А сердце болит... и все чаще и чаще вспоминаю своего отца, Андриющенко Ивана Даниловича, сержанта госбезопасности погибшего в партизанском отряде в 1942 году и награжденного медалью «За боевые заслуги» посмертно.

В 1965 году в газете «Ставропольская правда» напечатали статью «Парашютный десант» в рубрике «Бойцы вспоминают».

Я вчитывалась в строки и рыдала, в статье был упомянут и мой отец Иван Данилович Андриющенко. Он был особо уполномоченным по борьбе с бандитизмом Преградненского партизанского отряда, действующего на территории Карачаево-Черкесии. Участвовал в операции по обнаружению вражеского десанта на территории Карачаево-Черкесии. Целью диверсантов была организация восстания и создание «Лабинского княжества». Диверсанты были уничтожены, понесли потери и советские бойцы. Погиб и мой отец. За заслуги перед Отечеством был награжден орденом Красной Звезды.

И чем старше становлюсь, тем все больше желаю посетить место гибели отца и его товарищей в станице Преградской Карачаево-Черкесской Республики и внести имя моего отца в список погибших, поименованных на памятнике.

Глазами Детей войны

Оказывается это так близко, но открылось так поздно, я уже трижды старше своего отца.

Я член общественной организации «Дети войны», таких, как я, у которых отцы не вернулись с полей сражений, осталось мало. Средний возраст под восемьдесят. Уходят в мир иной участники войны, за ними уже идем мы, их дети: дети войны.

Я член общества «Дети войны», занимаюсь йогой в Академии ЗОЖ Василия Скакуна, хожу на субботники, митинги, стараюсь помочь одиноким.

Арбузова

Алла Михайловна²⁹

Когда началась война, мне было 14, и я жила в селе. Войну не видела. Немцы были в городе, строили театр. Мы работали в степи. С 15 лет была в тылу. Работали на комбайнах, выращивали зерно для солдат. Мы возили зерно в город на элеватор. Самолёты фашистов летали, а мы прятались за элеватором. Возили только подростки и одна взрослая женщина.

Денисенко

Павел Георгиевич

Родился в 1932 году в Черкесске. О войне узнал из речи Молотова. Немцы на мотоциклах в 5 утра 12 августа 1942 въехали в Черкесск. Убит был человек, поджигающий фитиль (сапёр).

У нас дома немцы не стояли, всего две комнаты – места мало. А у соседей были. У нас спилили акацию на улице толстую, и раз немец похвалил наши томаты, помидоры.

²⁹ Фотография не имеет прямого отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

Мы ему дали, сколько угодно. Он сделал вид, что хочет достать купюру. Мама сказала: не надо. Сейчас хорошо, а как будет завтра, не знаем.

Один немец меня катал на авто несколько кварталов, когда я был ребёнком. Но шоколадки ни одной никто мне не дал. Хотя у них я увидел впервые плитки шоколадные.

Ели мы капусту, листья выбирали из навоза на базаре. Потом варили и ели. Огородик был маленький – оттуда что-то. У меня были две сестры. Папа был на фронте, но в стройбате, поэтому мы за него в советское время не получали деньги. Я был младшим в семье.

Наши, уходя, взорвали пищевые заводы, лучше б раздали людям... Соседка прикатила огромный круг сыра и дала всем соседям по килограмму. Тогда люди жили дружно. Сыр был большущий.

Но у нас при бомбёжках и перед вступлением красных соседи были в подвале. У нас был хороший подвал.

Черкесск освобождали так: стреляли с одной горы и с другой. Наши и немцы. А по городу не стреляли. Но при немцах наши сбросили три бомбы. Одной убили немецкого генерала, а одной мальчика. Я был на другой стороне площади и пошёл смотреть на мальчика. Это было в середине освобождения. Освободили Черкесск 13 января 1943. Наши впервые были в погонах. Я увидел наших – Красную Армию. Встречали наших жители, конечно, радостно.

Фашисты расстреляли соседей наших, ехавших с Украины, временно живших в Черкесске. Это были беженцы с Украины. Но странно, что одного немцы расстреляли, а другого наши. Может быть, он предателем был или ещё что-то.

Семьи у меня не было. Я окончил пять вузов. Из них 4 – красных. Владикавказский педагогический, Ростовский университет экономического хозяйства и Московский православный университет.

Работал педагогом в школе. И потом много лет в институтах: Новочеркасском политехническом и в Ростове в экономическом. Из Ростова я ушёл на пенсию. Из Новочеркасска.

В 1944 отца арестовали по доносу за слова, что какую-то малую вещь делают лучше, чем в СССР. За это ему дали 10 лет. 10 лет лагерей. Лесоповал в Коми АССР. И он все 10 лет работал там. Да, все 10 лет! Потом был реабилитирован. Вначале реабилитировали Балахонова³⁰, у которого он в революцию был писарем. А потом по запросу его сына (ему нужны были данные) реабилитировали и папу.

Бабушка была расстреляна в 1937 году за укоренение веры. Она предвидела многое после литургического сна в конце 1919 года.

Мои предки были верующими, глубоко верующими людьми. И я в том числе. Причащался, но не каждый год. В СССР нельзя было. Но я старался – сначала в Ессентуках, потом в маленькой церкви Кисловодска. То есть все были глубоко верующими. А бабушка расстреляна по решению тройки за укоренение веры. По доносу. Что она расстреляна, отцу говорили, а сыну врага народа никто не говорил. Служил он у Я. Ф. Балахонова, красного командира, орденоносца.

Сейчас у меня очень много хворей. Я не встаю уже года два. Совсем не встаю. Память падает, но, конечно, сравнительно хорошая. Я же был Сталинским стипендиатом. Хоть уже и Сталина не было. Ну, сейчас президентскими называются.

Я был изобретателем. Я помогал по математическим запланированным экспериментам какой-то прибор создавать. Копия где-то есть, но не знаю, где.

Детям я пожелал бы глубоко верить в Бога, часто причащаться и бороться за мир, чтоб никогда не было войны.

³⁰ Балахонов Яков Филиппович (1892–1935 гг.) – советский военачальник, герой Гражданской войны. В 1933–1935 годах – директор военного авиационного завода в Москве. Похоронен на родине, в Черкесске.

**Остахов
Александр Алексеевич**

Родился я 4 октября 1938 года.

Война застала меня в селе Дивном, где я и родился. Мать осталась одна и мы с братом. Мать работала в колхозе, как все женщины, для фронта, для победы.

Наш отец ушёл на фронт. И соседи ушли. Вообще в нашем селе мужчин не осталось.

Расставания я не помню, потому что мне было 3 годика, но после, когда уже пришёл отец с фронта, всех начали звать в дома, в хаты.

А когда все ушли на фронт, остались я с братом, мать, и папина мама – моя бабушка).

В школу я пошёл уже после того, как вернулся отец. На огороде не помню, чтобы я работал в 3 годика. Сейчас не помню, но чем-то и мы помогали, наверное, как все дети, помогали коров пасти. В войну не было у нас детских садиков, уже после войны они появились.

Насчёт фашистов, помню, как сейчас: мать заставили стирать, они приносили мыло, обмундирование. Мамина мама тоже стирала, и на обмундировании оставались кусочки мыла, на полке мать хранила. Она утаивала кусочки мыла и обстирывала нас.

Ну, а мы собирали курай – такую траву. А фашист приходил и – «пух-пух» – стрелял. В селе были девочки старше нас намного, лет 12–14. А у немцев была машина и мы в окно смотрели, как они за ними гонялись. Мальчишек мало было, мы боялись, если «пух-пух», то прятались.

Помню хорошо, когда отец пришёл с фронта в 1945 году. Отец не был на Дальнем Востоке, а соседа увезли на Дальний Восток воевать. Знаю, видел людей, которые с войны вернулись и которые жили лучше нас. Сосед устроился в колхозе заведующим. А отец стал трактористом, он был танкистом на фронте. И он много рассказывал, у меня все медальки его есть, все награждения. Помню, как он говорил, как в Дунай ныряли и цепляли танк, все вчетвером. Он умер в возрасте 84 года. Работал в колхозе: на тракторах, на комбайнах работал.

Очень трудное было время, страшно вспомнить.

Я помню, как наши люди умирали, я бежал голенький, батюшка вёл всю процессию, меня не пускали на кладбище с девочками или с братом, меня возвращали назад, нас не пускали туда. Самих фашистов я видел тогда, когда они приносили стирать обмундирование, вот это я

видел, а как уходили, я не помню. Мы на печке спали, они нас пугали всё время.

День Победы я уже помню, когда пришёл отец, он рассказывал, я многое помню. А ещё он курил табак, однако он сумел прожить долгие годы. Но я расскажу один случай. С детства я не курил, но я бы курил, табак был доступным, у отца была как бы табачная фабрика своя. А я же видел, на кремний это делают, и смотрю: там сигарки, окурки лежат, я взял этот окурочок – а в сарае дверь была открыта, я сидел спиной к двери, выбиваю огонь – потемнело, я оглянулся: отец стоит, он мне задрал рубашку и начал бить, и после этого я не курю. Это самый эффективный способ не курить!

В послевоенное время, когда я уже сам пришёл из армии, а я служил в Грузии на границе в радиотехнических войсках, я хотел поступить в радиотехническое училище. Но я не смог. Родители сказали: работать надо.

У меня до пенсии было много специальностей. Я в основном работал на автомобильном транспорте в Дивном, по разным специальностям, но водителем у меня не вышло, меня забрали в армию, из армии пришёл опять на автобазу, авторота тогда называлась, а потом ещё другие специальности освоил. И так, и не получил никакого образования, у меня только среднее образование.

Я хотел бы сказать: поступайте правильно, слушайте своих родителей и никогда не поднимайте руку на человека!

**Лупандина
Лидия Антоновна**

Родилась я в год начала войны в Ставрополе, 30 ноября 1941 г. Она работала до войны на мелькомбинате в лаборатории, а отец в железнодорожном депо – ремонтником поездов. Отец ушел на фронт в 1941 году, попал в саперные войска. Этого я не помню, конечно, зато помню, когда пришло извещение «без вести пропавший», а позже, весной 1945 года, пришла и похоронка. Мама долго плакала, мне тогда было четыре года. Плакала она и в день Победы, когда все обнимались и целовались друг с другом. Я сейчас пою в хоре «Дети войны» и до сих пор не могу без слез петь куплет нашего гимна – Гимна Детей войны,

Глазами Детей войны

Хранила мать для нас свою краюшку
И пела колыбельную негромко.
Ночами молча плакала в подушку
И прятала подальше похоронку.
Война, война прошла по нашим судьбам,
По нашим селам, городам родным.
Мы никогда те годы не забудем,
Мы помним все. Мы дети той войны.

Детство мое прошло в яслях, садике. Росла болезненным ребенком. В возрасте двух и четырех лет чуть не умерла из-за почечной отечности. Врачи говорили: не жилец. Мама все старания приложила, чтобы я жила. Один старый человек посоветовал моей маме – «Пои свою дочку

шиповником». Так и спас меня русский лекарь, с тех пор верю в чудодейственную силу растений. Заготавливаю сироп из бузины, одуванчиков, боярки. Сушу травы и с радостью раздаю целебные снадобья тем, кто в них верит и нуждается.

Во время оккупации мы с мамой были в городе. Немцы ходили по дворам и высматривали еврейских детей, были случаи – тут же убивали. Из маминых рассказов помню один. Мы жили тогда по улице Калинина, а теперь Станичная (район Нижнего рынка).

Однажды к нам в комнату зашел немец, мама кинулась к люльке, в которой я спала. Он, окинув комнату взглядом, спросил: «МалЕнький?» Мама кивнула, прикрывая меня собой. Он еще раз огляделся: брать нечего. И ушел, оставив на столе куски хозяйственного мыла и пачку сахара.

После ухода немцев из города в 1943 году сообщили: будут взрывать собор на Кафедральной горе, чтобы больше не было налетов, так как колокольня была очень высокой (82 метра) и служила для немецких летчиков ориентиром. Люди собрались на базарной площади, наблюдали. Два подрыва сделали, храм устоял. На третий раз произошел такой взрыв, земля содрогнулась, храм приподнялся к небу и рухнул... Все собравшиеся плакали, мама говорила: аж сердце содрогнулось. Взорвали храм наши солдаты по приказу.

Послевоенное время было тяжелое, карточная система. Во дворе у нас поселились две семьи еврейские, они как-то помогали маме с продуктами. Окончив школу, я пошла работать на комбинат мастером вышивки. Затем 7 лет на заводе электроавтоматики, в пожарной части № 9 МВД СК радиотелефонистом-диспетчером. Имею правительственные награды.

Глазами Детей войны

Везде, где бы ни работала, принимала активное участие в художественной самодеятельности, и в семье (с мужем прожила 50 лет, 2 дочери, два внука и правнучка) тоже пели, и с домочадцами и многочисленными друзьями.

8 лет пою в хоре «Дети войны» и 10 лет в клубе бардовской песни при академии ЗОЖ Василия Скакуна, там же получаю и здоровье. Посещаю факультет культуры в обществе «Знание».

Всегда была довольна жизнью, всем, что окружало меня: воспитанными внуками, детьми. Стараюсь для них отдать все самое хорошее: любовь, заботу, радость!

Поколению молодому желаю любви к жизни, процветания нашего прекрасного родного города. Богатейшего Ставропольского края! Родины – России!

Стаценко Владимир Николаевич³¹

Стаценко Николай Иванович, мой отец, родился в Ставропольском крае 13 января 1913 года. С 9 лет сирота, батрачил у родственников, питался подчас грачиными яйцами и

корешками полевых тюльпанов. Окончил церковно-приходскую школу. Каллиграфическое письмо оттачивалось линейкой по пальцам, поэтому не зазорно было перенести на новую строку даже «Ъ».

Взрослая жизнь: служба в армии, к началу войны – капитан в Приморском крае. Осенью дивизия была перебросена под Москву. А далее в танковых соединениях генерала Катукова освобождала Варшаву и штурмовала Берлин.

³¹ Фотографии не имеют отношения к Стаценко Владимиру Николаевичу. Взяты в сети Интернет.

По окончании войны служба в Группе советских оккупационных войск в Германии. В 1949 г. возвращение на Родину (гор. Станислав, Западная Украина).

В отличие от немцев, для которых война закончилась в день капитуляции, бандеровщина была основательно придушена где-то в начале 50-х годов.

В мирное время служба чётко делилась на гарнизонную и в летних лагерях.

В 1956 г. дивизия едва не была переброшена в восставшую Венгрию, а затем отца перевели в город Изяславль (Хмельницкая обл.), где в должности командира батальона закончил службу при сокращении армии в 1957 г. Награждён орденами и медалями.

Моим воспитанием в прямом смысле отец не занимался. При возможности забирал в лагерь на неделю. Солдатская палатка, чай из раскалённой алюминиевой кружки, спортивный плац. Отец всегда подтянут, мог и удивить, покрутить солнце на турнике. Редко обедал дома, мог пропустить стаканчик. Даст денег, засечёт время, пошлёт в магазин. Однажды зимой иду, бросаю бутылку, как гранату. Бац! Как пашкой срезало полбутылки. Остатка в горлышке хватило почти на стакан. Голова осталась на месте.

В третьем классе включили в список для поступления в пионеры. Помчался домой за галстуком. На беду отец оказался дома, как хулигану, в галстук отказал. Через год в новой школе, как варяга, выбрали председателем совета отряда и после чистосердечного признания заодно приняли в пионеры.

Аккордеон считался буржуазным инструментом, поступал по классу фортепиано. Мои документы оказались последними, а постулавшие перепели все военные песни. Повторяться казалось зазорным, пел «Тонкую рябину». Похоже, батю проняло.

При отличной учёбе и беспримерном поведении закончил СШ № 3 г. Ставрополя с золотой медалью. Порадовал родителей.

Глава первая

1945–1949

Помню себя со дня Победы. Весь двор высыпал на улицу. Предзакат. Мать сгребла меня в одеяло, снизу меня поддувало. Всей шпаной бегали на вокзал встречать поезда. Детским умом не понять: одни смеются, другие плачут. В 1946 году отец забрал нас в Германию. Ехали через Польшу. Только днём. Братья-славяне нас не любили, теракты. Проезд через американскую зону Берлина. Мост через Шпрее. Чернолицы в белых касках, карабины с толстенными штыками. Вдоль зелёной Шпрее только руины зданий. Гримма, 40 км от Лейпцига. Жили

в одном дворе с немцами. Удивлялись, переходят из комнаты в комнату, свет последовательно гаснет, у нас всё сияет.

Уехали в летние лагеря. Сняли квартиру. Собрались в кино. Хозяин пригласил камрада на ликёр. Успели отпить горлышко. А Альфред, наш сосед, на халяву справлялся с бутылкой.

Немцы с удивлением наблюдали: наш офицер зашёл в забегаловку, опрокинул стакан шнапса, не закусывая,

пошёл дальше.

Валом валили на «Сказание о земле Сибирской» посмотреть на русских медведей.

Немец вытащил из Мульде (река в Grimme) пьяного офицера. Доставил в комендатуру. Благодарность: «А может, я утонуть хотел!»

T-34 на постаменте. Забираемся по русту. Крутим башню, пушку. Жаль, нет снарядов. Но comments. Хулиганские забавы. Через открытое окно автобуса попали камнем в полицаю. Накостылял!

А вот лакированный генеральский опель трогать не стоило. Солдат-водитель выскочил с пистолетом, еле ноги унесли, зато лексикон изрядно пополнился.

В садике. «Ребёнок был резов, но мил», ни одного угла не пропустил.

И вдруг нечаянно в тихий час оказался в кроватке. Сдуру одолела тревога о судьбах Отечества: «Если Сталин умрёт, кто будет после? Молотов?»

Пошёл считать углы по очередному кругу. Хорошо, родителей не тронули.

Быт был прост, приезжали семьи, пошли дети, сплошное застолье. Как говорил отец, была война, была ежедневная работа и вдруг... Народ гуляет, я ди-джей, кручу патефон, мужики поминают. Сбросят в пепельницу марки, подожгут и смеются, на них ничего не купишь. За буханку хлеба можно было выменять велосипед.

Лейпцигский зоопарк, пустые клетки, голодные звери. Сестрёнка взялась за прутья, обезьянка тут же выхватила оладушку.

Переехали в двухэтажный дом на две семьи. За оврагом ещё один дом, дальше лес, пронумерованные деревья, ящерицы на каменных горках.

Взрослые вполголоса: «Вишневого (сосед за оврагом) взяли!» Чекисты не дремали.

Пошёл в начальную школу (ребят повзрослее возили в Лейпциг). Ждем второй звонок, когда учителя выходят в классы. «Идёт, идёт!»

Влетаем в класс, грохот, дребезги. Затежник Аршинов выставил все горшки с подоконников перед дверью.

Нескучное детство...Всё, пора на Родину!

Глава вторая.

Потерял в поезде из ГДР в СССР.

Глава третья и последующие.

Пропускаю. Краткость – сестра таланта...

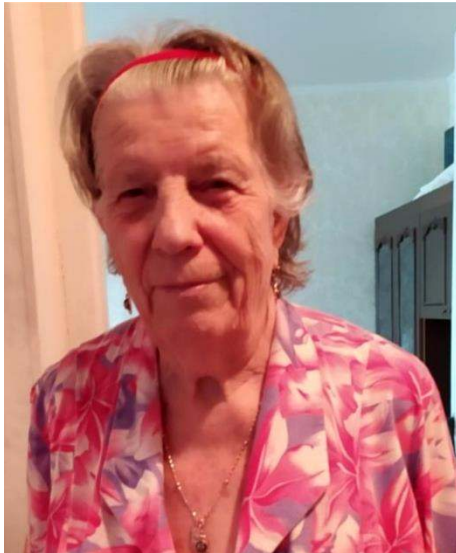
Глава последняя.

Скоро восемьдесят.

Надеюсь, Данте простит легкий плагиат:

«Земную жизнь пройдя» вторую половину,

Друзьям прощальный шлю привет...

Нарыкова

Валентина Александровна

Я родилась в Ставрополе в 1940 году, за год до начала войны. Мама работала в госпитале на Партизанской. Дом родителей (Горбатова Александра Трофимовича и Первых Анны Александровны) стоял на ул. Гофицкого. К сожалению, не удалось в нем сохранить нашу семью. После войны мама встретила другого человека, одного из вернувшихся с фронта мальчишек, направленных дослуживать в Ставропольском дивизионе, располагавшемся на улице Лермонтова.

Из времен оккупации по маминым рассказам знаю, что немцы в основном злодействовали в центре города, а мы жили на окраине. Однажды, когда мы шли с ней за водой (мне тогда был год и восемь месяцев), немец выбил у меня из руки какие-то семечки, которые я ела, а дал шоколадку, типа хотел сказать, вот какую еду гитлеровскую надо есть. Мама тогда очень испугалась.

В День Победы, я помню, все радовались и целовали друг друга, но я думала, что так и должно быть, а про Победу я не знала ничего.

Отчима моего звали Куприянов Николай Григорьевич. Они прожили с мамой 53 года. Отчим увез маму в Кустанайскую область, а я

жила в новой семье отца. У отца была лошаденка и крестьянский инструмент (соха, борона), оставшиеся ему от дедушки. Зарабатывал он на жизнь, нанимаясь обрабатывать землю у людей: кому огород вспашет, кому проборонует. С мачехой у меня отношения, это мягко сказать – отношения, не сложились. Когда отец уезжал на работу, это проявлялось особенно сильно: побои, ругань, незаслуженные обвинения. Долго потом волосы не росли на местах вырванных клочьев. Мне часто приходилось ночевать на кладбище, в кустах сирени. После работы отец ходил искать меня.

Так продолжалось два года... Если бы не мамина подруга, написавшая маме письмо, с содроганием думаю, что со мной было бы. Отчим приехал и забрал меня с собой, предварительно отмыв в бане, переодев в купленное платье, лохмотья – мою одежду и вшивые пряди – оставили там же.

В школу я пошла уже в Кустанайской области, на станции Тобол. Потихоньку моя жизнь наладилась. В семье бабушки отчима было две коровы, два теленка, поросенок, куры. Отчим работал лаборантом в зерносовхозе и как работник получал корм для домашних животных. Но самое главное – у меня появилась семья. С тех пор для меня это самая ценная ценность. Всю жизнь боялась потерять ее.

Но через год мы вернулись в Ставрополь, маму тянуло на родину. И опять, пока отчим, ставший мне родным папой, не нашел работу, голодали и бедствовали. Жили у родственников. Спасались только несколькими початками кукурузы, которые папе удавалось тайком раздобыть на колхозных полях. Фронтвик, он очень долго не мог устроиться на работу. Но потом все-таки в отделе кадров консервного завода по улице Войтика, на площади Воровского (район современного цирка) папу пожалели. И он стал составителем вагонов, в которых отправлялась готовая продукция в Москву, Ленинград и другие города нашей страны. Жить стало немного легче, и мне на день рожденья первый раз подарили конфеты «Подушечки», с тех пор для меня это желанный подарок. Но деньги нужно было откладывать на постройку дома.

Мама выхлопотала план. И стройка началась. Мы строили дом по улице Некрасова. Воду брали в яру, там было три колодца (оборудованные людьми родники). Один на пересечении улиц Доваторцев и Серова (там на мочаках люди делали саман), второй – на Багратиона (Суриковой) и третий – по улице Космодемьянской. Вот из третьего родника я на коромыслах носила по две огромных цебарки воды для замеса глины. Бабушка месила глину ногами. Бабушка моя – лучше

мамы, папы – моя защитница... Она не оттолкнула меня, а из маленького звереныша сделала добродушного человека.

После четвертого класса летом я ходила пешком в учхоз с тяпochкой на прополку. Это территория современного Дёмино. Бабушка собирала в узелочек еду мне на день (яичко, кусочек сала и чесночок). Там бригадиром был мой дядя, брат родного моего отца. Мама пыталась защитить меня от этих работ, но, когда осенью дядя привез мой заработок – полмешка картошки, зерна, овощей, все были довольны, а я впервые ощутила себя кормилицей семьи.

Позже, это уже 8–9 класс мы от школы ходили на колхозные поля (улицы Доваторцев и Шпаковская) собирать колоски и клубнику. Жизнь оставалась тяжелой, но мы ей радовались – пели, шутили, помогали друг другу.

А пела я с класса 4–5, с подружками сочиняли частушки, позже играла на семиструнной гитаре. Когда мне было 18 лет, руководитель Омского хора, выступавшего у нас в Зеленом театре, прослушав меня, готов был забрать с собой. Но папа, возражая, даже упал на колени.

Восемь лет я проработала на обувной фабрике (в районе аптеки Байгера на Карла Маркса). Семнадцать лет – со дня постройки Дворца Гагарина – ходила и пела в нем. Закончила Культпросветучилище, но работала и в библиотеке, и на «Нептуне», и на «Аналоге», и в краевой больнице.

Будучи на пенсии, веду активный образ жизни – была долгое время старшей по дому, а петь не перестала и по сей день.

Всем идущим за нашим поколением желаю быть добрее, умнее, заботливей и внимательнее к нуждам людей, не обижать ни малых, ни старых.

Солгалова (Соболевская) Клавдия Михайловна

Я, Солгалова (Соболевская) Клавдия Михайловна, родилась 12 октября 1939 года в селе Вареновка, Неклиновского района Ростовской области. Семья состояла из 7 человек: папа, Соболевский Михаил Ефремович, 1897 года рождения. Родину защищал во время войны 1941–1945 гг. и попал в госпиталь после ранения в г. Днепропетровске. В журнале госпиталя записан как Соболевский Михаил Афанасьевич; мама, Соболевская Ксения Ивановна 1903 года рождения;

сестры: Трофимова (Соболевская) Надежда Михайловна, 1925 года рождения, и Надолинская (Соболевская) Анна Михайловна, 1927 года рождения; братья: Соболевский Николай Михайлович, 1929 года рождения, и Соболевский Андрей Михайлович, 1930 года рождения;

Жили дружной семьей. В сентябре 1941 года папа был призван военкоматом на войну защищать нашу Родину. Очень долгое время шли бои за Ростов, Таганрог и прилегающие территории. Папа попал в плен к немцам, но сбежал от них. Пришел навестить нашу семью. Помню, как он прижал меня к себе, погладил и поцеловал мою головку. Потом военкоматом он снова был направлен на фронт. Он дошел до города Днепропетровска. При освобождении города Днепропетровска 5 декабря 1943 года он был ранен в голову и ногу (так записано в журнале госпиталя), куда его поместили на лечение только 26 декабря 1943 года. Это школа, которая была временно переоборудована в госпиталь. Через 3 дня, 29 декабря 1943 года, он умер. Его похоронили в братской могиле при входе на кладбище г. Днепропетровска.

В 1986 году я и мои сестры Надя и Анна с детьми поехали в г. Днепропетровск. Посещая это кладбище, мы увидели на месте братских могил установленные военкоматом мемориальные плиты. На одной из них высечена фамилия, имя и отчество нашего папы.

Мы, папины дети, внуки и правнуки стали регулярно посещать это «святое» для нас место. Огромное спасибо городскому военкомату и всем жителям города Днепропетровска за то внимание и заботу, которую они оказывали и, надеюсь, оказывают сейчас этому мемориальному уголку памяти погибшим войнам, защищавшим нашу Родину от фашизма.

Наше село расположено между Ростовом и Таганрогом. По нашему селу проходила линия фронта. В нашем селе были немцы. Они же и жили в нашем доме, находясь на линии фронта. Все продукты они забирали себе на питание. Они же увели и нашу корову – единственный источник питания в нашем селе. По словам мамы, мы все пятеро детей плакали и просили не уводить корову, но под прицелами автоматов они ее увели. Был случай попытки изнасиловать мою сестричку Надю, но братик Андрюша защитил ее, рискуя своей жизнью. Чтобы остаться живым, но несколько дней прятался кустах ближайшей балки. Некоторые немцы, стоявшие на посту в нашем доме, пытались нас угостить конфеткой или кусочком хлеба, видимо, вспоминая своих детей.

В декабре 1941 года шли жестокие бои за Ростов. Чтобы не было провокаций со стороны жителей, немцы начали нас выселять из села. Особенно с наступлением наших войск немец, который стоял на постое

в нашем доме, усиленно пытался уговорить маму уйти с детьми в другое село, поясняя движением рук, что мы все погибнем здесь во время предстоящего боя на линии фронта. Но мама не соглашалась покидать свой дом. Тогда он, жалея нас, привел своего переводчика к нам. Переводчик на русском языке поздним вечером убедил маму до пяти часов утра собраться и уйти, так как ожидалось наступление русских войск утром на следующий день. Иначе мы здесь погибнем. Мама собрала наши вещи в два корыта и по снегу зимой мы в 10 часов вечера пешком мы пошли в г. Таганрог, расположенный в 12 км от нашего села.

Когда наши войска прогнали немцев из Ростовской области, мы вернулись в своё село Вареновка. Вместо дома мы обнаружили груды мусора. Под этой горой мусора могли бы быть и мы всей семьёй. Далее мама повела нас в другое место, в село Самбек. Там нас приютили родственники, семья родной сестры папы. У них мы прожили до конца войны. Там же в 1944 году получили похоронку о гибели нашего папы в г. Днепропетровске.

В 1945 году, вернувшись в своё село Вареновку, мы с помощью соседей начали разгребать гору мусора от бывшего нашего дома. Первое время мы, пятеро детей и мама, спали на соломе во дворе. Жили очень дружно с соседями. С помощью соседей из самодельного кирпича построили небольшую кухню во дворе, чтобы спрятаться от дождя. Помню до настоящего времени самодельный низкий столик размером один квадратный метр, на котором я спала. Особенно мне запомнился такой случай: когда с помощью соседа, разбирая гору мусора от нашего дома, я бегала босиком. Кругом была пыль. Вдруг я почувствовала под собой мягкое, теплое и круглое место. Я стояла на нем и радовалась. В это время проходила около меня сестра и, увидела подо мной свернувшуюся в круг змею, громко закричала о помощи. Сосед, подбежал ко мне с лопатой, толкнул меня из этого круга и оттолкнул змею лопатой. Потом в спокойной обстановке, рассмотрев её, мы убедились, что это был уж.

После окончания войны все жители села жили дружно, помогали друг другу. Каждое воскресенье поочередно собирались у одного из соседей и изготавливали самодельные кирпичи из глины и соломы для строительства дома. Так и нашей семье помогли соседи изготовить кирпичи для строительства дома. С помощью соседей постепенно за лето построили дом, в котором проходило моё детство. Спасибо соседям за доброту и помощь нашей семье.

Питание в послевоенное время было недостаточное. Приходилось собирать съедобную траву и на колхозных полях после уборки урожая

колоски пшеницы. Помню, как я, собрав небольшой мешочек травы, приношу домой. В это время во дворе стоит мама и посторонняя женщина. Мама поворачивается ко мне и говорит: «А вот твоя первая учительница, зовут её Александра Ивановна». Так с первого сентября 1948 года я пошла в первый класс в селе Вареновка.

В школе нас учили быть патриотами Родины. Все ученики школы, достигшие определенного возраста, были пионерами. Во время выборов мы, пионеры, стояли с двух сторон избирательных ящиков, куда люди вбрасывали свои бюллетени после выхода из кабин для голосования. Во время вбрасывания бюллетеней мы избирателям отдавали честь.

Помню, как мы в 1953 году переживали за здоровье больного И. В. Сталина. И когда мы, всей семьей дома по радио в 6 часов утра услышали о том, что перестало биться сердце И. В. Сталина, мы все плакали. В школе отменили занятия. Был объявлен траур в нашей стране. Мы боялись за нашу страну без И. В. Сталина.

С 5 по 7 класс во время летних каникул я работала в колхозе. Приходилось выполнять бригадой различные работы. Работали в колхозном саду, на прополке колхозных полей, на уборке урожая и даже в этом возрасте работала на комбайне летом – вилами скидывала сено при уборке пшеницы.

После окончания 7-го класса в 1955 году я поступила в техникум пищевой промышленности, расположенный в г. Новочеркасске. Там вступила в комсомол. Мечтала поехать на освоение целинных земель, но главная цель была – закончить учебу в техникуме.

Жили в общежитии весело и дружно. Вечерами ходили на танцы и в техникуме, и в общежитии. Закончила обучение в 1959 году, меня направили работать в районный пищекомбинат города Каргополь, Астраханской области. Но жить далеко от родной семьи мне не хотелось, хотя было много предложений остаться там навсегда.

В этом же 1959 году я позвонила главному технологу пивоваренного завода Ставрополя, где была во время учебы на преддипломной практике. Она пригласила меня к себе на работу. Я быстро уволилась с пищекомбината и переехала работать на пивоваренный завод в город Ставрополь. Работала в варочном цехе, технологом завода, начальником безалкогольного цеха, микробиологом

завода. Здесь поступила в 1963 году учиться заочно в Московский институт пищевой промышленности, который закончила в 1969 году.

Познакомилась со студентом Сельскохозяйственного института Солгаловым Александром Николаевичем, а в 1964 году зарегистрировались, создав крепкую семью. В этом 2020 году исполнилось 56 лет нашей совместной жизни.

Работая на пивоваренном заводе, вела активный образ жизни. В 1965 году вступила в члены КПСС. Участвовала во многих мероприятиях завода и города. Весело и счастливо проводила своё свободное время.

В 1965 году у нас родился сыночек Юра, которому в этом 2020 году исполнится 55 лет. Он имеет одно среднее техническое и два высших образования. У него есть своя семья. Их дочери Ярославе, а нашей внучке, уже будет 29 лет. Она имеет также два высших образования. Все заняты трудовой деятельностью. При советской власти нам предоставляли бесплатно квартиры. В начале двухкомнатную, далее трехкомнатную.

В 1972 году в нашей семье родился второй сыночек – Саша, которому в этом 2020 году будет 48. Он имеет три высших образования. У него тоже есть своя семья. Старшей их дочери, а нашей внучке Маргарите исполнилось 25 лет. В настоящее время она окончила медицинскую академию г. Ставрополя и направлена работать врачом в г. Новопавловск Ставропольского края. Младшей дочери, а нашей внучке Елизавете исполнится 22 года. Она также учится в Московском международном университете на 4-м курсе. Их сыночку, а нашему внуку Роману 11 лет. В настоящее время он пятиклассник школы № 10 г. Ставрополя. Сыновья, создав свои семьи, живут отдельно от нас.

Так как я училась в Московском университете на экономическом факультете, то мне необходимо было работать на должности экономиста. Следовательно, пришлось изменить место работы. Уволившись с пивоваренного завода в 1968 году, я поступила на работу в Ставропольский Крайпотребсоюз. Здесь я проработала 25 лет в должностях старшего инженера лабораторий по научной организации труда, старшего экономиста отдела по внедрению новых методов

планирования и экономического симулирования, старшего экономиста управления и организации труда и заработной платы, начальника нормативно-штатного отдела управления и организации труда и заработной платы Крайпотребсоюза. Работая в Крайпотребсоюзе, я была избрана секретарем КПСС цеховой парторганизации центрального аппарата, членом профсоюзного комитета и выполняла много других поручений – занималась политико-воспитательной работой в потребкооперации края.

За плодотворную работу награждена медалью «Ветеран труда», Центральным комитетом Президиума КПРФ г. Москвы награждена Орденом «За заслуги перед Партией». Много торжественно врученных благодарственных писем, почётных грамот и наград за примерную работу. Я благодарна партии и правительству за хорошую жизнь при советской власти, за все те условия жизни, которые были нам предоставлены. Мы были и остаемся примером для молодежи.

Вся моя работа и жизнь связаны с поездками. Так, работая в Крайпотребсоюзе, мы ежемесячно выезжали с проверками по краю. За счёт организации была направлена в Москву на месячные курсы повышения квалификации.

Много было также туристических поездок по Северному Кавказу, по России, в горы, на озёра. Получая соответствующую заработную плату, мы имели возможность посещать другие страны. Так, мы с мужем посетили: Индию, Италию, Францию, Египет, Германию, Украину, Финляндию, Норвегию, Арабские Эмираты, Грузию и т. д. Поездки были очень интересные и увлекательные. Спасибо руководству страны за предоставление такой возможности.

В связи с сокращением штатов, я поступила на работу главным бухгалтером производственно-коммерческой фирмы «Ставрополье». В связи с ликвидацией фирмы, в 1977 году я поступила на работу главным бухгалтером в Краевую общественную организацию «Союз Чернобыль». В этой организации я работаю до настоящего времени, сменив должность главного бухгалтера в связи с возрастом на должность секретаря-программиста.

В 2007 году вошла в состав Совета Ставропольской городской общественной организации «Дети войны». В этой организации мы проводим политико-воспитательную работу среди подростков в школах и институтах. Руководством этой организации создан хор «Дети войны». Выступая в школах, университетах и других учебных заведениях и организациях, мы продолжаем своими патриотическими песнями проводить политико-воспитательную работу среди населения.

Свою жизнь я прожила и продолжаю жить счастливо.

Желаю всему подрастающему поколению здоровья, удачи в исполнении всех желаний, прожить свою жизнь достойно и счастливо!

Остапенко

Василий Яковлевич

Я, Остапенко Василий Яковлевич, родился 12 января 1939 года в с. Дивное Апанасенковского района Ставропольского края. В 1940 году с семьей переехали в пос. Октябрьский (совхоз 107) Апанасенковского района, где и прошло мое детство. После р

Калмыцкой АССР. Проживал в совхозе 107 до 1972 года. б В семье у нас было одиннадцать детей. Я был пятым. Трое умерло в

детстве. И война застала нас троих

Отец ушел на фронт. И мать осталась с тремя детьми. Старшая сестра, 1933 г. р. т.я, 1939 г. р. и брат Иван, 1941 г. р. Мама безграмотная была. Отец имел 3 класса церковно-приходской школы. Он был полеводом. Но его главная профессия – пекарь.

Я отношусь к тому поколению, которое не захватило во время войны возможности стоять за станком, делать снаряды. Мне было 2 года, когда началась война.

Мать, когда все мужское население забрали на фронт, хоть и безграмотная, была назначена управляющей фермой. Позднее моя мама Остапенко (Кравченко) Феодосия Сафроновна будет награждена медалью «Материнская Слава» I степени за рождение и воспитание одиннадцати детей.

У нас на квартире стояла учительница. Она учила меня понемногу. И получилось так, что я не отставал³² в 1957 году похоронен в Краснодаре

³² В 1943–1944 годах была проведена депортация калмыков из мест постоянного проживания этнических калмыков в районы Урала, Сибири и Средней Азии, признанная российским парламентом как акт геноцида (см. преамбулу и ст. 2 Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов»). 17 марта 1956 года калмыки были реабилитированы, и им было разрешено вернуться на родину.

учились, и с пяти лет был зачислен в школу. В школе я учился хорошо, всегда и во всем был заводилой, рос развитым, шустрым ребенком, занимался спортом.

Ну, что я могу и хочу сказать. В своем возрасте пришлось перенести во время войны много лишений. Когда я пошел в 1 класс, мы как заготовители ездили и собирали кости животных после падежа скота, бумагу, железо. Сдавали заготовителям. За это нам давали свистульки. И мы были рады. И тем самым мы участвовали в заготовке необходимого для фронта. Кости перемалывали в муку, которую давали животным. После этого молока у коров прибавлялось, привесы большие были. И это все шло (мясо, молоко) на фронт. Железо на переплавку шло тоже на фронт. В общем, уже начиная с пятилетнего возраста я, так сказать, тоже принимал участие в движении «Все для фронта, все для Победы!».

Тогда было и тимуровское движение. И мы помогали старикам, ходили в магазин, по хозяйству помогали.

Была у нас и корова, и овцы, и гуси. Если бы живности не было, мы бы

точно погибли от голода. Но скотину трудно было держать. Кормить было нечем. С детских лет я и корову уже доил, и ухаживал за животными, пас скот по очереди. Трудное, конечно, очень детство было. Во время войны голод был. Но нас спасало, что, когда отец ушел на фронт, мама стала вместо него заведующей пекарней. И когда хлеб подходил, у него края растекались, обрывались. Это «обжимка» называлось. Мы бросали обжимки за печку. И так немножко спасались. Но главное было, конечно, это суслики, ежи и деликатесом были

голуби. Лапшу мы варили из голубей. Ну, а суслику, чтобы выманить из норы, мы воду вливали в норку. Он оттуда вылезал. Мы его за шиворот и снимали шкуру. Шкуру сдавали за плату, а мясо мы употребляли в пищу. Еще женщины вязали варежки, носки и это отправляли на фронт.

В возрасте четырех лет я упал на плиту пылающей печки и обварился до такой степени, что никто не верил, что останусь жив. Но уже в то время проявился твердый характер, умение переносить все трудности жизни. Все медицинские процедуры переносил мужественно, без крика, за что понравился врачам. И в то трудное военное время, когда продуктов питания не хватало, врачи подкармливали, чем могли, и спасли мою жизнь.

Во время каникул, кормить фронт надо же было, мы делали так называемую видовую прополку зерновых от сорняков (тогда это делали с помощью учеников вручную, так как не было гербицидов). Это был очень тяжелый труд в полях с 6 утра до 8 вечера. Также во время уборки комбайны были прицепные. И не все колосья обмолачивались. Оставались колосья на поле. Мы потом ходили с мешками и собирали колосья. Потом их на ток – обмолачивали вручную, чтобы ни один колосок не пропал, так как все для фронта надо было.

После войны в марте 1946 года в звании сержанта вернулся отец, Остапенко Яков Вакулович, 1910 г. р. Его призвали сразу в первых рядах на войну. Всю войну прослужил на Дальнем Востоке, в Халхин-Голе. Прослужил 6 лет. Воевал с японцами. Имеет награды: медаль «За боевые заслуги» и «За победу над Японией». Радости моей детской не было предела, когда отец вернулся. И отец был рад, что все в семье живы остались.

Самые тяжелые воспоминания моего послевоенного детства – это когда вернулся отец на пекарню. Я ему помогал там. Очень тяжелый труд был замешивать тесто руками. Тогда большой план нам ставили. надо было отправлять для армии. И 100 булок выпекали для села. Делали три замеса в день. Очень тяжело было. Это незабываемо до сих пор.

Еще в школе с 7 лет помогал на уборке урожая взрослым – отвозил на волах зерно от комбайна на ток. В старших классах я работал в тракторной бригаде. Был помощником тракториста. Приходилось и пахать, и косить сено, и по призыву комсомола бывал на сакманах, принимал участие в выполнении Сталинского плана преобразования природы по высаживанию лесополос. Одним словом, был приучен к труду на земле с детства.

После окончания школы до призыва в армию по приглашению директора школы работал замдиректора и по совместительству бухгалтером в школе. С сентября 1958 года до 1961 года служил старшим

писарем секретного делопроизводства полка радиотехнических войск, который размещался в Заполярье на Кольском полуострове. После демобилизации окончил с отличием агрономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института. А также факультет общественных профессий по музыке. Очень хорошо играл на гармошке.

Прошел очень интересный и насыщенный трудовой путь. После института работал в родном поселке агрономом-семеноводом, а затем

главным агрономом совхоза. В 1972 году по переезду в г. Ставрополь работал главным агрономом треста «Овцесовхоз». Далее был назначен начальником

отдела кормопроизводства краевого управления сельского хозяйства. За успехи в работе сельскохозяйственного производства был награжден почетными грамотами, присвоено звание отличника социалистического соревнования работников сельского хозяйства.

В 1975 году был приглашен на работу инструктором в краевой комитет КПСС в то время под управлением М. С. Горбачева, где показал себя ответственным работником и неоднократно награждался почетными грамотами.

Работал первым заместителем начальника краевого объединения «Ставропольсвинопром». Далее работал инструктором краевого комитета народного контроля. За активную работу в органах народного контроля награжден Почетной грамотой комитета народного контроля РСФСР. Перед уходом в 2001 году на пенсию работал в организационно-аналитическом управлении администрации Губернатора Ставропольского края в должности первого заместителя управления и заведующего орготделом в звании Государственного советника РФ второго класса. За заслуги в содействии проведению социальной и экономической политики, эффективной деятельности органов исполнительной власти в крае был награжден Почетной грамотой Губернатора Ставропольского края, которую вручил А. Л. Черногоров.

**Карташова
Людмила Михайловна³³**

Людмила Михайловна Карташова, обняв правнучку, сидела во дворе, наслаждаясь обманчивым декабрьским солнышком. Поеживаясь, она довольно улыбалась... Вот так же когда-то директор детского дома ее, изможденную голодом девочку из блокадного Ленинграда, выносил на солнышко, чтобы отогреть, вернуть к жизни...

В Левокумском мало кто знает о непростой судьбе Людмилы Михайловны – ее никогда не приглашали на встречи со школьниками, бывшая блокадница не участвует в мероприятиях, посвященных войне. Рассказывать о своем детстве она просто не любит, как и большинство тех, кто перенес весь этот ужас. Но, открыв передо мной фотоальбом, все же не смогла сдержать нахлынувших воспоминаний. На этих удивительных снимках военной поры самые дорогие для нее люди – супруги: директор детского дома Иван Зеленухин и воспитательница Елена Цвиг в маленьких круглых очках в тонкой оправе, которые как-то особенно передают дух того времени.

– Они не просто вывезли нас из блокадного города, а заменили родителей, – задумчиво говорит собеседница, вглядываясь в их строгие лица.

Здесь же любимые подруги – в одинаковых платьях с одинаково короткими стрижками. Связь с ними Людмила Михайловна поддерживает до сих пор. Вот и последнюю новость узнала из письма, пришедшего недавно: в сентябре в одном из микрорайонов города Галича торжественно была открыта мемориальная доска памяти детей блокадного Ленинграда на здании школы, где тогда учились детдомовцы. Выходит, она установлена и в ее честь. Многие из бывших блокадников специально к этому событию собрались из разных уголков России, а Людмиле Михайловне поехать здоровье не позволило. Теперь ее снова настойчиво зовут на встречу, чтобы отметить 65-летие Победы

³³ Татьяна Вардянин. «А одна привычка все-таки осталась» Трагедия семьи Карташовых в блокадном Ленинграде // Ставропольская правда. – 2009. – 23 декабря.

Вторая фотография не имеет прямого отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

в любимом городе на Неве, а она по-прежнему чего-то боится – то ли дальней дороги, то ли тяжелых воспоминаний.

...Трагедия семьи Карташовых во многом типична для блокадного Ленинграда. Родители погибли в осажденном городе, не пережив суровой зимы. Первым, получив во время обстрела тяжелую контузию,

скончался отец, работавший нормировщиком на Балтийском заводе.

От истощения вскоре умерла и мама. Накануне они вместе ездили на окраину города, где, по словам соседки, остались капустные кочерыжки. Вернулись ни с чем... Чтобы согреть друг друга, спали тоже всегда вместе. Но в одно

холодное утро Людмила не смогла разомкнуть оцепеневшие ноги матери, чтобы выбраться из-под одеяла. Старший брат позвал на помощь соседку: совсем обессиленные, они с трудом вывезли труп к булочной, где уже лежала целая «поленница» обледенелых тел.

– Разве такое забудешь? – говорит задумчиво Людмила Михайловна. – После того как сгорели знаменитые Бодаевские продуктовые склады, мы землю собирали, чтобы есть, – от спекшегося сахара она была сладкой...

Осиротевших детей – 7 и 10 лет – забрала тетка, у нее и своих-то было трое. А вскоре предложила племянникам вернуться в родительскую квартиру, коротко объяснив: «Там вас, может, кто-нибудь заберет, а так мы все тут пропадем».

Несчастных, опухших от голода детей обнаружила сандружинница, делая обход по квартирам. Она отправила их на Мойку, где собирали таких же сирот, чтобы эвакуировать из города. Так, в 1942 году из Ленинграда в Галичский район Костромской области вывезли более 120 истощенных, слабых детей. Их поселили в Богчинском детском доме, 31 марта 1942 года теперь считается днем его открытия.

– Многие тогда уже не могли ходить, – продолжает Людмила Михайловна, перелистывая альбом с фотографиями, – но супруги Зеленухин и Цвиг всех выходили! Иван Александрович первое время буквально детей на руках носил, а Елена Карловна сама стирала, готовила. С материнской строгостью учила опрятности... Она была из поволжских немцев, очень любила чистоту и ухаживала за нами, как за собственными. За спасение детей блокадного Ленинграда оба потом

были отмечены высокими государственными наградами, – говорит Людмила Михайловна.

Колхоз по мере возможности снабжал ленинградскую детвору молоком и картошкой, но основной пищей были щи из крапивы и дуранда – так называли обыкновенный жмых. Потом детдомовцам выделили землю, и со временем городские дети научились выращивать все необходимое: овощи, гречку, зерновые. Даже подсобное хозяйство держали. Людмила Михайловна вспоминает, как прятали в валенки недозревшие помидоры, надеясь, что в тепле они быстрее покраснеют.

Она осиротела во второй раз, когда брат неожиданно сбежал с друзьями. Чтобы их не смогли вернуть, мальчишки сменили фамилии. Так надолго и разошлись их жизненные пути. Одиннадцать лет она прожила в детском доме, потом вместе со сверстницами училась в сельхозтехникуме там же, в Галиче. Когда девушки стали самостоятельными, их в детском доме продолжали считать своими и старательно подкармливали.

Однажды по дороге в общежитие Людмила встретила гадалку, и та за рубль согласилась погадать, сказав следующее:

– Тяжело тебе до сих пор было, всех ты потеряла, но обязательно будешь счастлива...

С тех пор жизнь Людмилы Михайловны будто пополам раскололась: вскоре она встретила будущего супруга, с которым уехала поднимать сельское хозяйство в солнечном Таджикистане, и уже по дороге поняла, что попала в настоящий рай: столько фруктов в жизни никогда не видела! Воображение потрясли горы дынь и арбузов, обилие восточного базара – разве можно было все это найти в послевоенном Ленинграде? Кстати, жить там муж отказался категорически, и родительская квартира Карташовых пустовала до 1949 года, ее охраняла соседка в надежде, что вернутся дети. Брат спустя годы разыскал ее как раз по этому поводу, ведь новая фамилия не давала ему права оформить необходимые документы на жилье. С племянниками она общается до сих пор, а вот брата уже нет в живых.

В Левокумское Карташовы переехали в начале девяностых – здесь родина мужа. После его смерти Людмила Михайловна живет в большой семье старшего сына, получая необходимую заботу и внимание. Да и много ли ей нужно? Дети войны – особое поколение, привыкшее к небольшому домашнему достатку, принимающее как должное любые невзгоды, да и просить они о каких-то для себя благах тоже не привыкли. Удостоверение «Житель блокадного Ленинграда», которое приравнивает к участникам войны, Людмила Михайловна получила

всего три года назад: подруга по детскому дому, которая живет в Черняховске Калининградской области, буквально настояла на этом, предложив свою помощь: сделав запрос в архив, она прислала необходимые документы.

– Пророчества цыганки полностью оправдались, – говорит Людмила Михайловна. – Я прожила хорошую, счастливую жизнь. Мои дети, внуки, слава Богу, не видели ни горя, ни лишений. Мы всегда поддерживали друг друга и были вместе.

Но призналась, что привычка запастись продуктами впрок у нее до сих пор осталась ...

Мищенкова Валентина Алимовна³⁴

Мне было 4 года, когда началась война. Война меня застала в с. Надежда. Родители до войны работали в колхозе. Отец, Аким Фёдорович Умрихин, ушёл на фронт. Расставание не помню. Сначала от него были письма.

Связь прервалась, когда он пропал без вести.

В период оккупации мы находились в своём селе. Немцы обращались с нами, детьми, по-разному. Кто-то давал нам сладости, а кто-то был очень злым.

Немцы ушли как-то незаметно, потом пришли наши советские солдаты. Как наши входили тоже не помню.

В День Победы все были рады, кричали, смеялись, что закончилась война. И плакали! Помню, как возвращались с фронта односельчане. Кто приходил с фронта, встречали их всем селом. Радовались, что вернулись живыми. Но наши родные – папа и мой дядя, муж маминой сестры, – не вернулись с фронта.

Что можно сказать о послевоенном времени? Было очень голодно и холодно! Мама работала в колхозе одна. Топить печь нечем было.

До пенсии я работала вначале в колхозе, а потом 20 лет проработала в городе.

Хотела бы пожелать, чтобы не было войны, чтобы больше не переживали то, что пережили мы. Желаю вам больше общения и дружбы!

³⁴ Фотография не имеет отношения к Мищенкова В.А., взята из сети ИНТЕРНЕТ.

Корниенко (Акопова) Маргарита Арутюновна

Я родилась в 1931 году в городе Горис, это высокогорная часть Армении. Семья переехала на Ставрополье в 1933 году. В Ставрополе в начале 20-х годов в ЧК работал старший брат моей матери – Исавердов (Исавердянц) Меликсет Мкртычевич. затем ему было поручено организовать колхоз в пригороде Ставрополя, и, занявшись этим делом, он вспомнил о своих родственниках, людях трудолюбивых, умеющих заниматься сельским хозяйством.

Я помню себя с того времени, как начал строиться наш дом. Жили мы на улице Водопьянова (ныне улица Акулова), и концу 30-х годов наш дом на Ташле был построен. Это был второй каменный дом на нашей улице.

Мы жили большой дружной семьей: мама, Айкануш Мкртычевна, домохозяйка, папа, Арутюн Колиевич, работал в колхозе и нас пятеро – Артаваз учился в Армавире в лётном училище, Аршавир, Анна и я ходили в 12 школу, а самый младший, Женя, еще был малышом.

Помню, как к нам приходила домой учительница – не к детям, а к маме – учила её читать и писать на русском языке. Так советская власть помогала адаптироваться людям в российских городах. Разговорной речью мама овладела быстро, но до конца жизни говорила с акцентом, путая падежи, и писала печатными буквами.

Когда началась война, мы все сбежали на пятачок, там была большая толпа, все плакали и кричали. А вскоре папе пришла повестка, и в начале июля он ушёл на фронт. Больше я его не видела. Через два месяца мы получили извещение, что отец пропал без вести в июле 1941 года в боях под Одессой. И лишь в середине 70-х мой брат Аршавир через архивы Минобороны выяснил, что папа погиб на хуторе в 18 км от Одессы и там похоронен в братской могиле.

А в 1942 году, зимой, мы получили похоронку на старшего брата, Артаваза. Он погиб в небе под Ленинградом.

Осталась мама одна с четырьмя детьми на руках. Как выживали? Крестьянским трудом – огород, поле и постоянная работа: полоть, поливать, собирать. Мы сильно не голодали во время войны: была своя картошка, подсолнечник, овощи, фрукты. Хлеба было мало, с мукой были проблемы. Но мама пекла лепешки с зеленью – крапива, щавель и пр. Так и перебивались.

Август 1942 года помню очень хорошо: бомбили страшно, где-то наверху, где Нижний рынок что-то горело, дым стелился по всей округе. А потом с неба стали сыпаться парашютисты. Мы, дети, выбежав на улицу, задрав головы и раскрыв от удивления рты, наблюдали, как с неба летят вражеские солдаты.

Немцы шли колоннами со стороны старой психбольницы (сейчас ул. Октябрьская). Так как наш дом был новым, его сразу заняли фашисты, а нас переселили в сарай. В доме жил какой-то офицер и несколько солдат. Другие солдаты расположились в соседских домах. Возле нашего дома стояла полевая кухня, там кашевар каждый день готовил еду. Маленького Женю мама отправляла к нему, и он всегда наполнял котелок горячей кашей. У него в Германии остались маленькие дети, он показывал нам их фото.

А нас, старших детей, заставляли носить воду из речки Ташла. В то время она была очень чистая, пили ее без всякого опасения. И я, и сестра Аня таскали им воду ведрами на коромыслах. На речке немцы и купались, причем без всякого стеснения раздевались догола, не обращая внимания на то, что неподалеку набирают воду скромные девочки.

Вели себя фрицы бесцеремонно: живность рубили без разрешения, обирали фруктовые деревья, малину, смородину, выкапывали картошку. Поэтому мы прятали от них продукты.

В сентябре мы пошли на занятия в 12-ю школу. Она была просто загажена. Само здание было построено еще до революции, туалеты были во дворе. Так эти европейские свиньи нужду справляли прямо в наших классах.

Мы все отмыли, отчистили. И когда начались занятия, в класс пришел батюшка и нас всех окрестил. Меня родители звали просто Марго. А батюшка сказал, что мое имя теперь Маргарита.

Глазами Детей войны

Помню, как немцы уходили: было очень холодно, мороз стоял страшный, мы пошли в лес за дровами, пришли домой, а мама сидит и плачет – они забрали одеяло из шерсти, которым мы, дети, укрывались.

Самым тяжелым был для меня 1946 год. Весной есть было совершенно нечего.

После войны моя жизнь сложилась благополучно. В 1948 году я закончила школу и пошла работать лаборанткой на буровую в Пелагиаду. Там познакомилась со своим будущим мужем. В 1951 году я вышла замуж. Мой муж, Корниенко Борис Захарович, был старше меня на 11 лет. Он был на фронте танкистом, механиком-водителем, прошел всю войну, был ранен, контужен. Воевал в 128-м танковом полку 10-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием Плиева (дикая дивизия).

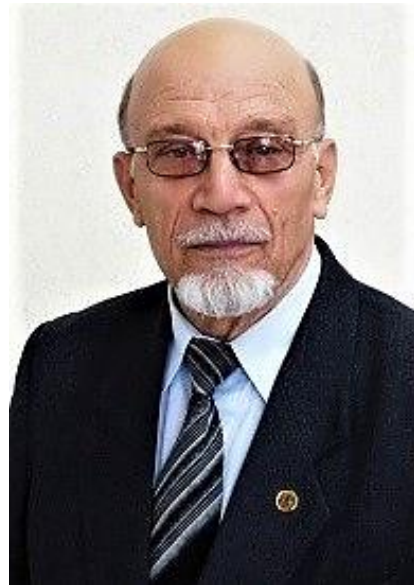
Награжден орденами и медалями. А я, родив ему двух детей, 41 год была ему верной женой и спутницей по жизни. Наверное, это и есть высшее предназначение женщины – быть рядом с любимым мужем.

Курчев

Владимир Исмаилович

Победа дорогой ценой³⁵ (Подзатыльник от фрица)

В маленьком абазинском ауле Тапанта, что находится в Адыге-Хабльском районе Карачаево-Черкесской республики, где наша семья жила во время войны, немцы побывали дважды: первый раз, когда наступали, а второй раз, когда отступали, преследуемые нашими войсками.

³⁵ В. И. Курчев, представитель поколения «Дети войны», председатель Совета АКЦ «АБАЗА» г. Ставрополя, заслуженный работник культуры РФ, доцент СтГАУ.

КЯЧЕВ
Ибрагим Аминович

Немцы пришли в аул поздно ночью. Им очень нужно было отдохнуть и поспать. Наш по тем временам большой дом под железной кровлей, построенный моим дедушкой Курчевым Шугаибом и его тремя сыновьями Харуном, Исмаилом и Ибрагимом, находился в центре аула. В это время в комнатах дома были семьи трех братьев Курчевых: семья Харуна – жена Кока, ее сестра Дахья и двое их детей – Рая и Псабида; семья моего отца Исмаила – моя мать Цона, сестры Люба, Вера, Лиза и я; семья Ибрагима – жена Щайдат и их дети – Тамара и Аскер. Всего в доме было двенадцать человек – четыре взрослых женщины и восемь детей. Дедушки уже не было в живых, а трое его сыновей были на войне.

Взрослые, узнав о том, что в аул пришли немцы, естественно, испугались, закрыли все окна и двери на засовы и замки, погасили все керосиновые лампы. Моя мать со старшими сестрами Любой и Верой спрятались под кровать, а меня с сестрой Лизой укутали одеялами на кровати. Боимся, дрожим – выполняем наказ матери: молчать, не разговаривать, не шевелиться. Мне, почти четырехлетнему мальчугану, и шестилетней сестре Лизе это было даже интересно, забавно, похоже на игру в прятки.

А за окном шум голосов, незнакомая речь. Это группа немецких солдат зашла к нам во двор, они открыли ставни и стали заглядывать в окна, освещая комнату сигнальными фонариками, переключая цвета с зеленого на красный, белый. Я не мог выдержать «заточения» и как замороженный смотрел на эти разноцветные огоньки.

Но вот немцы поднялись на крыльцо и стали прикладами стучать в двери. Входные двери у нас были очень крепкие – дедушка постарался, сделал засов на всю ширину двери – и фашистам пришлось долго бить прикладами винтовок и автоматов, чтобы выломать входную дверь. Мы страшно испугались, неподвижно лежали и молились про себя, чтобы фрицы не смогли выломать нашу дверь и войти к нам. Это длилось довольно долго. Но все-таки они выбили дверь, она со страшным грохотом упала на пол коридора, и

КУРЧЕВ
Исмаил Шугаибович

немцы вошли. Долго не церемонясь, они выгнали всех нас к соседям по дому, а сами улеглись на наши кровати и на пол. Им ничего не нужно было, кроме отдыха и сна, потому что они смертельно устали, унося ноги от преследовавших их бойцов Красной Армии. Посередине комнаты они соорудили пирамиду из оружия – винтовок и автоматов – и улеглись головами к пирамиде, чтобы в случае чего побыстрее схватить оружие.

А мы с матерью и сестрами спали на полу у соседей. Рано утром, проснувшись раньше всех, я решил пробраться в нашу комнату, где спали немцы. И сделал это через щель в стене, где ремонтировали деревянную печь, отапливавшую нашу комнату и соседскую. Увидев винтовки и автоматы, я потянул за ремень винтовки и с грохотом завалил всю пирамиду, разбудив и напугав немцев. Ближайший ко мне, здоровенный фриц, напуганный шумом упавших винтовок и автоматов, врезал мне мощный подзатыльник, и я с ревом убежал тем же путем к матери.

Через некоторое время немцы быстро собрались и ушли прочь. Это было раннее утро, около пяти часов утра. А через два-три часа в наш аул вошли советские бойцы, которые уже наступали на пятки фашистам. Радость у всех была неопишная: «Наши пришли!»

Но, к сожалению, радость встречи длилась недолго. Порасспросив у наших старших о количестве немцев и направлении, в каком они ушли, командиры построили красноармейцев и отдали приказ о дальнейшем преследовании и уничтожении врагов. Мы с матерью были рады и

уверены, что наши солдаты догонят немцев и отомстят за подзатыльник, который я незаслуженно получил от фрица.

Иногда мы, мальчишки, с большим интересом наблюдали, как в небе самолеты с ревом гонялись друг за другом. Но старшие загоняли нас в дом, прятали. Мы не понимали, почему? Сопровивлялись. Оказывается, это были воздушные бои. И вполне возможно, что сам Александр Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, знаменитый летчик-ас, гроза фашистских ястребов, был участником этих воздушных схваток над Кубанью, проходивших прямо на наших глазах.

Наше поколение, поколение детей войны, испытало и нужду, и холод, и голод. Мы ели все, что могли найти: жмых, макуху, щавель, разные травы, терн, шиповник, облепиху. Собирали колоски,

прошлогоднюю промерзшую картошку на колхозном поле. Жареная кукуруза, тыква с молоком были пределом мечтаний! Но мы выжили, рано повзрослели и начали трудовую деятельность.

Мы не только дети войны – мы дети победителей! Война принесла нашему роду Курчевых невосполнимые потери. Старший брат отца Харун погиб под Харьковом, младший брат отца Ибрагим сложил свою голову в Сталинградской битве. Смертью храбрых погиб в июне 1943 года единственный брат матери Ибрагим Кячев. Мой отец Исмаил Шугаибович Курчев служил в кавалерии. Во время одного из боев от взрыва снаряда погибла его лошадь, сам он был контужен и засыпан землей. Наши войска ушли далеко вперед, а моего отца только через двое суток нашла собачка местных жителей, которые пришли в лес за дровами. Контузия оказалась тяжелой, и отца отправили на лечение, а впоследствии комиссовали. После демобилизации отец, работая председателем колхоза, восстановил четыре колхоза в Карачаево-Черкесии. В День Победы, 9 мая 1949 года, в возрасте 46 лет, а мне тогда было всего девять лет, мой отец Курчев Исмаил Шугаибович умер.

После войны, в 1956 году, я с отличием окончил семилетнюю школу и был принят в областную национальную школу-интернат г. Черкесска, которую окончил в 1959 году. Я с большой благодарностью вспоминаю родную школу, замечательных учителей и прекрасные условия для жизни и учебы, которые были созданы для горских мальчишек и девчонок советской властью в те трудные послевоенные годы. Для нас это было своеобразным «окном в Европу» – в мир знаний и науки. Многие выпускники школы-интерната поступили в престижные вузы страны и успешно окончили их. Я, например, поступил в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский институт культуры), который окончил в 1964 году. Затем я выполнил свой долг перед Отечеством – отслужил в рядах Советской Армии в столице нашей Родины Москве. А с 1965 года и поныне работаю в Ставропольском государственном лучшем аграрном вузе страны: с 1965 г. по 1971 г. деканом факультета общественных профессий (ФОП), затем я был приглашен работать зав. отделом культуры Ставропольского горисполкома, где проработал с 1971 по 1975 гг., а в 1976 году вернулся в родной вуз на должность декана ФОП и проректора по культурно-

воспитательной работе, а с 2002 г. и поныне я доцент кафедры философии и истории СтГАУ. Дважды избирался депутатом городского совета народных депутатов, депутатом Ленинского районного совета депутатов трудящихся, награжден многими юбилейными медалями и почетными грамотами вуза, администраций города и края, медалью «Ветеран труда»; многократный лауреат Всероссийских и Всесоюзных смотров и фестивалей самодеятельного художественного творчества. За заслуги в области культуры и искусства в 1989 г. мне присвоено высокое почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ».

В феврале 2020 г. за достижения в трудовой деятельности и в связи с 80-летним юбилеем губернатором края награжден медалью «За доблестный труд». Все это мне, горскому мальчишке, представителю малочисленного древнего, мудрого, миролюбивого абазинского народа Кавказа, чей первый и главный тост за столом: «Да будет мир на Земле!» – дала советская народная власть, благодаря Победе советского народа, в том числе и абазинского, над фашистской Германией!

Семьи Курчевых заплатили очень дорогую цену за нашу Великую Победу! Для нашего рода, как и для всего нашего народа, День Победы – это действительно «праздник со слезами на глазах»! Мы должны помнить и никогда не забывать подвиг наших отцов и дедов и быть достойными их памяти. Светлая, добрая, вечная память всем павшим в боях за нашу Родину и ушедшим из жизни участникам Великой Отечественной войны!

Слава народу-победителю!

Лукашова (Каргина) Галина Семеновна

Родилась в г. Коканде Ферганской области Узбекской ССР 12 сентября 1926 года в семье железнодорожника. Отец, Каргин Семен Андреевич, служащий в кокандском отделении железной дороги, мать, Каргина Софья Никитична, домохозяйка, сестра, Каргина Ирина Семеновна, 1928 г. р.

Глазами Детей войны

Осенью 1941 года отец Галины был призван на фронт. Пришло тяжелое военное время. В конце 1941 года, оставив школу, 15-летняя Галина Каргина пошла работать санитаркой в железнодорожной больнице.

За работу в период Великой Отечественной войны награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны».

В 1943 году Галина поступила в Кокандский нефтяной техникум, в 1947 году закончила его и получила специальность техника-геолога. Работала в Кокандской Геофизической экспедиции до 1984 года. Воспитала двоих детей.

В 1995 году переехала на ПМЖ в г. Луганск, где и проживала до конца жизни (26.10.2007 г.)

Котельникова Нелли Ивановна

Мне было 3 года, когда началась война. Мы жили в Ростове. Мама вышла со мной в магазин. В это время фашисты налетели бомбить город. Мы бежали на другую улицу, а когда вернулись на свою, увидели, что наш многоэтажный дом превратился в груды камней. В это время на машине из Азова приехала мамина сестра с сыном, и мы все вместе поехали на юг. В середине пути, между Ростовом и Краснодаром, налетела туча мессершмиттов. Мы выпрыгнули из кабины и спрятались в ближайшей воронке. Помню, как мама закрыла меня своим телом. Было очень страшно. А потом мы увидели, что шофер погиб. И мы пошли пешком. Шли целый месяц, ели корешки, пили воду из речек, ручьёв, спали в стогах. Добрели до Новомарьевки (в настоящее время Ставропольский край).

В Новомарьевке наши мамы стали работать. Приходили с работы они один раз в неделю. А мы с братиком целый год прожили у добрых деда и бабушки, которые приютили нас.

Когда освободили Ставрополь, мама стала работать бухгалтером в крайисполкоме, и ей дали комнату. Папа был на фронте, но вскоре мы

получили похоронку. И только в 1946 году мы узнали, что папина часть попала в окружение, и папа остался жив.

Помню, как весной 1944 года к нам приехала бабушка, и мы сажали огород. Мне было 6 лет, но я помогала, как могла, очень старалась, понимала, что земля поможет нам выжить, не даст голодать. В том же 1944 году маме дали квартиру на улице Пушкина, в которой я до сих пор живу.

Благодаря самоотверженному труду мамы мне удалось реализовать себя в полном понимании этого слова. В 1956 году я закончила школу, и поступила в мединститут, который закончила в 1962 году. 44 года я проработала акушером-гинекологом, из них 18 лет преподавала в медицинском колледже.

Моя мама 25 лет преподавала кройку и шитье, и даже издала две книги по этому предмету.

Папа после войны вернулся в Ростов. У него потом была другая

семья. Мама тоже вышла замуж, отчим был хорошим человеком. Он был блокадник – пережил всю блокаду в Ленинграде.

Я на пенсии с 2006 года, у меня 7 внуков и 7 правнуков, для них я сейчас пишу книгу «История моей семьи».

Силы мне дает большая поэзия. 33 года я руковожу Есенинским клубом, в котором масса талантливых людей, пишущих замечательные стихи.

Строганов

Виталий Васильевич³⁶

Мне было 3,5 года, когда началась война. Мы жили в г. Вологде. Отец был военным, дома бывал редко. Знаю, что в 1939 году воевал на финской, а с начала Великой Отечественной войны был направлен в действующую армию. Где он воевал, этого я не знаю. Знаю только, что он был убит 23 августа 1945 года в боях с

³⁶ Фотографии не имеют прямого отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

японцами. Пришла похоронка уже после празднования Дня Победы. У него было много наград, но они, к сожалению, не сохранились.

Ушли на фронт и братья. Веня погиб под Сталинградом, похоронен в х. Горная Пролетка. Славик и Игорь тоже не вернулись. Об их судьбе мне ничего не известно.

Мама работала начальником поезда Вологда – Москва, Вологда – Ленинград. Она очень редко бывала дома. Её работа была тяжелой и ответственной. Семья была большая. И пока отец не ушёл на финскую, мы не испытывали особого недостатка.

Когда началась война, я ещё не понимал происходящего. Но очень сильно тосковал по маме, ведь её постоянно не было дома. С началом войны поезд перевозил раненых, эвакуированных, больных, солдат, детей. Были бомбёжки, остановки непредвиденные и долгие. А нам было очень голодно. Это был самый тяжёлый период моей жизни. Мама оставляла меня на старших детей: сестра Нина была на 5 лет старше, а брат Юра на 10 лет. Они ходили, просили еду, когда дома совсем ничего не было кушать. Бывало, принесут мёрзлую картошку, мы её подогреем и грызем, радуемся.

А был и такой случай: мать посадила картошку, а Нина её выкопала и продала, а на вырученные деньги купила мороженное.

Бывало, мама придет из рейса домой, а следом за ней мужчины в будёновках: собирайся опять в дорогу. Она ведь отвечала за весь поезд, по полтора-два месяца мы жили одни. Не жили, а выживали. Юра ходил по деревням, где выпрашивал продукты.

У меня был еще один брат, Володя, 1926 года рождения. Он тоже сопровождал поезда. Один раз в глаз ему попало стекло, он не вышел на работу, его судили, дали срок. Эта беда подкосила маму.

Запомнился день, когда мы встречали маму из очередного рейса. А она с одного поезда – на другой. Но там, на вокзале, бегом побежала в магазин, и на карточки взяла нам хлеба. И мы упивались эти горячим, вкусным, с непередаваемым ароматом хлебом. А потом несколько дней маялись животами.

О Победе слышали по радио. Мы сначала не поняли: все целуются, обнимаются, радуются, кричат...

В 1945 году я пошёл в первый класс. У нас с сестрой были одни валенки на двоих. Иногда бегал в школу босиком.

Вологда была тыловым городом. Но зенитки у нас стояли. Помню, как был сбит немецкий самолет, а потом пленного летчика вели вдоль

железной дороги. Были у нас и пленные немцы, их в деревянных колодках строем водили на работу.

После войны мы часто кормились в соседнем детдоме.

Я закончил 11 классов, поступил в железнодорожное училище, там и кормили, и одевали. Там часто играл на слух на баяне, и музыка все пересилила. После армии поступил в музучилище, подрабатывал разнорабочим.

Работал концертмейстером в клубе льнокомбината, а со второго курса уже выезжал на гастроли, т. к. играл виртуозно. Сама Фурцева дала распоряжение на перевод меня в КЧАО. Там я был баянистом в ансамбле.

А молодому поколению надо учиться овладевать любимой профессией. Дружить, помогать старшим, заботиться о младших и стариках.

Чернова Лидия Павловна³⁷

Я родилась в январе 1942 года в городе Баку АзССР в самый разгар страшной войны. Мои родители всю жизнь жили в Баку, проработали на нефтепереработке. Папа был там слесарем, мама – машинистом. С этого завода никого на фронт не брали, это было стратегическое производство.

На фронт ушли мои дяди – братья отца, они были младше по возрасту, а также муж моей тети – брони у них не было. Как их провожали, я не помню, была слишком мала. С года меня отдали в ясли, группа была круглосуточная, потому что родители работали посменно, и зачастую ночами. Редко по выходным меня забирала домой. Я была очень болезненным ребёнком и, когда болела, мама не могла сидеть со мной дома, брала меня на работу. Иногда меня забирала к себе мамина сменщица. До 7 лет я ходила в детсад, потом школа.

Помню, как с фронта вернулись папины братья: оба они были ранены, лежали в госпиталях. Один был ранен на Украине, пуля попала в челюсть, раздробила кость, у второго в боях на территории Польши были прострелены обе ноги. А муж моей тети войну закончил в

³⁷ Фотографии не имеют прямого отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

Германии, потом служил там еще три года после Победы, вернулся в Баку за женой, и они уехали в Грузию, где и прожили до самой смерти.

Послевоенные годы помню очень хорошо: у нас были карточки на хлеб, сахар. И пока мама была на работе, я занимала очередь за хлебом, мне писали номер на ладошке. Вставать надо было рано, чтобы хлеб достался, иначе приходилось ждать следующего дня.

Помню, как умер Сталин. У нас в школе как раз шёл урок. Пришла директор и сообщила нам об этом. Все стали плакать. Уроки в тот день отменили.

Постепенно жизнь налаживалась. Менялись руководители партии, но город не голодал, работали фабрики и заводы, выпускали разную продукцию. В магазинах были мясо, сахар, масло.

Я окончила школу, поступила в педучилище. Занималась спортом, ездила по соревнованиям. Потом вышла замуж, и мы в 1968 году уехали в Ставрополь. Здесь я пошла работать в дошкольное учреждение, работала воспитателем, логопедом до 65 лет.

Сейчас отдыхаю, люблю путешествовать, продолжаю заниматься спортом в Академии здоровья Василия Скакуна. Я ветеран труда, имею много грамот за активную работу в воспитании детей

Я желаю всем внукам, правнукам хранить память о своих дедах и прадедах, отдавших свою жизнь за их счастливое радостное детство.

Дроздов Юрий Иванович³⁸

Я родился 24 сентября 1944 года в городе Мурманске. Война в это время была в самом разгаре, а на Кольском полуострове шли жесточайшие бои.

Родители встретили войну в г. Риге. Мой отец служил в Красной Армии, мама была домохозяйка.

С началом войны мама, будучи в положении, как член семьи военнослужащего, с дочерью (моей старшей сестрой) была эвакуирована на Урал, в г. Златоуст, где в ноябре у нее родилась вторая дочь. Связь с мужем она поддерживала постоянно. Отец навещал семью, и когда его направили в Мурманск, следом за ним отправилась его семья.

³⁸ Юрий Иванович Дроздов – доцент, кандидат технических наук, полковник в отставке.

Время, проведённое в эвакуации, мама всегда вспоминала со слезами на глазах: одна с двумя девочками и мной. стакан молока в день, которым делились сердобольные люди, много значил.

В Мурманске благодаря папе и тому, что собрались все вместе, было легче. Жили мы в самом центре города, и из окон квартиры был виден рядом стоящий обком (теперь это Дом правительства) и свозимая в овраг повреждённая техника. Теперь на этом месте, напротив Дома правительства – стадион профсоюзов

Так как г. Мурманск (незамерзающий порт) был важным стратегическим объектом, противник бомбил его беспощадно. По оценкам историков, он был в состоянии Сталинграда, но взять его фашисты так и не смогли. В сентябре 1944 года началась заключительная операция по освобождению северо-западной части Кольского полуострова.

На фронт ушли младший брат отца и старший брат мамы. Брат папы, капитан, командир пехотной роты, вернулся домой без руки. Брат мамы, водитель танка, погиб под Сталинградом. Угроза Мурманску была снята. Через 2 месяца наши войска продвинулись на 100 км на территорию Норвегии, и боевые действия в Заполярье были завершены.

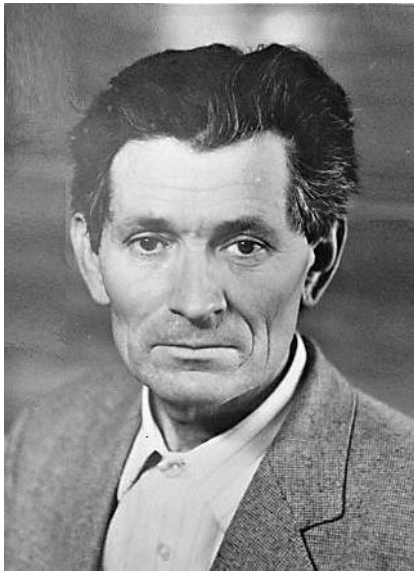
В 1950 году папа был переведён на работу в Смоленск. Я застал там много разрушенных взрывами домов в самом центре города. На моих глазах на этих развалинах возводились новые жилые дома и учреждения. До 1995 года в качестве памятника стояла одна из кирпичных стен мельницы, сохранившаяся после бомбёжки, напоминавшая о страшных разрушениях за годы войны.

У моих ровесников, с которыми я дружил и общался, отцы воевали, а у некоторых погибли на фронте, поэтому память о войне и послевоенных годах всегда с нами, в наших сердцах.

Я сам благодаря государственной системе того времени смог реализовать свои способности. Стал офицером, прослужил в Советской Армии более 30 лет.

Закончил службу в должности начальника кафедры аэродинамики и динамики полёта авиационного училища. Доцент, кандидат технических наук, полковник в отставке.

А молодому поколению я желаю одного: учиться, учиться, учиться.

Сарафанов Борис Петрович

Я, Сарафанов Борис Петрович, родился 31 марта 1936 года в г. Туркестан Казахской ССР.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 5 лет. До начала войны мои родители: отец, Сарафанов Петр Трофимович, 1905 года рождения, работал стрелочником на железной дороге в г. Туркестан Южноказахстанской области Казахской ССР; мать, Сарафанова Наталья Яковлевна, 1903 года рождения, была домохозяйкой. В нашей семье было 5 детей: старшая сестра Мария, 1924 года рождения, брат Алексей, 1931 года рождения, я и двойняшки: брат Михаил и сестра Елизавета, 1939 года рождения.

О начале войны узнали по радио, когда диктор объявил, что Германия вероломно напала на Советский Союз. Начало войны все родные и соседи восприняли с глубокой болью, тревогой и переживаниями. Первыми на защиту Родины ушли дядя Трофим и дядя Василий – родные братья моего отца.

У моего отца была бронь как у служащего на железной дороге. Отца призвали в феврале 1942 года, ему было 37

лет. Провожая отца, все плакали, прощались, мне запомнилось, как отец поднял меня на руки.

После того как отец ушел на войну, наша семья осталась на попечении матери, на которую легла вся тяжесть забот: как накормить и одеть семью, чем натопить дом. В это нелегкое время с нами жил дед Яков, 1876 года рождения, отец моей матери. Старшая сестра Мария уехала в другой город работать и учиться. Старший брат Алексей, подросток, работал на водокачке, откуда подавали воду для заправки поездов, в том числе и идущих на фронт. Мы, младшие, помогали матери и деду по хозяйству. Жили мы в своем доме, было и хозяйство: корова, верблюд и телега.

Мы выжили благодаря корове. Корова была хорошая и давала много молока. Мать квасила молоко, делала сметану и масло и продавала. Дед Яков был главным воспитателем для нас, так как матери было некогда. Мы помогали как могли: ухаживали за хозяйством, пасли на пастбище корову и верблюда.

Еще запомнился мне один эпизод, как мы нашу корову вели на обгул за 45 км на Сырдарью. Запрягли верблюда в телегу и выехали рано, жара под 40 градусов. По дороге задержались, выпили всю воду, а еще далеко, и пить хочется невыносимо. Уже вдалеке видно озеро. А навстречу нам идет казашка, остановилась и дала нам попить. А потом, когда мы подъехали к озеру, наклонились и прямо из озера стали пить, искупались и благополучно доехали до места.

С фронта приходили письма от отца. В одном из писем отец писал: «Темно, идет дождь, лежим в грязи, и нельзя поднять голову: немцы обстреливают из орудий и бомбят их самолетов...». Стрелковый полк, в котором отец служил рядовым красноармейцем, вел наступление из Ростовской области в направлении Сталинграда. После этого мы больше не получали писем с фронта, но и похоронку не получили.

В День Победы и другие дни на вокзал приходили поезда и возвращались земляки, каждый раз мы выходили встречать отца, но так и не встретили. Из ушедших на фронт родственников тоже никто не вернулся. Потом нам пришла весть, что наш отец пропал без вести.

Глазами Детей войны

Всю свою жизнь мы, дети, искали отца, писали во все инстанции Советского Союза, но так и не нашли.

Ушли из жизни дед, мать, сестры и братья. Сейчас я остался один из старшего поколения нашей семьи.

После открытия архивов военного времени в 2011 году, мой сын Александр нашел своего деда, узнал, где он служил, где погиб и где захоронен. Мой отец, Сарафанов Петр Трофимович, уроженец Ставропольского края, погиб в Сталинградской битве. Захоронен в братской могиле в селе Оленья Дубовского района Волгоградской области. Мы дважды посещали могилу моего отца: первый раз с сыном и братом Михаилом, второй раз с сыном и

внуком.

И еще один интересный факт: мой внук Сарафанов Алексей Александрович в июне 2017 года принимал присягу на верность Родине в городе Волгограде, недалеко от того места, где погиб его прадед.

Моя судьба сложилась следующим образом. Я окончил в 1960 году Ташкентский институт железнодорожного транспорта: факультет промышленное и гражданское строительство по специальности инженер-строитель. По окончании вуза женился, отработал по направлению в г. Кокчетаве Казахской ССР на стройке в разных должностях (начальник участка, прораб), затем жил и работал в Ташкенте Узбекской ССР. Восстанавливал город после землетрясения. В Россию из Средней Азии переехали в 70-е годы. Все время работал по специальности, свою трудовую деятельность закончил в 1993 году. Строил жилые дома, детские сады, школы и ирригационные системы. Отработал честно, профессионально и на совесть.

У меня семья: жена Раиса Харитоновна, дочь Татьяна, сын Александр и внуки Алина и Алексей.

Я хочу поклониться до земли своим родителям: отцу, который защищал Родину и нас, свою семью, и матери, простой русской женщине, которая вырастила и выучила пятерых детей в трудные времена, сыграла свадьбы и еще успела понянчить 13 внуков.

Я бы хотел пожелать молодому поколению любить и защищать свою Родину, честно трудиться и радоваться жизни. С любовью относиться к ближним и любить всех как самого себя!

Железный Виктор Федорович

Я, Железный Виктор Федорович, родился 26 января 1929 года. Отец мой работал на животноводческой ферме.

Война началась неожиданно-негаданно. Мы узнали о ней, когда позвонили с центральной усадьбы совхоза Петровский, – узнали по телефону. Очень все были огорчены.

Осенью 1941 года отца призвали в армию. Очень обидно, очень скорбно – отец погиб на Украине в 1942 году.

Я вместе с жителями нашего села были под оккупантами, встретили немцев, которые появились неожиданно. Они на мотоциклах охватили всю территорию Петровского, в том числе и нашу часть Петровского района.

После изгнания немцев в январе 1943 года, я начал работать. Работал на животноводческой ферме, пас коров, быков, лошадей, кормил коров зимой, работал по-взрослому. В войну проработал 3,5 года, награжден медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 года».

Война закончилась, были очень рады. Об окончании войны тоже узнали по телефону из центральной усадьбы.

В 1945 году я поступил в железнодорожное училище и окончил его, работал на железной дороге.

На железнодорожном транспорте проработал 45 лет. Начинал рабочим и закончил работу начальником дистанции пути. Награжден знаком «Почетный железнодорожник», «Заслуженный работник Северо-

Кавказской дороги», награжден знаком «За труд, достоинство и честь», за общественную работу награжден знаком «Заслуженный ветеран Ставропольского края».

Петрашова Зинаида Сергеевна

Родилась я в Таджикистане 26 февраля 1938 года. В Михайловске живу 20 лет.

Когда началась война, мне было 3 года. В это время мы жили в Таджикистане, станция Састобе. Нас в семье было трое детей. Мама воспитывала нас сама, с отцом они были разведены. После того как отец ушёл на войну, мы больше его не видели.

Мы рано пошли работать. Детство было ужасное. Ходили собирали колоски, перекапывали огороды. Не жили, а выживали. Очень трудно было во время войны. Мама сторожем работала, зарплата была очень маленькая. Мы с малых лет начали кому-то в чем-то помогать, то в няньках, то полы помыть.

Фашисты до нашей станции не дошли.

Сначала мама работала одна, потом мы немного подросли, пошли работать на стройку, на маляров учились. Было очень трудно, мы голодали.

День Победы, к сожалению, не помню.

После окончания войны мы попали в город Шымкент, там строился завод, мы пошли туда работать, то на водокачке работали, то на стройке, то малярами. Потом всё начало налаживаться. Позже уже переехали в Ставрополь. Сначала уехал сын со снохой, потом и нас забрали.

До пенсии я работала и на стройке, и маляром, и кирпич грузила, и землю копала, потом уже выучилась на секретаря-машинистку, стала уже в конторе работать, потом в отделе кадров работала, на складе.

Стаж работы у меня 45 лет, без перерыва.

Следующему поколению хотелось бы сказать, чтобы они росли добрыми и честными, чтобы хорошо относились к родителям, пожилым людям, ну и чтобы работали.

Ивченко Раиса Васильевна³⁹

Почти 6 месяцев в 1942–1943 годах наш край находился под властью немецко-фашистских захватчиков. Какими они были, эти полгода, для местных жителей?

Для пяти поколений моей семьи Ставропольский край является родиной. Но, к сожалению, осталось только два человека, к которым я мог обратиться с этим вопросом. Это мои бабушка и дедушка.

Во время Великой Отечественной войны они были еще детьми и войну запомнили по-детски, тем и был интересен мне их рассказ. Ведь дети, не обремененные жизненным опытом, все события воспринимают очень непосредственно, опираясь, как правило, на чувства и эмоции.

Летом 1942 года немецкая группа армий «А» во главе с генерал-фельдмаршалом В. Листом вторглась на Северный Кавказ. Это были самые отборные войска: три танковые дивизии, 17-я полевая армия и румынские войска в составе трех кавалерийских и трех горнострелковых дивизий.

После кровопролитных боев наша армия отступала, один за другим оставляя города. 27 июля фашисты ворвались в Ростов, а уже 3 августа был оккупирован Ворошиловск (Ставрополь). Еще через четыре дня немцы были на территории Ипатовского района.

В 18 километрах от районного центра находится поселок Винодельненский, который тогда в обиходе называли просто «Совхоз № 8». В центре этого села, в небольшом деревянном доме, вместе с мамой, бабушкой и младшим братом жила 6-летняя Рая Ивченко. К тому времени семья уже успела получить извещение с фронта, что во время боев под Москвой пропал без вести ее отец, а мой прадед, Василий Иосифович Ивченко.

³⁹ Калинин Никита Дмитриевич, учащийся. Руководитель – Калинина Наталья Михайловна, учитель химии МОУ СОШ № 26 г. Ставрополя // Внуки о дедах-героях: Моя семья на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной Войны : сборник СКФУ. – Ставрополь, 2015. С. 87–89.

Фотография не имеет отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

Оккупация для моей бабушки началась с запаха горящего зерна и воя сбрасываемых с самолетов бомб. Немцы бомбили стратегические объекты: железную дорогу вместе со станцией и, конечно, элеватор, где хранился недавно собранный урожай пшеницы.

Во время налетов мать хватала Раечку и маленького Витю и спускалась в погреб. «Страшно было», – вспоминает моя бабушка Ивченко Раиса Васильевна.

Вскоре в селе появились немцы. Они очень быстро заняли школу и местный клуб. Сразу же вырубил сад за школой, который на протяжении многих лет кормил селян: видимо, боялись внезапного нападения. Удивительный факт: немцы привезли с собой несколько пианино и даже самый настоящий рояль. Наверное, планировали обосноваться у нас основательно и надолго. Из здания школы каждый вечер доносились звуки музыки. Через полгода, спешно покидая село, немцы бросили несколько инструментов. Спустя десятилетие, выпускница Рая Ивченко будет наигрывать вальс на выпускном балу под звуки трофейного рояля. А пока самое отчетливое воспоминание моей бабушки периода осени 1942 года – неистребимое чувство голода.

Оккупанты, оказавшись в селе, первым делом стали ходить по домам и забирать то, что было у местных жителей из хозяйства: домашнюю птицу, скот, остатки собранного урожая. Рая запомнила, как поздно вечером ее мать и бабушка закапывали в огороде котелок с последним зерном. Дети ели лепешки, которые пекли из горсти муки и пырея, собранного за околицей. А еще им давали на целый день по маленькому кусочку так называемой «макухи». Это то, что остается от семечек подсолнечника после того, как из них отобьют масло. Немцы не понимали, как это можно есть, поэтому не отбирали.

Бабушка рассказала, как они с братом ползали в яме с мусором, собирая обертки с остатками шоколада, намеренно не доеденного немецкими солдатами, которые в это время стояли и смеялись над голодными малышами. Как ни странно, спасением для семьи оказалось подселение к ним немецкого офицера. По его приказу во дворе оставили несколько кур. Кроме того, он приносил тушенку, из которой женщины готовили суп, а детям даже иногда доставались конфеты. Когда наступила зима, офицер отдал хозяйкам свой френч, и бабушка сшила из него Раечке самое настоящее пальто. Однажды немец достал из кармана на груди маленькую фотографию красивой светловолосой женщины с двумя детьми – своей семьи...

Шаповалов Михаил Николаевич⁴⁰

В то же самое время, уже глубокой осенью, на другом берегу реки Калаус, в Кормосовхозе № 5, появился немецкий батальон моторизованной пехоты. Занятия в школе сразу же прекратились. Мой дед, тогда ученик первого класса, Шаповалов Миша, еще не начав толком учиться, был вынужден оставаться дома с матерью, старшей сестрой и младшим братом. Еще одна старшая сестра успела спрятаться на заброшенном хуторе, так как по окрестностям быстро разнеслась весть: фашисты угоняют в Германию молодых девушек и ребят.

Отца моего деда, опытного механизатора, накануне оккупации эвакуировали вместе с сельхозтехникой в сторону Дагестана. Там он позже попал в плен, но бежал, поэтому остался жив, и зимой 1943 года ушел на фронт.

Семилетний Миша с семьей жил в довольно просторном кирпичном доме, поэтому к ним сразу же поселили шестерых немецких солдат с офицером. Немцы, сменяя друг друга, патрулировали село. Один из них неплохо говорил по-русски.

С ним связано, пожалуй, самое яркое воспоминание моего деда о тех днях. Однажды немец вышел в сад, находящийся за домом, и поманил за собой маленького Мишу. Приладив к стволу старой яблони самодельную мишень, он начал одиночными стрелять по ней из автомата. «Иди, считай», – было велено мальчишке. «Тот десяток метров к яблоне был самой долгой и самой страшной дорогой в моей жизни», – рассказывал дед. Он шел к мишени, а в спину ему смотрело дуло автомата. На улице был мороз, а по спине мальчишки стекала струйка холодного пота. «Не бойся, я тебя не обижу», – на ломаном русском языке сказал тогда немецкий солдат. Потом тот же немец рассказывал моему деду, что он не хотел идти воевать и дома у него остались трое детей, но эпизод с мишенью сохранился в памяти Михаила Николаевича Шаповалова навсегда.

⁴⁰ Калинин Никита Дмитриевич, учащийся. Руководитель – Калинина Наталья Михайловна, учитель химии МОУ СОШ № 26 г. Ставрополя // Внуки о дедах-героях: Моя семья на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной Войны : сборник СКФУ. – Ставрополь, 2015. – С. 89–91.

Фотография не имеет отношения к данной статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

Немцы в селе пробыли недолго, около месяца. Однажды ночью начался какой-то переполох: немецкий офицер приказал жившим в доме солдатам быстро собираться. Рано утром оккупанты спешно покинули село, а где-то далеко звучала канонада. В тот же день мой дед вместе со многими жителями наблюдал странную картину: вслед за ушедшими немцами, со стороны калмыцких степей прошествовал целый караван верблюдов, навьюченных домашним скарбом и управляемых какими-то людьми. «Кто это?» – обратился к своей матери Миша. «Предатели», – коротко ответила она.

1 января 1943 года началось наступление советских войск. Много бед натворили фашисты за неполные полгода оккупации. В Ипатовском районе разрушили школы, больницы, клубы, мельницы, телефонную и радиосвязь, мосты, промышленные предприятия. Угнали в Германию скот. Расстреляли 153 мирных жителя, 1 296 человек отправили на каторжные работы в Германию. Это официальные данные.

Из детских воспоминаний моих близких я тоже сделал для себя ряд выводов.

Во-первых, мы, современные дети, очень много имеем и слишком мало это ценим. Во-вторых, в любой нации есть и люди и «нелюди». Моим бабушке и дедушке, очевидно, повезло встретиться лицом к лицу с представителями вражеской армии, которые даже в условиях войны старались сохранить человеческие качества.

Ну, и, наконец, самое главное: «Никто не забыт, ничто не забыто» – эти строки из стихотворения Ольги Берггольц известны сегодня каждому. Они давно стали лозунгом, употребляющимся применительно к подвигу солдат Великой Отечественной войны. Но сейчас эти слова для меня приобрели еще один смысл: история страны складывается из истории каждой отдельно взятой семьи. А история семьи сохранится только, когда живы очевидцы событий прошлого и есть те, кто сохранит семейную память. Поэтому хочу дать совет своим сверстникам: беседуйте со своими родителями, бабушками, дедушками, интересуйтесь прошлым ваших семей. И тогда действительно ничто не будет забыто!

**Медведева (Ладыгина)
Екатерина Сергеевна⁴¹**

Страшное это слово «война»! От одной мысли холодеет кровь, бегут мурашки по коже... В ту пору на защиту своей страны встал мужественный, смелый, непобедимый народ. Все от мала до велика, независимо от пола, статуса, национальности, – все вышли воевать за мир на земле.

В Великой Отечественной войне приняли участие и мои родные – прабабушка и прадедушка.

Прабабушка, Медведева (Ладыгина) Екатерина Сергеевна, родилась 7 декабря 1928 года. К началу войны ей исполнилось 14 лет, но, несмотря на юный возраст, девушка не испугалась, а встала на защиту своей страны наряду со взрослыми.

Работала в тылу, помогала советским разведчикам. Не раз попадала в плен к фашистам, но, когда думала, что смерть вот-вот наступит, ее как будто что-то спасало, как будто неведомая сила давала еще один шанс на жизнь. И это подпитывало дух. После каждой встречи со смертью она становилась сильнее, нашла силы пережить войну, и живет сейчас.

Прабабушка награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», а также медалью «Мать-героиня». После окончания войны ей хватило духу и силы не просто завести семью, но родить и воспитать семерых детей.

Воспоминания не исчезают. И сейчас она часто вспоминает о тех страшных годах, принесших горе и слезы в нашу страну, но тем не менее находит в себе силы жить с этим.

Я испытываю гордость за своих родных, я знаю и помню, какой вклад они внесли в Победу нашей страны.

⁴¹ Пархоменко, М. В. Мои прабабушка и прадедушка на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны // Внуки о дедах-героях: Моя семья на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны : сборник СКФУ. – Ставрополь, 2015. – С. 127–131.

Существенный вклад в Победу над фашисткой Германией внес и мой прадедушка, Медведев Алексей Илларионович (30.03.1919 – 19.01.1995 гг.), ветеран Великой Отечественной войны.

Из его автобиографии: «Я родился 30 марта 1919 года в Орловской области Колпнянского района, Краснянского с/с, д. Гречик в семье крестьянина. Из-за смерти отца стал пастухом, в школе учился только с наступлением зимы, и до окончания ее. В 1937 году я отправился в город Владивосток к старшему брату, который прежде меня уехал по вербовке. Я устроился на военный судостроительный завод № 202 им. К. Е. Ворошилова. Профессии были разные, но вскоре по совету своих товарищей перешел на сборку судов.

В 1939 году настал мой срок мобилизации в РККА, но был оставлен по брони в 1940 году. Наша Родина чувствовала над собой назревавшую опасность, я это понимал и, движимый патриотическим чувством, в конце 1940 года добровольно вступил в РККА. В связи с этим было немало хлопот, так как дирекция завода меня не отпускала. Я был вынужден обратиться в областной военкомат, и это не помогло, тогда я решил поехать в город Никольск-Уссурийский в штаб I отдельной Краснознамённой Армии. И по указанию начальника отдела по укомплектованию, дирекция была вынуждена меня отпустить. Военкомат меня направил в разведбатальон, который в это время располагался в городе Лесозаводске Дальневосточном края. Меня зачислили в бронетанковую роту. В апреле 1941 года нас с небольшой группой солдат и офицеров, перебросили на Украину, в г. Бердыч, я снова попал в разведбатальон, но служил уже при штабе писарем. Сначала мы были в зимних казармах, но потом нас перебросили в летние лагеря, расположенные неподалеку от города в Монастырском лесу. 18 июня 1941 года мы оставили лагерь. Под видом тактических занятий продвигались на запад, по направлению к границе. 22-го под утро после тактических занятий, мы расположились в лесу на отдых, под городом Шепетовка. В 10 часов утра, по приказу командира части, по тревоге выстроили весь наш батальон. Командир части объявил, что началась война, и призвал всех солдат и командиров храбро сражаться с врагом. Мы поклялись перед строем, что сдержим слово присяги, будем стараться не щадя жизни и крови за Родину.

После обеда мы двинулись на запад к границе, где уже шли жестокие бои. 25 июня наша часть расположилась в городе Кременец, за которым шёл бой. Оружия и боеприпасов было мало; в танковой роте было 3 учебных танка, в бронетанковой – 3 бронемашины, в мото роте несколько учебных мотоциклов и также в остальных ротах, во всем были недостатки. Посменно, ротами, ходили в оборону и отражали атаки противника. Винтовка была одна на двоих в случае, если один выходил из строя оружие забирал другой. Воентехник уехал за техникой, он, как нам объявили, должен вернуться дней через пять. Но мы продержались дней десять, однако его не дождались. В Кременце было большое скопление наших войск всех родов. В этом направлении противник сосредоточил большое количество техники, преимущественно танков, которые пошли в наступление с правого и левого флангов, стараясь нас окружить.

Наши войска под прикрытием некоторых частей стали отступать, немцы нас теснили со всех сторон, обстреливая из разных видов оружия, а с воздуха непрерывно бомбили, стараясь рассеивать и сметать наши войска. Мы находились в незамкнутом кольце, которое время от времени сжималось, и должно было сомкнуться. В сплошной суматохе, в дыму, под непрерывным огнем, через несколько дней, полу-обезоруженные, голодные и изнуренные боевые части нашей армии были до некоторой степени расстроены, в том числе и наша.

Я, стараясь выйти из окружения, чтобы не попасть к фашистам в плен и принять боевое участие в сражениях уже под Киевом, заметил наши танки, ведущие обстрел наступающих немецких войск и, осведомившись у танкистов о сложившейся обстановке, рассказал им свое положение. Мне посоветовали обратиться к воентехнику. В экипаже, которым он командовал, не хватало пулеметчика, он же и был командиром взвода. Я обратился к нему с просьбой, и он меня тут же принял с радостью в свой 31-й экипаж. Танк был марки 26, экипаж его состоял из шести человек, вот только тогда я почувствовал себя настоящим и крепким солдатом и от души старался оправдать оказанное мне доверие.

Презрение и ненависть к врагу чувствовались во всем нашем народе. Весь народ не мог смотреть спокойно на гитлеровских разбойников, разрушающих священные исторические памятники, творящих разбой, насилие, смятение, уничтожение и поругание нашего народа. Об этом я коротко по силе возможности писал в своих воспоминаниях, о давно уже минувших, но памятных суровых днях войны. С той поры прошел уже 31 год, но ужасы ее до сего времени

больно отзываются в наших сердцах. Особенно в тех, кто пережил и испытал всем своим существом всю ее тяжесть, и как хотелось бы забыть эти кошмары, но они невольно сами собой приходят на память. Даже и ночами снится нам, нарушая наш покой, но как не хотелось бы вспоминать об этом. Однако я пишу для тех, кто еще не осознал и не испытал на себе все те пережитые нами искушения, кто еще не осознал ужаса войны, кто не дорожит миром и не борется за мир.

Пусть все эти люди знают и понимают, что весь наш народ, от мала до велика, не хочет войны, и все разумные люди боролись, борются и будут бороться за мир и спасение человечества на земле. Я надеюсь, что для них мои тяжелые воспоминания будут уроком, чтобы каждый понял ужасы войны, ценил красоту мира и спокойствие на земле, а вместе с тем старался бы всеми силами сохранить эту красоту мира».

Медведева Валентина Николаевна⁴²

Моя бабушка,
Медведева Валентина
Николаевна, родилась 18
февраля 1935 года. В годы
войны жила в городе
Харькове. Ее семья состояла
из четырех человек: папа,

мама, сестра и она. Она узнала о войне, когда ей было пять с половиной лет. В доме был радиоприемник, коричневый с золотистой тканевой вставкой, по которому постоянно передавали новости и патриотические песни. Именно из сообщения по радио бабушка и узнала о войне.

Валентина Николаевна вспоминала, что военная тревога чаще всего была ночью. Немцы освещали город ракетами, и поначалу детям казалось, что это праздничный салют. Однажды днем низко над их улицей, прямо над играющими детьми, пролетел немецкий самолет, наверное, разведчик. Самолеты в то время были редкостью, и дети кричали: «Аэроплан, аэроплан, посади меня в карман, а в кармане пусто, выросла капуста», – тогда было много таких детских довольно глупых песенок. Летчик начал стрелять, дети заметались, один осколок попал в

⁴² Моя семья во время Великой Отечественной войны (на основе воспоминаний Медведевой Валентины Николаевны) / Гриценко Анна Олеговна, учитель истории и права, НОУ гимназия «ЛИК-Успех», г. Ставрополь // Внуки о дедах-героях: Моя семья на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны: сборник СКФУ. – Ставрополь, 2015. – С. 61–66.

Фотография не имеет отношения к данному рассказу, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

забор прямо над головой ее сестры – чудом осталась жива. Кто-то из взрослых даже вынул осколок из забора. Всю свою жизнь бабушка хорошо помнила ухмыляющееся лицо летчика, его шлем.

Морально к войне никто готов не был, и все восприняли ее по-разному. Одни думали, что это быстро закончится, другие были готовы к продолжительным военным действиям. Никто не ожидал такого кровопролития и жестокости в отношении к мирному населению, даже к детям и женщинам. Все вокруг находилось в постоянной тревоге, и маленькая Валентина не всегда понимала, что происходило вокруг нее, но всегда думала, что быстро закончится. Что это всего лишь сон.

Большинство наших родственников уходило на фронт добровольцами. Уходили не только мужчины, но и женщины. Все хотели сохранить свои семьи, защитить своих детей.

Письма сама бабушка не писала, но была счастлива, когда их получала! Это были не просто письма, а частички родных для нее людей, которых так не хватало в тот момент. Когда приходил почтальон, оставшиеся в тылу люди не знали, какие вести он принесет, всегда ждали его с трепетом и тревогой.

Похоронки приходили, но не часто. Бывало, что очень долго не было известий о родных, но во всех сердцах жила надежда, что с ними все хорошо.

Во второй половине августа 1941 года Валентина Николаевна с семьей собрались уезжать. Родители сказали, что поедут в Киев к бабушке. Сестренки очень радовались, думая, что будет, как раньше, в мирное время. Уезжали же на последнем гражданском поезде, и взрослые уже знали: уезжали под бомбы.

Бабушка вспоминала, как неожиданно из Киева им приехал помочь с эвакуацией мамин брат. Родители мамы уже эвакуировались, младшего братишку вместе с училищем отправили куда-то рыть окопы, и никаких вестей от него не было.

С фабрики за семьей прислали машину, отвезти их на вокзал. Они взяли с собой вещи, подушки и одеяла, ковер и самовар. Свои игрушки в книжки сестры сложили в чемоданчик и сумку, а в поезде обнаружили, что все это в спешке забыли дома, и долго плакали. Большую часть вещей пришлось оставить, не говоря уже о мебели.

Ночью, когда поезд бомбили, все выбегали из вагонов и прятались в ближайшем лесочке. Крыша вагонов была вся изрешечена пулями, и когда пошел дождь, на полу стояла вода. Бомбили их поезд постоянно, разрушив так, что дальше ехать он не мог. Мало кто выжил из пассажиров. Они доехали до Воронежской области.

Я помню, Валентина Николаевна говорила, что они долго сидели рядом с железной дорогой. Ехать было не на чем, пассажирских поездов больше не было. Никаких.

Наш дядя сумел посадить их и еще две семьи – женщин и детей, в эшелон с углем. Так и ехали они дальше на кучах угля. Потом пересели в состав, перевозивший трубы, и ехали в стальной трубе большого диаметра. От металла было очень холодно, сквозило.

Ели только то, что добывал наш дядя. В основном картошку. Поменяли на еду почти все вещи. Однажды им пришлось ехать на платформе с танком. Нашлось местечко для них, конечно, под открытым небом.

Затем семья ехала на товарном поезде, но уже и под крышей, и без бомбежек. Так они добрались до Казани, а оттуда речным трамвайчиком до Звениговского Затона, маленького городишки, где жила ее бабушка и мамина большая родня. Добрались до своих впроголодь, грязными, оборванными, почти без вещей, но живые, только благодаря маминому братишке, а моему дяде.

Валентина Николаевна вспоминала: «Я до сих пор помню первый ужин у родственников. Картошку с жареными грибами и хлеб с молоком. Это была настоящая еда. Мы остались у бабушки дожидаться вестей от папы, а дядя уехал к родителям на Урал, где его сразу забрали в армию. Он прошел рядовым всю войну, освобождал Прагу. Я и моя семья ему очень благодарны».

Когда они жили у бабушки, то делали почти всю домашнюю работу: помогали на огороде, следили за животными. Валентина должна была смотреть за своей сестрой, так как мама была постоянно занята.

В школу Валентина Николаевна не ходила. На обучение просто не было времени, да и сил. Читать и писать научилась поздно, только в десять лет. Хотя очень хотелось. Книг и тетрадей не было. В ее семье книга и тетрадка были очень ценны.

В свободное время она ходила в госпиталь, расположенный недалеко от их дома, навещать раненых солдат. Она приносила им парное молоко, которое мама давала ей с утра, картошку, хлеб, яблоки. Хотя в семье еды было немного, они помогали солдатикам, как могли.

В госпитале Валентина Николаевна помогала санитарам и медсестрам. Она стирала бинты, подавала воду, поправляла постельное белье, а иногда просто садилась возле кроватей и разговаривала с ранеными.

С соседскими девчонками они периодически устраивали концерты для солдат. Девочкам хотелось хоть как-то сгладить их боль, а ещё

больше хотелось увидеть на лицах чуть заметную улыбку. Уже в этом раннем возрасте они осознавали, что их помощь очень востребована.

Питались они плохо. Валентина Николаевна вспоминала: «Вкусным лакомством для меня была жареная картошка, горячий хлеб и парное молоко. Я не помню, чтоб мы ели мясо, может быть, и ели, но, видимо, очень редко. В основном питались огурцами, помидорами, яблоками. То есть только тем, что у нас росло на огороде и в саду. Иногда нас мама баловала, и мы ели что-нибудь сладкое. Эти дни помню очень хорошо, так как очень их любила и ждала».

У них почти не было одежды и обуви. На лето мама старалась шить ситцевые сарафаны, а сестра донашивала одежду за бабушкой. Когда Валентина Николаевна надевала новое платье, то сразу бежала в госпиталь, чтобы поделиться радостью, и встречали там улыбками и комплиментами.

Мама всегда следила, чтобы, несмотря на бедность, дома всегда было чисто.

Купаться мы ходили на пруд, расположенный недалеко от дома. Это происходило не очень часто и, возможно, поэтому было большим развлечением для детей. Только во время купания дети хоть ненадолго забывали, что идет война.

Добыть лекарства было очень трудно, поэтому старались не болеть. Но если все-таки простужались, лечились народными средствами. К врачам не ходили – их и так не хватало. А работающие в госпитале были постоянно заняты ранеными.

Валентина Николаевна говорила: «Ярких воспоминаний у меня нет. Я могу рассказать только об одном случае, который запомнила на всю жизнь. Именно он оставил неизгладимое впечатление в моей душе. Это когда пришли фашисты и подожгли наш дом. Мне стало страшно не от того, что нам негде будет жить, а оттого, что папа нас потом не сможет найти. Мы начали тушить пожар, и одновременно вытаскивать наши вещи из дома. Я видела ужас на лице матери и одновременно бессилие от усталости, от плохого питания и постоянного недосыпания. Когда мы с помощью соседей потушили пожар, нашей радости не было предела. Мама радовалась тому, что мы не остались на улице, а я тому, что все-таки увижу своего отца.

Сны я конкретные не помню, но помню лишь, что в основном мне снился папа, пища и то, что война закончилась и мы все вместе».

Мама долгое время хранила письма с фронта, постоянно их перечитывала. Они не сохранились. Я даже не знаю, куда потом подевались. Фотографий у нас не было. Бабушка вела дневник, где

писала свои воспоминания и впечатления, но, к сожалению, он был потерян во время переездов.

Сейчас мама часто болеет, и многого не может вспомнить, так как с возрастом дали о себе знать последствия войны.

Гусева Евдокия Лазаревна⁴³

Я думаю, в каждой семье бережно хранятся письма, фотографии, ордена, ушедших на фронт во время Великой Отечественной войны родственников. Из поколения в поколение передаются рассказы об их подвигах. Есть такие истории и в нашей семье. Мы собираем по крупицам сведения о судьбах родных и бережно храним их. Прабабушка рассказывала, как они жили и боролись в то страшное время, во что верили, что помогало сохранить им надежду и внести свой, пусть небольшой, но такой ценный вклад в Победу.

До войны мой прапрадедуська Гусев Федот Андреевич, уроженец села Жуковского Песчанокопского района Ростовской области, занимался мирным трудом – выращивал хлеб. Он ушел воевать с первых же дней войны. Ночью, когда Федот Андреевич работал в поле, убирая урожай, к нему прискакал всадник и вручил повестку. Единственное, что он успел сделать, перед тем как отправиться защищать Родину, это попрощался с женой и детьми и взял краюху хлеба и кусок сала...

Мой прадед погиб в том же 1941 году рядом с хутором Топольки.

Прабабушке пришла похоронка. Позже очевидцы рассказали, что в тяжёлом бою он получил несовместимое с жизнью ранение в живот. Его не смогли спасти. После боя похоронили в братской могиле вместе с другими воинами. Память о нём мы до сих пор храним в наших сердцах. И каждый год 9 Мая мы возлагаем цветы к Мемориалу памяти в селе Жуковском Ростовской области. Во втором ряду четвертым сверху высечено имя моего прадеда – Гусев Ф. А. Имя моего прадедуськи увековечено еще и в «Книге Памяти» Песчанокопского района.

⁴³ Федищева Елена Андреевна, учащиеся МБОУ лицей № 15 г. Ставрополь. Небольшая история из жизни нашей семьи // Внуки о дедах-героях: Моя семья на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны : сборник СКФУ. – Ставрополь, 2015. – С. 66–67.

Моя прабабушка, Евдокия Лазаревна Гусева, до сих пор живет в том же селе. Она родилась в 1930 году. Когда началась война, ей было 11 лет. Для неё, как и для других «детей войны», детство закончилось 22 июня 1941 года. Их дом, который по сей день стоит на окраине деревни, выходил огородом к реке. Однажды она заметила в камышах молодого солдата. Он не мог идти дальше, потому что его ноги были разбиты в кровь грубыми сапогами. Он оказался разведчиком, передававшим по радиации сведения о расположении вражеских войск. Взять его в дом не могли, потому что в селе были немцы. Бабушка носила ему еду и питьё в камыши, а ещё отнесла носки, чтобы легче было идти.

Именно он и рассказал ей, что скоро село освободят. Ещё она постоянно носила еду в поле, где работали оставшиеся в деревне женины, старики и дети. На их долю выпало немало работы. Они, не останавливаясь, тащили за собой плуг, распахивая землю. Это всего две истории из достаточно большого количества рассказов о моих родных, как они жили в период Великой Отечественной войны.

Мои бабушки и дедушки не были героями. Они просто выполняли свой долг. Но для меня они всегда будут героями, неважно с орденами или без.

Таценко Николай Иванович⁴⁴

Война застала нашу семью в станице Кардоникской Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области.

Когда мы до войны поселились в этом селе, папа, плотник, сделал домик такой, турлучный. Турлучный – это столбы ставятся, потом в лесу вырубается речник, таволги, прутья вот такие вот и потом их плетут, а потом замазывают глиной. Эти

дома и сейчас стоят.

Мама ходила в огородни (полеводческая бригада), они выращивали там овощи: помидоры, огурцы, салаты, лук и так далее, а папа плотницкой работой занимался. В своё время в станице Кардоникской жили три родные братья отца: Егор, Пётр и Алексей.

⁴⁴ В статье представлены авторский рисунки.

Когда мама приходила, у неё было картошки немножко, может быть, морковочка, может быть, помидорчик. Там, где она работала, в летнее время производили посадки, выращивали, а в зимнее шла переборка этих овощей и фруктов, и потом ещё мама приносила мёрзлый картофель оттуда домой. А мы его тёрли на крахмал. Его можно было использовать на кисель и делать оладушки. Их называли картофлянк. И потом ещё этот крахмал перетирали в муку или крупу пересеевали и оладушки делали. Мне запомнилось, она приносила свеклу сахарную, разрежала её на стёжки и потом на сковородке обжаривала и у нас получались конфетки.

На фронт из моих родственников первым ушёл дядя Жора (Егор).

У мамы было 12 детей. Папа ушёл на войну. Пришёл с войны, а осталось четверо детей: я, сестричка, старшая сестричка и братишка.

Жена вспоминала: «Когда я приходила, мама его всегда плакала. Я к ней подошла и говорю: „Ой, ну что Вы всё время плачете?“ А она говорит: „Я не знаю, как он остался жив. Он всё под кустом лежал, всё под кустом. А я ему нажую всегда в тряпочку...”».

Мама во время войны работала, а старшему братику было 10–11 лет. Он тоже ходил в бригаду. Он быков подгонял или лошадей. Что примечательно, он там где-то находил (в горе Джингур по плоскогорью были зарыты) просо, пшеничку, и вот он там выкапывал. Оттуда же мог приносить и кукурузу.

В памяти всплывают разные эпизоды того периода.

Мы с Аллой, сестричкой (она 1937 года, я 1939), были не совсем большие дети. У нас стоял колодец во дворе, могли окунуться, и если они не вытащат (мама или братишка), то мы не сможем крутить. Оставались мы вдвоём дома и, чтобы каким-то образом добыть эту влагу, мы языком её слизывали.

Я припоминаю что, когда немцы вошли в станицу Кардоникскую, они начали наводить свой порядок. Ходили по улицам, проверяли, нет ли здесь каких-то партизан. Помню, они заходили к нам в дом. Мама рассказывала, что они не все такие звери были. Воевали, а у них же тоже семьи остались дома, дети.

А когда румыны обходили свои посты, слышно было, как они кричали «алкет», «алпан» и свисток.

Был такой период в нашей семье, что меня отдали на зимовку каким-то людям. Я жил в какой-то семье, я их даже не помню, но благодарен им. Когда они уходили на работу, меня замыкали в этом домике, а я в окно выглядываю (дорога выходила на улицу), и там же такие ребяташки, как я, или чуть постарше в футбол гоняли. Обычных мячей не было, были самодельные, сделанные из тряпок. Они на улице гоняют этот мяч, а я выглядываю.

Недалеко маслозавод был. Как рассказывали, когда войска наши уходили со станицы и подходили уже немцы, в этот промежуток народ кинулся на этот завод, чтобы унести необходимое для своего питания. Вот у таких людей я тогда жил. Я этим людям благодарен.

Немцы, когда приходили, проверяли, кто здесь обитает, кто где прячется там, где мы жили. И даже как-то давали конфеты...

У них была территория, где они должны были проводить осмотры. Мне запомнился тот момент, когда парашютист какой-то национальности опускался. Он был ранен. Он опускается, и кровь бежит с него...

Закончилась война, папа вернулся с медалями. Я помню младшего братика Петю, он родился уже после войны, был маленький и болезненный – рахит.

Когда папа пришёл с фронта, мы переехали в другое место, в село Красный Октябрь. Дядя Петя, папин младший брат, он без ноги пришёл, ранение у него было, и потом он с деревянной опорой ходил. Папа пришёл с ранениями в грудную клетку, с вырванным пальцем. Он плотничал, на ферму ходил.

После войны мы борщ с крапивой делали, с лебедой, потом

«кашку» ели, она по улицам растёт. Её ешь, и вроде как-то сбивает аппетит. Когда папа приехал, он работал на ферме, и там у него были быки. Были моменты, когда мы выезжали в лес – груши собирали дикие. Домой

привозили и сушили их.

Когда война закончилась, мне было 7 лет. В селе Красный Октябрь я пошёл в школу (1–2-й класс я там закончил), потом оттуда родители переселились на Кубань. От Карачаевска вверх по Кубани там был лесозавод, и мы с мамой и папой жили там в землянке (это где-то 5 км от Карачаевска). И я оттуда уже в 3-й класс ходил в Карачаевскую школу. Тогда этот город назывался Клухорье. И вся область: Карачаевск, Теберда, потом речка Мура – относилась к Грузии, до верхнего перевала, который у нас здесь. А сейчас это Карачаево-Черкесия. А мы жили на этой стороне, которая относилась к Ставропольскому краю. И лесозавод, это когда уже Сталин ушёл из власти, в 1953 году, и вся эта область перешла к Карачаево-Черкесии. Всё осталось, и город Клухорье стал называться Карачаевск.

Я в школу продолжал ходить в город за 5 км, в 3-й класс ходил я. Сестра моя старшая, Федора, была уже замужем, на Эльбрусском руднике жили. Там были еще населённые пункты рудника: Школьный, Худес, Рудник, Поляна и Южный. И они там жили, и я ходил к ним, поскольку родители жили на горе, где школы нет. Закончил я во время учёбы 8 классов. Потом уехал в Иноземцево – там брат в педучилище учился, и я к нему – пошёл снова в 8-й класс, поскольку, когда Грузинская ССР была, мы грузинский язык там изучали, и у нас было там 11 классов.

Когда я в 9-й класс пошёл, я уже пошёл работать в шахту. Родители переехали из села Нижняя Мора в посёлок Маркопи – посёлок шахтёров (это от Карачаевска где-то 5 км), и папа тоже там дом построил. Но там не было школы, и поэтому я у сестры жил и всё время в школу ходил, в вечернюю, и работал в шахте. Днём работал в шахте, а вечером ходил в школу.

Глазами Детей войны

Закончил 9-й класс и пошёл в армию. После армии продолжил учиться в вечерней школе и работал в шахте. Но, правда, в вечернюю школу пришел уже в ноябре месяце, хотя учебный год начался в сентябре. Мне говорят: «Так и так, уже время прошло». Я: «Буду догонять. Пустите меня в 10-й класс».

Закончил школу с серебряной медалью. Когда огороды начали выделять, то там сажали уже картофель. Папа работал на ферме, он брал нас, мы ездили в лес и там собирали груши. Когда груша падает, она становится бурой. Их называли «глынычки» – они бурые, но они не пропавшие, и потом дома была сделана грушо-печка: эти груши мама

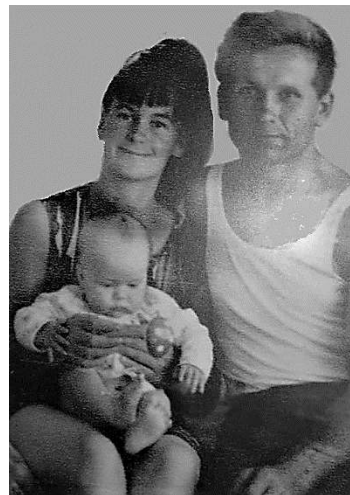

перебирала, откладывала те, которые уже начинали буреть, закладывала в печь и сушила. Таким образом, она их перерабатывала.

Когда я закончил вечернюю школу, поступил в Ставропольский сельхозинститут на механический факультет. Сейчас это университет. Я там учился, как положено, 5 лет. По диплому я инженер-механик.

По окончании института проходило распределение. Приехали к нам «купцы» со всей России, как обычно: Ростов, Новгород, Новосибирск, Дальний Восток, по Ставропольскому краю тут тоже все. У нас с женой уже были «направления». Мне дали направление в НИИОК (Научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства). Этому научно-исследовательскому институту принадлежали населённые пункты Ручейный, Цимлянск, учхоз и несколько бригад. Попросил, чтобы и мою жену направили вместе со мной. Мы жили в Цимлянске, а в первой бригаде я был инженером-механиком. Два года отработали мы, и вот с 1969 года прибыл я сюда, в Ессентуки.

Когда я приехал, то работал в Кавминводско-транспортном управлении. Сейчас в этом здании медицинское училище, а раньше было это управление. Вначале было пассажирское предприятие, базировалось на 2-м этаже, а потом здание построили и сюда я перешёл. И вот с 1969 года я здесь работал.

Начиная с 1969 по 2006 гг. я был секретарём участковой избирательной комиссии. На пенсию я вышел здесь, с этой своей специальности.

У нас двое детей и трое внуков.

Демченко Галина Степановна

Демченко Галина Степановна родилась 28 января 1941 г. в селе Сотниковское Бурлацкого района (Благодарненский район). Её отец, Чапкий Степан Климович, всегда занимал руководящие

должности, работал председателем райисполкома села Сотниковского. Мать, Чапкий Антонина Федоровна, заведовала детским садом и воспитывала четверых детей: Раису, Таисию, Василия и Галину. Но вот и для этой семьи наступили трудные дни. Галине исполнилось всего пять месяцев, когда началась Великая Отечественная война. Отец её ушёл добровольцем на фронт 27 июня 1941 года, то есть на пятый день войны, оставив дома жену и детей, шестнадцати, десяти, трех лет и пятимесячную дочку.

Галина Степановна вспоминает: «В холодное время года топить было нечем, стены в доме были покрыты льдом от постоянного холода, старшие дети собирали курай (перекати-поле), им и растапливали печь. Вся семья спала на русской печи, потому что это было самое тёплое место в доме. Сестре Таисии выпало на долю растить малышей, так как мама и старшая сестра Раиса работали в колхозе. Есть было совсем нечего. Будучи ещё совсем ребёнком, Тая собирала семена щавеля, сурепку, пастушью сумку и готовила нам незаурядную еду, перетирала растения и семена, пересыпала их отрубями и пекла оладьи. А если туда добавляли чуть жмыха, для нас тогда был настоящий праздник. Мы, дети, его очень любили. Еще она варила мамалыгу из того, что было дома. А вот мама готовила «квашу», что это за блюдо и из чего оно было приготовлено я до сих пор не знаю, но вкуснее лакомства я на тот момент не знала.

Между уходом за младшими детьми сестрёнка работала няней в детском саду и училась в школе. Ходила с малышами получать хлеб по карточкам, детям полагалось семьдесят пять граммов, а взрослым сто. Мы, дети, стояли у прилавка и ждали, когда на столе появятся долгожданные крошки хлеба, маленькими ручками мы их собирали и съедали, постоянно плакали, потому что очень хотелось есть! Пока они дойдут до дома, Тая отдаст нам свой кусочек хлебушка. Вася всё время плакал, он быстро рос, и ему требовалось хорошее питание, этих семидесяти пяти граммов ему не хватало. Обливаясь горячими слезами, он просил почерневшими губами: «Дайте хоть что-нибудь покушать». А в доме не было ни крошки. Тогда Тая взяла Васю за руку и повела к соседке Брыкиной. Детей в этой семье не было, а за доброту и отзывчивость вся улица звала их папанькой и маманькой. Сестра со слезами попросила: «Маманька, покорми Васеньку, а то он умрёт». Вася был спасён. А я, только научившись лепетать слова, просила: «Няня, дай лебя люком», то есть хлеба с луком. Это лучшее, что было на тот момент в доме.

На фронт Тая написала отцу письмо: «Папа, ты бей врага на „отлично“, а буду учиться на „отлично“». И выполнила обещание, училась на «отлично». Когда папа прислал первое письмо с фронта, то очень попросил прислать ему семейную фотографию. И вот в ближайший воскресный день Антонина Фёдоровна, одев детей в лучшие наряды, повела их к фотографу. Фотографировала женщина, муж которой тоже ушёл на фронт, но научил жену своему делу, чтобы кормить семью. Получив фотографию, папа срезал её края, положил в партийный билет и носил в нагрудном кармане гимнастёрки. Эту фотографию он принёс с войны домой, и она теперь хранится на почётном месте в нашем семейном альбоме.

Старшая сестра Раиса натерпелась тоже немало бед. Работала в колхозе, а потом вместе с призванной молодёжью, в 1942 году она два месяца копала противотанковые рвы где-то под Моздоком. Вернулась домой с израненными руками, которые были перевязаны тряпками. И мама парила ей их травяными отварами, прикладывала листья подорожника, пока они зажили. После освобождения села Сотниковского от немецкой оккупации, в январе 1943 года, Рая работала

Глазами Детей войны

в паспортном столе, а с образованием Малокарачаевского района была приглашена на работу на почту. Война с фашистской Германией обрекла наше детство на голод и холод. Но было и счастье: наша страна одержала

Победу, вернулся с фронта отец и принёс нам целую буханку хлеба, вот тогда мы наелись его вдоволь. Галина Степановна вспомнила, как они повстречались с отцом. «Мы с Васей стояли у ворот. К нам подошёл военный и спросил:

– Вы чьи? – Чапкий. – А где ваша мама? – В поле. – А где ваш папа? – На войне. – Я ваш папа. – Нет, наш папа на комодке. – Покажите!

Дети повели его в комнату и показали фотографию, которая стояла на комодке. За боевые заслуги наш отец был награждён орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

Вернувшись с фронта, Чапкий Степан Климович продолжил работать председателем райисполкома, а в 1952 году он был направлен на партийную работу в Степновский район.

А мама занималась хозяйством, была домохозяйкой. Старшая сестра вышла замуж, а мы учились в школе. Опять же Тая ходила к нам на уроки, следила за успеваемостью и помогала нам с учёбой. Словом, и тогда уже была учительницей. После школы она поступила в

Ставропольский институт на филологический факультет. После вышла замуж и уехала с мужем в Белоруссию. По воле судьбы она потом вернулась в своё родное Ставрополье,

работала в Зеленокумской колонии, преподавала там русский язык и литературу, потом в Калмыкии. А после вернулась в село Соломенское, в Соломенской школе номер пять занимала должность директора, а

также преподавала русский язык, литературу и историю, а после организовала работу школьного музея, и до последних дней отдавала себя своему любимому делу. Брат Василий окончил школу, отслужил в армии, женился и всю свою сознательную жизнь проработал в городе Зеленокумске на заводе «Электроаппарат».

А Галина Степановна в 1958 году окончила десять классов и работала в Соломенской средней школе № 10 старшей пионервожатой. Галина Степановна мне рассказала, что пионерская комната находилась в землянке рядом с церковью, в одной комнате был буфет, а в другой – наша пионерская. «Детей было всегда полным-полно. Мы проводили сборы, линейки. У нас всегда была хорошо налажена тимуровская работа: каждый отряд знал, кому из стариков требовалась помощь: вымыть полы, подмести во дворе, вскопать огород.

Мы ухаживали за могилами погибших воинов, которые находились возле сельского совета, встречали мать лётчика Додонова, который был захоронен в нашем селе. Дружина нашей школы носила имя Павлика Морозова. 19 мая, в день Пионерской организации, обязательно проводился

костёр. Ребята собирали хворост, выкладывали на земле звездой, а вечером был большой концерт у костра. Вожатых часто вызывали на семинары в Воронцово-Александровск (ныне город Зеленокумск). Там пионервожатых многому учили. Пионерская дружина нашей школы была на хорошем счету, нас приглашали на районные слеты, которые проходили на стадионе в селе Воронцово-Александровском. А в Отказном, в лесу, – и это очень нравилось детям – ребята учились ставить палатки, участвовали в различных конкурсах».

В 1960 году Галина Степановна уехала на учёбу в Минераловодское педучилище (посёлок Иноземцево). После его окончания вернулась в родную школу снова пионервожатой и, проработав три года, начала новую трудовую деятельность учителем начальных классов. «В педучилище я многому научилась, и жизнь в дружине стала ещё интересней, – вспоминает она. – Потом в 1964 году вышла замуж за Демченко Григория Алексеевича. Он был очень хорошим человеком. У нас родились три дочери: Марина, Светлана и

Елена. Но они не пошли по моим стопам, а все три окончили Кисловодское медучилище. Работала педагогом до 2000 года. Работа для меня была в радость».

«27 марта 1990 года, – рассказывает Галина Степановна, – впервые в нашем районе проводился конкурс „Учитель года”, в котором я заняла первое место. Имею много почётных грамот и благодарственных писем.

Галина Степановна за свою педагогическую деятельность была награждена знаком «Отличник народного просвещения».

А награды моего папы мы решили передать по мужской линии тому, кто носит фамилию Чапкий. Им оказался его внук, Чапкий Александр, внук Василия, а он теперь их показывает своим сыновьям Игорю и Илье.

Сейчас я думаю, что работа была для меня счастьем: с детьми я „доиграла”, „додумала”, „познала” то, чего не получила в детстве в суровые военные и послевоенные годы», – с улыбкой заканчивает свой рассказ Галина Степановна.

Кульчаева (Кимова) Вера Андреевна⁴⁵

Родилась я 24 апреля в 1936 году. До войны с родителями жила в селе Конзавод (племенное) Минераловодского района Ставропольского края. Мама была домохозяйкой, а папа работал сапожником в мастерской.

О начале войны мама ничего нам с братьями не говорила, как могла, оберегала,

⁴⁵ Вторая фотография не имеет непосредственного отношения к статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

мне тогда было пять лет, и я мало что помню. Папу на войну не взяли, так как он был инвалидом с детства – случайно выколол себе глаз, а вот дедушка и его брат ушли на фронт, от деда нам тогда приходили письма.

В военное время мы с родителями жили в Терском племенном конезаводе. Помню, как мама запрещала мне выходить из дома, так как только двери откроешь, а на улице пули свистят, но я была маленькой и не понимала опасности, поэтому и не очень боялась. С младшим братом и его другом бегали на улицу играть. Один раз они нашли гранату и вырвали чеку. Брат только успел крикнуть: «Ложись!», но нам повезло,

только у его друга были небольшие царапины.

Немцы, румыны, итальянцы стояли у нас в поселке. Отличали их мы только по военной форме. Нас, детей, они не обижали, а вот отца дважды чуть не

расстреляли. Раз как-то немцы привезли ему очень много обуви для ремонта, а он закрыл свою мастерскую и пошел помогать женщинам с уборкой на полях. Другой раз он ослушался приказа немцев и не пришел в назначенное время в комендатуру, но все обошлось, они его не тронули. В школу я пошла с 7 лет, еще во время войны. Детей было мало, сидели за партами все вместе с 1-го по 4-й класс. После войны в школе готовили обеды, тогда было много кукурузы, варили мамалыгу.

В 1943 году зимой в Новый год мы, дети, пошли подсматривать в окна за немцами, как они наряжают новогоднюю елку. Но родители нас быстро увели домой, мы так ничего и не увидели.

Над селом часто летали самолеты, видела, как однажды из советского самолета по направлению к горе Змейка высадился парашютист. Немцы это тоже увидели и на мотоцикле поехали за ним в том направлении, но наши успели его спрятать.

Ушли немцы с конезавода в новогоднюю ночь, перестрелки не помню, но утром на дороге нашли разбитую машину с продуктами, вернее все, что от них тогда осталось.

После объявления по радио о Великой Победе над фашисткой Германией, люди плакали от счастья, радовались, обнимались, эмоции у всех разные были. Победу отмечали как большой праздник – накрыли

один общий огромный стол, на который каждый принес все то, что у него было.

Домой с фронта вернулось очень мало мужчин, а те, кто пришел, были ранены, потеряли руки и ноги. Дедушку и его брата мы не дождалась, они погибли на фронте. В нашей семье только у папиного отца шестнадцать братьев родных и двоюродных, которые были участниками Великой Отечественной войны. Один из них, несмотря на свои боевые ранения, дожил до глубокой старости.

В 1949 году мы переехали жить в Сталинский конезавод под Кисловодском. Я там закончила десять классов и поступила в Нальчинский педагогический институт. Потом у меня заболела мама, и я после первого года обучения перешла на заочное отделение, что позволило мне ухаживать за ней. Поскольку мама была против моего дальнейшего обучения, я вышла на работу, сначала занята была в сельском хозяйстве, затем работала учителем, кассиром, газовым учетчиком. Совместных фотографий с родителями у меня не сохранилось.

Молодому поколению желаю чистого неба над головой, здоровья и успехов во всем.

Бровенко (Аникина) Целагея Павловна⁴⁶

Родилась я в 1936 году, 10 октября. Во время войны мне было пять лет, мы проживали в хуторе Власов Селевского района Ростовской области, недалеко от Волгограда. Мама работала в колхозе, а отец, Аникин Павел Арсентьевич, был главным бухгалтером.

Самого объявления начала войны я не помню, но когда отца забирали на фронт, он меня отнес к соседям, думаю, для того чтобы я не слышала, как плачут мама и бабушка.

После ухода отца на фронт, я осталась в своем хуторе с мамой и бабушкой. Как можно оценить свою жизнь? Смогла ли я реализовать себя в полном понимании этого слова? Скажу так: сидела я пяти-

⁴⁶ Вторая фотография не имеет непосредственного отношения к статье, взята из сети ИНТЕРНЕТ.

шестилетняя девочка на окошке и пела песню: «Сорока белобока, научи меня летать. Ни далеко, ни высоко, лишь бы папочку увидеть».

Поскольку всех здоровых мужчин забрали на фронт, женщинам пришлось пахать, сеять, работать на тракторе. Немцев на хуторе не было, но самолеты постоянно летали над нашими головами. Когда были бомбежки, мама заворачивала меня в одеяло и прятала в подвал. Было

очень страшно. Мама плакала. Помню во дворе стоял огромный румынский танк. Румыны детей кормили конфетами. Солдаты даже оставили нам свою шинель, из которой мама сшила мне

пальто, после войны я ходила в нем в школу, а из плащ-палатки был у меня сарафан. По моим понятиям, румыны, находившиеся у нас на хуторе, должны были помогать русским⁴⁷, но они почему-то забирали у людей мясо, молоко, яйца. Мама нам на отработанном тракторном масле готовила травники вперемешку с отрубями.

В 1942 году пришло извещение о том, что отец пропал без вести. В последнем письме он писал о том, что они двигаются по направлению ближе к дому и советским позициям. Отец на фронте был командиром взвода. Бабушкин пасынок также не вернулся с фронта.

Сообщение о Победе было большой радостью, кто-то плакал, кто-то обнимался. В поселок после войны вернулись только два человека, и те инвалиды.

Если бы папа был жив, у меня сложилась судьба совсем по-другому.

Образование у меня 6 классов, в школу пошла с девяти лет. Школа находилась за два километра от поселка. Отапливали школу дровами, было очень холодно, а ходить было не в чем. Мы поговорили с мамой, и она сказала мне не ходить в школу. С 14 лет я начала работать в колхозе, а в 16 лет я получила паспорт и устроилась на молокозавод. Потом в 18 лет уехала в город Шахты, где была шахтером-мотористом, затем четыре

⁴⁷ Это детское заблуждение. На самом деле Румынские войска принимали участие в боях на восточном фронте вместе с германскими.

года проработала в Астрахани на рыбном комбинате. Довелось мне поработать поваром в колхозе и в больнице.

После войны я вышла замуж, родила двоих сыновей. Муж часто выпивал и распускал руки. Есть фотография, где я маленькая с мамой, но она осталась дома у сына, а сохранена она или нет, я не знаю.

Следующим поколениям желаю мирного неба над головой. Учитесь, приобретайте специальность и берегите своих близких.

Чернова (Быкова) Таисия Михайловна

Родилась в с. Арзгир в 1944 году в бедной семье рядовых колхозников. Отец умер рано, после войны. В семье осталось шестеро детей. Был сильный голод, холод. В школу не могли ходить, потому что не в чем. Ловили сусликов. Ещё собирали колоски. Тем и кормились.

В школе закончила только 5 классов и в 11 лет пошла работать: нанималась в няньки. Нянчила детей в зажиточных семьях, пасла коров. Платили продуктами. Тогда денег как таковых не было: кто хлеба даст, кто муки.

В 13 лет стала работать в колхозе «Заря Новой жизни». Поехала на сакман (*мальчишек и девчонок посылали в степь к чабанам пасти овец с ягнятами*)

В 14 лет стала дояркой. Тогда же встретила своего будущего мужа, Чернова Владимира Ивановича, тракториста. В 1960 году поженились, родили трех дочерей.

Было трудно, но мы работали. Построили дом, в котором я живу по сей день.

Следующим поколениям желаю мирного неба над головой. Пусть не знают тягот военного времени!

Грудин Василий Иванович

Родился 29 августа 1936 года в с. Воздвиженское Апанасенковского района Ставропольского края. В семье у нас было 10 детей. Когда началась Великая Отечественная война, мне не было и пяти лет. Но помню всё.

Отец, Грудин Иван Трофимович, возил почту на лошадях. Мать, Грудина Дарья Корнеевна, была домохозяйкой. Игрушек у нас не было. Были горшки из глины, деревянные ложки, которые мы обменивали на муку. А муку добывали так: собирали колоски, молотили их в каменной мельничке. Из этой муки пекли лепёшки для себя. Ещё ловили ситом рыбу в реке Калаус. Она протекала в 250 метрах от двора. Была у нас корова-кормилица, пили молоко. Был огород, где сажали капусту, лук, морковь, огурцы, помидоры. На деревьях росли яблоки и груши. Одно из деревьев сохранилось и по сей день, и ещё обильно даёт грушу-дичку. Семья была большая, поэтому всё равно еды не хватало.

Из одежды были фуфайка и кирзовые сапоги. Спали на деревянном топчане или на русской печи. Топили печь сухой травой, которая называется курай. Лавочки у нас были из глины, изгороди тоже.

В 1938 году мой старший брат, Грудин Иван Иванович, ушёл в Армию. Служил на Дальнем Востоке. Когда началась война, его перебросили под Сталинград. Домой он не вернулся, пропал без вести.

Когда шли бои на Маньче, гул орудий доносился и до нас. Очень много было немецких самолётов. У ворот землянка, в которой мы жили. И был вырыт окоп. Когда появлялись немецкие самолёты, мы прятались там, а ночью спали в землянке. Был такой приказ: завешивать окна, чтобы не светились. Пользовались керосиновой лампой или фонарём. Мы его называли «летучая мышь». В 1943 году немцы поставили на бугре, метров 200 от нашего двора, пулемёт и дежурили возле него. Сейчас на месте этого бугра в Воздвиженском стоит заправочная станция.

После Сталинграда немцы стали отступать и ночевали в селе. У нас было человек 5. Выглядели они плохо: оборванная одежда, изношенные сапоги. Мы старались молчать, пока немцы были в селе. Если им что-то не нравилось, сразу расстреливали. Когда они пришли к

нам, я залез на печку и сидел там всю ночь. Утром они ушли. У отца была лошадка (месяцев 10), немцы её забрали. Отец очень огорчился, но сделать ничего нельзя было.

После войны я закончил 5 классов и пошёл чабановать. До 1955 года работал возле овец. Давали нам сапоги и фуфайку – это был наш заработок. Деньги начали платить только в 1960 году.

На фото: дом, в котором во время войны жила семья Грудининых - дом, который пережил войну.

Чижова Лариса Дмитриевна⁴⁸

Я, Чижова Лариса Дмитриевна, родилась 25 декабря 1938 года в многодетной семье в Ворошиловске, так раньше назывался Ставрополь. У меня

были ещё сестра и брат.

Мать, Королёва Ольга Петровна, работала на железной дороге, отец, Королёв Дмитрий Васильевич, был мастером-стахановцем в артели им. Кирова.

Когда началась война, мне было 2 года 6 месяцев. Отца сразу отправили на фронт – я его не помню. Двоюродный брат, Мошкало Владимир Михайлович, лётчик, тоже попал на фронт. В 1944 году в возрасте 20 лет он погиб. За свои подвиги награждён орденом Красной Звезды и медалью «За освобождение Ленинграда».

Отец погиб в 1942 году под Смоленском, захоронен в братской могиле около села Болтемило Пелепинского района.

⁴⁸ Фотографии не имеют непосредственного отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

Выехать из Ставрополя не успели, оказались в оккупации – мама и трое детей.

Оккупация (автор Л. Д. Чиждова)

Отец погиб мой под Смоленском,
И в то же время подлый враг –
Фашист-захватчик в город влез к нам,
Разрушив мирный наш очаг.

А накануне окруженья,
Спаситься пытаюсь от огня,
Мать приняла своё решение –
За город вывезла меня,

Но жутким гулом с неба сбиты, –
Поверг нас в страх, – подняв глаза,
Мы зрели в люке мессершмитта
Фашиста злобные глаза.

Снаряды сыпались смертельно –
Наш конь убит, мы на земле,
Накрыв своих детей всем телом,
Спасла нас в огненной золе.

Сама чуть жизнь не положила,
Судьбу молила и богов,
Чтоб мы в огне остались живы
И чтоб повергли всех врагов!

Мать совершила подвиг, сохранив нам жизнь и пережив оккупацию.

В День Победы ликовал весь наш двор: играл баян, пели песни. Жили мы на проспекте им. Сталина, рядом с нынешней гостиницей «Интурист». До войны на месте гостиницы стояла школа № 4, и первая сброшенная бомба попала в неё. Мы детьми бегали, разбирали завалы, помогали взрослым. Во дворе все дети остались без отцов, мало кто вернулся с войны.

Мы, дети, участвовали в возрождении города, сильно разрушенного. Ходили на субботники на Кафедралку (Комсомольская Горка),

где была большая братская могила и памятник с оградкой Геннадию Голеневу, на вокзал.

Все мы вышли в люди: брат стал моряком, я – учитель русского языка и литературы, работала в Педагогическом училище в г. Ставрополе, в Педагогическом институте.

Сейчас я председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны в микрорайоне Ленинского района.

Темерёва (Кузнецова) Валентина Ивановна⁴⁹

Я, Темерёва Валентина Ивановна, в девичестве Кузнецова, родилась 7 мая 1940 года в селе Ключевском Труновского района в многодетной крестьянской семье: нас было 7 детей – 5 девочек и 2

мальчика. Мама наша была награждена орденом «Материнская слава».

Родители: Кузнецов Иван Никитович, 1898 года рождения, и Кузнецова Анна Ивановна, 1897 года рождения. Судьба их свела в 1919 году. Поженились они в смутное время, когда в стране полыхала Гражданская война. Он воевал за Советскую власть. В одном из сражений около посёлка Кевсала отряд потерпел поражение. Мама вместе с подругой пешком отправились на поиски своих мужей и нашли их в церкви. Разорвав свои нижние юбки, они перевязали раненых. Смерть обошла отца стороной.

В 1933 году из-за голода семья переехала в село Ключевское к маминим родным. У нас был дом из 2 комнат, огород в 30 соток, где выращивали овощи, держали скот и птицу. В годы коллективизации родители вступили в колхоз и работали, пока не грянула война.

В сентябре 1941 г. отец получил повестку. Служил в пехоте и дошёл до Берлина. Часто писал домой письма. За отвагу отец награждён медалями: «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». После войны отец без слёз не мог вспоминать о страшных годах.

Жили в войну мы скромно, сладостей не ели, у мамы была швейная машинка, на которой она нам перешивала одежду. В 1945 году отец

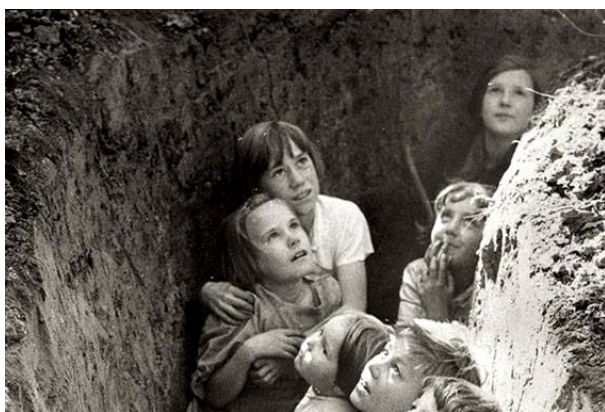
⁴⁹ Рисунок и фотография не имеют непосредственного отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

вернулся живой с фронта, мне в подарок привёз губную гармошку и все дети бегали за мной, прося поиграть на ней.

После войны помогали родителям во всём: работали в поле, собирали колоски, перемалывали пшеницу на каменных мельницах, работали в огороде, помогали по хозяйству. Вставали в четыре утра, вместе с родителями. И у нас не было таких слов: «Не хочу, не могу, не буду!». Родители были для нас всегда примером любви и взаимопонимания.

В 70 лет отца не стало, и для нас всех это стало трагедией.

Я сама с 14 лет работала в совхозе, а в 1963 году приехала в Ставрополь, поступила на работу на завод «Электроавтоматика» и одновременно училась в вечерней школе. Затем я поступила в технологический техникум на планово-экономическое отделение. После учёбы работала в управлении «Ставропольремстрой» инженером по труду и зарплате с 1969 по 1991 годы, где получила звание «Ветеран труда». Здесь же я познакомилась со своим мужем, с которым мы вместе уже 50 лет. У нас двое замечательных сыновей, трое внуков и правнучка.

Пономарёва Светлана Ивановна⁵⁰

Я, Пономарёва Светлана Ивановна, родилась 2 февраля 1936 года. Когда началась война, я жила с мамой в г. Элиста. Мама работала в «Калмыкстрое» в ПТО техником-строителем. Из моих родных ушёл на фронт мой дядя, брат мамы, который жил в Краснодарском крае.

Летом 1942 года немцы оккупировали Элисту. В это время я жила у бабушки с дедушкой. У них был свой дом, огород, сад, корова, куры. Хорошо запомнила тот день, когда немцы входили в город, мы жили на улице Ленина, на въезде в город. Немцы создавали такой грохот, что все

⁵⁰ Фотографии не имеют непосредственного отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

стёкла из окон вылетели. Они распахнули ворота и въехали во двор. Мы в это время были в окопе, который вырыл мой дед накануне, и лежали на одеялах и подушках, принесённых раньше.

Возле нашего дома остановилась большая машина, наполненная одеялами, подушками, всякой провизией, стоящей на полках. В машине были ефрейтор и двое солдат. Им понравился наш красивый дом, ведь мой дедушка был плотником и украшал дом с любовью. Немцы заняли три комнаты и веранду, а нас выгнали. Мы втроём жили во времянке. Маму куда-то спрятали, так как молодых женщин угоняли в Германию. Сколько немцы были в городе, столько времени я маму не видела. Бабушку немцы заставили им готовить еду, а сами ходили по всем дворам и забирали продукты. Мне в ту пору было шесть лет, и моей обязанностью было наводить чистоту и порядок: я вытирала пыль, мыла полы, выносила бутылки после каждой попойки, но меня немцы не обижали.

Бабушка пекла немцам блины, а я всегда была рядом. Только солдат отвернётся, бабушка быстро совала мне блин, а я его должна была скорее проглотить. Я хорошо пела и всегда начинала с «Катюши», но

бабушка запрещала мне петь, боялась за меня.

Уходя из города, немцы ничего не оставляли. Город, особенно центр, горел. Когда немцы ушли, появилась мама. Взрослые начали восстанавливать город, и мама пропадала на

работе, а я оставалась с дедушкой и бабушкой. С фронта домой вернулся дядя. Мы переехали жить в станицу Краснодарского края.

День Победы не помню. Я ходила в детский сад, а мама на работу. Жить после войны было трудно: хлеб и мыло – по карточкам, очереди огромные, и я занимала их с раннего утра.

Наш дом, где мы жили до войны, отремонтировали, и он стал школой, куда я в 1943 году и пошла в первый класс. Когда я закончила третий класс, мы с мамой переехали в Ставрополь, где жила мамина подруга. На пятнадцати метрах в одной комнате жили шесть человек, тогда же у меня появился отчим, он работал на «Стройдворе». Вскоре

нам дали комнату в бараке на ул. Л. Толстого, и я перешла в школу № 10, которую закончила в 1953 году.

По стопам мамы я поступила в Строительный техникум, который назывался «Нефтяник», закончила его с красным дипломом и поступила в Ростовский инженерно-строительный институт «РИСИ», который благополучно закончила. После института я работала в Проектном институте «Ставропольгипросельхозстрой», что на площади имени Ленина. Проработала я там 24 года. По болезни получила группу инвалидности и пришла в «Общество инвалидов», где работаю уже тридцатый год. Пою в хоре, со всеми общаюсь. Муж умер, два сына имеют свои семьи. Вторая моя семья – это «Общество инвалидов».

А молодым хочу сказать: будьте добры и участливы к людям, помогайте по силе своих возможностей, и всё это вернётся вам с благодарностью. Думаю, моим предназначением было работать с людьми и помогать им.

Беловод (Зиновьева)

Нина Николаевна

Беловод (в девичестве Зиновьева) Нина Николаевна 26 мая 1933 года рождения, труженица тыла, Отличник просвещения, инвалид 2 группы, Дитя войны Ставрополя. Образование высшее: преподаватель русского языка, литературы, черчения, рисования. Начиная с 5 класса - бессменный староста класса. Это 5,6,7,8,10 классы. А в девятом классе на общешкольном комсомольском собрании избрали секретарем комсомольской организации школы. Всегда была в числе передовиков на всех субботниках, воскресниках. Была учителем, завучем, директором учебных заведений края, инспектором Районного отдела народного образования. За безупречный труд на ниве просвещения много раз награждалась Похвальными грамотами, Дипломами, Благодарностями с занесением в Трудовую книжку. Ветеран. Две медали за «Трудовую доблесть в годы войны 1941-1945 гг.», «За безупречный многолетний труд на ниве просвещения» и 8 юбилейных медали. Несмотря на преклонный возраст продолжает усиленно трудиться на благо Отечества председателем Совета участников и ветеранов ВОВ, тружеников тыла микрорайона № 5 Ленинского района г. Ставрополя. Проводит среди школьников, воспитанников детских садов города, ветеранских организациях

целенаправленную системную работу с молодежью по передаче ей трудового опыта старших поколений, бережного сохранения и приумножения истории трудовой славы родного края, города, района, в повышении роли молодежи в процветании малой родины и страны в целом. Стремится пробудить желание у молодежи сделать наш родной Ставрополь лучшим городом России.

Я, Беловод Нина Николаевна (в девичестве-Зиновьева) живу в г. Ставрополе. Пенсионерка, труженица тыла, отличник просвещения, дитя войны Ставрополя, инвалид второй группы.

В начале ВОВ мне шел 9 год. Детство и юность прошли в с. Гофицком, теперь Петровского района, в семье колхозника Зиновьева Николая Ивановича и матери Ольги Матвеевны. До войны отец работал в колхозной кузнице ковалем, мать – разнорабочей, в основном - в садово-огородной бригаде. Работали за трудодни, колхоз в конце года рассчитывался натурой, то есть тем, что выращивалось колхозниками на полях, огородах и садах колхоза им. Лаврентия Берия. До войны все советские праздники отмечались всеми колхозниками вместе, общей компанией за общим столом. Было бедно, зато шумно и весело, зато у всех на виду.

А потом война. Она своим кровавым пламенем коснулась каждой семьи в стране. Опалила она и нашу семью. У отца шестеро братьев и сестер. Все они в разных местах страны защищали Родину. Сестра Раиса в Баку была зенитчицей. Охраняла небо от фашистов. Отец ушел на фронт в первые дни войны, под Каховкой была сильная бомбежка, взрывной волной его сильно ударило о землю, в итоге перелом позвоночника в нескольких местах и правая рука пришла в негодность. До конца дней своих ходил полусогнутый. Брат Федор в процессе войны был взят на фронт, ранен, часть ноги отрезали, ходил в ортопедической обуви, ездил на коляске. Брат Александр замерз на Марухском перевале. Уже после войны узнали, а до этого числился пропавшим без вести, и только потом уже бабушке назначили какое-то пособие за погибшего сына. Брат Владимир сражался на Белорусском фронте, попал в плен. Белорусские женщины приходили к лагерю военнопленных, бросали им через колючую проволоку скудные продукты питания. А военнопленные в ответ бросали им бумажки со своими данными: имя, отчество, фамилия. А потом женщины говорили, что это их мужья, проверяли данные и отпускали в семьи. Белорусская женщина прислала нам письмо в с. Гофицкое, а Владимир продолжал воевать с фашистами, дошел до Берлина. Вернулся после войны, а позже его отыскивали награды, ордена и медали. Был пулеметчиком.

Рядом с нами жили Дятчины: тетьа Дуся и сыновья-двойняшки. Муж коммунист, идейный человек. Когда жена его упрекала, что он пришел с войны как нищий, хотя другие вернулись с подарками и посылки присылали. Это его повергало в бешенство. Он кричал: «Я воевать ходил, а не трофеи собирать».

Когда отец был в госпитале, мама ездила к нему, возила выпечку, сало соленое. Ее забирали рыть окопы под Невинномысском, а они потом никому негодились.

Мы дома оставались с бабушкой, отцовой матерью. Отдельные эпизоды всплывают навязчиво в памяти. Наши солдаты в основном передвигались пешими. Внезапно появились, за селом днем рыли окопы, колхоз выделил продукты, повара вкусно приготовили ужин сытный, поужинали, под гармонь поплясали и был среди них мальчик-сын полка. Одет в форму солдата. Утром проснулись, а военных нигде нет, спешно ушли на восток.

Немцы наступали – ни одного не было пешего. Все на колесах, в грузовых, легковых автомашинах, на танках, мотоциклах. Спешно двигались на восток. С первых дней захвата села немцы стали устанавливать свои порядки, создали полицию, открыли церковь, в советское время в ней был Дом культуры, установили комендантский час.

Полицаями были поляки, венгры, румыны. У нас была своя пасека, они приходили к нам за медом, а уже давать было нечего. Они просили отца отвести их к партизанам. Они были в лесах района, но отец никого в отряд не водил, ссылаясь на отсутствие партизан. А они жаловались, что воевать не хотели. Особенно после Сталинградской битвы усиленно искали связь с партизанами.

Мы жили на окраине села, поэтому грабежи немцев со стороны немцев нас коснулись мало, а в центре села девушек насиловали, отбирали одежду, вещи отсылали посылками в Германию. На окраине ходили по домам, отбирали у населения кур, яйца, молоко и другие продукты. На моих глазах разыгралось событие. Немец схватил гусыню, запихнул ее подмышку и стал убежать со двора соседки. Та выскочила из дома, схватила гусыню за голову, потянула на себя, стала плакать, ругаться, выбежали из дома дети, до того увлеклись борьбой, потасовкой, что в итоге голова и шея остались в руках соседки, а тушку гусыни утащил немец.

Помню, как немцы отступали. Печальное зрелище. От сильных морозов синие, на головах намотаны женские платки, детские одеяла, простыни, тряпки неопределенного назначения. На ногах громадные

ящички в виде пинеток, якобы из-под патронов. Ноги обмотаны чем бог послал. Последними отступали эсесовцы. Уничтожали все, что попадалось по пути. Здания, заводы, фабрики. Недалеко от нас была двухэтажная мельница. Внутри на полу была большая куча пшеницы. В нее они бросали гранаты, пшеница пламенем горела, люди, обжигая руки, бросались, набирали кто во что мог. Немцы никого не убили, но делали свое гнусное дело.

А нам, детям одеть и обуть было нечего, приходилось ходить раздетыми и босиком по снегу. В каждом дворе был вырыт окоп, где мы прятались от бомбежек, и немецких и наших. Документы закапывали в землю, а они там портились, их нужно было восстанавливать заново. Чернил не было, делали их из ягод бузины, они быстро становились тягучими. Писали на газетах, клочках бумаги. В одной классной комнате сидели по 2-3 класса, а преподаватель был один. Учебников тоже - раз-два и обчелся. Зато на большой перемене давали каждому ученику по 100 грамм просяного хлеба.

Было холодно и голодно. Особенно весной, летом питались травой, сурепкой, щавелем и др. Оладьи пекли в основном из травы с добавлением мизерной доли муки или огрубей. Днем и ночью - одна мечта и желание что-нибудь поесть, утолить голод.

Когда немцев прогнали, стали восстанавливать разрушенное хозяйство. Мы с другими детьми рвали шиповник, копали корни валерьяны, собирали колоски в поле. Была жара страшная, никто нам не подвозил воды, дети на поле теряли сознание, но работали добросовестно. На культстанах нянчили грудничков, потому что в то время в колхозах не было детских садиков и яслей.

Помню, как я выступала перед ранеными бойцами в больнице. В палатах мест не хватало. Они лежали в основном на соломе в палатах и коридоре. Красная Армия была не одна – с нею была вся страна. Вязали носки, варежки, посылали на фронт посылки. Потому и победили, что вся страна воевала с фашистами. Ненависти людской не было предела.

Накануне Дня победы, 9 мая, прошел сильный дождь. Днем жарко, от земли идет пар. Мы сидели в школе на уроке, кто-то прибежал и крикнул: «Войне конец!» Ученики, учителя побежали в центр села, где уже проводился митинг. Были выступления со слезами на глазах. Самое главное - мы победили, ликовали все, даже природа.

Имею двух дочерей. Галина продолжила семейную традицию - была преподавателем труда в школе, сейчас на пенсии. Светлана после окончания сельхозинститута положенные годы отработала в Ивановской области старшим экономистом в совхозе, а потом, и по сей день трудится

в крайстатуправлении. Две сестры были преподавателями. Старшая Клава - биолог, средняя Прасковья - историк.

Через книгу памяти хочу напомнить слова Ю. Фучика: «Люди, будьте бдительны, никому не позволяйте разжечь огонь пожара-войны. Нет ничего в мире страшнее войны. Берегите матушку землю, она у нас одна – кормилица и поилица».

Барышникова (Юдина) Вера Григорьевна

Я, Барышникова Вера Григорьевна (в девичестве Юдина), родилась 20 февраля 1941 года в г. Лысьва Пермской области. Отец, Юдин Григорий Михайлович, работал до войны на радиоузле, мать, Юдина Валентина Григорьевна, работала в детских яслях няней. Семья состояла из четырёх человек, так как была ещё старшая сестра Людмила девяти лет.

Когда началась война, отца послали на курсы радистов. После окончания курсов его сразу отправили

на фронт. Так как мне было всего 4 месяца, я не помню проводы отца, только по рассказу матери знаю: они были тяжёлыми. Из родных на фронт ушёл также брат отца, Юдин Николай Михайлович. Мама, сестра и я переехали жить к бабушке в совхоз «Заимка» Пермской области.

Годы войны были очень тяжёлыми. Голод, холод, трудности с одеждой. Питались в основном гнилой картошкой, ботвой, крапивой, собирали на совхозном поле остатки овощей. За всё время войны мама не получила ни одного письма от отца, что для неё было тягостно и тревожно.

После окончания войны за нами приехал солдат, посланный отцом, который остался добивать бандеровцев на Западной Украине. Отец имел много наград, в том числе Орден Красной Звезды и Орден Красного Знамени.

Глазами Детей войны

В городе Болехово бандеровцы взрывали склады, военные объекты, устраивали перестрелку. По дороге к отцу я серьезно заболела и чудом осталась жива. Из Москвы до Болехово мы добирались в теплушке, нас ехало несколько семей, но, чтобы я не замёрзла, меня положили около печурки, и все ухаживали за мной, за что я им очень благодарна. По приезде я впервые увидела отца, к этому времени мне уже было 4 года. Отец был командиром взвода на границе и так и остался служить дальше в армии. Отец не любил рассказывать о войне, только говорил, что было очень страшно.

Брат отца Николай закончил войну в Берлине. Он тоже имел много наград. Как и отец, он остался служить в армии.

В послевоенное время отца часто переводили по службе с места на место, и мы переезжали вместе с ним. Так мы проехали почти весь Советский Союз – от Карпат до Сахалина. В семье родились ещё двое детей – мои сестра и брат, который пошёл по стопам отца, окончил военное училище и прослужил 20 лет в армии.

В 1953 году отец демобилизовался, и мы переехали жить в Пермскую область, а в 1954 году переехали в поселок Ломовка Лысьвенского района Пермского края, где отец был назначен начальником радиоузла. В 1961 г. отца парализовало, и ему пришлось уйти на заслуженный отдых, а в 1974 г. его не стало.

В 1965 г. я вышла замуж и уехала к мужу в город Грозный, где в течении 25 лет работала главным бухгалтером в спецкомбинате

«Родон». В 1995 г. я с дочкой и внуком была вынуждена уехать из Грозного в Ставрополь, так как в Чечне началась война.

Пережив все ужасы и трудности войны и послевоенного времени, хочу пожелать чтобы больше никогда не было войны.

Беликова

Светлана Яковлевна

На начало войны мне, Беликовой Светлане Яковлевне (до замужества Кулешова), было 5 месяцев, а помню я себя с 1944 г. Об оккупации мне рассказывали бабушка, тётя и мама.

Мы жили в Благодарном. Раньше это было село и его, как и Ставрополь, оккупировали немцы летом 1942 года. Мама, Елена Алексеевна Кулешова, с родственницей работали в швейной мастерской. Вечером они возвращались домой. К ним подошли двое парней и попросили провести их мимо комендатуры. Это были партизаны. Парни попросили пустить их в дом на несколько часов, поспать. Ночью явился староста и предупредил: ребятам до рассвета надо уйти, чтобы немцы не нашли их. Когда парни уходили, они шепнули, что немцев скоро не будет, так и случилось.

Мама моя помогала евреям. Одна семья пряталась за занавеской на печке, спускались только ночью размяться. Когда немцы ушли, семья вернулась в Одессу, но со временем связь с ними потерялась

Отца, Якова Ивановича Кулешова, взяли на фронт не сразу: он работал бригадиром комбайнёров и у него бала отсрочка. На войну ушли братья и дядя отца, братья мамы, муж тётя, он был кадровым офицером. На фронте отец получил под Ростовом тяжёлое ранение и долечивался в санатории г. Кисловодска, после этого он оказался на фронте в Сталинграде, где опять получил ранение. Там он встретил своего брата. Санитарный поезд, на котором его везли, разбомбили немцы, а мать получила извещение о том, что отец пропал без вести только в 1946 году. Мама обратилась в Архив и, оказалось, что отец умер от ран ещё 27 февраля 1943 года.

После войны было холодно и голодно, носить было нечего, особенно не было обуви. Писали на старых газетах. За успехи в учёбе мне подарили настоящую тетрадь – это был самый дорогой подарок.

Глазами Детей войны

После войны я поступила в Ставропольский электротехникум связи и по распределению уехала в Горьковскую, ныне Нижегородскую, область, где проработала с 1960 по 1973 годы. Там закончила Всесоюзный Московский заочный электротехнический институт связи по специальности «инженер-экономист связи». В городе Горьком вышла замуж и родила дочку.

В Ставрополе работала в Управлении связи старшим инженером-экономистом. 17 лет проработала преподавателем экономики, научной организации труда. На пенсию ушла в должности главного экономиста краевого общества «Электросвязь», ныне «Ростелеком».

Считаю, что жизнь удалась. Будучи на пенсии, организовала хор «Дети войны», который участвует во многих конкурсах, выступает в школах, лицеях, гимназиях, во многих учебных заведениях, на открытых площадках города. В хоре 32 исполнителя, в репертуаре песни военных лет, русские народные и даже современные эстрадные песни. Хору уже 10 лет. Ветеранов остаётся всё меньше и меньше, но мы не сдаёмся.

Наш наказ молодым поколениям:
Всё, что мы защищали, и вам защищать,
Всё, что мы завещали, и вам завещать,
Потому что Свобода не знает цены,
Вы о нас, дорогие, забывать не должны!

**Рукавишникова
Надежда Георгиевна**

Я, Рукавишникова Надежда Георгиевна (до замужества Буракова), родилась 25 сентября 1934 года.

Мой папа, Бураков Георгий Георгиевич, работал на МТС на проспекте Октябрьской революции около кинотеатра «Гигант». Он руководил бригадой монтеров по обслуживанию, ремонту и установке технических средств (радио и телефонов) на территории

Ставропольского края. К работе относился добросовестно, пользовался в коллективе уважением, неоднократно награждался. Моя мама, Вера Никитична, работала в пригородном совхозе.

Родители жили небогато, и счастье семьи находили во взаимопонимании, любви и уважении друг к другу. Я росла счастливым ребёнком в семье. Когда я готовилась идти в первый класс, родился брат Славик. Жить бы да радоваться нашей дружной семье, но грянула война и счастье оборвалось.

Папа ушёл на фронт. Письма приходили редко, а потом их перестали получать, и только 5 января 1945 года мама получила извещение о гибели папы в боях за освобождение села Липцы Харьковской области. В нашей семье свято хранится все, что связано с папой, его гибелью: похоронка, письмо майора Лебедева о том, что Г. Г.

Бураков захоронен на сельском кладбище села Липцы при соблюдении всех воинских почестей и сооружением памятника на могиле.

Глазами Детей войны

Братская могила⁵¹

Над братской могилой плывут облака
И ветер степной пролетает.
Деревья как стражи, склоняясь слегка,
Погибших покой охраняют.

Здесь тысячи, тысячи павших бойцов,
И место особенно свято,
Чьих братьев хранит здесь земля и отцов –
Великой России солдатом.

У братской могилы алеют цветы
Их дождик порой поливает,
Лежат под землёю здесь чьи-то мечты,
Хранит их трава полевая.

Сюда приезжают из разных концов
Широких просторов России
Притронуться к памяти павших бойцов –
Победы Великой Мессиям.

Над братской могилой горят имена,
Несутся цветы к обелискам.
Как много людей погубила война –
Пред всеми склоняемся низко.

Отца своего не смогу я забыть,
И горе прольётся слезою.
Тебя приезжаю, родной, навестить,
Стою здесь, склоняюсь головою,

И в списке имён без начал и конца,
Фамилию вижу одну я –
Вот вечная память и слава отца –
Страну защитил он родную!

Тебе принесла я букетик цветов,
Тебе на гранит положила.
Не выплакать слёз за погибших отцов,
Храни их, святая могила!

И сколько бы лет ни прошло с той войны,
Нет, мы ничего не забыли!

⁵¹ Татьяна Алексеевна Гладина, литературное объединение «Надежда». «Братская могила»: посвящение светлой памяти Буракова Георгия Георгиевича – защитника России в Великой Отечественной войне.

Глазами Детей войны

Не только Отчизну спасли вы, сыны,
Потомкам вы жизнь подарили!

Так спите, Герои, мы помним о вас!
И сердце стучится набатом.
Вы пали в боях, защищая всех нас,
И память о вас будет свята!

Мощенко Раиса Даниловна

Я, Мощенко (Головинова в девичестве) Раиса Даниловна, родилась 3 октября 1938 года в с. Киевка Апанасенковского района Ставропольского края. Когда началась война, мне не было ещё и 3 лет. Родилась в крестьянской семье, родители были репрессированы.

Родители мои, Даниил Антонович и Елена Никитична Головиновы, до войны проживали в с. Просьянском Петровского района. Их посчитали кулаками за то, что имели в хозяйстве три десятка овец и лошадку. Скот у родителей забрали, отняли всё имущество, а самих с котомками за

плечами и с двумя малыми детьми на руках посадили в бричку и тёмной ночью увезли на железнодорожный вокзал в село Петровское. Погрузили в вагоны для скота и дали «зеленый свет» до станции Чусовой Пермской области (Урал). Словом, дорога эта была облита горькими слезами, только никто не знал, за что и почему так страдает.

Зима, голод и холод не могли не сказаться на здоровье родителей и детей. На Урале за одну ночь «сгорела» моя сестра Мотя, ей было всего два года. Тогда родители решили не оставаться на чужбине и ночью бежали в родные края.

Но и здесь их ждала такая же судьба. Семью выслали в село Киевка Апанасенковского района, где и находилась военная комендатура для спецпереселенцев. В Киевке им выделили домик, состоящий из одной комнаты, в котором и прошло моё детство.

Нелёгкок был жизненный путь моих родителей. Но они выдержали всё, ничто их не сломило. И только трудолюбие спасло их.

Когда грянула Великая Отечественная война, родители жили в с. Киевка, до 1947 года были невыездными. Именно оттуда, в 1942 году отца проводили на фронт.

У меня остались воспоминания: когда шли бои на озере Маныч, отец попал в плен, и, когда их вели строем, он был последний в ряду, и каким-то образом ему удалось бежать. На пять минут он заскочил домой, меня поднял на руки и целовал. Этот эпизод мне запомнился на всю жизнь. Потом он долго добирался до своей части, где и продолжил свой боевой путь. В одном из боёв был ранен, но это не сломило его боевой дух. Домой вернулся в победном 1945 году. За боевые заслуги был награждён медалью «За победу над Германией в 1941–1945гг.»

Но как провожали его на фронт я, конечно, не помню. На фронт ушли мой отец, Даниил Антонович, и его 3 брата: Иван Антонович, Семён Антонович и Василий Антонович. После жестокой, кровавой войны братья вернулись домой, имея небольшие ранения, за исключением младшего брата, Василия Антоновича, он был тяжело ранен на фронте, долго лечился в госпитале. Домой вернулся инвалидом.

О том, как провожали, как встречали наших солдат с войны, я ничего не помню. Но когда была война и во время оккупации в 1942 году мама и сестра рассказывали, как работали в бригаде разнорабочими. Артели продолжали работать. Среди односельчан были предатели. Женщин, детей и подростков они выгоняли на работу в поле – жать, вязать снопы, сохранять убранный урожай, собирать колоски. И все жители должны были повиноваться, а если отказывались выполнять волю немцев и им служить, то их привязывали руками к бричке и волокли по всему селу, а потом расстреливали. О зверствах немцев во время оккупации можно много говорить. Очень отчётливо помню, как к нам являлся Бурба Иван Андреевич с палкой в руках и выгонял сестру Машу на работу, а ведь ей надо было в школу ходить. Поэтому она не смогла получить образование, даже средне-специальное.

Наши земляки внесли неоценимый вклад в борьбу с фашизмом, особенно в военных действиях при наступлении Красной Армии в январе 1943 года. Очень много солдат погибло в боях на озере Маныч и при освобождении с. Дивного как стратегического пункта с

Глазами Детей войны

железнодорожной станцией. Только в первые дни наступления с 8 на 9 января 1943 года были убиты более 100 бойцов. И лишь 17 января без поддержки авиации и при нехватке танков, живой силой враг был потеснен. Немцы ещё в 1942 году, когда без боёв взяли райцентр, надеялись на то, что спецпереселенцы перейдут на их сторону, но они не поддержали оккупантов.

А после освобождения района от захватчиков сельчане: дети,

женщины и старики – стали восстанавливать разрушенное и разграбленное народное хозяйство и поставлять продукты и необходимые вещи для воинов Красной Армии.

условиях.

Несмотря на усталость, после окончания войны отец с братьями сразу пошли работать в свои артели (в которых работали до войны), выбрав для себя знакомое с малых лет занятие – уход за овцами. Овцеводство являлось для братьев делом всей жизни. Их не пугали ни холодные зимы с метелями, ни летний зной. Они добросовестно выращивали животных, добиваясь максимальной сохранности. Благодаря мастерству и опыту, братья Головиновы получали хорошие результаты. К тому же им приходилось обустроить на производстве свой быт – возводить землянки, чтобы жить в человеческих

В послевоенное время в с. Киевка было четыре сельхозартели: «Волна революций», «Сталинский путь», имени Чкалова и «Красноармеец».

В 1951 году их объединили в один колхоз «Сталинский путь», что значительно улучшило экономическое положение села.

С этого времени начались положительные сдвиги в жизни сельчан. Развернулось индивидуальное строительство жилья. Братья Головиновы, как и многие их земляки, возводили себе дома, используя для этого самодельный строительный материал – саман, очень популярный в 50-е годы двадцатого столетия. Несмотря на трудности, отправляли своих детей в город на учёбу. Некоторые дети рода Головиновых продолжили династию отцов – стали овцеводами.

Немного о себе. После школы я поступила в Пятигорский кооперативный техникум, а затем окончила Московский кооперативный институт Центросоюза и получила высшее экономическое образование.

Моя трудовая деятельность началась с торговли, я на практике познала все её азы. И я нисколько не жалею, что выбрала эту профессию. С 1981 года меня перевели в райисполком председателем районной плановой комиссии. Работа эта мне очень нравилась. В должности главного экономиста района, зам. главы администрации по экономической работе, ушла на заслуженный отдых.

По моему мнению, у меня все сложилось в жизни, как мне хотелось. Прошло 75 лет после окончания войны, срок вроде бы и небольшой, а сделано в стране очень много. Родина наша сейчас крепко стоит на ногах, страна стала могучей державой.

Я часто вспоминаю и рассказываю детям и внукам о том, как поменялась жизнь в нашей стране, а ведь что пережили наши родители?

Обращаясь к молодому поколению, хочу обратить их внимание на то, что надо любить себя, свою семью, свою Родину, не забывать, что благодаря подвигам наших дедов, отцов, братьев мы сейчас живём в независимом и сильном государстве. Не поддавайтесь на разные провокации, берегите мир! И помните, что нам не нужна война, не нужен голод – это так страшно переживать.

Основной лозунг: «Нам нужен мир! И только тогда будет и богатство, и тепло в домах и квартирах».

Колещук
Александра
Филипповна⁵²

Я родилась в Ворошиловском районе в селе Михайловское в 1931 году. Сейчас это село стало уже городом Михайловском Ставропольского края.

Когда началась война, я жила у двоюродной сестры своей мамы, помогала ей нянчить маленького ребенка, смотрела за

ним. В нашей семье сразу в первый день на фронт забрали младшего брата моего отца Кремнева Илью Филипповича, я об этом узнала, когда пришла в гости в родительский дом, как он уходил, я не видела, так как дома уже не жила.

В армии мой папа не служил, потому что у него одна рука была немного короче другой, поэтому и на войну его не сразу забрали. Так как папа до войны работал в Ставрополе на мясокомбинате, повестку на фронт ему вручили на работе в 1942 году, о чем мы не знали.

Хорошо помню, как с папой расставались: я была в школе, на большой перемене пришел брат и забрал меня, мы пошли к военкомату. Папу проводили в феврале 1942 года, мне тогда было 10 лет. Остались мама и мы, пятеро детей, еще шестым ребенком мама была беременна, родила его 6 марта 1942 года.

Потом после отца и старшего брата, 1925 года рождения, тоже забрали на фронт. Когда брата провожали, вот он, бедняга, плакал, предчувствие что ли у него какое было. Молодежь возле военкомата проводы устроила: гармошка играла, танцевали все, а он плакал. На вокзал приехали, их в товарный поезд погрузили и повезли, кто стоял в вагонах, провожающие все руками махали друг другу. А брат слезами заливался, я тоже очень плакала, когда его провожала, по отцу так не плакала на проводах, как по брату.

У тех людей, кто в то время в колхозах работал, были запасы продуктов. До войны в колхозах жили хорошо – всё давали на трудодни: и мед, и масло растительное, и фасоль – вот что было, всё давали. А папа был рабочим, карточки хлебные сдал и все. Хозяйство дома мы не держали, у нас не было его, но был огород 12 соток и под двором земли было 70 соток.

⁵² Фотографии не имеют непосредственного отношения к данной статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ

После ухода отца на войну мать осталась одна и пятеро детей на руках. Все думали, что мы с голоду умрем. Тогда мама пошла в военкомат за помощью, так как нечем было нас кормить. Говорила там, что, если ей не окажут помощь, натопит печку, закроет трубу и вместе с детьми погибнет. Пусть тогда мужу на фронт письмо отправят, что с его семьей стало. А военком ей ответил: «Моя миленькая, ну дам я вам, напишу я сейчас записку, дадут вам 20 килограмм зерна, что они вам эти 20 килограмм, сколько вы на них проживете? У вас земли много под двором, вот сколько осилите, обрабатывайте ее, засаживайте вот этим и живите».

Дали нам соседи картошки мелкой, что пороссятам на корм идет, размером с алычу, такую и посадили. Вот когда мы сажали эту картошку, соседка приходила и смотрела. Мою маму Варвара Семеновна звали,

соседка и говорила: «Семеновна, ну вот сажаешь ты, а что вырастет?» А мама ей в ответ: «Ну что вырастет, то и наше будет».

Но какая у нас выросла картошка! Какой не вывернем куст, а она одна в одну – размером с ладонь. А вот эта женщина соседка потом идет, цыплят гонит и спрашивает: «Что, Семеновна,

копаете?» А заборов же не было тогда у нас, канава была. Соседка перелезла через канаву посмотреть, ходила и причитала про себя: «Вот эта да, вот это да!».

В то время соль с Петровского⁵³ привозили по дворам на коровах. Ехали и кричали: «Соль, соль!» Мы выходили и на картошку выменивали и виноград, и шерсть. Как-то раз привезли соль на корове, а рядом с коровой теленочек маленький. Мама попросила продать нам теленочка, а хозяйка предложила обменять его на картошку. Вот мама картошки этой хозяйке дала, а они нам теленочка отдали.

Мама была разнорабочей, как уйдет на работу, мы помогали, как могли: сажали, пололи, копали, урожай собирали. Мама на работе, а на меня оставляла она четверых детей, еще и грудного. Тогда были русские печки, чугуны, рогачи. Мама наварит чугунок борща, поставит его в печку, а я стану его тянуть, а силы-то нет, чугунок тяжелый, а мне 10 лет, если переверну этот борщ, он выльется, останемся голодные, и мать придет с

⁵³ Село в Ставропольском крае. В настоящее время город Светлоград.

работы вечером, а кушать нечего, еще и нахлобучки мне даст. Все вроде я виновата, что с этим чугуном не справилась. Еще насадит она грядки редиски, а редиска любит воду, поливать их надо без конца, чтобы они не просыхали. Я не справлялась.

Тогда я маме сказала, чтобы она оставалась дома, мне не под силу в 12 лет за четверьмя детьми смотреть. «Лучше ты, мама, оставайся, а я пойду в колхоз», – и пошла в колхоз работать.

От брата за время войны 2 или 3 письма получили, но они не сохранились. Папа очень редко писал маме, что жив, здоров, в окопах воюет. А от брата отца мы никаких писем не получали, у него тогда была своя семья, его жене прислали телеграмму, что он пропал без вести.

Помню, как я была дома, и начали бомбить Ставрополь, а мы же рядом со Ставрополем жили. Я залезла на тутовнину, чтобы лучше видеть, как и что в Ставрополе взрывается. Большое дерево у нас было на канале, а улица широкая у нас, она так и называется Широкая, с самого начала так и в данный момент такое название улицы и осталось. В два ряда по улице росли над дворами деревья, машины под деревья ставили, чтобы их не видно было. На меня соседи кричали: «Куда тебя, собака, понесла! Сейчас как бабахнут!» Никто же не подумал, что там, на дереве, дитя сидит.

В нашем поселке были немцы, но нас они не обижали, а румыны такие твари были, такие твари! Вот на выпасе был теленок, они его пристрелили, в машину и повезли, кур и уток забирали у людей. У нас сада не было, маму как-то соседи угостили грушами. Она от нас положила их на высокий шкаф, чтобы, если вдруг появится сын или муж, угостить. Груши эти несчастные и то румыны, сволочи, забрали. Румыны – это твари были, а на немцев я не в обиде.

Немцы такие были гостеприимные, делали бутерброды, что-то там у них как от зубной пасты были пачки, из которых выдавливали и намазывали что-то белое, и даже нас угощали, но по-русски не говорили. Добрые были, один еще, помню, показывал нам фотографию жены и ребенка.

А вот когда я была на вокзале у тетки, где меня мама оставляла жить, вот там попались противные немцы. У нее были знакомые, чьи родители или эвакуировались куда-то, или погибли, а сын остался тут у тетки. Так немец свой пистолет наставлял на него, когда они ночевали там, до тех пор, пока не уехали.

Хорошо помню, когда немцы отступали, я дома была. Они приехали к нам ночевать. У них такие красивые мотоциклы были, одеяла красивые, гармошки губные, собака с ними была красавица. Они сами расположились, сена мама тут набросала им, они расстелились на полу, а рядом лавки тогда были по комнатам, это скамейки сейчас. Под лавкой положили собаку, на гармошке на губной играли, собака им подвывала. А утром рано-рано они подскочили, быстренько собрались и сбежали. Какой это был год не скажу, наверное, 1943, не знаю точно.

Глазами Детей войны

Как только немцы сбежали, прибыли в село наши. Видела, как они тащили на быках пушку. Вот с таким инструментом они, бедняги, воевали.

В день Победы сколько было радости, не передать!

Брат не вернулся с войны, он погиб почти сразу, как его забрали, а папа вернулся, но в каком году не знаю. У папы было легкое ранение, он на верблюде подвозил снаряды на фронте. Как он рассказывал, один снаряд взорвался, его верблюда разнесло в клочья.

Шинель, в которую он был одет, вся была порвана осколками, а сам он ранен в плечо.

Возвращение отца с фронта я не помню, я в это время жила у тетки на вокзале, корову там помогала пасти. В свои 10 лет я и в колхозе работала, и за детьми смотрела, и тетке помогала. Мы все были живы, кроме брата, что погиб на фронте, да еще и корову уже приобрели.

После войны папа работал в колхозе, мама сидела дома. Я тоже как пошла работать в колхоз, так и работала там до 1950 года. А в 1950 году колхозы стали соединять, я тогда завербовалась и уехала работать на Урал в город Первоуральск.

Шеховцов Пётр Павлович

Шеховцов Пётр Павлович родился 1 июля 1936 года. На момент начала войны было 5 лет. Война меня застала в совхозе «Большевитская искра» Благодарненского района. Родители мои до войны работали в совхозе.

Из родных в 1941 году ушёл служить на фронт отец, Павел Гаврилович, а в 1944 призвался в ряды Красной Армии мой старший брат, Алексей Павлович.

Расставание помню очень смутно. В памяти осталось только то, что всех свозили в Сотниковку.

После того, как отец ушёл на фронт, я остался с мамой и старшим братом. Мы помогали старшим в эти годы тем, что рыли окопы и собирали колоски. Связь с родными, кто был на фронте, поддерживали письмами. Но летом в 1943 году пришла похоронка на отца.

Пережили мы и оккупацию. У нас в совхозе находились румыны, но особо они нас не трогали. Как уходили они, я не помню. И как возвращались наши, тоже не помню.

О Победе мы узнали позже, потому что в нашей местности не было радио. В совхозе приблизительно было 30 дворов, вернулся только один раненым, остальные погибли на фронте. Отец погиб в Краснодарском крае. Похоронен в братской могиле. Могилу нашли спустя годы через военные архивы.

Что можно сказать о послевоенном времени? Образования не получили, школ не было. Был жуткий голод, ловили и ели сусликов. Работать я начинал в колхозе, работал в ДСР, предпринимателем в торговле.

Что бы я хотел сказать следующим поколениям через эту книгу? Работать, работать и ещё раз работать.

Шинкаренко Николай Филиппович⁵⁴

Родился Николай Филиппович 22 марта 1936 года в г. Светлограде Ставропольского края, в семье рабочих. Учился в средней школе города Светлограда. Капитан запаса Ракетных войск Николай Филиппович Шинкаренко после военной службы стал учителем. После окончания Ставропольского пединститута в 1963 году был направлен в село Тахта и начал педагогическую деятельность учителем рисования, черчения и

⁵⁴ Шинкаренко Е. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент, отличник народного просвещения. С 1985 по 2002 являлся директором средней школы № 26 в г. Ставрополе.

Глазами Детей войны

физкультуры в восьмилетней школе, а в 1965 году был назначен директором средней школы.

Свою жизнь Николай Филиппович посвятил патриотическому воспитанию молодёжи. Будучи директором школы в с. Тахта и СШ № 7 и № 26 Ставрополя, вместе с верной спутницей Надеждой Георгиевной Шинкаренко создал музеи боевой славы. Многие выпускники школ поступали в военные училища.

Опыт работы Николая Филипповича внедрён в школах России. Отличник народного просвещения, кандидат педагогических наук, доцент, автор 40 методических трудов (в соавторстве с супругой), участник 13 международных конференций, заботливый муж, отец и дед. Награждён знаком «Отличник Народного образования», медалью «Ветеран труда». Возглавляемая им СОШ № 26 на протяжении 20 лет была одной из лучших школ города.

Николай Филиппович с большим уважением относился к ветеранам Великой Отечественной войны, которые были частыми гостями в школе. Проводили встречи с учащимися на «Уроках мужества» и других мероприятиях школы. Николай Филиппович всегда встречал ветерана, приглашал в свой кабинет. А когда уходили ветераны из школы, провожал их до выхода.

Его супруга, Надежда Георгиевна, учитель истории, была

директором комнаты боевой Славы – мини-музея.

Это удивительной доброты человек. Она организовывала встречи ветеранов с учащимися, направляла ребят к ветеранам с поздравлениями к праздникам.

Шинкаренко Николай Филиппович и Надежда Георгиевна воспитали двоих детей.

Таковы супруги Шинкаренко – дети войны и друзья ветеранов.

**Пыхтин
Алексей Михайлович**

Родился 13 марта 1941 года в г. Ставрополе. После окончания школы служил в Советской Армии.

Трудовую деятельность начал с ученика токаря на заводе «Красный металлист», затем на заводе «Изумруд», где после окончания высшей партийной

школы при ЦК КПСС был избран в 1982 году секретарём парткома. В 1987 году решением бюро ГК КПСС был направлен в СПТУ № 31 на должность директора.

В 1992 году СПТУ № 31 реорганизовано решением Правительства в региональный многопрофильный колледж г. Ставрополя.

Женат, двое детей, двое внуков. Имеет награды: орден Трудового Красного Знамени, медаль «За заслуги перед Отечеством II степени».

**Атрошкин
Семён Тимофеевич⁵⁵**

Родился 26 августа 1926 года в Архангельской губернии (области) Опаринского района в селе Переселенск. В семье было 3 брата: Степан, Данил и Семён. С детства ребят приучали к строгости и труду. Подрастая, ребята выполняли домашние работы и не жаловались. Тогда, во время становления Советской власти, всем жилось нелегко. А тут ещё в дом Атрошкиных пришло несчастье: умерла мама, Феодосья Захаровна. Семья переехала на Кавказ. Семён учился в средней школе в Ипатовском районе. В 8

классе был принят в комсомол.

⁵⁵ Атрошкин Семён Тимофеевич – почетный председатель комнаты боевой славы в СОШ № 26. Награды: орден Отечественной войны I степени, орден Боевой славы III степени. Медали: «За победу над Германией», «За победу над Японией», 6 юбилейных медалей.

Началась Великая Отечественная война. Семён Атрошкин со своими школьными друзьями ходили в Ипатовский военкомат, просили отправить их на фронт. Но им отказали. Ещё малы. А тем временем немцы уже оккупировали Кавказ.

Скорбные вести приходили с фронта. Однажды почтальон принёс похоронки на братьев Степана и Данилу. Они пали смертью храбрых.

В январе 1944 года Семён был призван в армию. Попал на Дальний Восток в 40-ю стрелковую дивизию в Приморском крае на границе с Манчжурией. В августе 1945 года сержант Атрошкин в войне с Японией совершил героический поступок: в упор в бункере расстрелял семерых офицеров противника. За это он был награждён орденом Славы III степени. А 10 августа в новом сражении был тяжело ранен (были пробиты обе ноги), контужен. Он долгое время находился в коме. Домой была послана похоронка. Но Семён Тимофеевич выжил.

Демобилизовавшись, Семён Тимофеевич заочно окончил пединститут. Работал учителем, директором школ № 7, № 26. В школе № 26 создал музей боевой Славы. Был секретарём Краевого Совета ветеранов. Принимал активное участие в ветеранской работе. Его грудь украшают боевые и трудовые награды.

Данилова (Новосёлова) Анфиса Яковлевна

Великая Отечественная война отдаётся болью в сердце каждого, чьи деды, отцы, братья, мужья, прадеды, женихи ушли на фронт защищать свою Родину, как большую, так и малую. Ушли, чтобы ценой своей жизни, здоровья освободить родную землю от фашистских захватчиков.

Кто-то сражался из последних сил на передовой и был в самом пекле событий, а кто-то находился в это время в тылу и работал по 15–20 часов в сутки на заводах, где выпускал танки и самолёты или в полях сеял и убирал зерно и отправлял посылки для бойцов. Это был фронт работы, непосильный и изматывающий, для людей, умирающих у заводских станков от голода и переутомления. Так страна потеряла целое поколение людей, большей частью мужское, которое в мирное время были учителями, инженерами, строителями...

В каждом уголке нашей необъятной страны делали всё, чтобы приблизить день Победы, провожая на фронт и получая похоронки. У каждого была своя война, свои воспоминания о ней, будь то взрослый человек или ребёнок.

О том, какой была война для девочки из маленького посёлка, затерянного на просторах в самом сердце Сибири, следующая история.

Я родилась 4 сентября 1932 года. В 1941 году 22 июня мне было неполных девять лет, поэтому я не помню, как именно узнала о начале войны, да и само слово «война» было для меня каким-то непонятным и странным, в то время как родители и все взрослые были очень расстроены пришедшей новостью, плакали.

Свои детские воспоминания я пропускаю сейчас через прожитую жизнь и понимаю, какое страшное время нам удалось пережить, сколько боли, голода, бомбёжек, потерь выпало на долю советского народа, но тогда, будучи маленьким ребёнком, я этого всего не понимала.

Я родилась и во время войны жила в маленьком таёжном посёлке Стрелка Енисейского района Красноярского края, как раз в том месте, где встречаются две сибирские реки: красавица-Ангара и могучий Енисей.

Мой отец, Новосёлов Яков Петрович, 1897 года рождения, работал в кузнице, а мама, Новосёлова Анна Кузьмовна была поваром в столовой. Семья наша была такой: я, родители, любимая бабушка Фёкла Иссаковна (мама моего отца), брат Александр, 1921 года рождения и сестра Елизавета, 1923 года рождения.

Александр был комсомольцем, спортсменом, любил книги К. Маркса и В. Ленина, бережно их хранил и постоянно перечитывал. Хорошо помню, что в начале 1941 года в посёлке устраивали военные сборы комсомольцев, где их обучали военному делу: копать траншеи, маскироваться, носить противогазы, разжигать костры, переносить людей на носилках. Брат участвовал в этих сборах, даже, помню, маскировал окна нашего дома чёрной тканью.

Сестра Елизавета перед войной вышла замуж, и сначала работала в посёлке, а потом уехала жить и работать инспектором в маленький, в прошлом купеческий, старинный город Енисейск, который находится примерно в восьмидесяти километрах от посёлка.

Осенью 1941 года здесь же, в посёлке, я пошла в школу в первый класс.

Папу на фронт не взяли, у него была бронь, к тому же он немного прихрамывал из-за перебитой коленной чашечки еще в Гражданскую войну, да и возраст у него уже был не тот. Кроме того, оставлять поселок совсем без мужчин было не совсем правильно.

В конце 1941 года или в начале 1942 года на войну забрали моего брата Александра. Он тогда учился на шофёра и работал в городе

делать и контролировала, благодаря ей нашей семье было полегче в эти военные годы, мы особо не голодали.

Мы, дети, работали в огороде, собирали в лесу грибы, ягоды. Ягоду потом перебирали и из-за нехватки сахара сушили на капустных листьях. Также плавали с друзьями на лодке по реке, причём кто-то сидел в лодке и направлял её, а мы с подружками тянули её за веревку по берегу. Так мы все вместе сетками ловили рыбу, а после делили её между собой и приносили домой. Ту рыбу, которая была покрупнее, мы под руководством бабушки вялили на солнце, так как соли не хватало, а из мелкой делали рыбный фарш. Потом мама из вяленой рыбы, картошки и лебеды варила нам суп. Если бы не бабушка, эта пойманная нами рыба летом до прихода родителей с работы уже бы испортилась, а так она вся уходила для приготовления еды.

В школе, помню, у нас были уроки военного дела, где мы учились надевать противогазы, делать перевязки раненым, ходить строем.

Иногда с фронта к нам домой приходили письма от брата Александра. Он воевал в отряде лыжников-сибиряков, которые зимой носили белые маскировочные костюмы и так оставались незаметными для врага.

Брат писал, что в 1942 году зимой несколько суток они были в окружении врагов где-то в снегу под Смоленском, там он был ранен и находился несколько месяцев на лечении в госпитале в Казани, после выздоровления его снова отправили на передовую.

В своих письмах из госпиталя он интересовался о своих поселковых друзьях, которые тоже ушли на фронт, очень просил беречь его бумажное имущество, так он называл свои книги, а также, чтобы тятя и мама читали последние известия.

Родители при получении от него писем, очень радовались, писали ответы, в которых сообщали, как обстоят дела дома, просили его себя беречь.

В сентябре 1942 года пришло от брата последнее письмо, сложенный в треугольник клочок бумаги, на котором были написаны строки, которые я заучила наизусть: «Дорогие родители! Я жив, здоров, готов защищать Родину. Будьте уверены, как и я, – победа будет за нами! Ваш сын Александр».

Вскорости получили извещение с фронта, что Александр пропал без вести, так как в списках убитых, раненых и взятых в плен не значился. Родители очень тяжело восприняли эту новость, переживали и плакали.

Уже потом, после окончания войны и многолетних поисков нам из архива на запрос пришёл ответ о том, что Александр был отправлен воевать под Сталинград, где и погиб в бою.

Куда С. Стрелка

Кому _____

ИЗВЕЩЕНИЕ

Кр-чат Новоселов А.И. Окавилкин

урожденный _____
 в боях за социалистическую родину, черной военной присягой
 проявил героический мужество, был _____
Кр-чат Новоселов А.И. Окавилкин

Похоронен _____
 Настоящее пенсионное является документом для возбу-
 ждения ходатайства о пенсии (привяз НКО СССР)

Ижевский районвоенком
 Ижевск (С.И. Монод)
 Ижевский районвоенком (Кондратьев)
13/11 1943г.

Такая особенная и роковая цифра «двадцать один» в его жизни – 21 сентября 1921 года он родился, и погиб в возрасте 21 года тоже примерно 21 сентября 1942 года.

Скорее всего, его вместе с другими солдатами привезли на линию фронта, но не успели поставить на учёт, так как под Сталинградом в то время шли ожесточённые бои, а сразу

направили их на передовую. Сколько там человек погибло, кто они были, – узнать теперь уже вряд ли возможно. Думаю, что похоронен он где-то под Волгоградом, возможно, в общей могиле.

О дне Победы у нас в посёлке все узнали из сообщения уличного радио, его называли «чёрной тарелкой». Я была в школе, к нам прибежали, рассказали о Победе, все уроки в школе тут же отменили. Люди в посёлке обнимались, плакали от счастья, кричали «Ура!», все радовались.

В посёлок домой после войны из тех, кто ушёл на фронт, почти никто не вернулся: знаю, что один из друзей брата Краснов Сергей был убит, а другой – Конных Иван вернулся, но потерял в боях одну ногу.

В 1946 году на пароходе, следовавшем из города Красноярска, вернулся муж сестры Елизаветы, ранений у него не было. Может быть, благодаря тому, что воевать ему пришлось на востоке, он остался жив.

До 1947 года продукты мы получали по карточкам, помню, что сначала иждивенцам хлеба не давали, а потом стали выдавать только по пятьдесят грамм в сутки. После отмены карточек хлеба стали получать больше, а к праздникам, помню, потом стали давать муку, сахар, крупы.

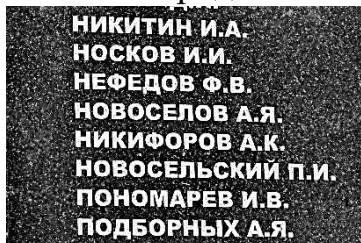
После окончания школы я работала лаборантом в химической лаборатории на руднике, который назывался геологоразведочным почтовым ящиком № 4, потом окончила курсы и устроилась бухгалтером в филиал Енисейской сплавной конторы в посёлке Стрелка.

Работая на руднике, в 1951 году я познакомилась со своим будущим мужем Даниловым Анатолием. Он после возвращения с войны ходил вверх по реке Ангаре и вниз по Енисею на катере «Разведчик», был речником. Мы встречались, гуляли, танцевали под гармонь. В феврале 1952 года сыграли с ним свадьбу, в 1953 году у нас родился сын Леонид, а в 1957 году дочь Валентина. В 1971 году мы переехали жить в город Лесосибирск в Красноярском крае, который расположен примерно в пятидесяти километрах от посёлка Стрелка, где я до пенсии работала

бухгалтером на мачтопропиточном заводе. Сейчас у меня четверо внуков и один правнук.

Хочется пожелать молодому поколению, чтобы никогда не было войны, чтобы люди жили дружно, чтобы была возможность честно трудиться и зарабатывать, и чтобы не было врагов – ни чужих, ни своих.

В городе Лесосибирске Красноярского края на набережной реки

Енисей в 1985 году был открыт памятник «Памяти погибших в годы Великой

Отечественной войны» и установлены плиты с именами военнослужащих, погибших в боях, умерших от ран, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны,

призванных Енисейским райвоенкоматом. На одной из них увековечено имя моего брата Александра «Новосёлов А. Я.», родного для меня человека, который исполнил свой долг ценой собственной жизни.

Лещев

Владимир Васильевич

Лещев Владимир Васильевич родился в 1936 году в Кемеровской области, в Мариинске. Отец, Василий Федорович, служил в службе гончих. Мать Владимира с чувашскими корнями, родилась в Казани. Окончила два класса церковно-приходской школы. В семье, кроме Владимира, было еще два сына и одна дочь, но все они погибли до войны, в живых остался один Владимир.

Во время войны отец Владимира Васильевича попал в фронтową разведку. С войны не вернулся. Через полгода семья получила с фронта похоронку.

«Во время войны мы выживали на картошке и корове, – говорит Владимир Васильевич, – выменивали овощи и продукты на рис у японских военнопленных». Владимир вспоминает о людях тех времен так: «Не было сомнений, что русские выигрывают у немцев в войне, несмотря на то что всем было известно: немцы уже в Подмосковье».

В 1945 году Владимир Васильевич пошел в школу. «Победу встретили с громом. Радость у людей была несусветная!», – отмечает он.

«После войны каждый день и каждый год становилось лучше. Сегодня, наоборот, каждый день и в каждый год становится все хуже и хуже...»

В 1955 году Владимир Васильевич окончил школу в Мариинске. Тогда следов войны уже не было заметно. Поступил в Станкостроительный техникум. После техникума стал работать конструктором. Дела складывались хорошо, Владимир Васильевич продвинулся по карьерной лестнице от конструктора до инженера. Далее поступил в Инженерный институт на заочное отделение. Стал начальником Конструкторского бюро в городе Новосибирске.

«Мне нравилось все новое, – отмечает Владимир Васильевич. – Легко давалось конструкторское дело, я легко мог отвлечься от проблемы и посмотреть на нее под другим углом и решить задачу на раз-два». «Однажды мы проектировали роторную линию, один из роторов „сидел“ полгода и я, в свою, очередь сразу взялся за эту работу и быстро сообразил, что к чему. В итоге спроектировал линию», – вспоминает Владимир.

В 24 года Владимир Васильевич женился на 23-летней девушке из города Горького. Она была из детского дома. Затем семья переехала в Горький. Работы было много везде, и Владимира Васильевича совсем не держала работа, он знал, что хорошие конструкторы, каким он был и себя считал, нужны везде. Семья легко переезжала с места на место, из города в город.

В 1962 году у супружеской пары родился сын Владислав. Из Горького семья переехала в Измаил. Тут Владимир Васильевич устроился на судостроительный завод. Ну и в этом городе он с семьей долго не задержался. «Скучно было, я стал злоупотреблять алкоголем», – вспоминает он. Жена Владимира Васильевича настояла на переезде. Дальше молодая пара переехала в Душанбе, Таджикистан. После недолгих исканий Владимир поступил на работу в Проектный институт строительства. Владимир Васильевич стал сразу главным инженером; его фотография висела на доске почета республики Таджикистан.

Когда начались волнения, которые предшествовали развалу Советского Союза, Владимир Васильевич почувствовал тревожные сигналы надвигающейся «бури». Он принял решение уехать обратно в Россию.

Владимиру Васильевичу и его семье был по душе теплый климат, близкий к азиатскому. По этой причине его семья переехала на юг России, в Ставрополь.

Владимир Васильевич и его жена нашли здесь работу; хорошо зарабатывали и жили в достатке. До пенсии Владимир Васильевич работал конструктором.

С молодости увлечением Владимира было рисование. После выхода на пенсию он серьезно увлекся написанием картин.

Несмачная Светлана Ивановна

Родилась Несмачная Светлана Ивановна в 1937 году в г. Гудермесе Чечено-Ингушской АССР. Мать, Валентина Григорьевна Джумайло, тюркского происхождения. Дедушка был крещеным казаком. Отец, Несмачный Иван, был корнями из Запорожья, но родился в Слепцовой. Он считал себя сунженским казаком. Служил в партийных органах.

Мать и отец познакомились в кооперативном техникуме, поженились после окончания техникума. У Светланы Ивановны была старшая сестра Нелли и старший брат. Брат погиб от рук бандитов у себя дома. Сестра была старше Светланы Ивановны на 4 года.

В 1939 году семья переехала в станицу Советскую. Отца назначили первым секретарем Советского района (Ставропольский край), затем первым секретарем села Дивное и семья перебралась в Дивное.

Во время войны отец служил в партизанском отряде комиссаром. Светлана, мама и сестра оставались жить в Дивном. В 1942 году Светлана и ее семья были эвакуированы в Махачкалу вместе с семьями

партийных работников. Им выделили подводы, трех лошадей и кучера; до Махачкалы они добирались около месяца. Как только немцы отступили за черту Ставропольского края, из Махачкалы семья Светланы снова вернулась в Дивное.

В 1941 году после вторжения фашистских войск на территорию России, отец Светланы Ивановны будучи рискованным человеком, ослушался приказа начальства уничтожить зерно; он не стал жечь запасы, а убедил людей надежно спрятать все запасы посевов до весны. После того как немцы отошли от границ Ставропольского края, люди вернулись весной в родные места и им удалось взрастить хороший урожай, далее отправить зерно на нужды фронта; за такой смелый поступок отцу Светланы Ивановны были присланы благодарственные грамоты и телеграммы.

После войны семья переехала в Ставрополь и поселилась в доме на улице Мира, 303. Здесь сестра Нелли Ивановна поступила в Университет на факультет иностранных языков. На четвертый год обучения в университете Нелли Ивановна вышла замуж.

Светлана Ивановна закончила в Ставрополе школу № 1. Мечтала поступить в медицинский университет, но не прошла по конкурсу; счастливый случай привел её в Фельдшерско-акушерское училище, которое она окончила с отличием.

Светлана Ивановна с детства страдала ревматизмом. Это системное воспалительное заболевание соединительной ткани с преимущественной локализацией патологического процесса в оболочках сердца. По причине постоянных обострений болезни и плохого самочувствия продолжать свое обучение в медицинской сфере и, более того, строить карьеру врача не представлялось возможным. После окончания училища девушка устроилась работать в Противочумную больницу, через год поступила работать в Краевую больницу. Здесь проработала месяц в хирургическом отделении, затем по состоянию здоровья была переведена в методический кабинет.

Светлана Ивановна окончила Московский историко-архивный институт. После окончания института Светлана переболела энцефалитом. Несмотря на это, у неё остались силы жить и работать дальше. После института она стала научным сотрудником Государственного архива Ставропольского края, отдела кинофотодокументов. «Меня называли начальником, но у меня не было ни единого подчиненного», – вспоминает Светлана.

Светлана Ивановна Несмачная – составитель сборников архивных документов «Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг.», «Кисловодск в исторических документах. 1790–1917 гг.», «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. 1790–1917 гг.». Она проработала в архиве до 50 лет, затем вышла на пенсию.

Светлана Ивановна начала работу над сборником «История Кавказа в лицах». Сборник начал издаваться с 2000 года. Биографический словарь посвящен людям, чьи судьбы были связаны с Кавказом. Многолетний труд был завершен в 2017 году. Он составил 27 томов библиографических справок о жителях Ставрополя и Северного Кавказа.

Араксянц Седа Миграновна⁵⁶

Седа Миграновна родилась в городе Пятигорске седьмого июня 1927 года, но официально ее рождение было зарегистрировано седьмого февраля 1927 года. Её родители - беженцы из Западной Армении.

В молодости ей очень нравилось играть в Школу. Ее детской мечтой было стать учительницей, и ее мечта стала реальностью.

Когда она училась в девятом и десятом классах, она была старостой класса и организовала группу учеников, которые каждый день после школы посещали местную больницу с ранеными солдатами.

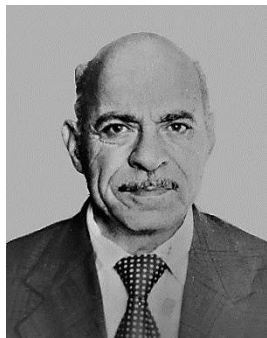
⁵⁶ Статья подготовлена внуком Араксянц С.М. – Митрофаненко А.В.

Глазами Детей войны

Седа Миграновна всю свою жизнь проработала учительницей. Она преподавала Английский в школе №7, №12 и работала завучем Английского языка школы №1 имени Лермонтова.

Её муж, Макар Давыдович Маркарян, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе

с Немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.. был награждён орденом Отечественной Войны 1ой степени. Он был танкистом. На фронте он получил ранение, после чего стал инвалидом.

Семья воспитала двоих детей. Роберт - инженер, в 90-х годах прошлого века работал в должности заместителя директора по хозяйственной части Геронтологического Центра «Бештау». Дочь Людмила – кандидат наук, лингвист, возглавляет кафедру иностранных языков в СКФУ.

Внуки Седы Миграновны на данный момент проживают в Вене. Тамара защитила докторскую диссертацию в Венском университете на тему «Устойчивое развитие сельских поселений горной местности». Она занимается экологическими проектами в ряде стран мира, в том числе и на Кавказе.

Помимо своей работы в UNEP⁵⁷, Тамара преподает ряд предметов в Венском университете. Внук - Александр заканчивает магистратуру по специальности Социальная Экономика и Политика.

На фотографии – её дочь Людмила и внук Александр с портретом Маркарян Макара Давыдовича на акции “Бессмертный Полк” в городе Пятигорск.

Воспоминания Седы Миграновны:

В 1939 году я училась в школе №2. В нашем городе было всего две школы - школа №1 и школа №2. В мае 1939 года, во время одного из

⁵⁷ Программа ООН по окружающей среде, или ЮНЕП (англ. UNEP, United Nations Environment Programme), — созданная в рамках системы ООН программа, способствующая координации охраны природы на общесистемном уровне.

уроков, к нам в класс забежал директор и объявил, что учебный год официально закончился, потому что школу собираются преобразовать в тракторное училище. Позже мы слышали, что там на самом деле было танковое училище. После этого только грустные воспоминания, потому что нам приходилось переходить из здания в здание, чтобы закончить среднюю школу.

Когда немцы вошли в Пятигорск, всем было страшно. Они проезжали мимо нашего дома на мотоциклах. Мы тихо сидели внутри и смотрели в окна. Однажды, очень рано утром кто-то пришел к нам в дом и постучал в дверь – это был русский солдат. Он сказал, что, если люди хотят эвакуироваться, они предоставляют помощь и транспорт. Папа объяснил, что они (родители) инвалиды и у них трое детей, поэтому мы остались. Многие пошли с русскими солдатами.

Я помню, как в один из первых дней оккупации гуляла с отцом по улице Дзержинского. Мы пошли в гости к одной знакомой, которая жила одна, потому что ее муж был призван воевать. Она подарила мне баночку консервированных абрикосов. Я несла ее в руке. А у одного из зданий на улице Дзержинского стоял немецкий солдат с пистолетом. Он подошел ко мне и с силой вырвал банку из моих рук. Я потянулась, чтобы забрать его, и закричала: «Отдай!» Но папа быстро оттянул меня. Он тут же вынул из кармана нож, быстро открыл банку и стал есть абрикосы. Папа схватил меня за руку, и мы пошли домой.

Помимо этого, с нами жили беженцы из Санкт-Петербурга. Были две старушки, дочь одной из них, которая была врачом, и ее племянник. Они попросили у нас приют, и у нас была комната, поэтому они жили там пару месяцев. Они были евреями и всегда должны были носить белые звезды Давида. Через несколько месяцев немцы приказали всем евреям Пятигорска переселиться в какой-то другой город, поэтому мы с сестрой пошли проводить семью, которая жила с нами. У них был багаж, поэтому мы помогли им донести его до места назначения. Там была большая пустая площадка с деревянными ограждениями вокруг, и евреев проводили внутрь. Когда мы приехали, моя сестра вошла с ними, чтобы помочь с одной из сумок. Ограждение окружали граждане, проводившие других людей и семьи. У входа также были русские в военной форме; они были предателями, которые начали работать на нацистов. Я ждала, когда вернется моя сестра Сильва, но ее не было довольно долго. Тогда у нее были короткие волосы. Я нигде ее не видела. Я начала кричать: «Где Сильва? Она моя сестра!» Один из предателей ясно видел, что мы армяне. Я сказала ему, что она моя сестра. Я громко кричала и плакала. Все вокруг слышали меня, и в конце концов

заставили его пойти и найти ее. Через несколько минут я увидела, как Сильва возвращалась с ним. Это было очень страшно! Я кричала по-русски и по-армянски и просила о помощи.

Второе воспоминание - когда снаряд разрушил дом нашей соседки через дорогу. Один из их детей прибежал к нам домой и спросил, живут ли с нами врачи. Оказалось, что и их мать, и отец были смертельно ранены, в результате чего восемь их детей остались сиротами. Мы побежали к ним домой, пытаясь помочь, но ничего не смогли сделать.

Самые страшные воспоминания – это когда немцы сжигали наши школьные здания. Школа №1 была полностью разрушена. Горело много зданий, и это было очень страшно. Наш город Пятигорск был оккупирован пять с половиной месяцев.

Однажды, когда я училась в десятом классе, наш директор прервал занятия и закричал: «Дети, выходите на улицу!» Мы выбежали; все на улицах кричали, что война закончилась. Некоторые из моих одноклассников плакали, потому что их родители погибли во время войны, но большинство из нас кричали от радости и счастья.

Милошенко Любовь Тимофеевна

Я родилась в 1923 году, здесь, в Ставрополе. До 4 класса меня учили в школе железнодорожников. Находилась она по улице, что сейчас носит имя Геннадия Голенева. После перевели в школу № 10, где сейчас находится гостиница «Интурист».

Объявили войну по радио, которое было установлено на улице на столбе. И сразу началась мобилизация ребят, с которыми я училась. Мы их провожали на фронт. Из них уцелели два человека. Один был ранен в

позвоночник, один был малый ростом, поэтому остался жив. Нас, меня с семьёю человеками из сельхозинститута, где учились с девочками, перевезли в Юрьевск. В течение трех месяцев обучались делам, необходимым в армии. Я была связисткой-телеграфисткой. Могла работать на передаче приказов командования и действующих подразделений, а также на телефонных аппаратах.

Переживали обстрелы, бомбежки. Одной из задач немцев было уничтожение связи, поэтому приходилось часто менять место, нас перевозили – машина стояла около нашей кибитки. Электричества не было, а стояла большая лампа, заправленная бензином. И вот однажды во время работы эта лампа взорвалась. Загорелся пол в этой комнате, напротив дверей. Мне было тогда 18 лет. Чтобы спасти необходимые сведения, чтобы не загорелась машина, я кинулась через огонь на улицу, выскочила вместе с водителем, и успели перекатить машину.

Прослужила я в армии три с половиной года на Южном Кавказском фронте. Была на Марухском перевале, там я и потеряла слух.

На Марухском перевале во время движения домой пришлось идти по горам. Горы были покрыты льдом, высота была больше 4 тыс. метров. Сначала поднимались вверх, потом спускались вниз. А внизу река горная, очень быстрая. Приходилось бросать дерево, и по нему шагали. Один боец видел, что я была маленькая, оглохшая, и решил помочь. Говорит: «У меня трое детей дома, в Ленинграде. Давай я тебе помогу!» Вот когда стали переходить через речку по дереву, он сам поскользнулся и упал в воду. А я схватила его руку и не отпускала. И вытащила его на берег.

Я была в армии с 17-летнего возраста и до 21 года, до тех пор, пока не оглохла. Видела, как гибли наши ребята. Немцы бомбили, обстреливали действующие подразделения наших солдат, стараясь выгнать нас с нашей земли. Бойцам приходилось расплачиваться за

свободу Родины своими жизнями. Они падали, истекали кровью. Некому было им помогать.

Я была демобилизована по глухоте в 1944 году. Возвратилась в Ставрополь. Во время оккупации немцы уничтожили многое – заводы, школы и предприятия. В военкомате меня зарегистрировали, демобилизовали. Моя подруга предложила идти в мединститут, но я по своему здоровью не могла там учиться, а в это время к нам из Тихорецка был эвакуирован железнодорожный техникум. Так как я училась в железнодорожной школе, меня это очень интересовало. Пошла учиться в этот техникум.

Сначала училась плохо, ходила в железнодорожную поликлинику, и мне лечили уши. А ночами я занималась в частной квартире, где снимала комнату с шестью девочками. Занимались при коптилках (это такие пузырьки с керосином с тряпочкой). Приходилось чертить: строили чертежи разных машиностроительных приборов для паровозов. Ходили на практику на железную дорогу. Смотрели, что делают рабочие. Меня интересовали паровозы, я расспрашивала, как все устроено, и ездила с машинистами.

В то время паровозы топились углем. Помощник машиниста забрасывал в топку уголь, а я сидела с машинистом рядом. Училась я, окончила техникум, и была направлена на работу на поезд. В нашем поезде были люди, которые отслужили, больные люди, которые раньше уезжали на фронт – молодые ребята, все возвращались домой, и все женщины их обнимали, целовали, расспрашивали о том, видели ли они их близких: сыновей, отцов и братьев, – плакали, радовались. Подъезжала машина и развозила их по домам.

Из рассказа дочери Любови Тимофеевны: «Во время войны мои родители встретились в последний раз на площадке между поездами и в тот миг успели попрощаться. Это была их последняя встреча – как в кино! Эти события я знаю из рассказов матери и бабушки, Вишняковой Анастасии Сергеевны. Бабушка находилась в нашем городе во время оккупации. Она видела зверства немцев. Она была красивая женщина, а они пытались ею воспользоваться. Но одному из них она надела ведро на голову и вынуждена была убежать в дальний микрорайон и некоторое время там жить.

Мой папа, Митошенко Иван Петрович, был тоже участником войны, и тоже на Юго-Западном фронте. Он дошел до Австрии, проходил Будапешт, Бухарест и Вену.

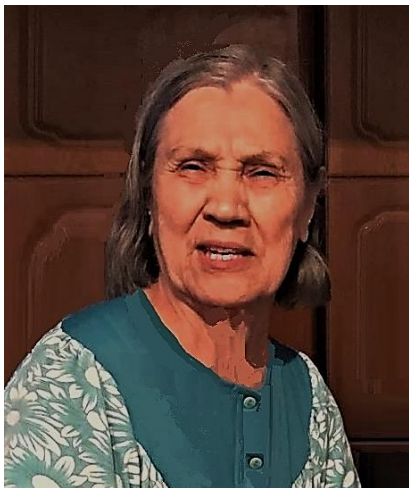
Несколько месяцев они стояли чуть ли не по пояс в воде на озере Севаш. Он был командиром «Катюш». В Австрии его оставили до 1952 года, Он там служил в засекреченной части, так как информации об этом нет. Вернулся он из армии в мае 1952 года.

Папа, вернувшись из армии, был направлен на обучение кинологом, и работал в уголовном розыске. Долгое время, практически всю жизнь служил, заслуженный работник милиции, отличник милиции. Работал с собаками и помогал разыскивать преступников. В дальнейшем он был командиром ветеренарного отряда, где устанавливал карантин в зонах эпидемий – ящура, оспы и холеры.

Мама, отработав практику, вернулась на паровозе из Харькова и стала организовывать службу быта в г. Ставрополе, мобилизуя для этой работы людей, потерявших работу: инвалидов, участников войны, у которых отсутствовали навыки всех других профессий. Они организовали и производство игрушек и цветов, и швейное производство. И все дома быта, которые были на Ставрополье, – это заслуга моей мамы! Таким образом восстанавливали жизнь ставропольчан. Тогда такое объединение называлось Комбинат разнобытовых услуг. И мама была его директором.

Война была страшным периодом нашей жизни, потому, что дети сразу после школы попадали в бой.

Послание поколениям – никогда не думайте о войне, потому что это боль и страдания. Требуйте, чтобы ее никогда не было, так как гибнут люди и разрушается все вокруг. Люди после войны, израненные и искалеченные, смогли восстановить вам жизнь, в которой вы сейчас живете! Это совсем другое время.

Шейхсламова

Лилия Хусаметдиновна

Показывают военные фильмы... А у меня душа болит, мы ведь всё это пережили, голод, волки воют. Мы тогда в глухой маленькой деревне жили... Ворота деревянные, волки подходят к воротам и воют... А мы в избе.

Отца забрали на войну, а мама паек получала. Пешком ходила за 30 километров.

А один раз волк ей навстречу, а мы-то с ней были, четверо маленьких детей. Но, видимо, волк недавно чью-то корову съел, сытый был. Мы только хлеба хотели, мы не знали, что такое печенье, конфеты, сахар. Но, несмотря ни на что, мы корову держали. Дрова нам привозили, такие длинные... У меня сестра была 1936 года рождения, и нам самим приходилось их пилить, колоть. Это были страшные годы... Я, кроме голода, ничего не помню...

Настал 1945 год, отец приехал, с фронта, вернулся. Заходит, а мама его не узнала. Мама была такой женщиной: вот люди заходили (раньше ведь ни кафе, ни столовых), она ставила самовар, и они за это оставляли или кусок хлеба, или булочку. А мы никогда не знали, что такое булочка, белая такая...

Чем старше становлюсь, ещё и после инсульта... я так эти годы вижу: избу нашу, теленка, мы на кухне, на полу спали. Сестра умерла от туберкулеза, 5-й ребёнок, ей лет 18 было. Отдали её замуж, а при родах её простудили. Но мы все здоровы.

В конце войны ещё и брата забрали, он 1927 года рождения, совсем молоденький. Он вот до Японии дошел. Страшные годы... Не дай Бог... Вот сейчас говорят, жалуются, что плохо то, это... Но если бы они видели, как мы жили. Я не понимаю, как мы выжили. Мама работала в колхозе... И один раз она ушла и избу не протопила... А наутро мы проснулись и увидели мышат застывших. Мы же тогда в Челябинской области жили, на Урале. Там же холодина, вот они и замерзли. Говорят: «Дитя войны»... А мы ведь страшнее войны ничего не видели.

Войну мы ощутили целиком и полностью... Сейчас мы сытые, вода есть, газ... Вот мама суп (картошку с водичкой) приготовит, на железной печке сварит и по блюдам разольет, добавляла туда столовую ложку молока, чтобы суп сытный был.

Мне было 5 лет и мама приходит с работы и говорит: «Кончилась война». Вот это я навсегда запомнила.

**Данилова
Раиса Ивановна**

Я, Данилова Раиса Ивановна, родилась 15 февраля 1942 года. Жила в Петровском районе Ставропольского края, селе Высоцком. Родители работали в колхозе «Правда».

Папа мой был инвалидом. Мои дяди, Лежебоков Николай Сергеевич, Лежебоков Сергей Сергеевич, ушли на фронт и не вернулись. Воевал и мой двоюродный брат, он вернулся с войны. Проводы были очень волнительные.

В селе из каждого дома ушёл хозяин, все, кто остались, собирались вместе, горевали, обсуждали все. Дети оставались с мамами, мамы были работниками тыла, копали окопы. Моя мама – ветеран войны. У неё имеется удостоверение.

Мы помогали старшим, чем могли, мы просто были, как муравьи, – всё несли в дом. Я, мой брат и сестра работали в огороде. У нас корова была, разводили кроликов. Огород и хозяйство кормили нас, нам не на кого было надеяться. Своим трудом и вниманием к каждому держались друг за друга. Вся улица, на которой было 35 домов, все соседи жили сообща, поддерживая друг друга. Делились продуктами, одеждой, обувью. Весь народ был очень сплоченный. В каждом из этих 35 домов были дети. В трёх или в четырёх было по четверо детей, а у остальных – по двое или трое. Было очень тяжело. Все, у кого были овцы, пряли пряжу, вязали варежки носки и отправляли всё на фронт.

С фронта от родных ждали письма, конверты, треугольники присылали. Собравшись вместе с соседями, читали полученные с фронта письма. Это было очень волнительно читать и знать, что человек жив, всем хотелось, чтобы родные вернулись с фронта живыми.

Из всех 35 домов на нашей улице в 20 домов ушедшие на войну не вернулись. В один дом пришёл без руки, были контуженные.

Во время оккупации немцев все боялись. Уходя, немцы заходили в каждый двор и забрали всё, что у кого было: кур, поросят, продукты. Родители прятали своих детей в сараи, уводили к реке, чтобы детки не

попадались им на глаза. Как таковых боев в нашем и Гофицком районах не было, но бомбёжка была. Мама рассказывала, что у нас был дом, огород, речка. И как только слышали гул самолета, все бежали к реке, прячась под деревья. Разрушили церковь и школу. Церковь восстановили после войны, сделали часовню.

Когда наши возвращались с войны, мне уже было 5 лет. Это была радость. У нас в селе, в центре, была библиотека, там был колокольчик. И когда сказали, что война закончилась, все бежали туда. Собралось очень много народа, почти всё село, в селе было до 5 тысяч человек. Собрались в ожидании, когда Левитан объявит об окончании войны.

Узнав о Победе, все плакали, прыгали, бегали, обнимались, дарили цветы друг другу, целовались, играли на гармошках. Потом настало время ожидания тех, кто вернется. Наставший день победы – это

ликование в душе, мир. Все ждали этой минуты. Людям, тяжело было жить все годы, не доедая, не допивая, в ожидании, в постоянном напряжении, волнении. У нас не было еды, одежды, обуви. Ходили в обносках.

Когда возвращались односельчане, в этот дом приходили всем селом. Возвращались с фронта не сразу все, а постепенно, с 1945 по 1946 год. И всех ждали, даже кому похоронка пришла, и они тоже ждали и надеялись, что их родные вернутся живыми. Собирались семьями, собирались соседи, поздравляли, делились всем, чем могли. Те, кто с фронта возвращались, были истощёнными, изможденными. Но у них горели глаза, от того что ступили на родную землю, отстояв нашу свободу и вернулись домой. Были одеты в солдатские гимнастёрки, сапоги, и с медалями.

Двоюродный брат был разведчиком. Он захватил немца живого и его наградили за это – он с медалями шёл.

Послевоенное время – это голод. Мы кушали разную траву, абрикосовые ядрышки, цветы акации. Помню, как после сбора урожая капусты, мы выдергивали из земли её корни, очищали и кушали. Ходили в лес собирали шишечки, делали оладьи. Кукурузу, пшеницу, фасоль, горох сажали в огороде. Сеяли коноплю, из её семян выжимали масло и с ним кушали пампушки. Стебли конопли обрабатывали, ткали холсты, отбеливали их и шили вещи. Станок, на котором делали холсты,

назывался ткан. На нем работали поочередно две маминых сестры-вдовы, они шили «холщовые» юбки, рубашки, брюки. Шили платья из марли и красили в розовый цвет, и в таком я пошла на встречу дня Победы. Всё хозяйство, которое у нас было, облагалось налогом, даже деревья.

Сейчас можно только мечтать о единстве, которое тогда было.

Мы чувствовали это единство. Поэтому наше поколение сейчас за мир, за Родину. Для меня семья, мама, Родина – это самое главное.

Сколько живу, я ни одних выборов не пропустила. Ходила и буду ходить. У меня есть свое мнение. За нашу Родину надо сражаться, чтобы она была вечно. Я смогла реализовать себя в жизни, живя в бедноте, было очень тяжело. Но я поставила себе цель – жить лучше, чем моя семья, и сделаю всё для того, чтобы задуманное сложилось. И у меня всё получилось.

Будучи школьниками, мы помогали колхозу в уборке урожая.

После окончания школы я начала работать в колхозе и училась заочно. Сначала работала счетоводом, потом в течение 7 лет – бухгалтером, затем заведующей отделом кадров. В колхозе работали 1 400 человек. 16 лет я была председателем

профсоюзного комитета.

Я была пионером, комсомолкой, членом парткома, заседателем суда, я была общественным работником. Я люблю свою деятельность и до сих пор ею занимаюсь. Я и сейчас член совета микрорайона, член женсовета, председатель совета «Детей войны». Пою в хоре, участвую во всех мероприятиях, праздниках заседаниях, отчетах нашего Промышленного района.

Знакома я с нашим губернатором В. В. Владимировым и А.Х. Джатдоевым, Д. Ю. Семеновым, С. Ю. Галетовым. Это все люди, за которых я подписи собирала и голосовала на выборах.

Я в своей жизни реализовалась. Награждена грамотами за свою деятельность. Примерной была в селе наша семья. У меня двое детей: сын и дочь, два внука и две внучки. 15 лет уже как я вдова. У нас мирная дружная семья.

Мы едины, меня ценят и уважают дети и внуки. А это дорогого стоит.

Леонов

Валентин Александрович

Леонов Валентин Александрович родился 17 апреля 1938 года в многодетной семье – шестеро детей, двое умерли в младенчестве. Четверых детей воспитала одна мама – Леонида Анастасия Герасимовна.

Детство Валентина Александровича прошло в маленьком домике на ул. Ташлянской №17. Послевоенные годы были не лёгким. Дети с раннего возраста начинали помогать родителям, выполняя определённые обязанности. Выживать было не просто. Но и радостей хватало. Игры, прогулки со сверстников, школьная дружба. Прогулки на Таманские дачи, на Комсомольская пруды, запомнившееся вкус хлеба, который доставали после стояния в очереди. Выжить помогал небольшой садик и огород. Это был труд всей семьи. Во дворе цвета прекрасная сирень. Дети сами построили маленькую беседку, в которой сидя на скамейке можно было любоваться закатом и восходит. Слушать пение птиц, а вечерами, глядя на луну и звезды, учиться размышлять о вечном!

Может быть именно все это стало стимулом для романтического отношения к жизни, которое сложилось у вас в детстве и юности. А бытовые трудности научили не расслабляться, добиваться поставленной цели, всегда быть готовым помочь людям, если это нужно, заботиться о своей семье. Эти качества сохранились у вас на всю жизнь.

Он из того самого первого поколения мальчишек, пришедших в 12 школу после того, как она перестала быть женской. Это был 1954 год. 1956 год – год окончания школы.

Обучались в 10 классе, Валентин уже решил стать летчиком. Он поступил на предварительной обучение в Ставропольский аэроклуб. Активно занимался боксом, был членом школьного комитета ВЛКСМ. К учебе и всем свои обязанности относился Добро совестно. После

окончания школы поступил в Сасовское лётное училище⁵⁸, которое закончил в 1959 году, и получил назначение на работу пилотом гражданской авиации в г. Хабаровске, а школьная любовь не покидала его, и в июле 1959 г. Привела в ЗАГС вместе с будущей супругой Эльвира Константиновна Белкиной. Вместе они прожили 49 лет. В августе 19 2008 г. В.А. умер после тяжёлых заболеваний.

Вся их жизнь была примером служения людям, своей стране, своей семье, тем нравственным идеалам, которым нас учили в школе. Ему пришлось по назначению сначала работать пилотом в маленьком таежном посёлке Хабаровском края, перевозить пассажиров на самолёте Як 12. Затем, после возвращения в Ставрополь работать пилотом в сельхоз авиации. Это была трудная и опасная работа. Иногда посылали в длительные командировки на сельхоз работы в Узбекистан.

Через некоторое время он перечислять и стал командиром пассажирском лайнера АН -10. Были полёты по всей стране, вылеты иногда в 5, в 6 часов утра, возвращение – поздней ночью. ВАЛЮШКЕ понимал, что от него и его экипажа зависит безопасность пассажиров. Красоте относился очень ответственно. За 18 лет полётов у него не было ни одной аварии. Но силы, здоровье – уходили. После выхода на пенсию он работал в аэропорту, занимая другие должности, был инструктором. Когда уволился, очень тяжело пережил расставание с любимой профессией. Но не расслабляться, понимая, что растут дети, Ирина и Сергей, надо им помочь получить профессию. Иногда переходил на работу совершенно меня профессиональное направление. Несколько лет был директором Ставропольского кинотеатра «Октябрь». Именно при нём в кинотеатре появился клуб любителей кино, который существует до сих пор под руководством замечательного человека Геннадия Николаевича Хазанова. Теперь встречи проходят в краевой библиотеке им. М.Ю. Лермонтова.

Вместе с коллективом кинотеатра «Октябрь» принимал участие в создании памятника АС Пушкину.

Закончил свою трудовую деятельность ВАС в МКС в должности начальника отдела кадров.

Леонов Валентин Александрович был любящим отцом и мужем, забота о семье, о детях всегда были для него неотъемлемой частью

⁵⁸Сасовское имени Героя Советского Союза Тарана Г. А. лётное училище гражданской авиации — филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева» (СЛУ ГА филиал ФГБОУ ВО УИ ГА) — среднее училище гражданской авиации СССР и России, находящееся в г. Сасово Рязанской области.

жизни. Дома, несмотря на сильное ухудшение зрения в последние годы, он любил ходить и трудиться на даче, которая находилась в районе Мамочки. Обожал внука Антона, мечтал о том, чтобы он тоже стал летчиком. Он очень любил выходить на природу всей семьёй. Никогда не жаловался на болезни, активно участвовал в ежегодных встречах летчиком в День авиации. Его помнят выпускники школы до сих пор.

Валентин Александрович принимал активное участие во встрече выпускников через 40 лет после окончания школы. Был на встрече, которая состоялась через 50 лет после выпуска. Самые тёплые дружеские отношения были у семьи Валентина Александровича с семьями: Дахно, Козыренко, Миронов. На последней встрече он произнёс такой тост: Школьные друзья, мы не расстаёмся и еще раз вместе соберемся...

Но судьба распорядилась иначе... На памятнике Валентину я Александрович у написано: «Вот и ушёл он в последний полет, муж мой любимый, гражданский пилот...»

«Звезды уносят тебя высоко
Как ты теперь от меня далеко
Но не разлучит нас чёрная мгла
Наша любовь будет вечно Светлана»
(Леонова Э.К. и дети Ирина и Сергей)

Каргина Ирина Семенова

Каргина Ирина Семенова родилась 18 сентября 1930 года в г. Коканде Ферганской области в семье Каргина Семена Андреевича и Горкиной Софьи Никитичны. Мама была домохозяйкой. Семья Горкиных, по рассказам Софьи Никитичны, переехала г. Коканд в связи с голодом 20-х годов

Отец был родом из села Батраки Самарской губернии, служившим еще в годы Гражданской войны красноармейцем в железнодорожных войсках и ставшим впоследствии профессиональным железнодорожником.

В семье было двое детей: Ирина и её старшая сестра Галина (1926 года рождения).

Глазами Детей войны

Семён Андреевич прибыл г. Коканд с Красной Армией, там и остался жить и трудиться. До демобилизации в 1922 году служил помощником машиниста на паровозе. С 1 декабря 1922 года работал рабочим, затем помощником машиниста и машинистом электростанции. В начале 1930 года он был выдвинут на должность заместителя начальника городской станции г. Коканда, а затем в 1931 году получил назначение

на руководящую работу сначала в конторе «Союзтранс» г. Коканда, а затем – в 1932 году в г. Наманган.

С осени 1941 года сержант С. А. Каргин – на фронте. Служил он в войсках НКВД. Награжден медалью «За победу над Германией»

Семья осталась в городе. Девочки учились в школе. В это время много семей эвакуировалось из зон военных действий. В Коканде много было эвакуированных из осажденного Ленинграда. Жители Коканда принимали их в свои дома. Семья Каргиных также приняла семью из Ленинграда.

Сестры продолжали учиться, помогать матери по хозяйству, а также помогали в работе военного эвакогоспиталя. Они организовывали выступления для раненых, выполняли различные хозяйственные поручения, общались с ранеными и иногда выполняли работу сиделок.

В эти дни в Коканде распространилась смертоносная эпидемия тифа. Мама девочек заразилась и была госпитализирована. Девочки остались одни. Помощь, конечно, им оказывали и родственники, и соседи. Но девочкам приходилось непросто. Все думали, что Софья Никитична не вернётся из госпиталя. Думали, что, как и многие заразившиеся, она умрёт. Но мама девочек смогла преодолеть эту страшную болезнь и потихонечку пошла на поправку. Девочки ежедневно сами готовили и доставляли еду своей маме, когда она стала себя чувствовать лучше. Похудевшая, налысо

обстриженная Софья Никитична изменилась до неузнаваемости. Но постепенно она восстановила силы и по истечении некоторого времени вернулась в свой дом.

Всю страну в послевоенное время охватил голод. Даже при том что Средняя Азия была «хлебным» регионом, жители испытывали большое трудности в обеспечении продуктами. До конца дней мама девочек сохранила традицию собирать в холщовые мешочки сухари и хранить их. И когда её внуки спрашивали, для чего она это делает, бабушка Соня говорила: «Вы не знаете, что такое голод!»

Был случай, когда у мамы девочек из сумки вытащили продуктовые карточки. Семья была на грани смерти. Только помощь соседей спасла её от голодной смерти. Люди помогали друг другу. После того, как карточки были восстановлены, семья вновь обрела какую-то стабильность.

Отец, Семён Андреевич, вернулся домой намного позже окончания войны. Он был кадровым военным и поэтому продолжал службу, обеспечивая транспортировку военных составов.

После его возвращения в семье все изменилось. Девочки за время его отсутствия превратились в красивых девушек. Ирина, после окончания школы поступила в Кокандский нефтяной техникум, а в 1950 году прошла Курсы усовершенствования инженерно-технических кадров Министерства нефтяной промышленности по специальности «техник геологии». Она много ездила в разведывательные экспедиции. Романтика экспедиций воспитала в ней интерес к полевой работе, коллективизм и оптимизм. Ирина Семенова обладала прекрасным слухом и красивым голосом. Она наизусть знала много оперных арий. Петь она очень любила.

В 1947 году в г. Коканде появился её будущий муж, Митрофаненко Валентин Николаевич, выпускник Ставропольского техникума железнодорожного транспорта, а затем студент Ростовского железнодорожного института, направленного на работу в железнодорожное депо г. Коканда в качестве машиниста паровоза. Он, как и многие молодые люди, заметил двух сестёр-красавиц. И это действительно было так – девушки были и красивые, и современно и красиво одевались.

В 1951 году Валентин Николаевич сделал предложение Ирине и получил согласие.

Ирина Семёновна после замужества решила оставить себе фамилию своего отца – Каргина. Она рассказывала, что очень любила своего отца, который при трагических обстоятельствах погиб под колёсами поезда – сердечный приступ настиг его, когда он пересекал железнодорожное полотно. Он потерял сознание и в таком состоянии попал под колёса маневрового состава. Семена Андреевича очень уважали все, кто его знал. С глубоким уважением к нему относились и коренные жители Коканда. Он был прост и справедлив. Очень много помогал нуждающимся. Именно поэтому Ирина Семенова и решила сохранить фамилию своего отца.

В 1953 году у семьи Каргиных-Митрофаненко родился первенец – сын Юрий. Двумя годами раньше у старшей сестры Галины, взявшей фамилию своего мужа, Лукашова Николая Андреевича, участника Великой Отечественной войны, журналиста, ставшего впоследствии редактором

местной газеты «Знамя труда», поэта, заслуженного деятеля культуры УзССР, родился сын Лёва. Оба внука стали любимцами большой семьи Каргиных-Горкиных.

В 1956 году у Ирины Семёнович родился второй сын. Его назвали Валерием. В 1958 году семья Митрофаненко-Каргиных переехала в Ставрополь, где мужу Ирины Семёновны предложили работу заместителя начальника литейного цеха на заводе «Красный металлист». Через несколько лет он стал начальником этого цеха. Ирина Семёновна работала в нефтегазовой отрасли.

В 1967 году мужу Ирины Семеновны дали направление на работу директором станкостроительного завода в г. Боровичи Новгородской области. Вся семья переехала туда, где Ирина Семёновна работала в одном из отделов заводоуправления. В 1973 году семья возвращается в г. Ставрополь, где мужу Ирины Семёновны было предложено возглавить завод «Красный металлист». Однако в силу сложившихся обстоятельств,

он отказался принять завод под своё руководство и возглавил сначала одно из дочерних предприятий завода, а затем стал заместителем начальника управления местной промышленности Ставропольского края.

Ирина Семёновна вернулась в свою нефтегазовую отрасль и закончила трудовую деятельность в компании «Газпром». Она с Валентином Николаевичем воспитала двоих сыновей

Митрофаненко Юрия, военным и дослужившегося подполковника, и Валерия, педагогом, кандидатом педагогических наук. Её семьи, в которых – два внука и три внучки, правнучка.

– ставшего до званием ставшего дети имеют правнук и

Ирина Семёновна за свою творческую трудовую деятельность была награждена медалью ВДНХ.

Королькова Алла Тимофеевна

Я, Королькова Алла Тимофеевна, родилась 22 апреля 1938 года в г. Ставрополе. Когда началась война, мне было 3 года. Война застала нашу семью в г. Ставрополе. Моя мама, 1911 года рождения, была домохозяйкой, папа, Египко Тимофей Власович, 1910 года рождения, работал мастером в колонии НКВД. Отец и дядя, родной брат моей мамы, Волков Иван Максимович, ушли

на фронт в самом начале войны. Проводы и расставание я не помню, была маленькая.

Мама во время войны работала нянечкой в госпитале на Ташле⁵⁹.

Когда вошли в город немцы помню. Помню бомбёжки и обстрелы ночные. Мы с мамой прятались в картофельных рядах.

Фашисты собрали евреев, со слов мамы, увозили в «газовых» машинах и где-то расстреливали.

Как освобождали город, я не помню. А вот день Победы помню! Помню, как люди выбегали на улицу, целовались, смеялись, кричали вместе с детьми. Была радость и грусть у взрослых.

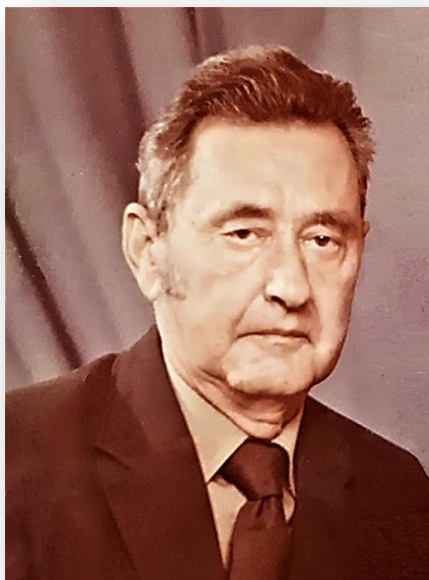
Мои родные с фронта не вернулись, пропали без вести. Папа погиб под Смоленском в 1943 году. На него пришла похоронка.

Послевоенные время было очень трудным, полуголодным. Я не знаю даже, как нам удалось выжить. Особенно трудным был 1947 год. Но постепенно страна стала оживать. Мы, дети, стали учиться. Были так называемые классы переростков, но эти взрослые дети нас, малышей, не обижали.

Я закончила школу и поступила с сельхоз институт на экономический факультет. Закончила его и проработала 34 года экономистом на биофабрике.

Когда мой муж тяжело заболел, мне пришлось оставить свою работу.

От себя хочу сказать следующим поколениям: «Берегите мир!»

Митрофаненко

Валентин Николаевич

Митрофаненко Валентин Николаевич родился 12 мая 1928 года. По рассказам матери Валентина Николаевича, его отец, Николай Николаевич, в 1938 году пропал без вести на Финской войне.

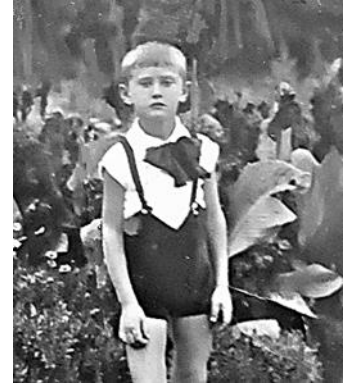
Вопрос об отце Валентина Николаевича до сих пор остаётся открытым, т. к. был он из семьи казаков, дослужившихся до дворянского сословия, и в г. Пятигорске у семьи

⁵⁹ Школа-госпиталь на улице Трунова. К 68-й годовщине освобождения Ставрополя от фашистской оккупации // Вечерний Ставрополь. – URL: <http://vechorka.ru/article/shkola-gospital-na-ulitse-trunova-k-68-j-godovschine-osvobozhden/>

Митрофаненко было имение. После революции и Гражданской войны Николай Николаевич служил в Красной Армии в офицерском звании.

Мать Валентина Николаевича, Раиса Ивановна, родом из казачьей семьи евреев-выкрестов. Фамилия её родителей была Юдина по одной линии и Тюльпанова – по другой. Раиса была в девичестве отдана на воспитание в обеспеченную семью Митрофаненко. Там она и встретила со своим будущим мужем Николаем. В 1928 году у них родился единственный сын Валентин. У Раисы были младшие сестра Дора и брат Николай. До войны семья Юдиных-Тюльпановых переехала в пос. Иноземцево. Все дети владели языком идиш, что способствовало впоследствии их знанию немецкого языка. Бабушка Валентина Николаевича была очень набожной. Втайне от своей дочери, матери Валентина Николаевича, являвшейся членом ВКПБ, она крестила своего внука.

До войны, потеряв в 1938 году мужа, Раиса Ивановна вступила в гражданский брак с Григорием Ляпуновым, по словам Валентина Николаевича, занимавшего в то время должность прокурора края. Раиса Ивановна работала в органах НКВД. Жили в это время они в служебной квартире в г. Ворошиловске⁶⁰ на проспекте Октябрьской революции по соседству (через стенку) с семьёй Михаила Сулова, с сыном которого Валентин часто конфликтовал.

Из близких родственников на фронт отправился дядя Валентина, Николай. Служил он в разведывательной части, т. к. хорошо знал немецкий язык.

⁶⁰ Ворошиловск — название города Ставрополь Ставропольского края России в 1935—1943 годах. Ставропольский край с 1937 по 1943 год был переименован в Орджоникидзевский край.

Тётя Валентина Николаевича - Дора работала в военном госпитале в г. Кисловодске старшей медсестрой. Главный врач госпиталя был ее мужем.

Во время Великой Отечественной войны, когда фашистские войска оккупировали Ставрополье, Раиса Ивановна находилась вместе с мужем в подполье. Валентину было 15 лет, когда немцы заняли г. Пятигорск. Валентин жил в это время у своей бабушки. Немцы искали семьи подпольщиков. Один из сотрудников Григория Ляпунова (по словам Валентина Николаевича, водитель служебного автомобиля) выдал, что Валентин является пасынком прокурора края. Таким образом Валентин Николаевич попал в гестапо г. Пятигорска. 10 суток провел он

в изоляторе гестапо, где следователь-немец проводил дознавательную работу, применяя и насильственные меры по отношению к ребёнку. Его периодически избивали. Экзекуции, по словам Валентина Николаевича, проводили с ним местные полицаи, спасло

Валентина то, что он ничего действительно не знал о месте нахождения его матери и отчима. Ничего не выпытав у мальчика, его отпустили. Однако стресс, перенесенный в гестапо, остался у Валентина Николаевича на всю жизнь. Он стал сердечником и до конца жизни не расставался с лекарствами от сердечной боли.

После войны родители-подпольщики не вернулись в Ставрополь, а вместе со всей администрацией переехали в г. Пятигорск, который в это время являлся административным центром Ставропольского края. Григорию Ляпунову было выделено служебное жильё – частный дом, где семья смогла завести овчарку – любимицу Валентина. Он продолжал учиться в школе в пос. Иноземцево, поэтому ему удобнее было жить у бабушки. Лишь на выходные он приезжал в дом матери и отчима.

В 1944 году в один из выходных дней он также отправился в Пятигорск, но его встретило оцепление военных НКВД на подходе к дому отчима. По словам следователей, прокурор края, руководитель «тройки» Григорий Ляпунов покончил с собой, пустил пулю себе в голову. Его гражданской жены в это время дома не было, она находилась в служебной командировке. Станным для Валентина было то, что, по словам следователя, отчим сначала убил свою собаку, которую очень любил, а потом себя. Валентин был уверен, что такого не могло

произойти, вследствие чего его версиями случившегося были либо чистка в рядах подпольщиков, либо сведение счетов со стороны родственников репрессированных.

Вскоре после этих событий Раиса Ивановна переехала в Ставрополь. После школы Валентин учился в Ставропольском железнодорожном техникуме. По окончании его он получил направление на работу в качестве машиниста в г. Коканд Ферганской области Узбекской ССР. Работая, он продолжил учёбу, поступив в Ростовский железнодорожный институт. Закончив успешно институт, он стал инженером железнодорожного транспорта. Проявив организаторские и управленческие способности, Валентин Николаевич возглавил железнодорожное депо в г. Коканде. Здесь, в Коканде он встретил свою будущую жену – Каргину Ирину, очень красивую девушку, дочку начальника железнодорожного вокзала. Ирина была на 2 года моложе и была студенткой нефтяного техникума. По словам Валентина Николаевича, ему приходилось буквально отбивать Ирину у многих ухажеров-соперников. В 1951 году молодые люди вступили в брак, а в 1953 году у них родился сын Юрий. А через 3 года, в 1956 году у них родился второй сын – Валерий.

В 1958 году Валентин Николаевич вместе с семьёй вернулся в г. Ставрополь, где ему предложили работу главного инженера в литейном цехе завода «Красный Металлист». Вскоре он стал его начальником. Семья получила двухкомнатную квартиру в новом районе – в хрущевских трехэтажках (в народе прозванными «хрущёвками») в районе Осетинской поляны. Дети один за другим поступили на учёбу в школу № 42.

Семья была музыкальной, хотя ни сам Валентин Николаевич, ни его жена не имели музыкального образования. Ирина Семёновна очень хорошо пела, а Валентин Николаевич был самоучкой в игре на аккордеоне и даже освоил сам нотную грамоту. В семье любили вместе петь. Старший сын Юрий, по настоянию отца стал учиться игре на аккордеоне, однако, не доучившись, оставил это занятие. А младший – Валерий в пятилетнем возрасте сам попросился на занятия скрипкой и

Глазами Детей войны

получил школьное образование, но продолжать учёбу не стал, связав вместе с тем с музыкой всю свою жизнь.

В 1968 году Валентина Николаевича как перспективного

руководителя направили в качестве директора завода деревообрабатывающих станков Главдревстанкопрома в г. Боровичи Новгородской области, куда он переехал вместе со своей семьёй.

Подняв завод на одно первых мест в РСФСР, Валентин Николаевич получил предложение возглавить Ставропольский завод «Красный металлист». Вся семья в 1972 году возвращается в г. Ставрополь. Однако, узнав, что завод являлся многомиллионным должником и не достигнув согласования о списании с завода долгов, Валентин Николаевич отказывается принять завод и принимает предложение возглавить АТП Главдревстанкопрома в г. Ставрополе. Вскоре он принимает предложение стать заместителем начальника Управления местной промышленности Ставропольского края.

С этой должности он вышел на пенсию, став персональным пенсионером республиканского значения.

За свой труд Валентин Николаевич был удостоен звания «Ветеран труда» и награждён медалью. А также к 100-летию В. И. Ленина был награждён памятной медалью, что являлось в то время предметом гордости всех, кто был в то время удостоен этой награды.

Валентин Николаевич был заядлым охотником и рыболовом. Он коллекционировал охотничьи ножи и книги. После себя он оставил большую библиотеку. Чтение было постоянным его занятием. Валентина Николаевича уважали везде, где бы он ни работал. Коллективист по натуре, он вёл себя одинаково и в кругу сотрудников, и в рабочей среде, и в соседском окружении. В своих детях он смог воспитать самостоятельность и передать любовь к чтению, трудолюбию, природе. Старший сын стал военным, дослужившись до звания подполковника СА, а младший стал педагогом и преподавателем вуза, защитил степень кандидата педагогических наук. Внуки от обоих детей получили высшее образование и работают по специальности. Двое правнуков на пути к получению высшего образования.

**Фатеева
Мария Григорьевна⁶¹**

Мне было пять лет, когда началась война. Жила я тогда в Сталинградской (Волгоградской) области в селе Абганерово. Родители мои работали в колхозе. Мама работала на разных работах, а папа был ветеринаром.

На фронт из нашей семьи ушёл мой отец, Фатеев Григорий Иванович. Всем селом провожали своих родных. Плакало всё село!

Я осталась с мамой, Фатеевой Евдокией Степановной, братом и четырьмя сестрами. Мы помогали маме везде, где было нужно: и по дому, и на огороде. Связь с отцом поддерживали через полевую почту. Писали письма и с нетерпением ждали ответа.

Оккупацию мы пережили. Она длилась с 1942 по 1943 год. Переживали мы это время очень трудно. Мы боялись выйти на улицу. Меня постоянно прятали. Мне запомнилось, когда гнали наших пленных, все жители села старались что-то вынести и дать им поесть, и тут же появлялись немцы с автоматами. Под дулами автоматов женщины стирали одежду гитлеровцев. Все, что было, фашисты забирали у всех, к кому заходили в дома.

Возвращение наших встречали тоже всем селом. Встречали со слезами на глазах, дарили друг другу цветы и обнимались.

Как я узнала о дне Победы, помню. Пришла соседка и объявила, что немцев прогнали. Собралось всё село, и радости не было ни конца ни края!

Когда возвращались односельчане с войны, все радовались, даже если приходили они ранеными, без рук или ног. А мы отца ждали ещё целый год. У наших соседей с войны не вернулись отец и трое сыновей.

Послевоенное время было очень тяжёлым. В нашем селе был сильный голод. Ели всё, что только можно есть. Ели всякую траву и всё, что можно жевать, не думая о последствиях. От голода умирали взрослые и дети. Хоронили их всем селом.

⁶¹ Фотография не имеет отношения к данной статье. Взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

Я окончила 7 классов и уехала из села. Хотелось учиться, но я пошла работать на завод. Я считаю, что реализовать я себя не смогла. Я работала вагонновожатой, потом вышла замуж.

Муж мой был военнослужащим. В Ставрополе 15 лет работала на заводе «Изумруд», а потом 14 лет – упаковщицей на заводе «Нептун».

Следующим поколениям хотелось бы сказать: «Будьте сердечными и трудолюбивыми, уважайте старших. Любите свою Родину! И пусть на земле будет мир!»

Арсланова Валентина Григорьевна⁶²

В начале войны мне было 2 года. Наша семья жила в то время в селе Новоандреевском Ставропольского края. Мой отец был учителем в школе, а мама работала в колхозе.

На фронт из нашей семьи ушёл отец. Расставания я не помню – была слишком маленькой. Я осталась с мамой, бабушкой и дедушкой. Особой помощи оказать в эти годы взрослым я не могла в силу малолетства. Но маме по дому все же помогала.

От отца до 1943 года приходили письма.

Оккупацию мы пережили, но ничего рассказать об этом не могу. Сама я этого не помню. Как уходили немцы из села, тоже рассказать не могу. В это время мы были в Махачкале: семьи погнали скот в Махачкалу. И наша семья тоже. Гнали мы скот на консервный завод, чтобы сдать его на мясо. Поэтому в момент ухода немцев нас в селе не было.

Возвращение наших помню. Они возвращались на поездах. А я ходила с фотографией отца и сравнивала солдат с фотографией папы. Но отец мой с войны так и не вернулся. Погиб он 18 октября 1943 года в Калининской области под деревней Лохновец Великолуцкого района. Самым ярким воспоминанием осталась память о том, как возвращались с войны наши солдаты.

В своей жизни мне себя удалось реализовать. Работала я до пенсии в суде. Я была сначала судьёй, а потом – адвокатом.

⁶² Фотография не имеет отношения к данной статье. Взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

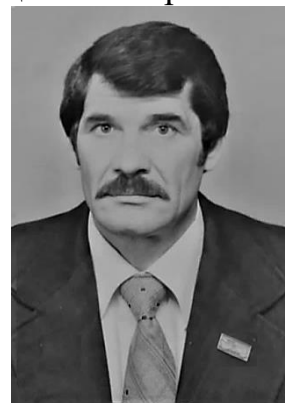

Козлов Николай Борисович

Козлов Николай Борисович родился в 1940 году.

Немцы пришли в Ставрополь летом 1942 года. И в 1943 году мать нас увезла в Чечню, так как отец занимал высокий партийный пост.

Мой папа, Козлов Борис, был секретарём партийной организации Старомарьевского района. В 1937 году он был репрессирован, а в 1938 году его выпустили. Два года провел в реабилитации в Боржоми. Пролечившись, вернулся на Северный Кавказ. Когда началась война, в кавалерийском корпусе генерала Л. М. Доватора⁶³ воевало много казаков с Кубани и Терека. После его гибели в декабре 1941 года из Ставрополя на фронт в корпус Доватора уходили кавалеристы-новобранцы. Из села Старомарьевского, не считая соседних сёл, ушли 250 казаков. Отец провоевал с января по август 1943 года. В августе он погиб, когда погиб весь полк.

В 1945 году мы вернулись в Ставрополь. По сегодняшний день здесь и проживаем. Несмотря на то что мой отец был репрессирован, я никакой злости на советскую власть не имел. Когда я в 1947 году пошёл в школу – учился я в средней школе № 3, – социальная служба мне помогала. Выдавали бесплатно на зиму одежду и обувь, выдавали учебники. После школы я окончил ремесленное училище. По его окончании уехал в Казахстан. Из Казахстана ушел в армию, после армии поступил в геофизику работать инженером-оператором.

⁶³ Лев Михайлович Доватор (20 февраля 1903 года, село Хотино, Лепельский уезд, Витебская губерния, ныне Бешенковичский район, Витебская область — 19 декабря 1941 года, район деревни Палашкино, Рузский район, Московская область) — советский военный деятель, генерал-майор (11 сентября 1941 года). Герой Советского Союза (1941). Известен успешными операциями по уничтожению войск противника в начальный период Великой Отечественной войны. За голову Доватора немецкое командование назначило крупную награду.

Проработал там 7 лет, затем меня перевели в Ставрополь в СевКавНИПИГаз⁶⁴, раньше называлась лаборатория Московского ВНИИгаза. И с 1967 до 1995 года я проработал в институте. Должности были разные от техника до инженера.

У меня дочь 56 лет, есть внуки и правнук. Я объехал весь Советский Союз, где бурили скважины, внедряя новые технологии от нашего института.

Хочу пожелать нашим потомкам быть скромными, любить Родину и землю, на которой родились.

Козлова (Антонова) Ольга Александровна

Я родилась в деревне Песочная, Богородского района Горьковской области. Мама работала в детских яслях воспитателем с медицинским уклоном. Я родилась в 1938 году.

Папу в 1939 году призвали на Финскую войну. Мама осталась с очень маленькими детьми. Папа вернулся с медалью «За отвагу».

Когда в 1941 году началась война, детские ясли распустили. В помещении детского сада организовали артель по плетению корзин. Сплетенные женщинами корзины, отправляли на военный склад города Богордска, который находился недалеко от нашей деревни, их разделяла железная дорога. Возле железной дороги стояла электрическая подстанция и завод по ремонту военной техники, привезенной с фронта. Папа всегда был на работе на подстанции. В Богордске и в нашей деревне было много заводов, работающих на фронт.

Летали немецкие самолёты, в это время объявляли воздушную тревогу. Папа садился на велосипед, уезжал на подстанцию, распределять электричество по этим заводам. Мама во время военной тревоги брала подготовленную корзину, в которой находились продукты, медицинские принадлежности и уходила вместе с нами в

⁶⁴ АО «СевКавНИПИГаз» (Северо-Кавказский научно-исследовательский проектный институт природных газов) — российская компания. АО «СевКавНИПИГаз» – научный центр в системе ПАО «Газпром» в области строительства, эксплуатации и ремонта газовых и газоконденсатных скважин, по решению вопросов вскрытия продуктивных пластов в условиях аномальных пластовых давлений. Более 45 лет разработки института востребованы на рынке газовой промышленности.

поле. В поле уходили и все жители деревни. В 1941 году отцу дали бронь как специалисту.

В 1944 году папу перевели в город Павлово на более мощную подстанцию. Во время войны жили очень бедно, питались в основном картофелем со своего огорода. Мама ходила на работу, плела корзины, мы оставались дома одни. У меня сестра 1935 года рождения. Мы дружили и понимали тягость военной жизни. И когда нас перевели в Павлово, папа проводил электричество в соседние сёла, деревни, добираясь до места работы на лошадях или на санях.

В 1947 году папы не стало. Предприятие, на котором он работал, организовало большие поминки. Было очень много народа. Мы жили в обособленном положении, электрическая станция была под вооруженной охраной.

Я пошла в школу в 1945 году. Мы с группой девочек еще до школы бегали на станцию с букетиками цветов и ими встречали военных, возвратившихся с фронта.

В 1956 году после окончания школы я поступила в кожевенный техникум, освоила специальность техник-технолог по обработке кожи и меха.

В 1959 году по окончании техникума получила распределение в город Ставрополь на кожевенный завод. Там я проработала 30 лет, сначала мастером цеха, потом начальником.

Ушла на пенсию в 1989 году. Долго дома не сидела, пошла работать диспетчером на завод по ремонту электрической и радиотехники. В период перестройки завод распределился, оказался акционированным и стали сокращать в первую очередь пенсионеров. По приглашению бывшего директора кожевенного завода, я вернулась на завод, проработав в цехе бухгалтером до 1996. После банкротства завода нас всех уволили.

С мужем я познакомилась в 1962 году на Новый год. Я жила в общежитии, предоставленном мне как молодому специалисту. Мой будущий муж пришёл со своим другом и его девушкой. Увидел меня, мы с ним встречались взглядами. Потом гуляли по бульварам города, после частых таких встреч он сделал мне предложение. Это был сентябрь 1963 года.

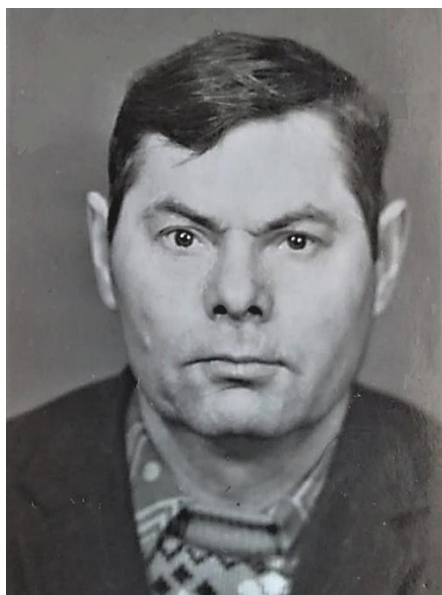
У нас есть дочь Евгения, окончила школу с двумя четверками, остальные пятерки. Окончила институт – факультет электротехники. В

молодости она писала очень хорошие стихи. У меня одна внучка и правнук.

Во время войны и после мы были дружные и сплоченные, никогда не делали никому зла.

Я хочу пожелать новому поколению: помнить о своих предках, быть добрыми, внимательными по отношению к своим родным, близким и не знали бы тяжести войны.

Куцов Иван Андреевич⁶⁵

Моему отцу Куцову Ивану Андреевичу посвящаю. 9 мая 2020 года ему исполнилось бы 90 лет.

Чернильница во лбу⁶⁶

...Отца забрали на фронт в первые дни войны. Дядька Прокошка был хромой. Его не взяли, как только выпал снег, приехал на санях за Ванькиной семьёй, чтобы забрать к себе.

– Собирайтесь, поехали к нам. Без отца вы тут с голоду сгинете.

Весной Ванька пошёл работать в колхоз. Мужиков не осталось, и двенадцати-тринадцатилетние мальчишки пахали, сеяли, пасли скот. Ванька работал на быках. Каждый день ему давали норму, сколько вспахать. К концу дня Ванька буквально валился с ног. Осенью, когда урожай убрали, председатель перевёл его в рассыльные. В любую погоду за 18 км возил он сведения в районный центр село Петропавловское. Так настало лето 1942 года. Наши войска отступали.

Неделю в селе жили без власти. Наши ушли, а немцы ещё не пришли. Селяне громили склады, тащили по дворам кур с птицефермы.

⁶⁵ Статья состоит из рассказов, написанных по воспоминаниям своих родителей Светланой Ивановной Бирюковой, жительницей села Архангельского Будённовского р-на Ставропольского края, руководителя литературного объединения «Лана» и члена Российского союза писателей, автора многих поэтических и прозаических произведений, активного участника Движения Добровольцев Ставрополя с начала его образования.

⁶⁶ Часть рассказа «Чернильница во лбу».

Ряд фотографий не имеют непосредственного отношения к статье, взяты из сети ИНТЕРНЕТ.

Полную клетку подросших цыплят, штук пятьдесят, набрали себе и Ванька с братом. Клетка была железной, тяжёлой, да и цыплята нелегкими. Маленькая тачка на двух колёсах то и дело застревала на колдобинах разбитой просёлочной дороги, клетка сползала то влево, то вправо. Цыплята сначала пищали, потом, вытянув ноги, пораскрывали клювы. Стояла августовская жара. Дорожная пыль накалилась и обжигала босые ноги мальчишек. Ванька ныл:

– Вась, не довезём мы их. Подохнут.

– Не подохнут. Толкай.

Ванька и Василь кляли дорогу и цыплят, но доехали благополучно. Цыплята, выпущенные на волю, сначала качались, как пьяные, но, напившись и поклевав проса, к вечеру ожили и смело разбрелись по огороду. Мать радовалась и мечтала:

– Подрастут, яйца начнут нести. Петушков рубить будем. Мяса на всю зиму хватит.

Но пришли немцы и издали указ: «Всё, что украдено, приказываем вернуть. За несоблюдение указа – расстрел». Людей заставляли вернуть всё колхозное и требовали выходить на работу в поле. Но

Ванька на фрицев работать не пошёл. И цыплят решили не отдавать.

– Хрен им собачий, – ругался, как взрослый, Ванька, – лучше мы их побьём и в овраг кинем.

Так и порешили. Ночью потолкали цыплят в мешки и поволокли задами к оврагу. Стоя на краю кручи, они ударяли цыплят оземь и бросали их вниз. Когда закончили и присели отдышаться, Ванька заплакал.

– Ты что, братишка? – тормозил его Василь.

– Цыплят жалко.

– Ничего, Вань, мы за них немцам отомстим.

Ночью возвращаться в село побоялись, чтоб не нарваться на патруль, решили заночевать у оврага. Земля, нагретая летним солнцем, была тёплая. Положили мешки под голову и заснули. Проснулись на рассвете от утренней прохлады. Ванька протёр глаза и заглянул в овраг.

– Вась, Вась, посмотри!

– Ты что орёшь?! – Василь подошёл к краю оврага, – ожили!

– Ожили! Ожили!

Мальчишки радовались и прыгали, не думая, что их может кто-то услышать. А по дну оврага как ни в чём небывало бегали цыплята. Они потом не раз спасали их от голода.

Есть хотелось постоянно. А немцы, квартировавшие в бригадном доме, постоянно жрали тушенку. В ранцах они приносили с собой консервы, шоколад, бутылки с напитками. Однажды, когда немцы оставили ранцы на подоконнике распахнутого окна, Ванька стащил один из них. Забравшись в заросли лебеды в саду, они с Васькой, раскурочив банки ножом, уплетали немецкие консервы. В маленькой красной бутылочке болталось что-то жидкое. Открутили.

– Фу, пахнет как бабкина самогонка с ванилином. Давай попробуем.

Василь отхлебнул глоток и протянул бутылку Ваньке. Тот тоже сделал пару глотков. Захмелев от немецкого кофейного рома, братья забыли об осторожности. Им стало весело. Они валялись по земле и громко смеялись друг над другом:

– Вась, я на ноги не могу подняться.

– Я тоже, ой, Ванька, какой ты смешной!

А немцы уже обнаружили пропажу и бегали по двору в поисках ранца. Опьяневших пацанов обнаружили быстро и так исхлестали их ремнями, что Ванька неделю лежал на топчане вниз животом. Мать

сидела рядом и причитала:

– Ваня, сынок, что же ты наделал!

Шкурочку-то всю тебе со спины содрали.

А у Василя что-то случилось с головой.

Когда спина от немецких ремней зажила, и он смог подниматься, Ванька не узнал брата. Смотрел он всё время как будто в себя. Однажды, подобрав колесо от старого велосипеда, он приделал к нему проволоку и стал с ним по дорогам колесить, и до конца

жизни так, пока уже после войны не погиб под колёсами машины.

Салют Победы

Немцев погнали со степи зимой. Как-то лунной ночью несколько подростков, собравшись за колхозным амбаром, вполголоса обсуждали слухи о наступлении советских войск. Вдруг видят, со стороны балки едут на лошадях человек пятнадцать мужиков. Подъезжают к ним и спрашивают:

– Эй, хлопцы, помощь Родине надо. Расскажите-ка где, в каких хатах немцы квартируют.

Ванька детально обрисовал картину:

– В третьей хате с краю, потом через двор, потом в сельсовете, ...

– Ну вот и ладненько. Бежите теперь по хатам, наших тихонько предупредите, чтоб уходили. Скоро жарко будет...

Мужики эти погромили сонных немцев, хаты подожгли и ускакали. А селяне страху натерпелись, думали, нагрянут эсэсовцы, всех на виселицы отправят. Но немцы в селе больше не появились. Пришли наши и начали устраивать мирную жизнь.

Вскорости пришло извещение, что отец Ваньки пропал без вести во время окружения на Украине.

Как-то привезли в село на расселение детдомовских детей из Ленинграда. Ванька подружился с одним из них. Звали его Павликом. Новый друг много рассказывал, как он бродяжничал.

– Вольная жизнь – это здорово! Я здесь долго не задержусь. Айда со мной.

Но Ванька не соглашался. А Павлик начал готовиться. Утащил у своих простыню, продал её на базаре в селе Петропавловском. Потихоньку в тайник натаскал сухарей. И однажды утром они отправились в путь. Восемнадцать километров до Петропавловского шли пешком. Потом на товарняке по железной дороге добрались до Ставрополя. Но там их схватила милиция. Из приюта для беспризорников Ваньку и Павлика направили учиться в ФЗУ. Когда отогнали немцев от Москвы, в Ставрополь приехали вербовщики, набирали рабочих на завод. В эту бригаду их и определили. Выдали ботинки на деревянной подошве, обмундирование и повезли. Куда повезли, неизвестно.

Оказалось, в Подольск, на знаменитый завод, который до войны выпускал швейные машинки, а во время войны – военную продукцию. Проработали на заводе полгода, и Павлик опять давай уговаривать Ваньку:

– Давай сбежим. Надоело мне здесь горбатиться.

Но Ваньке нравилось работать на заводе, нравилось чувствовать себя частью большого коллектива, слаженно совершающего важную работу. Поэтому бежать он отказался. Но случай изменил его планы.

Однажды женщина из Ставрополя подошла к нему вечером и попросила его пропуск для своего кавалера, который был штрафником и выходить за территорию не имел права.

– Ванюша, ну что тебе стоит? Бумажку жалко? Мы в кино ходим и придём. Ванька по доброте уступил.

Но из кино они не вернулись. А Павлик тут как тут, с побегом опять подъезжать стал:

– Вот узнают, что ты отдал пропуск заключённому, судить будут,
– страдал он Ивана, и тот, наконец, согласился бежать.

– А куда мы подадимся?

– Давай на Украину.

– Давай. Может, про батю что узнаю.

Друзья сели на Харьковский поезд и забрались на верхние полки. Под монотонный стук колёс на мальчишек быстро навалился крепкий сон.

Снилось Ваньке мать, будто ходит она по двору и кличет его, а он сидит в какой-то клетке. Мать ходит мимо и не замечает, а сама всё зовёт, зовёт...

Проснулся он оттого, что кто-то тянул его за ботинки.

– Эй, парень, билет у тебя есть?

– Нету, – Ванька захныкал, – дяденька, прости. Я к тётке в Харьков еду. Батя на войне без вести пропал, мать умерла. Я один остался. Денег нет. Прости-и-и-и-те-е-е...

– Не положено без билета ездить, – строго сказал контролёр. – Вот в милицию тебя сдам, а они пусть думают, что с тобой делать.

Контролёр, крепко сжав руку безбилетника, повёл его по проходу. Павлика не было нигде видно. Ванька озирался вокруг, и ему стало страшно. Он остался совсем один. Ни одной родной души рядом. И от жалости к себе Ванька заревел во весь голос. Контролёр, уже стащивший «зайца на перрон, растерялся на какое-то время и ослабил руку. Ванька тут же дернулся и нырнул под вагон.

Целый год скитался он по Украине. Павлика больше он не видел, но знакомился с другими такими же, как он, беспризорниками. В 1944 году вышел приказ по борьбе с беспризорностью. И вольная жизнь большинства мальчишек заканчивалась после попадания в приют. Юных бродяг вылавливали и определяли по колхозам на довольствие и работу. Так Ванька попал в село Сенное Харьковской области. Привезли их на машине человек пятнадцать, выстроили перед сельсоветом и объяснили:

– Будете здесь жить, работать.

Вас будут кормить и одевать. После восемнадцати лет сами будете решать, остаться здесь или уехать. А пока государство будет о вас заботиться. И чтоб не вздумали бежать. Всё равно поймает, и тогда уже в колонию определим.

Ваньку и ещё троих пацанов поставили на довольствие к пожилой женщине. Все её звали Фирсовной. Сельсовет выдавал ей продукты, она готовила и кормила ребят, обстирывала их и присматривала. Они ей тоже помогали по хозяйству,

дрова колоть, где прибить, где поднести что. И в колхоз на работу ходили. Так прожили зиму.

После отхода войск в лесах осталось много мин, патронов, даже авиационные бомбы попадались. Однажды Петро набрал полный карман пистончиков. Несколько штук из них через дырку в кармане попали в валенок. А вечером Фирсовна, как обычно, ставя валенки сушить на печку, вытрусил пистоны на солому, которую потом кинула в печку. В это время, самый полный из мальчишек, Микола, перед сном, уже с голым пузом, подошёл к печке, поглаживая живот:

– Что-то есть хочется. Фирсовна, картошка в котелке есть?

И тут в печке как бабахнуло! У Миколы живот в кровище! Думали – всё, конец ему. Оказалось, осколок пистона пробил неглубокую рану, которая вскоре зажила. Но были и другие более серьёзные случаи. Один из мальчишек подобрал в лесу две маленькие мины, и взялся их стучать друг об друга. Они как пыхнули! Лицо парня на всю жизнь осталось рябое, как после оспы, с синими точками от пороха. Был ещё случай. Парни повзрослей набрали длинных пороховых шнуров, поджигали и кидали их. Перед девчатами покрасоваться хотели. Один зазевался, когда поджигал, и остался без двух пальцев.

Подошёл май месяц. Все ждали окончания войны. Ванька с пацанами набрали снарядов, наложили на просеке штук пятнадцать костров, в них уложили снаряды. «Как объявят победу, мы сделаем салют», – планировали они.

И вот 8 мая объявили, что война кончилась, что день победы будет

отмечаться 9 мая. Наутро мальчишки побежали в лес, зажгли костры, и спрятались в яму подальше от просеки. Лежат, ждут, когда же начнут снаряды взрываться. И тут на просеку из леса вышло стадо коров. Пацаны от страха головы в землю уткнули, уши руками позатыкали не от взрывов, от мычания раненых коров. Много скота сгубили тогда. Как контуженные, мальчишки разбежались по хатам. В село НКВД

приехало, началось следствие. Милиционеры ходили по хатам, расспрашивали каждого, искали вредителей. Кто-то высказывал предположение, что это бандиты из леса вылазку делали. Ванька, перепуганный до смерти, не дождался, пока придут к ним. Под вечер с Мишкой-башкиром да Петром бежали из села. Вот такой салют победы по глупости своей устроили.

Скитался Ванька по стране ещё долго. Куда только судьба его не заносила: и в Среднюю Азию, и в Сибирь. И только на Ангаре встретил он девушку, которая перевернула всю его жизнь, заставила остепениться и бросить бродячую жизнь.

Тарапатина Надежда Александровна

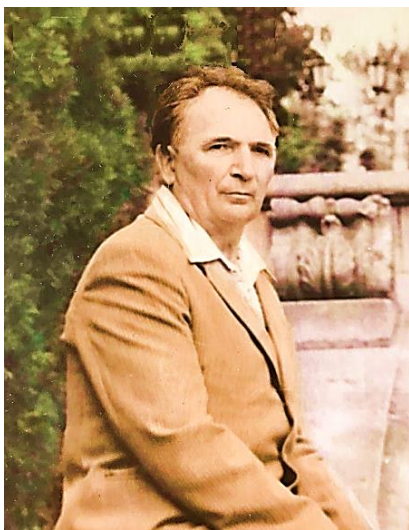
Я, Дедова Татьяна Александровна. Моя мама, Тарапатина Надежда Александровна, родилась и жила в станице Отрада-Кубанка 16 сентября 1930 г.

Училась Надежда Александровна в школе, которая находилась в 5 км от села. Уроки делала на коленках при огарке свечи. Училась она на «отлично». Школу и Армавирское

училище закончила с красным дипломом.

Мама в военное время жила со своей матерью в глухой деревне. К ним часто заходили немцы, но их никогда не трогали, только просили есть. А один раз у них оставили раненого молодого немца, который мою бабушку называл мамой.

Мама после окончания школы выучилась на гинеколога-акушера в Армавире. Долго работала по профессии, а после переезда в Ставрополь, работала в военкомате.

Назаренко Александр Алексеевич

Я, Дедова Татьяна Александровна. Мой папа, Назаренко Александр Алексеевич, родился 28 августа 1922 г. Жил в селе Дониловка, Волгоградской области.

Папа ушел служить в армию до начала войны, и, когда началась война, его

Глазами Детей войны

отправили в Севастополь, где он, уже будучи моряком, воевал до конца войны.

Он рассказывал, что когда их, юных мальчишек, построили в шеренгу на железнодорожном вокзале, перед отправкой на войну под звуки марша «Прощание славянки», многие из ребят, тогда и не знали, что слышали его в последний раз. Как только они сели в поезд, началась бомбежка. Испуганные мальчишки, выскакивали из вагонов с криками «Мама», и падали на землю. Многие из них тогда погибли на месте. А матери бежали им навстречу, закрывая собой, спасали сыновей.

Отец моего папы тоже воевал. Он умер после войны от тяжелых ранений.

Моего папы 7 лет не было дома. Вернулся он домой дважды раненым в голову и с тяжелым ранением в ногу, которое ему всю жизнь не давало покоя. После войны папу направили в школу для трудновоспитуемых детей, где он работал физруком. Потом он выучился на фотографа и последние 45 лет работал в фотографии. В Доме Офицеров принимал участие в организации вечеров отдыха для военных.

День Победы папа всегда вспоминал со слезами на глазах. Встретили они этот день ночью. Все выбежали на улицу, обнимали, целовали друг друга, плакали. Появилось откуда-то много цветов и их раздавали всем подряд.

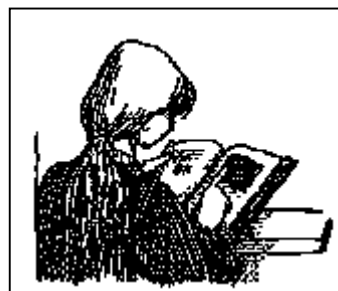
Ненашева

Валентина Максимовна

Валентина Максимовна Ненашева родилась в 1930 году в Алтайском крае. До 1968 года жила, училась и работала в г. Барнауле. После окончания школы поступила в Текстильный техникум на экономическое отделение. По распределению два года отработала экономистом. После этого вернулась в Барнаул и работала на меланжевом хлопчатобумажном комбинате и училась заочно в Московском текстильном институте, с успехом его закончила.

Из-за болезни сына была вынуждена уехать в Молдавию, так как врачи прописали тёплый климат, фрукты и море. В Молдавии работала на шёлковом и на хлопчатобумажном комбинатах. В 1991 году приехала в г. Будённовск к дочери. За семнадцать лет полюбила степной городок, который открыл в ней творческие наклонности. В 2004 году стала Валентина Максимовна записывать воспоминания о родителях, о жизни в военные годы, в большей степени для детей и внуков.

Услышав, что в городе есть творческое объединение «Лана», которое объявило литературный конкурс, послала туда свои воспоминания. Сочинения Валентины Максимовны оказались очень интересны, и руководитель объединения пригласила Валентину Максимовну принять участие в работе «Ланы». Валентина Максимовна стала победителем отборочного тура, вошла в состав авторов сборника «Страна Бергиния».

По пьесе В. М. Ненашевой Народным театром «Заря» был поставлен спектакль «Школа в тылу», эта же пьеса заняла первое место на краевом конкурсе.

Как мы с мамой жили в войну. Отрывок из воспоминаний.

В 1941 году мы с мамой проживали в городе Барнауле. Общежитие с длинными коридорами, где дети играли в прятки, в войну, просто гуляли, было нашим домом. Мама всегда ругала меня: «Не шастай по коридору, займись чем-нибудь полезным».

22 июня 1941 года в Барнауле был жаркий день, воскресенье. Многие уехали отдыхать на озеро, купаться и ловить рыбу. Почти все мои подруги накануне уехали за город, и я бродила по скверу одна, рвала ярко-жёлтые одуванчики для венка. На душе было спокойно и радостно. Я сплела венок, надела его на голову и пошла домой в общежитие обедать. После обеда (в Барнауле разница с московским временем на 4 часа) по радио Юрий Левитан, отчеканивая каждое слово, сообщил, что «враг вероломно напал на нашу страну». Началась война.

В коридоре общежития забегали курьеры военкомата с повестками. Военнообязанным следовало срочно явиться в военкомат. В общежитии жило много молодожёнов, все мужчины до 50 лет были военнообязанные. К вечеру по коридорам стоял рёв женщин, провожающих на войну своих мужей. В первый день войны из общежития ушли половина мужчин. И сразу всё изменилось: дети притихли, взрослые обсуждали, как жить дальше. Люди перестали

замечать свои болезни, никто не обращал внимания на погоду на улице, у прохожих было одно выражение лица – печаль.

Нашу школу № 25 со спортивным и актовым залами, светлыми просторными классами освободили под госпиталь для тяжелораненых. В детскую комнату общежития привезли тюки белой ткани и в рукодельном кружке дети, и я тоже, на десяти швейных машинках шили полотенца, салфетки и наволочки для госпиталя, а взрослые добровольцы на своих машинках шили простыни и пододеяльники. Готовое бельё учитывали, вязали в пачки и везли в госпиталь. Почти каждая семья из общежития, несла кто что мог в пустую школу для раненых.

Осенью маму отправили в колхоз на уборку урожая на полтора месяца. Мне было тогда 10 лет. Я должна была остаться одна. Мне было страшно. Я плакала, а мама торопливо наказывала мне, чтобы я хлебные карточки не потеряла, чтобы в школу ходила и уроки делала, чтобы не шастала по коридору. Мне было очень трудно и тоскливо, и спасение я находила в коридоре, где всегда кто-то из детей бродил. Можно было поговорить, поиграть, узнать новости.

Когда мама приехала из колхоза, мы обе плакали от радости. Несколько дней я чувствовала себя счастливой. Мама была рядом, и я ходила за ней, как хвостик. Но счастье быстро кончилось, так как маме надо было идти на работу. Она работала агрегатчицей на меланжевом комбинате. Это было военное предприятие, которое выпускало ткани для армии. Работа была тяжёлой и состояла в том, что ей надо было отрывать пласт от спрессованной кипы хлопка и кидать его на движущееся полотно. Хлопок попадал в агрегат, разрыхлялся, отчего в цехе стояла завеса хлопковой пыли. Мама очень уставала. Работать приходилось по 12 часов, почти голодной. Она ослабла и всё время хотела спать. Рано утром она с трудом просыпалась, чтобы к 7 часам быть на работе. Часто она не могла вовремя проснуться и, как загнанная лошадь, чуть не падая, бежала на комбинат. Опоздывать было нельзя. За опоздание на 20 минут судили. Тогда она уговаривала меня, чтобы я ночевала сама в её дневные смены. А после ночных смен она отсыпаться приходила домой. Я соглашалась и с тоской ждала маму с работы. Когда было особенно трудно, выходила в коридор, играла там с детьми и забывалась. А мама тоже страдала от того, что оставляла меня без присмотра. Она наказывала всем знакомым из нашего общежития, чтобы те поговорили со мной. Бывало, что подойдёт ко мне малознакомая тётя и спрашивает: «Ты Валя? Мама передаёт тебе привет. Она очень за тебя беспокоится. Ты смотри, не балуйся», и пойдёт своей дорогой. А я была

и этим словам очень рада. Мне было радостно оттого, что мама думает обо мне. Она старалась что-нибудь придумать, чтобы меня накормили.

Когда мы стали учиться в третью смену, с 5 часов вечера, мама уговорила меня пойти в няни. Одной женщине некуда было деть шестимесячного мальчика. Я согласилась. Толик, так звали мальчика, сразу пошёл ко мне на руки, улыбался и гукал. Я варила ему кашу, меняла пелёнки, стирала их. Когда он спал, я делала уроки. Хозяйка приходила в 5 часов, а я уже одетая ждала её и сразу бежала в школу. За то, что я нянчила Толика, меня кормили. Мама была рада, что я «при деле», сыта и не «шастаю по коридору». Почти год я нянчила Толика, школу с трудом закончила, так как на уроки времени почти не хватало. А мама про школу даже не спрашивала. Лишь бы я была сыта и здорова.

Как я уже писала, нашу школу заняли под госпиталь, а учащихся распределили по другим местам учёбы. Все школы города перевели на работу в три смены. Под классы занимали любые подходящие помещения: клубы, красные уголки предприятий. Первый год войны я училась в четвёртом классе.

Наш класс разместили в красном уголке овчинно-шубного цеха. Помещение было старое с печным отоплением. Высокая печка загораживала две парты, и учительница не видела тех ребят, которые там сидели. А ученикам, чтобы увидеть написанное на доске, надо было выглядывать из-за печки. На эти парты всегда садились непослушные ученики, они играли в карты, строили рожицы, смешили одноклассников, мешали вести урок. Учительнице постоянно приходилось заглядывать за печку, чтобы навести порядок в классе. После уроков нас водили на склад овчинных обрезков. Мы сшивали мягкие меховые обрезки льняными нитками. Работницы тут же из сшитых кусков кроили рукавицы. В другой комнате из прочной ткани шили верх для рукавиц. Они получались крепкие и тёплые и предназначались для артиллеристов.

На следующий год нам нашли другое помещение – клуб сапоговаляльной фабрики. К началу учебного 1942 / 1943 года в Барнаул прибыло много эвакуированных. В небольшом клубе разместили пять 5-х классов. Досками перегородили зрительный зал на три класса, коридор и учительскую комнату. И еще два класса разместились на сцене. Все двери были из досок. Всё кругом хорошо прослушивалось.

Эвакуированные в основном были из Москвы и Ленинграда. Дети были активнее, смелее барнаульских, больше знали. Наши запечные шалости предыдущего учебного года показались для учителей раем. Переполненный клуб «Пилюкатки» гудел от неукротимой энергии

пятиклассников. Представьте, в коридорах, в три раза уже нормальных, школьных, одновременно выбегают, визжа и гогоча, ученики трёх классов, давая друг другу тумачи, ставя подножки... потом из двух классов, что на сцене, буквально на головы прыгивают еще почти столько же ребят... Толчея получалась невероятная. Чтобы пройти по коридору, приходилось постоянно обходить кого-то, и всё равно упрёшься в потасовку и «кучу-малу».

В нашем классе был Слава Комисаров, эвакуированный из Ленинграда. Его родители, оба хирурги, были на фронте. Слава жил с бабушкой, которая его очень любила, а он её не слушался. Он был лидером всех мальчишек-пятиклассников. Его звали «комиссар». Когда кончались уроки при выходе из школы все мальчишки под командой Славы вставали в два ряда. Девочкам приходилось идти меж ними посередине. Слава командовал: «Бей девчонок!» девочки сразу кидались убежать, а мальчишки портфелями с привязанными чернильницами-непроливайками, били их по спинам. От ударов вскользь по бегущим было не больно, но все пальто у девочек были испачканы чернилами. Каждый день мы боялись выходить из школы.

По команде «комиссара» мальчишки могли опоздать на первый урок, устроив какую-нибудь борьбу. С последнего урока могли просто уйти. Учителя не знали, как укротить буйство учеников. Слава сначала сидел за партой у стены, то есть у деревянной перегородки, где в нужных местах были вырезаны щели для шпаргалок из соседнего класса. Он из трубочки стрелял в соседний класс, а оттуда летели ответные. Подымался шум в двух классах, а он сидел тихо, как будто не знал, в чём дело. Его бабушку вызывали в школу несчётное количество раз. Она просила учесть, что его родители на фронте, а ему надо учиться. «Пожалуйста, – говорила она, – не выгоняйте его из школы, тогда мне с ним не сладить». И его терпели. После прихода бабушки, Славика пересаживали на другую парту. Он дня три сидел нормально, но потом всё повторялось. Он дёргал девочек за косички, отбирал чернильницы, линейки, карандаши, заставлял для него решать задачи, мог просто так столкнуться со скамейки... Никто из ребят не хотел сидеть с ним за одной партой, жаловались родителям и учителям. Родители просили оградить их детей от «комиссара». И забияку опять пересаживали. Когда его посадили со мной, я решила, что жаловаться не буду. В первый же день, как начался урок, он дёрнул меня за косу. Я перекинула косу на другое плечо. Тогда он переставил чернильницу на свой конец парты – я стала макать ручку в чернильницу на соседней парте. Началась математика, контрольная работа. Славик положил свой листок на мою тетрадь и

сказал: «Вначале реши мою». Я решила и отодвинула листок. На другой день по русскому был диктант. Когда дали время для проверки написанного, Славик, читая мой листок, ткнул пальцем: «Тут «о», а тут «е»». Я исправила по его указке без колебаний потому, что он считался самым грамотным учеником по русскому языку среди всех пятиклассников. Так мы стали помогать друг другу. Теперь, когда мы выходили из школы, указывая на меня, «комиссар» командовал: «Эту не бить!», и я быстро пробегала между рядами пацанов. Как бы трудно ни было, учебный год закончился. На следующий год в тесных классах клуба мы уже не учились. Часть эвакуированных уехали, а вместе с ними и Славик. Больше мы с ним не встречались.

Осенью, когда копали картошку, мама договаривалась, чтобы меня взяли в помощники и давали за мой труд ведро картошки. Меня охотно брали помогать и говорили: «Эта девочка работающая».

В войну почти у всех людей были вши. Усталые, голодные люди, которым не было возможности как следует помыться, боролись с этой бедой как могли. В банях были камеры высокой температуры, где прожаривали одежду, пока человек моется. Дома после стирки одежду кипятили, швы проглаживали и придумывали другие способы избавления от вшей. В школе перед уроком проверяли головы. Мыла не было, стирали и мылись щёлоком (кипяток с золой). На комбинате вши были даже в хлопке и пряже. С ними боролись, но они всё равно были. Вши – разносчики тифа. В войну многие болели им, заболела и мама. Её положили в инфекционное отделение городской больницы, остригли наголо. У неё была высокая температура. Я ходила к ней в больницу, которая была полна больными. Мама смотрела на меня из окна, слабая, худая, остриженная, со страдальческим лицом. Я плакала. Она говорила мне: «Опять ты одна будешь два месяца». Мне было трудно, но уже привычно. Спасал коридор.

Из больницы мама вышла очень слабая. Тяжёлая работа в пыльном цехе ещё больше ослабила её. Она ходила медленно и через силу работала. Врачебная комиссия дала ей справку с указанием немедленно перевести её на сидячую работу с чистым воздухом на шесть месяцев. Для лечения её поместили в ночной туберкулёзный санаторий. Каждое утро после приёма лекарства и осмотра врача, мама проходила процедуры, завтракала и потом шла на работу. Обед выдавали по санаторной карточке. После работы – душ, приём у врача, процедуры, ужин и сон в санатории. Шесть месяцев я опять жила одна. Иногда ночью после процедур мама приходила ко мне и быстро уходила.

В санатории ей стало лучше, и я была рада. Через шесть месяцев её перевели работать уборщицей в Управление фабрики.

Был очень голодный военный год. Мама отработывала сутки, то есть две смены по двенадцать часов, и когда у неё был свободный день, она говорила: «Валя, пойдём в Лебяжку к дяде Ване. Может, он нам чем поможет, если нет, то хоть пообедаем у них».

На другой день очень рано мы пошли в Лебяжку (это примерно 15 км). К обеду мы были на месте. Нас накормили досыта кашей и картошкой, напоили травяным чаем с мёдом (у дяди были пчёлы). Дома у нас, кроме хлебного пайка и иногда кусочка жмыха, ничего не было.

После обеда мама робко начала говорить о том, что, может, в селе где есть клочок земли... «Мы бы вскопали, семян у нас тоже нет. Может, нам дадите немного картошки, мы её на глазки порежем и посадим хоть немного».

Дядя Ваня тяжело вздохнул и сказал: «Картошку мы уже посадили. В доме сейчас и ведра картошки не набрать. А клочок земли есть. Там раньше картошку сажали, но бродяги воровали эту картошку. Теперь там ничего не сажаем. Надо подумать и посадить там то, на что люди не позарятся. Он вышел в сени, вернулся с маленьким мешочком в руках и говорит: «Это просо, на тот участок хватит. Осенью сколько-то намолотите. Просо вряд ли украдут. Многие на селе просо обжаривают на сковородке, толкут в ступке, провеивают и варят кашу. Какую-никакую, но кашу» ...

Мама сразу оживилась, быстро встала и торопливо сказала: «Время-то идёт. Где лопата, грабли, пойдём, покажи нам землю. Мы будем копать».

Недалеко от дома на опушке леса был участок земли, который предназначался теперь нам. Земля на нём была мягкая, и мы быстро вскопали. Мама посеяла просо и заборонила граблями. Уставшие, еле передвигая ноги, но довольные мы пришли к дому. Нас накормили ужином, и мы легли спать. На другой день до рассвета мы ушли в Барнаул. Дядя Ваня приглядывал за нашим участком, иногда пропалывал.

Осенью мы с мамой пожали просо серпом. Намолотили полмешка проса. В Барнаул мы несли свой урожай, как драгоценность. Зима наступила еще голодней, чем прежняя, но у нас было просо...

За войну я прошла школу самостоятельной жизни. В 12 лет я узнала, что не всё можно говорить маме, как её успокоить и чем помочь.

Марченко

Нина Афанасьевна

Нина Афанасьевна Марченко родилась 7 мая 1929 года.

Школьные годы

– Родители жили в Гаграх до революции. Папашка был военным, а мамка прачка. К ним приезжали бабушка, мамина мать и сестра родная, Мария Васильевна, и они ходили пешком, пешком ходили в новый мужской монастырь и молились Богу. Прачкой она работала у военных, стирала им там. Маму, Домну Васильевну, отпустили на неделю. Они за один день до монастыря не могли дойти и ночевали у абхазцев. А когда они пришли в Новоафон⁶⁷, им выделили келию, комнату, за ними ухаживал монах. Он им не разрешал работать: „Вы пришли отдыхать, значит только церковь, помолитесь, песни споете и отдыхайте. Больше ничего нельзя делать”.

– Так, а они зачем туда ходили молиться?

– А они ж верующие, бабушка-то верующая, дочь священника. И мамку так она воспитала в своем духе, а мамка хотела воспитать и меня, в своем духе, но папашка переборол на коммунистов.

Ходили они с бабушкой и тетей Марией. Бабушка очень хорошо знала – она ж дочь священника – знала все молитвы. У нас было два мешка книг божественных. Знала все молитвы, знала все ноты и у неё самый первый из высоких голосов был. Они пробыли там неделю. Мама говорит, что ей надо на работу, а их не отпускают. Еще и еще просят остаться, – мать монахам очень понравилась, потому что пели они хорошо.

– А как они из Гагры попали сюда, в Светлоград?

⁶⁷ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь – мужской монастырь, расположенный у подножия Афонской горы в Абхазии. Основан в 1875 году монахами русского монастыря святого Пантелеимона со Старого Афона (Греция) (Константинопольского Патриархата) при участии российского императора Александра III.

– А потом же революция, а потом Советская власть и они и остались тут уже. Обстановка была такая, что он с той армии, белой, перешел в Красную Армию.

– А он был в белогвардейской армии?

– Ну да, он же, при Николае Втором был военным, а потом же была революция. А потом они переехали уже в Светлоград. После революции поумирали родители, и они остались здесь и по сегодняшний день. Я-то родилась не здесь, а когда поумирали родители, жить-то надо ж где-то было...

– Так вы тоже там родились, в Гаграх?

– Нет, я родилась в Ягурах⁶⁸, они купили там дом, а потом из того дома переехали.

– Потом отец стал сапожником. Отец, когда он учился, получил за третий класс Евангелие, отделанное бархатом. Она, эта книга, хранится у Бори, сохранили мы ее, а те, наверное, Валерочка сдал в музей, или в музей, или в библиотеку, два мешка книг, божественные книги. Потом переехала в 1943 году, когда нечем было жить, немцев прогнали, и я переехала сюда, и по сегодняшний день.

– А в Ягурах было хуже, чем в Светлограде, да? Почему оттуда вы переехали в Светлоград?

– Ну, во-первых, там жить было нечем, почему я сюда переехала? Ну, и потому, что оттуда все разъезжались.

– А что там такого было, что все разъезжались?

– Там нечем было жить, наверное, да потому... когда немцев прогнали жить было нечем, и мы вот это... А Филипп погиб... Мы ж играли все, у нас был свой струнный оркестр, Филипп руководил всем этим оркестром, он дирижировал...

– А оркестр чей был? Это школа была или?..

– Свой, домашний

– Вы дома все играли?

– Все играли, все выходили на улицу и присоединялись к нам, пели мы и играли.

– Это до войны было?

– У нас была мандолина, он играл на мандолине:

А ну ка песню нам пропой веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете,

⁶⁸Малые Ягуры– село, в настоящее время в составе Туркменского района Ставропольского края.

И все на свете песенки спевал....

Это была любимая довоенная песня Филиппа, и он мимикой мне дирижировал, говорил: «Лестница: я беру три пальца, на гитаре».

– Вы на гитаре, а он на мандолине?

– Ну, у нас было несколько мандолин, балалайка, гармошка, пианино, вот! Семья была музыкальная, все мы играли, а пели!..

– А кто ж вас всех учил играть?

– Филипп.

– А, с него все началось?

– Да вот тут вот и есть, он ведь был секретарь комсомольской организации.

Была у нас учительница – Черкашина Татьяна Николаевна. Когда я была в четвертом классе, Филипп меня учил, как правильно писать. У него почерк красивый был. «Как правильно писать? Вот, берешь ты чистый листок, и на чистом листе нет ни линейки, ни клетки – ничего, и ты начинаешь писать буквы». И в четвертом классе заставлял меня, учил писать... и в газету, чтоб я в газету писала свои сочинения. Он, вот как учил: «Ты пошла в лес, что ты там нашла? Что тебе надо, ты чего туда пошла? – задает мне вопрос. Я ему отвечаю. – Вот, а теперь напиши!..» Опишу я это, а он потом проверит, и пошлет в пионерскую правду. Так это был четвертый класс, я уже писала.

Когда я поступила в техникум и, когда там был диктант, получила пятерку, класс как поднялся! «Она была..., а вы ей поставили? Як це так? Почему вы поставили ей пятерку? Она ж у кого-то списала!» – Учительница молчала, ничего не возражала, она могла только посмотреть, кто рядом со мной сидел... А потом, когда стали в техникуме выбирать редактора газеты, она предложила мою кандидатуру. И моя стенгазета среди всех групп... А там же были все... Был же Советский Союз – у каждого была своя комсомольская газета.

– Ну, правильно, вас Филипп научил с детства описывать все.

– Он меня научил! Если нужно, он ребус нарисует и мне расскажет, как его отгадать, как что. А шарады... А потом он, – одно слово помню, подбирал «соль», а если мы буквы переставим, то получалось «лось», вот только одно слово помню. А он, значит, напишет 10 таких слов: «А теперь ты...» И это тоже в газету отправлял...

Фашисты и В.И. Ленин

– А немцев-то выгнали в 1943 году, освободились уже 19–20 января.

Глазами Детей войны

– А когда они здесь были, как они?..

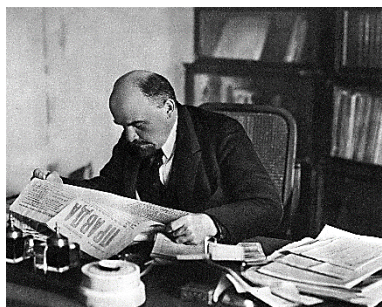
– Как они... они всё полностью заняли лошадьми. Лошади там находились, лошадь – это же такое дело...

– Кавалерия немецкая, да?

– Да, они ... и канализация там же проходила, канализацию они забили, потом все разломали...

– А к людям они как относились? Не помните? Отношение к людям какое было?

– Нормальное, у нас в доме жило два, не немцы, а... Ну их, не чистокровные немцы⁶⁹, а когда посмотрели, а у нас были портреты – папашка был военным, и у нас были портреты, мы их прятали, а Ленина

оставили, боковую фотографию, сбоку сфотографированный, и Ленин читает «Правду», газету «Правда», вот они: «Мамань, а это что, Ленин?» Батько сказал, чтоб не трогали ее. Они махнули рукой и пошли в ту комнату, где Ленин, установили аппарат, телефонный или радио и наше не трогали, а когда попросили – у нас корова была – и они попросили: «Мамань, дай молока». Мамка дала им молока, они напекли блинов и нас угостили. Вот. Ну и так мы не касались к ним, они не касались к нам. Значит, вот такое отношение.

– А долго они здесь, в Светлограде, были – немцы?

– Они были, примерно... я не помню, какого числа, но, когда мы пошли письмо получили от брата – 18 июля 1942 года – значит, они с августа 1942 года по 20 января 43-го года.

– Ну, почти полгода.

– Полгода, как раз вот уборка начиналась...

Колхозная жизнь

– В колхозе [меня поставили] дояркой, но я не могла доить, у меня по рукам до локтей текло молоко, сил не хватало...

– Ну, вы же маленькая еще были?

– Четырнадцатый год уже был мне, вот, ну и сейчас у меня нет такой силы. Значит, день начинался с двух часов ночи и заканчивался вечерней дойкой. Трактористы все ж были в армии, а девчат учили на трактористок. Вот, все трактористки уехали, а одна – Санька осталась, бригадир ходит: «Санька, а что ты осталась?» А она говорит: «Дядя Ваня,

⁶⁹ В Светлограде был расквартирован румынский полк.

я забыла трактор. А ты ж училась, отыщи себе диплом в пазухе, раньше же карманов не было, а были у пазухи – щели. – Что ж ты ну не читаешь?»—«Дядя Ваня, да я читала, но я ничего не пойму, что там написано».

– А вы трактор не осваивали?

– Нет, трактор – нет, у меня возраст – только с восемнадцати лет трактор, и всех девчат снимали:

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем,
Соберем и посеем, и вспашем,
Наша поступь тверда,
Никому никогда
Не гулять по республикам нашим!..⁷⁰

– Так, у вас не получилось? И чем вы потом занимались?

– Я на косилке была, косили мы сено, а как забьется, то тогда мне помогали. Ну, урожая не было такого большого. Почему? Потому что Ставрополье относилось к засушливой зоне, у нас не было ни речки, ничего. Вот, когда с егорлыкской⁷¹ воду дали нам, и только тогда-то у нас урожайность была... первый урожай! Земли были – от бомбежки большие котлованы. По селу ни разу не попало, все попадало на поля. Нужно было их засыпать тракторами. Конница истоптала все поля.

– Ну, понятно, если они проходили, то протоптали все.

– Да, конницей истоптаны были все поля.

– А зимой?.. Так у трактористки руки-то прилипают к железу... Перчатки... какие перчатки, они уже порвались, так девчата что

делали? Набивали чего-то в сапоги, тогда же башкирские сапоги были или валенки. Снимали носки, надевали на руки и... чтоб можно было подойти [к трактору]. Раньше, до войны, всю технику ремонтировали осенью, а теперь уже все! Там болт заржавел

– не открутишь его. Там поломался, а там потерялся. Было девчатам очень трудно, чтоб трактора привести в норму. Ну, рабочий день у

⁷⁰Песня «Марш Трактористов» из кинофильма «Богатая невеста», муз. И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача, 1938. – URL:<http://songspro.ru/9/Isaak-Dunaevskiy/tekst-pesni-Marsh-traktoristov>

⁷¹Егорлык– река в Предкавказье. Протекает в Ставропольском крае, Калмыкии и Ростовской области, впадает в Пролетарское водохранилище.

трактористов был световой. Солнце взошло, ты уже на работе. Солнце зашло – уже иди домой! Было так: оставляли до 9 вечера. Если надо кончить, то оставляли, значит, на весь световой рабочий день. А когда овец привезли, пригнали, тут уже круглосуточно, овцу не бросишь, хоть она и спит, все равно надо следить, а снега были какие... ой! Какие были морозы! Раньше были снеговые горы. Питались мы: вода, таяла вода, собирали воду, снег топили и той водой питались, а ягнятам же надо тепло...

– Я пришла в колхоз весной 1943 года. Раз пригнали скот. Тогда началась пятилетка, новая пятилетка. Когда я в первый раз обратилась к быкам – я их никогда до этого не видела – мне сказал скотник: «Ты погладь его». Я его погладила спину и прислонилась лицом к телу быка. Он глянул на меня, глаза его засветились, и когда я стала вот эту надевать... я уже забыла, как она называется... то бык сам протянул шею, чтоб я надела

– Хомут?

– Да, он же не хомут называется, по-другому... ну и поехали. Поехали мы на бригаду.

– Так вы на быках ездили? Запрягали их?

– Я страшно боялась, а они, оказывается, такие послушные, только любят, чтоб их погладили. Вот, а как их погонять? Я не знаю как. Я знала, лошадей как, а быков – нет. Ну, они все сам знали и меня довезли куда надо. Это моя первая была поездка. Работала я на разных работах. День доярки начинался с 2 часов ночи и заканчивался вечерней дойкой, крыши были побитые, окна – побитые, двери – побитые...

– А вы здесь, в Светлограде, были? Или где?

– Да, в Светлограде

– А вы занимались ягнятами? Просто были на косилке, она же сезонная...

– А когда не было, другие работы были. Я работала на косилке, на молотилке когда ...

– Ну, это все уборка.

– Когда уборка, и... в зимнее время, хватало работы – лошади... А овцеводство – это было круглосуточно и несло метелью ягнят, как раз начался окот и растёл – коровы телились и овцы. Как-то заведующий МТФ пришел в контору и доложил со слезами: «16 телочек замерзло! Я не хочу работать, давайте выбирайте другого». А кого ж другого? – Некого! А ягнят не считали, сколько. Базы копали, перекапывали базы, в которых будут находиться овцы, не положишь же их, надо чтобы было мягко и тепло, а соломы не было! Мы ездили на Каспий: кормить

коров нечем было. Мы ездили... скотники ездили на Каспий, там много было камыша. И вот мы этот камыш привозили и кормили им коров и овец. А речки замерзли, там раньше был пруд, но его разбили лошади. Так что снегом питались вместо воды!

– В колхозе я работала 50 лет по документам. Когда я оформлялась на пенсию, тогда колхозный стаж не сходился с рабочим. Хочешь – в рабочий оформляйся на пенсию, хочешь – в колхозный, он не сливался и поэтому у меня не такая уж большая пенсия.

– А где вы в колхозе всю жизнь проработали, на каких работах?

– В колхозе была я в отделе кадров, когда закончила техникум. Я ж после колхоза пошла еще учиться, когда война закончилась, в кооперативный техникум и пошла на работу в кооперацию, так что я и в кооперации была сколько-то там лет. Я не помню уже, сколько, когда я оформлялась на пенсию, то и рабочую книжку взяли и колхозную, а какую они зарплату взяли, в колхозе у меня зарплата была 100 рублей, а там 250, какую они брали зарплату, не знаю.

– Ну, так а вы почему из кооперации ушли опять в колхоз?

– Муж закончил – я вышла замуж – муж закончил техникум, его направил Георгиевский техникум механизации механиком в колхоз.

– И вы с ним поехали?

– Он сказал мне переходить на работу в колхоз, и я бросила. Это был 1954 год. Я перешла в колхоз на работу, а в колхозе появилась новая должность, и меня поставили в отдел кадров. И я в отделе кадров проработала 22 года, пока не ушла на пенсию. А на пенсию ушла и продолжала работать на разных работах

– А это вы в колхозе работали, в Светлограде? В каком колхозе?

– Здесь, в Светлограде всё, была в колхозе «Колос», вот это все в Светлограде, больше я нигде не работала, кроме, если в торговле меня отправляли, у них потом слияние произошло, направили по селам. А то работала только в колхозе до возраста 78 лет, 2 года не доработала до 80. Тут вот что получилось: я упала. Упала уже, когда я была в йоге⁷², я полезла виноград обрезать, упала и разбилась и уже больше не пошла, не годна была и в колхозе работать.

– А кем же вы работали до 78 лет в колхозе?

– Сейчас перечислю, на разных работах я была: овощеводом, в овощеводческой бригаде, а когда меня направили весовщиком, я не

⁷²Имеется ввиду – посещала занятия йоги в Светлоградском филиале Академии здорового образа жизни Василия Скакуна

сумела взвешивать, и меня уволили, перевели в технички. Я работала техничкой, сторожем.

– Ну, понятно, в общем, на таких подсобных работах.

– Да... копали мы кошары, корчевали мы сталинские лесополосы – были они по 15 км. Сталинские лесополосы! И який дурак Сталин, из всей плодородной земли взял лесополосы, а то, что астраханские пески засыпали нашу землю, когда у нас не было воды, это уже не считалось.

– Ну да не подумал никто.

– Да, никто не подумал, проклинали мы его, а он сделал потом засушливые зоны, и как повеют астраханские ветры, невозможно было...

Образование – семейная традиция

– Расскажите, пожалуйста, у вас кого в армию призвали? На войне кто был? Отец?

– Отец и три брата были на войне. Не забуду я братьев своих же, дорогих, не забуду и дядю-героя, что расстрелян фашистами, в поле лежал, истекая горячею кровью. Его расстреляли за то, что русский, он не встал на колени и не сделал поклон.

– Папашка был военный, а эти были, братья его, были начальники все, все наши закончили гимназию №1, дедушка был, закончил гимназию №1. Он был правая рука у Крылова, а Крылов был капиталистом. Бабушка у нас родилась в 1850 году, а умерла в 1955 году, она прожила 105 лет. И дедушка был у Крылова, Крылов его любил за то, что тот был грамотный и честный. А бабушка держала церковь, церковь была на улице Бассейной. Тогда Дученко убили фашисты.

– А кто такой Дученко?

– Дученко был такой, Володя Дученко, сын коммуниста. Его сестра была моей подругой. Его отец Дученко был коммунистом. Я не знаю уже, в котором это было году. Нашу бабушку выгнали... церковь была. В той церкви явила она поклоны, 40 поклонов явила. Поселили там Дученко Володю, это сын убитого коммуниста.

– А кто его там поселил?

– Власть, уже советская власть была, это ж уже 30-й... Я не знаю, какой год был, 1937 – советская власть..

– Ну, тогда ж и церкви разрушали?

– Нет, церкви разрушали только при капитализме⁷³, когда Ленин стал у власти, Ленин стал во власти, его назначили председателем в

⁷³ Видимо, имеется в виду НЭП (редакторская версия)

совете министров, это было 20 декабря 1922 года, а до этого же он тоже правил с 7 ноября 1917 года, Ленин же был во власти!

– А в 1917 году в революции ваши родственники участвовали?

– Участвовали, но они же были за красных, за красных они же были, это отец только был сперва у белых...

– А после Гражданской войны сколько у вас было детей в семье?

– Пятеро было. Но в 1922 году был сильный голод, и мои дедушка и бабушка по отцовской линии умерли. А у них остались еще сироты – девочки. Этих девочек разделили в разные семьи. И у нас, кроме той няньки, папашкиной сестры и еще родилось четверо детей.

– Так, из детей вы, девочка, а еще кто был?

– И еще были мальчик – брат Филипп. Он учился как раз на ликбезе, и он мамку потом учил

грамоте. А папашка был грамотный, закончил гимназию.

– А как папу Вашего звали?

– Афанасий Петрович. А маму – Домна Васильевна. Отец и его братья, они все закончили гимназию №1. Мой брат умер, и тогда отец забрал племянника Сережу себе. Так что считалось: два брата у меня было, а третий – это брат мужа. И он тоже учился, все были в гимназии. Гимназию закончил дедушка – дедушку отца я не знаю – мамкин дедушка, потом братья отца – трое, и потом мои братья, Филипп, Вася и Сергей. И все окончили гимназию, и я. Когда меня муж бросил, мне было 37 лет. Он распился, разгулялся и бросил меня. Закончил он техникум, пошел учиться в институт. Окончил институт и меня бросил.

– А с войны все вернулись? Братья, отец?

– Не, с войны вернулся только один папашка. Ещё шесть сестер были на войне. Все они были с высшим образованием и все шесть добровольно пошли. Одна сестра моя родная, а те двоюродные. Валя и Шура были – выносили раненых с поля боя, Тоня и Катя, все с высшим образованием, знали азбуку Морзе, были они при телефонах, радистки. Ну, в общем, а Таня, литератор, она была в госпитале медсестрой, а Лида – пожизненный железнодорожник, все время на железной дороге, и вот шесть.

– Так, а ваши сестры, их как звали?

– Лида и Шура, все по фамилии Еременко, по родителям. И у всех братьев фамилии Еременко. Сестры все вышли замуж и своих детей они тоже выучили, не зря: у Лиды – архитекторы в Ленинграде, у другой – в Москве.

– А ваши дети, у вас трое вы говорили, да?

– Мои дети, трое, их выучила школа, я, когда осталась одна на 100 рублей, на 100 рублей я не могла их прокормить, старший еще в школе был.

– А как звать детей ваших?

– Алексей, самый старший. Он хорошо учился. Я никогда не думала, что у Алексея такие способности, он написал последнее сочинение на 11 листах, и мы всей учительской читали... А какую оценку поставили, не знаю. Он закончил пединститут – это ему рекомендовали. Все они математики, все, начиная от дедушки, все его братья, все математики. А потом и мои братья – все математики. И мои дети – все математики.

– Так он в пединституте закончил математический факультет?

– Да, математический, подавал он и на физику, и на химию. По

химии, значит, почему он прославился? Был КВН по химии, и там он себя показал.

– А сейчас он жив?

– Живой, так они же дети уже послевоенные. Сейчас он в Москве. Ему уже 65 лет. А дочка его окончила школу без одной четверки, за 10 лет у нее не было ни одной четверки, получила золотую медаль и сейчас

учится в институте. Есть у него ещё одна дочка. А у Бори – два сына.

– Это второй сын?

– Да, второй – Борис. Я хотела его отдать в военное, а военное переправили в Ипатово. И он не захотел туда ехать и поступил в сельхозинститут. Закончил он по механизации. В Ставрополе и работал. Когда ушел на пенсию, стаж у него был 42 года.

– А он какого года рождения?

– 1959, так они все у меня пошли в колхоз, еще они на весенних каникулах пасли ягнят, а когда начиналась стрижка, они – ну тогда всех детей брали – все работали в колхозе, и Леня, и Боря, и Валерочка.

– У вас три мальчика?

– Три мальчика. Младший, Валера, 1962 года рождения. Он поступил сначала в строительный техникум, потом пошел в армию и после армии поступил в Даугавпилское высшее военное училище и

закончил его в Латвии. Когда он его закончил, я подготовила шесть тысяч на магарыч⁷⁴, чтобы его направили на Ставропольский аэродром.

– Летное он закончил?

– Нет, оно не лётное – ПВО.

– Вот, и он, когда его направили в Ставрополь, проработал, не знаю, сколько лет проработал, но в 40 лет он погиб...

– А второй сын, Боря, так и живет в Ставрополе. Первый его сын, Дима, закончил два института и устроился на работу: сразу дали направление во Владимир, на Владимирский завод, а с Владимира уже была должность в космонавтике, где учился Гагарин, и дали ему место. Он на хорошем счету в Королеве, там же он получил комнату со всеми условиями. Дима – это внук мой. И внуки все мои с институтами.

– А сколько у вас внуков?

– Четверо внуков. Два мальчика и две девочки. Когда погиб Валера, внучка, его дочка, отказалась от меня. Мать её вышла замуж, и она сказала: «Бабушка, теперь ты не моя, у меня есть другая бабушка»...

– Так, у Валеры был один ребенок? Девочка?

– Да, одна девочка, у Валеры была одна девочка, и у Лёни – одна девочка, а у Бори – два сына. А теперь правнуки. У Димы трое: два мальчика и девочка, а у Сережи – двое мальчиков. Шесть правнуков.

– А у дочки Валеры?

– Не знаю, не общаемся мы, а вот Сереженька закончил английскую школу в Ставрополе и еще два языка тоже изучил, наверное, и получил он диплом переводчика, значит, он знает три иностранных языка и русский.

Из шести правнуков одна учится в институте, она золотую медаль получила в школе, а Димин учится с одной четверкой, а те еще не учатся, в этом году пойдут двое – два мальчика пойдут, но один за хорошее поведение получил медаль, показывал медаль...

– Так что вы богатая бабушка, а вас посещают внуки?

– Да.

⁷⁴В середине 80-х годов цена на “копейку” (ВАЗ-2101) была от 6300 до 7300 рублей.

Стихи про платочек

– Помню, когда началась мобилизация, сплошная мобилизация в армию. И люди с улицы всё собирали – у них нечего было в сумку положить солдатам – так со всей улицы собирали: кто картошку принес, кто кусочек сала принес, кто что мог приносили солдатам в сумку. И вечеринки раньше были в доме, а тут вечеринка была возле дома, возле дома собирались, с гармошкой и на гитаре больше, на гитаре играют, поют девчата песни, и я написала стихотворение.

Да, мы от чистой любви девичей дарили каждому солдату платочек. Этот платочек должна соседка там или родственница обвязать, вышить, как могла, вышить, а если не платочек, то кисет, кисет шили с фланелевой ткани, с сатина и у кого что было, отделявали бисером и набивали эти сумочки табачком, а мальчишка брал, нюхал, чихал, а мы ха-ха-ха. А девчата, платочки вязали: у кого был батист, у кого был сатин, у кого бязь, но все равно делали платочки, душили их... тогда была эссенция, маленькие флакончики, душили, чтоб запах был, душили и дарили. И я написала стихотворение «Платочек».

Платочек

Мне платочек в подарок достался,
Когда шел я в далекий свой путь.
Как с тобою я, Галя, прощался
И сказал я тогда: «Не забудь!
Я ж тебя не забуду до гроба,
Друг мой, будешь со мною всегда».
Так прощались с тобою мы оба,
Что слеза накатилась тогда.
Мне родного села жалко стало –
Может, мне его не увидеть.
И хатенки, любимая Галя,
Где живет моя бедная мать.
Если ранен я буду в баталиях,
Если ранен я буду в бою,
Я платочком твоим обмотаю
Раны, вспомнив Галинку свою.
И платочек их быстро затянет,
И засохнет под ним моя кровь,
И в ночи моё сердце вспомянет
Нашу жаркую, Галя, любовь.
Так запомни же, милая это,
И запомни, прошу, навсегда:
Никогда не изменишь нигде ты,
Как и я, – ни за что, никогда!
Мне в подарок платочек достался,
Когда был я тобою любим.

Глазами Детей войны

Он на долгую память остался,
Талисманом он будет моим.

Я написала стихотворение, но оно было не такое, а когда мне сказали, что нам будут медаль вручать, я пять лет переделывала это стихотворение и вот это получилось.

*Нина Афанасьевна – член команды светлоградских йогов Академии
здорового образа жизни Василия Скакуна.*

Хайнова Антонина Васильевна

Хайнова Антонина Васильевна родилась 4 марта 1937 года в Саратовской области, Новаторском районе РСФСР. Отец – Василий Иванович Хайнов, 1891 года рождения. Мама – Переудина Анфиса Павловна, 20 августа 1901 года рождения. Отец работал на мельнице, мать воспитывала детей.

Родилась Антонина в большой семье. Сестры: Вера, Александра, Клавдия, Надежда, братья: Владимир, Николай, еще двое детей скончались в детском возрасте.

Ввиду сильного голода, сильных морозов, отсутствия сухого топлива, в марте 1939 года семья переехала из Саратовской области в Узбекскую ССР. «У нас не было паспортов, и разрешения никакого просить не надо было, мы сели на поезд с семьей и приехали в Узбекскую ССР, в Погран-Орловск, нас здесь приняли очень хорошо», – вспоминает Антонина Васильевна.

Здесь Антонина окончила 7 классов общеобразовательной школы.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Председатель колхоза объявил о тревожном событии, которое охватило всю страну.

Председатель обязал всех работать в поле: сеять и собирать хлопок; а мужчин забрали на фронт. В колхозе остались одни женщины, следовательно, всю тяжелую работу исполняли женщины и подростки.

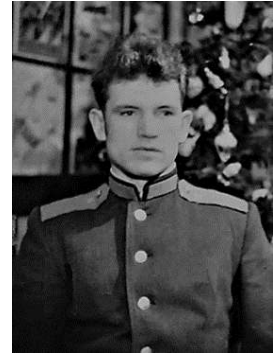

«Когда заканчивались запасы, ели и варили лебеду или суп из пшена», – говорит Антонина Васильевна, – хлеба в колхозе не было. Варили мамалыгу из кукурузы, пекли хлеб из кукурузы. Или же дело было так: мама варила повидло и обменивала его на маленькую булочку хлеба. За два ведра повидла можно было приобрести одну булочку хлеба, а хлеб стоил очень дорого

– около 100 рублей по курсу тех лет. Бывало, принесет мама домой эту булочку, а мы не знали, что с ней делать. Делить булку на всех было невозможно, оставалось просто вдыхать прекрасный запах свежееиспеченного хлебушка, которого нам всегда не хватало».

В самые тяжелые военные годы родился брат Николай (1941г).

Матери Антонины дали орден за многодетность и вручили премию, на эти деньги семья купила телку. Стало жить легче, потому что были свои молоко и молочные продукты.

«Во время войны работники налоговой творили беспредел», – вспоминает женщина. – В октябре холодной ночью, когда все уже спали, к нам в дом ворвались двое и требовали подписать какие-то бумаги на 1000 рублей, мы тогда даже никогда не держали в руках денег. Мать отчаянно не соглашалась, потому что за ее спиной было много детей, их нужно было чем-то кормить, тогда эти двое вознамерились отобрать у семьи корову. Брат Володя успел выбежать в окно и привести домой двоюродного брата, который недавно прибыл на побывку в деревню, служил он в МВД. Брат пришел с железным засовом и прогнал грабителей. Маме после ужасной ночи стало плохо. Медицины в колхозе не было. Пришла одна медсестра, сделала укол для сердца, мама с трудом пришла в себя. На следующее утро об этом узнал председатель, бандитов выгнали из колхоза», – вспоминает Антонина.

«Сахара мы не видели. У нас по арыкам рос солодик» с длинными корнями, он был очень сладкий, мы его срывали и варили. Ели сахарин в таблетках, но как оказалось, он был очень вреден для здоровья человека», – отмечает Антонина Васильевна.

В 1942 году отца Антонины Васильевны посадили в тюрьму, назначили отбывать тюремный срок 10 лет.

«Во время военных лет отец работал на быках, доставлял свеклу на базу, откуда ее переправляли на производства сахара. Проезжая мимо своего дома, отец бросил свеклу домой, это увидели. „Добрые” соседи донесли на отца. В тюрьме, благодаря одному равнодушному заключенному, знающему толк в законодательстве и праве, отцу удалось подать прошение в Москву об амнистии. Отца выпустили. Он пришел после тюрьмы очень больной и истощенный. Лечить отца семье было не по карману, и еды для восстановления жизненных сил не хватало. Отец скончался в 1944 году. Мама с детьми осталась одна», – вспоминает Антонина Васильевна.

Война закончилась. Но легче не становилось. Одни стоптанные ботинки на всю семью, голод.

Старшие братья Антонины стали работать: кто в поле на тракторе, кто на заводе, кто в детском саду. Антонина смотрела за младшим братом Николаем.

После окончания школы Антонину по распределению послали в город Ангрэн Ташкентской области на хлебозавод. Ангрэн тогда только развивался как промышленный город. Антонина училась здесь на пекаря один год, затем приступила к работе на заводе. Здесь проработала три года, затем вернулась домой. Работала на железной дороге стрелочницей. Профессия была связана с обслуживанием стрелочного перевода. Стрелочники занимались уборкой стрелок от снега и защищали стрелочный перевод от влаги. Проработала здесь до пенсии.

Антонина Васильевна также поделилась воспоминаниями о ее дяде Иване. Дядя Антонины остался жить в Саратове, во время войны он попал в фашистский плен. Когда он вернулся из плена, его преследовали органы НКВД. Замученного и больного, его заставляли работать на шахте. Преследования были продолжительные и мучительные. Однажды колхозники вышли заступаться за Ивана, просили оставить его в покое. Преследования приостановились. Однажды Антонина Васильевна с семьей ездили проводить дядю Ваню. Немного погодя Иван скончался от болезни.

«Я до сих пор скучаю по нашему колхозу. Там было голодно, но очень весело, – с грустью отмечает Антонина Васильевна. – В колхозе у нас были переселенцы из Крыма, крымские татары, греки и турки. После распада Советского Союза все они вернулись на родину. А мы остались в Узбекистане. Все соседи были простые люди, и мы тоже. Нас никто не трогал и мы – никого. Мы жили мирно и дружно со всеми, отсюда и вытекло решение – остаться жить в Узбекистане», – заключила женщина.

У Антонины Васильевна в 1965 году родилась дочь Татьяна, есть три внучки: Ольга, Екатерина и Юлия Шариковы, есть правнук Савелий и правнучка Кристина. Внучки и правнуки живут за границей.

Антонина, ее дочь, зять ныне живут в Узбекистане, в городе Бахт Сырдарьинской области.

Шарикова Анна Егоровна

Родилась Анна Егоровна в 1936 году, 22 декабря, в селе Кивать Кузоватовского района Ульяновской области. Мать, Данькина Федосия Кузьминична, родилась в 1906 году. Мать Анны работала в колхозе, в поле, на ферме. Данькин Егор Семенович, отец Анны, родился 5 мая 1905 года. Работал в колхозе. Мать и отец Анны были мордовцами.

Анна родилась в большой семье, в которой было 12 детей. Вот только часть сестер и братьев Анны, которых удалось вспомнить: Екатерина, Татьяна, Мария (Маня), Анастасия, Сергей, Федор, Иван. Анна не закончила 4 классов школы. По словам Анны, бросила она школу из-за того, что не было даже обуви, чтобы ходить в школу. Тяжелые были времена.

Семья Анны встретила войну в селе Кивать. Отца отправили на фронт. Отец вернулся с войны осенью 1946 года. Во время войны семья переживала голод. «Мы варили и шкурки от картофеля», – вспоминает она.

Мама Анны работала в поле, старшая сестра в 15 лет валила лес, брат Сергей с 12 лет работал на тракторе, а Анна смотрела за младшим братом Федей; когда началась война, Феде было 5 месяцев.

Анна переехала в Среднюю Азию, когда ей было 18 лет. В 1955 году, 5 марта Анна приехала к своей тете гости, в Узбекскую ССР, в поселок городского типа Великоалексеевский (ныне город Бахт) Сырдарьинской области. Устроилась работать на кухне. Работали с 6 утра до 12 ночи. Анне здесь жизнь пришлось по нраву: погода теплая и платили за работу 25 рублей в месяц. Анна осталась здесь на постоянной основе. Местные жители Анну встретили хорошо. По её словам, жизнь со временем стала налаживаться и возвращаться в родное село уже не захотелось.

Анна в 1958 году вышла здесь замуж. Муж Леонид работал в столярной мастерской, бригадиром. В браке с Леонидом родились два сына Сергей и Владимир. Сергей учился в строительном техникуме. Владимир – в местном ПТУ.

Муж был старше Анны, умер он рано. Анна с сыновьями осталась одна. Родственники из России звали Анну назад в родной поселок, но Анна не хотела идти против своих сыновей, которые не хотели переезжать в Россию. Анна и ее семья остались здесь и после распада Советского Союза, уже в независимом Узбекистане.

После выхода на пенсию Анна стала заниматься торговлей на «блошином рынке». Хобби и увлечением Анны было вязание и цветоводство. Но сейчас из-за проблем со здоровьем она реже уделяет внимание своим увлечениям, но, несмотря ни на что, у нее всегда было и есть домашнее хозяйство – куры, которые приносят дополнительный заработок.

Сыновья женились, и у них родились дети. У старшего сына три дочери: Ольга, Екатерина и Юлия, у Владимира – два сына: Леонид и

Денис. У Анны есть два правнука и четыре правнучки. Внуки и правнуки живут за границей. Младший сын, Владимир, в начале 2000-х переехал

жить с семьей в Ростовскую область, город Волгодонск Российской Федерации. В 2019 году Владимир умер. Старший сын Сергей с женой и тещей остались жить в Узбекистане.

Григорьев Валентин Евдокимович

Я, Григорьев Валентин Евдокимович, родился 11 апреля 1936 года в селе Новоселицком. Когда началась война, мы жили в селе Новоселицком Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского). Мои родители – отец, Григорьев Евдоким Иванович, и мать, Григорьева Анастасия Алексеевна, – уроженцы села Новоселицкого, колхозники колхоза имени Ленина бригады № 2.

Отец ушел на фронт в июле 1941 года, помню последнее расставание на дороге Новоселицкое – Минеральные Воды, тогда отец держал меня на руках. Призывников-новосельчан было более пятидесяти человек. Мы остались вдвоем с матерью-инвалидом.

Мы, дети, работали с матерями на всех полевых работах: пахали на собственных коровах, наши матери вчетвером таскали борону, а мы освобождали ее от сорняков, и когда я приносил им воду, то видел, как они поднимали руки и говорили: «Боже, помоги нашим мужьям победить!», и видел вены на их руках, красные, как веревки. Земля была мокрая, но не от дождя, а от слез.

Помню, как в четыре часа утра мы вставали на работу и вручную засеивали поля, метелками засыпали семена, а к утру, уже лежа в сарае, слышали: «Бездельники, тунейдцы, спят!» А бригадир Капустян Михаил Семенович как-то сказал: «Вот эти тунейдцы засеяли поле, которое даст зерно для целой дивизии!» Ноги были в ранах, их смазывали солидолом, чтобы утолить нестерпимую боль. После уборки полей пшеницы мы собирали колоски, для этого надо было пройти восемь километров за день. Солнце палило до 40 градусов, не все дети выдерживали, лица от слез и соплей блестели, становились глянцевыми, над полем стоял мираж, сказочное изображение.

Вечером, на культстане, за ужином учетчица Мария Ивановна читала похоронки на бывших колхозников бригады № 2. Повзрослевшему не по годам, мне доверяли лошадь, я ехал в село и слушал последние известия по радио, которые потом пересказывал колхозникам.

В памяти остались гордые лица женщин, их устремленный взгляд и слова: «Когда же закончится проклятая война и мы дождемся своих родных воинов-победителей».

Запомнилась колхозница бригады А.Кречина, которой вручили медаль, и ее вопрос к секретарю райкома: «Можно медаль заменить на отрез на платье?» Смахнув слезу, он тихо произнес: «Отрезок будет еще много, когда закончится война, а медаль – награда Родины за труд». Наступило гробовое молчание, как будто на миг присутствующие затаили дыхание.

За выполнение плана по сбору колосков был праздничный обед – затируха, заправленная солидолом, и чай, заваренный солодником, который мы копали сами. В бригаде действовал «бригадный Смерш», его возглавлял Н.П. Шурунов, бывший матрос крейсера «Потемкин», людей судили за нарушение дисциплины, за вранье, за любые, даже мелкие, прегрешения.

В короткие вечера отдыха в селе мы ходили под освещенные окна И.Е. Кречина, сторожа керосиновой лавки, и слушали рассказы вернувшихся родных и стариков о жизни в будущем.

Когда я пошел в первый класс, нас было пятьдесят человек. Провожал в школу милиционер, брались за веревку и топали за знаниями. В школе не хватало мест, учились сидя на полу. Я азбуку изучил за два дня. Учительница Анна Михайловна задавала вопрос: «Какая буква?» А мы отвечали: «А» – атака, «Б» – бой, «В» – война, «П» – победа, похоронка, «Т» – танк. В пятый класс перевели одного В. Ставицкого. Десятилетку окончили Щеглова Тая, Шагнева Зина, Шачнев Вася, Пономаренко Саша, Григорьев Валентин, а до пенсии – 60 лет – доработали всего несколько человек. Высшее образование получили: В. Шагнев, А. Пономаренко, В. Григорьев. В настоящее время в живых остались А. Пономаренко и В. Григорьев.

На фронт отцу мы посылали письма. Мама, Анастасия Алексеевна, ездила в город Прохладный, где формировался 652-й стрелковый полк, отец, Евдоким Иванович Григорьев, стал рядовым связистом роты связи 652-го стрелкового полка, который защищал Крым. Получили от него несколько писем. Получили похоронку на отца – я повзрослел и стал понимать, что такое жизнь. Стал учиться, стимулом для меня стало и письмо отца, в котором он писал: «Валентин, сынок, мы воюем и скоро освободим нашу Родину, а ты хорошо учись, стань стойким, настоящим человеком, иди той дорогой, которой идет наше государство». После этих слов я решил стать другим человеком, окончил десять классов, техническое стройучилище, Московский инженерно-строительный институт, высшие инженерные курсы при Госстрое СССР, высшую Партийную школу ЦК КПСС, высшие курсы политсостава «Выстрел».

Это не забыть никогда. Я принадлежу к поколению, детство которого было отравлено войной. Она отняла у нас самый счастливый период жизни. Мама, Анастасия Алексеевна, инвалид первой группы работала за трудовни, отвечая за ядохимикаты по колхозу и селу. Я

первый раз получил пять рублей, когда мне было восемнадцать лет, и мать, выйдя на пенсию, получала 8,50 рублей. Да, жизнь была, не позавидуешь – война, но мы были счастливы, что мы живы, ждали лучшей жизни.

День победы 9 мая 1945 года был солнечным, митинг был организован около памятника Ленина, собралось все село: от мала до велика, того, кто не мог ходить, привезли на колясках, особенно выделялись вернувшиеся с фронта односельчане с забинтованными ранами. Слез хватило бы на маленькую степную реку, степной ветер разносил слова первого секретаря, колокольный звон раздавался по всем степным просторам. Радость переполняла площадь после выступления первого секретаря РК КПСС Склярва, он сообщил, что 599 земляков не вернутся с фронта в родное село, они погибли в разных точках нашей необъятной Родины и других странах, им будет воздвигнут памятник в центре села.

Через несколько лет я нашел на памятнике рядового роты связи 652-го стрелкового полка Григорьева Евдокима Ивановича. В память об участниках войны раздался оружейный выстрел и произошел казус, старое ружье не выдержало, разорвалось и ранило стрелка. В этот день меня приняли в пионеры. Стоны и радость Победы разносились по селу несколько дней.

С фронта возвращались победители-земляки, лично мы с матерью встретили более 200 человек, надеясь хоть от кого-то услышать и узнать об отце. На улице Вокзальной мы встретились с земляком Кирюхой, который служил с отцом в одной роте, он рассказал, что их рота пошла в бой 8 мая, а 19 мая 1942 года роты не стало. Он обнял меня по-отечески, я почувствовал сильную мужскую руку, как будто меня обнял родной отец. Мы с матерью возвращались домой, вспоминая услышанное о войне. В этот вечер восточный ветер гулял по полям и селу. Сосед с улицы Советской А.И. Конченко пришел к нам сам, заплакал, еще не входя во двор, и сообщил, что был с отцом в одной роте, 8 мая пошел с ним в последнюю атаку и больше они не встретились. В этот вечер мы проплакали, вспоминая моего отца и его друга, Евдокима Ивановича Григорьева.

Встречи с участниками войны, вернувшимися с фронта, продолжались. Запомнилась встреча с командиром роты автоматчиков Алексеем Ивановичем Колотилиным, награжденным тремя Орденами Славы, Иваном Ильичем Клоковыми освободителем родного села Новоселицкого участником Парада Победы 24 июня 1945 года Петром Васильевичем Ткаченко, награжденным Орденом Славы. То, что мы слышали из уст победителей-земляков, не прочитаешь ни в одной книге, не увидишь в кино. Я сам видел ужасы войны, как фашисты расстреляли восемьдесят селян на южной стороне села, там сейчас установлен памятник.

Через всю жизнь пронес завещание отца, которое он написал в письме: «Валентин, стань инженером-строителем и построй то, что

разрушили». Я стал инженером, построил за это время 121 000 объектов: 800 детских садов, 460 школ, 320 дворцов культуры, санатории в городах Сочи, Ессентуки, Пятигорске, 98 000 квартир. Я выполнил заветное задание отца. Человек должен иметь мечту жизни, которая обязательно исполнится.

Случилась беда, десять лет назад я ослеп, но в это трудном физическом и моральном состоянии я начал писать книги, как говорится, потерял зрение, а приобрел прозрение. Написано десять авторских книг и тридцать восемь в соавторстве с коллегами по творчеству. Я пишу стихи и прозу: 140 публикаций в газетах, член союза журналистов Российской Федерации.

Что помнится мне о послевоенном времени: много отцов, не вернувшихся с фронта, и осиротевших детей. Работа на полях продолжалась от рассвета до заката, без выходных. Жили бедно, не было еды и одежды. Учеба в школе, сидели по трое за партой и на полу. В селе было мало мужчин, но главное, что была дружба, забота друг о друге, взаимопомощь. Мы, дети, выросли, заботились о стариках, а главное – селяне знали, что свобода превыше всего. Село строилось, восстанавливались больницы и детские сады, школы, клубы, возводились памятники погибшим. На поля пришла новая техника: тракторы, комбайны, – многие новшества заменили ручной труд, началась электрификация сельского хозяйства, водоснабжение, дорожное строительство. Люди ощущали заботу государства, радовались каждому шагу по улучшению новой послевоенной жизни. Сначала было 4-классное образование, а потом 7 классов стали обязательными. Строились новые улицы, ремонтировались старые. Селяне верили в новую жизнь, надеялись, что больше не будет войны, верили в будущее.

Рано солнце восходит в степи,
Люди в поле спешат на работу,
И пишу я простые стихи
Про сельчан и про Волчьи ворота.
Я приеду в родное село,
Зашагаю по улицам светлым.
Как же все-таки мне повезло
Здесь однажды родиться на свете.

Работать начал с 1943 года – с восьми лет на разных полевых работах: помощником чабана, комбайнера, молотобойцем в кузнице. Окончил десять классов в 1954 году, техстройучилище в 1956 году, Московский инженерно-строительный институт в 1964 году, Высшие курсы при Госстрое СССР в 1970 году, Высшую партийную школу ЦК КПСС в 1977 году, Высшие курсы политсостава «Выстрел» в 1978 году.

Работал производителем работ райпотребсоюза и колхоза имени Ленина Новоселицкого района с 1957 по 1964 годы, главным инженером Александровского райсельхозуправления в 1964–1965 годах, начальником межколхозстройа в 1965–1972 годах, заместителем председателя Александровского райисполкома с 1972 по 1980 годы, заместителем начальника КУСХ⁷⁵ по строительству Ставропольского крайисполкома в 1980–1994 годах, начальником отдела инвестиций и соцразвития села с 1994 по 1996 годы, заместителем директора центра Краснодарского института «Масличные культуры» в г. Ставрополе в 1997–2007 годах.

Общественная работа: заместитель председателя Краевого совета ветеранов – 1997 год, председатель Совета ветеранов МСХ СК с 1998 по 2020 годы, член совета городской общественной организации «Дети войны» с 2007 года. Ушел на пенсию в 2007 году.

Более двадцати лет избирался депутатом сельского и райсовета Новоселицкого и Александровского районов, являлся внештатным секретарем Райкома комсомола Новоселицкого и Александровского районов с 1957 по 1962 годы.

Наши пожелания следующим поколениям: молодежь должна помнить, что время быстротечно, вы живете в современном мире. Вам надо учиться, мечтать, через науку претворять в жизнь технический прогресс,

сохранять и создавать материально-техническую базу государства, повышать производительность труда, проявлять заботу о стариках, внимательно относиться к воспитанию подрастающего поколения, знать историю страны и пополнять ее новыми знаниями, улучшать жизненные условия, хранить мир между народами, каждый народ будет счастлив по-своему, если вокруг будут счастливы все народы.

Дорогие россияне, защищайте и храните нашу Родину, цените дружбу и связь поколений.

Публикации Григорьева В. Е.

⁷⁵ КУСХ – Краевой управление сельского хозяйства

Наступила тишина и пришла свобода

Оккупация Ставрополя фашистами с августа 1941 по 20 января 1943 года. Ужасное это время осталось в моей памяти, хотя мне уже 82

года, я инвалид первой группы по зрению и с протезами на ногах. Я – один из последних свидетелей того, как отступали фашисты из села Новоселицкого. Здесь тогда проживали 8500 человек, и 80 из них, ни в чём неповинных, мирных людей, немцы

расстреляли. Просто так....

Горькие воспоминания о трудном военном детстве в эти дни оживают и на глаза и невольно наворачиваются слезы. 13 января 2015 годы мы отмечаем 76 лет со дня освобождения села Новоселицкого.

Война прошла по семьям моих односельчан невыносимо тяжким катком – в боях погибли многие наши отцы. При виде почтальонки черном платке у всех сжимались сердца. Беда пришла и в наш дом, в похоронку было указано, что отец погиб в Керчи...

Прошло много лет. Война закончилась. И вдруг я получил письмо от родственницы, которая работала в посёлке Ленинском в Крыму. Она писала, что посетила братское кладбище в Керчи и на памятнике увидела фамилию отца – Григорьев! Я поехал туда.

В керченском совете ветеранов меня познакомили с картой боёв в месте, где воевал мой отец. Но на могиле были неверные данные. К тому времени я окончил десятилетку, стал строителем, окончил Московский инженерно-строительный институт, высшие курсы Госстроя. И все время писал и писал в разные инстанции письма. Так я добрался до отделения Красного Креста. Там мне и помогли: я получил извещение, что мой отец Евдоким Иванович Григорьев, рядовой роты связи 652-го стрелкового полка похоронен в Германии – Шталаг №YIAg. Хемер, земля Изерлон, кладбище города.

Оберхаузен Теперь наши дети ездят на могилу деда... Мы привезли землю с чужбины и захоронили на малой родине – в селе Новоселецком рядом с женой, Анастасией Алексеевной, и их детьми...⁷⁶

Помню 13 января 1943 года

⁷⁶ Подробный материал об этом был опубликован в нашей газете 28 ноября 2017 года, <http://vechorka.ru/media/files/2017/11/vechernij-stavropol--216.pdf> (Л. Р.).

Во время оккупации в моем родном селе в каждом дворе были блиндажи, сооруженные в укромных местах. Однажды мы остались ночевать в своей земляной щели. Никакого движения воздуха, никаких ночных звуков со двора. Мое тело и душа чувствовали давление земли, меня одолевал страх. Обнявшись с мамой, мы долго рыдали. Тогда я поклялся, что не буду прятаться в этой щели никогда. С трудом дождались утра. Немецкие танки отступали, в небе летали самолеты – наши ПО-2, стреляя по немцам. Мы с мамой стояли на пороге нашего дома на ул. Советской, 131 (сейчас ул. Петрова) и уже не прятались. Неожиданно около нас остановились две немецкие полутанкетки. Немец проговорил: «Матка, прячьтесь с дети, сейчас будет бой».

Через некоторое время мы увидели наших бойцов, одетых в шинели, в ботинки с обмотками, в шапках с отвернутыми ушами, с винтовками за спиной. На снежной дороге остались следы гусениц и ботинок наших дорогих освободителей. Зимнее солнце светило, но не грело. Не дул привычный восточный ветер, акации, стоящие около дома, не шевелились. Наступила тишина и свобода, появилась надежда и уверенность в том, что наши отцы победят врага. Мальчишки бросали шапки вверх с криками: «Победа! Победа! Победа!». Слезы радости наполняли глаза моих друзей, мы обнимались, ликовали, становились взрослей. Сержант разрешил мне выстрелить из винтовки в сторону убегающего врага. Я его не убил и не ранил. С другого убитого немца снял китель, штаны, ремень, ботинки и ходил в них в школу до восьмого класса...

Потом с этой одеждой случился конфуз: меня не принимали в комсомол из-за того, что я ходил во всем этом. Пришлось на заседании комитета снять китель, ремень и ботинки и даже штаны. Но по личной рекомендации директора школы Б. П. Зоринга, охарактеризовавшего меня как активиста, все-таки приняли в комсомол...

Календарь

И еще одна картинка времен оккупации врезалась в мою память. Под Новый год у нас в хате собралась небольшая группа немцев. Одни открывали посылку, кто-то играл на губной гармошке. Вдруг все замолчали и уставились на старшего офицера, который взял с нашей полочки толстую книгу. Это был «Календарь колхозника 1938 года». На одной из страниц были снимки Ленина и Сталина. Немцы, увидев иллюстрацию, стали кричать: «Сталин капут, хайль Гитлер!», а потом все посмотрели на нас. Один из немцев за руки сдернул нас с мамой с печи и с криками «Капут!» отогнал к входной двери. Мы стояли не

шевелюсь. Пьяный немец бросил календарь в печь. Я заплакал, а мама, обняв меня, наклонилась и что-то хотела сказать. В этот самый момент наш кот Вася неловко спрыгнул с печи на табуретку, и она упала с неимоверным грохотом. Немцы мгновенно бросились ниц, истерически крича: «Ахтунг, «ахтунг!». Некоторые выхватили пистолеты, другие пытались спрятаться за единственную стоящую в комнате кровать. А кот, чихая от поднятой пыли, неспешно подошел к нам и стал тереться о мамины ноги. Потом Вася с удивлением посмотрел на лежащих фрицев, вальяжно направился к входной двери, встал на задние лапы, а передними без труда открыл ее и вышел. С этого момента нас с мамой никто не трогал, и мы тихонько вышли в сенцы, а затем спрятались в чулане. Там было холодно, но мы накрылись старой одеждой и так просидели до утра. Вот так нас спас серый кот Василий...

Это не забыть никогда⁷⁷

Я принадлежу к поколению, детство которого было отравлено войной. Она отняла у нас самый счастливый период жизни.

В августе 1942

года мы возвращались с культстана бригады № 2 колхоза имени Ленина, расположенной в

восточной стороне села Новоселицкого. При подходе к мосту через речку Журавку неожиданно встретились с группой мотоциклистов, одетых в чёрную форму с засученными рукавами, в касках на головах. На груди у них на ремнях висели автоматы. Это были передовые части немецких войск, разведка.

Рассматривая разложенную на мотоцикле карту, они громко, на непонятном языке, по-видимому, уточняли дорогу к селу Чернолесскому и Будённовску. Мне запомнился их говор, он был лающим и неприятным на слух, особенно страшно стало, когда увидел их злобные, сверлящие ненавистью глаза, от которых веяло холодом.

Моторы мотоциклов работали тихо. Страх обуял нас, детей и родителей, мы держались за руки и безмолвно наблюдали за непрошенными гостями.

У меня в памяти осталось, что птицы перестали над нами летать, а воды мирной степной Журавочки остановились. Не шевелились

⁷⁷ К 75-летию со дня начала Великой Отечественной войны.

растущие на берегу камыши. Неожиданно птица чибис поднялась и улетела. Горячий восточный ветер жёг наполненные страхом глаза, во рту стало горько, хотелось пить. Мы пристально смотрели на висящие автоматы и ещё крепче сжимали мозолистые руки матерей. И только иногда, нарушая тишину, квакали лягушки, истинные хозяева реки. Солнце обжигало стоящих у моста и окружающую степь, а гордый, независимый татарник тихо покачивал своими красочными головками на крепких, надёжных стволах. Слышен был гул проводов проходящей вдоль дороги телефонной линии.

Мы стояли не шевелясь, хотелось крикнуть, но страх перехватил горло, и ни одна слезинка не выкатилась из детских глаз.

Немцы забрали у нас банку мёда. Уходя и цокая коваными подошвами ботинок, старший крикнул: «Ахтунг! Лечь на землю, руки за спину!» Добавил команду «Шнель!» и произвёл выстрел из автомата вверх. Мы лежали и, рыдая, кричали вслед отъезжающим фашистам, что они найдут смерть на нашей кормилице-земле, что наши отцы и братья отомстят за нас.

Природа тишиной поддерживала нас, детей. Запах полыни и степных трав разносился по полю, а гордый татарник последним видел удаляющихся на мотоциклах фашистов с автоматами.

Вот такой оказалась первая встреча с врагом на нашей родной мирной земле. До встречи с немцами, полчаса назад, мы были свободные и счастливые. А сейчас униженные, сгорбленные, с заплаканными глазами медленно направлялись в родное село. И только птица чибис по-прежнему мирно спрашивала: «Чьи вы, чьи вы?», да маленькая пичужка, тихо попискивая, спешила вернуться в своё гнездо.

Встретил нас дед Шуруп, живший на окраине села, на улице Больничной, воодушевляя, тихим басом произнёс: «Наши войны победят оголтелого врага. А ты, Валентин, запомни, что найдутся люди, которые приблизят победу».

Военное время шло медленно, была холодная зима, мы видели захватчиков, но верили в нашу победу.

И долгожданный День Победы наступил 9 мая 1945 года. Народ ликовал, но в памяти остались на всю жизнь фашистские морды в касках, кованые ботинки и автоматы на груди.

Блиндажи

Перед самым прорывом немцев на Кавказ, в июле 1942 года, всех односельчан с улиц Советской, Ленина, Больничной срочно в семь часов утра собрали на общем дворе бригады № 2 колхоза им. В. И. Ленина. Во двор пришли женщины и старики: Машенцев, Матвеев, Соловьёв, Шурупов, Денисов, Мещеряков, Богомоллов, Капустьянов. За

родителями прибежали пацаны. Общий двор все любили. По вечерам до призыва в Красную Армию здесь собирались наши отцы, которые теперь

были на фронте. Тогда, в мирное время, здесь решали повседневные вопросы бригады, колхоза, обсуждали семейные радости и беды. Во дворе всегда было шумно от скрипа подвод, гула тракторных моторов, цокота копыт лошадей и топота быков, уходящих на работу, а после шли на водопой к

речке Томузловке.

На крышах бригадного дома, конюшни, коровника всегда стайками сидели воробьи. Под кромками крыш гнездились ласточки. Из их гнёзд раздавался крик птенцов.

В назначенное время к людям подошел бригадир, человек немолодой, широкий в плечах, с большими рабочими руками и седой головой. Твёрдым голосом он сообщил о том, что война продолжается и враг рвётся к Волге и на Кавказ, что во многие семьи пришли похоронки. Наступило гробовое молчание. И только стая воробьёв поднялась с крыши и пересела на саманную невысокую стену. К ним незамедлительно метнулся кот Черныш, любимец детворы. Приблизившись к стене, он притаился и спрятался за колесом брички. А по раннему голубому небу плыли одинокие облака, удаляясь друг от друга и вновь соединяясь.

Кто-то тихо произнёс: «Светлая память нашим землякам колхозникам, погибшим на полях сражений». Кому-то стало плохо, у кого-то катились по щекам слезы... А бригадир продолжал твёрдым голосом: «Военная обстановка сложилась на фронте тяжёлая. Наши войска с боями отступают, враг приближается к нашей малой Родине – к селу Новоселецкому. Наши колхозницы бригады №2 успешно закончили строительство трассы противотанкового рва в районе села Саблинского. Спасибо вам, дорогие матери и дети, участники стройки, за ваш самоотверженный труд. Преклоняюсь перед вами, этот важный военный объект войдёт в историю через многие годы.

Он ладонью смахнул пот со лба и продолжал: «Особая благодарность мальчикам бригады № 2 Борису Шурупову, Грише Кузнецову, Жоре Соловьёву, Васе Голосову, Жоре Дьячкову, Ивану Кривоносову, Валентину Григорьеву, Саше Пономаренко, братьям Ильиным – Ивану и Мише». Все старики стояли молча, а уважаемый

дедушка Шурупов произнес, указывая на нас «Это наши будущие защитники Родины!» Мы стояли гордые, пожимая друг другу руки.

«Уважаемые колхозники, по Приказу военкомата в течение трёх суток в каждом подворье необходимо построить индивидуальное защитное сооружение – «щель-блиндаж». Чертёж вывешен на стене. Если трудно в одиночку, то несколькими семьям необходимо объединиться, а старшим – помочь в выполнении приказа.

Волнуясь, он старой фуражкой, выдавшей виды, смахнул пыль с потрескавшихся старых ботинок, посмотрел на окружающих его колхозников и продолжал: «Щель защитит вас от бомбёжек и артобстрелов, потому ее надо расположить подальше от строений, в скрытом месте двора. Вырытым грунтом перекрыть щель, остаток рассыпать по двору, низ устелить соломой, иметь запас воды и еды на несколько дней. Вход сделать с двух сторон незаметным. Всю щель замаскировать дёрном, сухой травой и мусором.

Для перекрытия мы сняли старые двери сарая. Работали с матерью трое суток. Страх, не покидал нас.

Соседи Маша Шурупова, Лукерья Овчинникова, Таня Холодкова, Нюра Бучнева, Настя Григорьева, Лена Алексеева, Фрося Соловьева и другие, помогая друг другу, тихо переговаривались между собой. Мы, дети, слышали негромкие разговоры взрослых, плакали, дрожали от страха и чувства приближения войны. Порой даже не хотелось есть. Мы чувствовали переживания наших матерей, которые часто перечитывали долгожданные треугольники, молились за наших отцов и ждали.

Оборудовав щель-блиндаж, мы остались в нём ночевать. Чувствовали смрад от коптящей плошки. Никакого движения воздуха, никаких ночных звуков со двора. Только мёртвая тишина безудержно давила на нас. Я не могу описать все страхи, волнения, кошмары, которые мы испытывали, находясь в щели. Мои тело, душа и сердце чувствовали давление земли и страх, хотелось умереть. Обнявшись с мамой, мы долго рыдали, не отпуская друг друга. С трудом дождались утра. Я вспомнил тяжесть тишины земли. Мне, мальчишке не хотелось умирать от такой тишины, тем более, не увидев врага. И я поклялся самому себе, не говоря маме, что не буду прятаться в этой щели никогда.

Стихи Григорьева В. Е.

Хлебушек помню

Помню, помню во время военное
Хлеба чёрного кусок я держал.
И имя было – необыкновенное –
Хлеб-кормилец, что нас спасал.
Глаз своих не сводил с него я,
Словно солнечный был он лучик.

Глазами Детей войны

Сердце грел им тогда своё я,
К тайне как подбирая ключик.
Хлеб высвечивал лебеды зелень.
Радость долго не покидала.
От голодной беды – спасенье –
Крепко хлеб тот рука держала.
О, друзья-одногодки, вы помните
Чёрный хлеб, рукою сжатый?
Позабить никогда не сможете
Тех военных лет распроклятых.
Слёзы матери с мольбами к небу,
В сорок третьем – на отца похоронку,
И кормильца – чёрного хлеба,
Что от голода спас пацаненка.

Похоронка

Был день этот жаркий и знойный,
Спасались на речке тогда,
В реке Томузловке безводной
Текла еле-еле вода.
Сидели и на берегу мы
Мечтали о большей воде
Из книжных просторов, как думы,
Вольготно текли они где.
И вдруг почтальонкою смяты
Мечтания – больше их нет:
«Письмо вам из военкомата», –
Вручила мне страшный конверт.
А в нем на отца похоронка,
На землю упал и рыдал,
С отцом распрощался мальчонка,
Кого никогда не видал.
Да, тяжело, но силы собрать, коль
Утрату уж не возместить,
Фашистам проклятым за батю
Поклялся вовек не простить!

Тяжелая норма

Хлеб тех лет, был для нас он особым,
Словно золотом был высшей пробы,
Не горчи́л, хоть и был с сурепкой,
Что тогда было делом нередким.
И ещё, что его отличало, –
То, что хлеба нам не хватало.
Вот и снился он нам ночами,
Куличами да калачами!
Взрослым в поле мы помогали,
И за это нам хлеб давали.
Было поле большое-большое,
Но старались мы всей душою.
Больше сделаешь, сделаешь лучше –
Значит, больше кусок получишь.
Я входил на культстан номер два
С кукурузного поля едва,

Глазами Детей войны

На солому валился я с ног:
Больше нормы сегодня не смог!
И давали нам хлеб, и он,
Точно был на всех поделен.
В меру мягок и в меру солён
И довесок к нему прикреплён.
На всю жизнь через множество лет
Въелось в память – работа за хлеб.

Забитый пёс

Я помню: над селом уже темнело,
С овчаркой немец важно прошагал
По улице Советской, шёл по делу –
На пост надзорный путь он свой держал.
Мы, дети, видели, и мы тогда старались
Укрыться от недобрых немца глаз,
И чувство страха – мы его боялись –
Боялись, что увидит немец нас.
Так длилось, но январский сорок третий,
Фашисты, покидавшие село...
Про пса забыли, как про всё на свете,
А пёс не понял, что произошло.
Мы окружили забытого пса.
И каждый взглядом его ласкал
А Федор – смелый, в своего отца, –
Приблизился, споткнулся и на него упал.
Пес от неожиданности взвизгнул,
Глаза его встретились с детским лицом.
Он ласково Федю-героя лизнул
Все замерли и восхитились
Таким хорошим концом.
Федор быстро поднялся,
Держась рукой за открытую пасть,
А пес дружелюбно кусался,
Не хотел друга нового от себя отпускать.
С той военной поры много минуло лет,
А в памяти остался тот свирепый пес.
Но чувство дружбы пса и человека
До седых волос в своем сердце пронёс.

Звериный оскал

Взлетает птица над родимым логом.
И ветер в том использует степной.
Спешат сельчане по своим дорогам
Дела решить с надеждою одной.
Никто не видел глаз и клюва птицы
Взлетающей к высоким небесам.
Так человек, шагающий, стремится
По жизни по своей всё сделать сам.
Вспоминаю время войны –
Январь сорок первого:
Немцев в чёрной одежде,
Рассекающих по нашей земле в непогоду
На полуоткрытой танкетке, злые лица врагов.

Глазами Детей войны

Но видел я глаза того фашиста,
Что в классе – автомат наперевес.
Я страшные мгновенья перелистываю –
Он в память мою детскую залез.
И следу гусениц танкетки, нет, не деться
Из памяти, не вырвут и года...
Оскал звериный убежавших немцев –
Мне не забыть такого никогда.
Оскал звериный, разве он сравнится
С тем чистым, что всех нас спасал.
Никто не видел глаз свободной птицы
Взлетающей к высоким небесам.

Григорьева Валентина Васильевна Как это было

Я, Григорьева Валентина Васильевна, родилась 21 июля 1939 года в селе Новоселицком Орджоникидзевского (Ставропольского) края.

Мой отец, Плотников Василий Максимович, 14 января 1913 года рождения, и мать, Плотникова Елена Федоровна, 11 июля 1913 года рождения, работали в колхозе имени Ленина в селе Новоселицком в бригаде № 1.

На фронт отца мобилизовали в июле 1941 года, он защищал Крым, от него мы получали письма с фронта, в которых он сообщал о боях с врагами.

После мобилизации отца мы остались дома с мамой и бабушкой, матерью мамы, мне тогда было 2 года. Во время войны мама работала в колхозной бригаде с раннего утра и дотемна, без выходных. Помню, что дома всегда не хватало одежды, топлива, еды, приходилось есть хлеб с лебедой. Война длилась долго, но соседи всегда друг другу помогали, обменивались тем, что у кого было.

20 августа 1942 года, знаю по рассказам мамы, село оккупировали немцы, они ходили по улицам села с собаками, наводили ужас на людей, стреляли на каждый звук. На южной стороне села Новоселицкое около кладбища во время оккупации ими были расстреляны 80 человек селян.

Глазами Детей войны

13 января 1943 года село Новоселицкое освободили от фашистов. Во время их отступления на нашей улице Ленина в селе был убит и лежал немецкий солдат. Отступая, они разрушили мосты через речку Томузловку и общественные здания.

Мой отец Василий Максимович вернулся с войны домой в 1948 году, в этом же году родилась моя сестра Любовь, а в 1951 году – младшая сестра Татьяна.

Я с 1946 по 1950 годы обучалась в Новоселицкой средней школе № 1, после школы в 1956 году поступила в Пятигорский кооперативный техникум и проучилась там 2 года.

По направлению крайпотребсоюза в 1958 году работала в заготконторе Ачикулакского района, а после – бухгалтером в Китаевском сельпо. В 1960 году в Новоселицкой райзаготконторе бухгалтером. В 1962 году перешла бухгалтером в колхоз имени Ленина Александровского района и потом в разных местах до 1973 года, когда стала экономистом в ПМК «Ставсельхозмонтаж», а в 1980 году СтавНИИГиМ бухгалтером, главным бухгалтером. С 1992 года была главным бухгалтером страховой компании «Ставрополье-РА». С 1995 года я ушла на заслуженный отдых.

На протяжении жизни очень много занималась и общественной работой: была председателем местного комитета и товарищеского суда ПМК «Сельхозмонтаж», народным заседателем районного суда Александровского района Ставропольского края, входила в состав совета ветеранов Министерства Ставропольского края и Ставропольской городской общественной организации «Дети войны».

Имею множество наград: «Ветеран труда Ставропольского края», памятный орден «100 лет Ленинскому комсомолу», медаль «70 лет Победы», медаль «75 лет Победы», медаль «Дети войны», а также памятные медали: «150 лет В.И. Ленину», «140 лет И.В. Сталину», значок «Дети войны Ставрополья 1941–1945 годы», получила грамоту от Губернатора Ставропольского края за 60 лет совместной жизни.

Глазами Детей войны

В настоящее время участвую в редактировании книг своего мужа В. Е. Григорьева, в частности, «Землякам посвящаю», «С миру по нитке», «Островок земли святой».

Моя семья состоит из дочери Галины, 1960 года рождения, мужа Валентина, дочери Татьяны, 1967 года рождения, внуков: Анны, Дарьи, Александра, правнучек: Жозефины и Мишель.

Мои пожелания следующим поколениям: учиться, дружить, любить свою Родину, заботиться о старшем поколении, участвовать в воспитании подрастающего и молодого поколения. Берегите мир, чтобы никогда не было войны, и будьте счастливы.

Печёнкин Владимир Павлович

Печёнкин Владимир Павлович родился 31 июля 1938 года селе Курьи Сухоложского района Свердловской области в семье рабочих. В семье трое детей: мой брат Анатолий, 1936 года рождения, и сестра Валентина, 1940 года рождения.

Отец, Печёнкин Павел Владимирович, 1909 года рождения, работал бухгалтером мукомольного завода. Мама, Печёнкина Елизавета Викторовна, 1913 года рождения работала в торговой сети. Отец в 1939 году воевал с финнами. А в 1941 году ушёл на фронт и воевал до 26 июня 1944 года. Проявив героизм, погиб возле деревни Баландино Новосокольнического района Калининской (ныне Великолукской) области, где и перезахоронен в братской могиле.

Я не помню отца, мне тогда было 3 года. Нас, троих детей, воспитывала мама. Жили мы в Свердловской области Белоярском районе в посёлке рядом с мукомольным заводом № 55, находившемся в 45 километрах от Свердловска.

Глазами Детей войны

В 1945 году из Германии вернулся мамин брат Петр Викторович и помогал ей воспитывать нас. После окончания школы в 1955 году я поступил в Свердловский монтажный техникум. По его окончании в 1959 году был распределён в город Березники Пермской области, Березниковское монтажное управление. Работал сначала мастером, прорабом, начальником участка до 1968 года на строительстве: Калийных комбинатов, Содовый завод, Титаномагниевый завод, Анилинокрасочный комбинат, Почтовый ящик под Куйбышевым и другие объекты.

В марте 1968 года меня вызовом пригласили в Ставрополь в трест «Ставропольсангазмонтаж» управления № 1 старшим прорабом на строительство заводов: Сажевый, ДСК, ЖБИ, Автоприцепов, «Атлант», «Сигнал», Автокрановый, Сантехзаготовок, «Аналог». Другие строительные объекты: Дворец культуры, Дворец пионеров, Гипрозём, Ленпроект, модуль кинотеатра «Салют», телевышка, аэропорт и другие модули.

На строительстве завода «Сигнал»
г. Ставрополь, 1979 г. Бригада монтажников, возглавляемая Печёнкиным В.П.

Кроме Ставрополя, приходилось вести строительство и в других городах: Завод пластмасс в Буденновске, Сахарный завод в Изобильном, санаторий «Горный воздух» в Железноводске, санаторий УДЦК в Кисловодске, Цементный завод в Черкесске, Терминал на Тамани, аэропорт в Армавире, сложных удобрений в Невинномысске с 1982 по 1985 год. Уволен из «Южстальконструкции» в связи с откомандированием в распоряжение «Главзарубежстрой» на строительство Никелевого завода на Кубе.

Глазами Детей войны

После Кубы, в 1985 году, вновь был принят в «Южстальконструкцию» на строительство объектов в Ставрополе: гостиница «Турист», Универмаг.

В феврале 2014 года в связи с болезнью жены уволился по собственному желанию. Жена умерла в июне 2014 года. Из родных осталась младшая сестра, живущая в Свердловске, сын Евгений Владимирович, его жена Алла и внук Миша.

Я считаю, что смог реализовать себя и свою жизнь в полном объёме. Мой стаж работы 59 лет.

А следующему поколению хочу пожелать, чтобы каждый молодой человек стремился к поставленной цели: начиная с детского сада, учёба, работа, жильё, семья, дети и внуки. В настоящее время мне жалко смотреть на молодых, здоровых, грамотных ребят и девчат: не могут найти работу (не востребоваанный контингент молодёжи). В наше время были открыты все двери в ГПТУ, техникумы, институты, университеты для получения специальности. По окончании учебных заведений были распределения по всей России. И поэтому человек мог реализовать себя в полном понимании этого слова.

Моё желание возродить эту традицию в жизнь.

Архипенко
Надежда Григорьевна⁷⁸

Я, Архипенко Надежда Григорьевна, родилась 20 августа 1934 года в селе Овоци (в настоящее время Туркменского района) Ставропольского края. Мы там жили, пока папа не поехал в Моздок. Он нашёл там работу. Мне было 8 месяцев. Нам в Моздоке дали квартиру, и мы там жили, папа работал на кирпичном заводе.

А нас, детей, в семье четверо было: три девочки и мальчик. Я была самая меньшая. Мама говорила: «Ой, Гриша, опять девочка!» «Ну, ничего, – он отвечал, – она нас будет кормить. Это наша Надежда, поэтому и назовём ее Надя». А старшие были сестры Маруся и Наташа, и брат Коля. Вот мы там жили, и там, помню, бесплатно показывали кино. Вот так было: натянут полотно, и люди ходили. Работа у папы была такая – выжигать кирпичик. Были две печки, вот туда возили сырец. Потом возили уже кирпич, красный кирпич. А папа кирпич возил на тачке, пока его не забрали на войну. Папу взяли в армию, там его обучали разведчиком. И оттуда папа ушел на фронт, а мы остались.

Тут и немцы пришли. Натворили там делов – обокрали нас всех, что им нужно было, сделали. Мы видели с мамой, как немецкий самолёт и наш самолёт дрались в воздухе. Когда наш победит, мы радуемся. А когда их победит, мама плачет, и мы плачем. Ну, а немцы в ладоши хлопали. В оккупацию немцы жили у нас. У нас было 70 гусей – они всё пожрали. Придут, постреляют, собрали и пошли и всё! И так вот мы жили, а моя старшая сестра, 1924 года, она работала в огороде. И огурцы, и помидоры – всё солили. Мама сказала: «Маруся, закажи бочку для помидор и бочку для огурчиков. Так они зелёные помидоры не кушают, а солёные огурчики – очередь около нас стояла. И с котелком – заходят, набирают и идут. Куры во дворе кудахчут. Мать выйдет во двор, видит: немец сидит. Она спрашивает: «Солдат, ты чего это здесь

⁷⁸ Интервью предоставлено командой добровольцев Туркменского района Элиной Раисовой Коноплевой, 31 год, работающей специалистом абонентского отдела филиала в Туркменском районе ООО «Газпром межрегионгаз Ставрополь», членом Молодежного совета, и Махтумом Бегалыевичем Хиясовым, техником АДС в АО «Туркменскрайгаз». На последнем фото – Элина во время интервью.

сидишь?» А он: «Курочка – ко-ко...» Яйца забирали. Ну, грабили. И быков забирали и коров. Вот такие они идиоты.

А потом, когда они надумали отступить, мои старшие сёстры копали канавы, чтоб не пустить русских. Ну, а кто их послушает. Всё равно наши все там поломали и заехали. Но мы жили так близко возле завода. Они говорили: «Матка, пойдёшь туда далё-ё-ё-ко, где подсолнух, а то мы эти трубы будем – Бух! (взрывать, значит, собирались). Как услышишь два раза (два взрыва), – а они подкладывали мины, так трубы же попадают. А мы-то плачем, нам-то жалко: где тогда работать, куда деваться?– Когда два раза услышите, тогда идите домой».

А когда мы пришли домой, так у нас и двери с притолокой вырваны и посуда побита. Всё, что на столе стояло, всё попобито. А если бы они нам не сказали бы, то мы бы, наверное, тоже бы там подошли бы! Воздух-то был какой от взрывов! Мы близко жили, трубы прямо рядом были! А трубы – одна 80 метров вышины, а другая – 60.

А мы тогда – что делать? Работать негде. А в селе оставалась хата. И мама говорит: «Давайте идти на Родину». И мы ушли оттуда. И шли мы неделю. А я иду и плачу: «Мамочка, я воды хочу». А она: «Доченька, не плачь! Сейчас мы дойдём до села, и я пойду и хлебушка куплю и молочка, и все покушаем». А я за брата уцеплюсь за мешок и тянусь. А он: «Ну, что ты вцепилась. Тут итак все плечи мне пообрезало, а тут её... и она ещё вцепилась». Ну, а чего ж мне делать, когда я не дойду. Ну, вот мы и пришли в свою хату, вернулись.

Старшие мои сестры и брат работали на заводе. А когда уже трубы посрывало, то работы уже не было. А что Маруся делала? Она из глины делала 4 кирпича, а другие подбирали их и выжигали в печи.

И когда мы сюда пришли, нам пришла бумага, а я гуляла во дворе, подойду, слышу и не пойму, чи она спевает, чи плачет. Она мне: «Надя, ты водички хочешь? Иди в хату я тебе папу дам». А я ей: «А где ты его взяла?». А она мне: «Да, бумага пришла, что он без вести пропавший».

А папа, он разведчиком был. Он же учился этому. Он написал маме. Маму звали Феня. Он написал: «Феня, мы пошли в бой, поэтому ты мне сейчас не пиши. Если будет все нормально, то я приеду и обязательно напишу». И как поехали, как пошёл он в разведку – 115 человек. И все погибли. Их захватили в плен, загнали их в баз, обгородили колючей проволокой, поставили корыто, насыпали туда отрубей, налили воды, размешали и сказали: «Кушай солдат!» Так было. И тогда наши прорвали проволоку и начали убегать, и папа тоже убёг. А

рядом стоял дом и там четверо стояли с автоматами и стреляли, и четыре собаки большие. И когда они видели, что подстрелили человека и тогда пускали собаку и собака человека на куски разрывала. Вот так и папа погиб.

Ну, и платили мне 40 рублей каждый месяц. Вот так! А после войны я работала в колхозе. Ходили пешком 6 километров. Туда 6 и оттуда. Но мы были не дюже большие. По 9 по 10 лет нам было. Мы машины грузили – зерно отправляли. Сейчас же есть такие приспособления, что его насыпает, а тогда же этого не было. А мы, десять девочек-одногодок, ящики таскали. Вот так и жили. Ни света, ни газа. Ну выжили.

А я потом одна осталась. Муж у меня умер, ему 64 года было. Но мы с ним вырастили 4 сыновей и дочку. Они все хорошо учились, а мы держали хозяйство и они по очереди берут книжку и идут пасти – помогали нам дети. И все они выучились, и все они живут в Ставрополе и у них есть всё – и машины и квартиры и дети.

А внуков у меня всего 16. И правнуки есть. Забываю, сколько их:чиб, чи7.

А до пенсии я так и работала в колхозе. Я работала: вот были трактора, а мы на плугах сидели. Тогда кураи были, а мы их ногами пробивали. Плуг забивался, а мы ногами пробивали, а иногда там наши калоши оставались. И ногу чуть не отрезало мне однажды. Не очень сладко жилось.

Это вот я сейчас пенсию уже получаю. И все меня зовут в город, а я не хочу. Мне не хочется хату бросать. Это делал мой дедушка, он строитель был. Он сам и двери, и окна сам делал. А мы и кирпич делали, и сами построили. А до этого мы жили в бабушкиной конурке.

Будущим поколениям хочу сказать, что сейчас хорошо жить! Работают и деньги дают. Вот, я ветеран труда. А мой сын говорит: «Ой, мама, мне ещё 15 лет до пенсии». В он в Ставрополе в банке работает. А я говорю ему: «Ничего, сынок! Не спеши!»

Гюлумян (Рец) Екатерина Петровна

Я, Гюлумян (девичестве Рец) Екатерина Петровна, родилась 3 мая 1936 года в Донецкой области, город Ровеньки там прожили до войны. Папа был шахтёром. Кроме меня, в нашей семье ещё были два моих брата и сестра. Сестра Нина, 1921 года рождения, братья – Василий, 1926 года, и Иван, 1931 года.

Потом мы переехали к родственникам отца под Бердянск в село Старопетровка, на берег Азовского моря. Здесь я и встретила войну.

Из времен войны я хорошо помню такие эпизоды, как варварство, мародерство, убийства. Мне было 5 лет, когда началась война. Во время бомбёжки, мы укрывались в окопе. Моя мама пережила с нами очень много.

Моего отца в 1941 году призвали на фронт. Мою сестру Нину, которая училась в московском мединституте, призвали на фронт в качестве медработника в санитарном поезде, который с линии фронта вывозил раненых в Баку.

Брат мой Василий учился в авиаучилище. Ему было 15 лет, когда их эвакуировали на Север. Он был авиатехником и обеспечивал техническое состояние военных самолётов.

Когда к нам пришли оккупанты, то в нашем и соседнем селе квартировала румынская дивизия. Румыны зверствовали и лютовали на нашей земле. Нас они выгнали из нашей хатки. Нам пришлось вырыть землянку в огороде. Там мы и прожили весь период оккупации.

Во время шторма, когда с моря на берег выбрасывало рыбу, мы считали это большой удачей. Мы собирали её, чтобы наши родители могли нам хоть что-то приготовить поесть.

Наша мама очень боялась за нас. В 1943 году, когда начались бомбёжки со стороны нашей армии и наши войска пошли в наступление, румыны согнали многих жителей села, которых они подозревали в том, что они еврейской национальности или пособники евреев. А поскольку наша фамилия была Рец, мы оказались среди тех, кого согнали на окраину села. Всех нас повели в соседнее село. Спасла нас бомбёжка. Румыны разбежались. Мой брат Иван схватил меня на руки и вместе с мамой мы побежали в старое кукурузное поле. Там мы очень долго прятались, потом вышли из него на окраину соседнего села, которое было разбомблено и увидели погреб. Открыв его, мы увидели там много людей, которые прятались от бомбёжки. Они сперва не хотели нас пускать, но увидев, что мать с детьми, они нас впустили. Несколько дней мы провели там. Одна старая жена сказала – я выйду, посмотрю. Она вышла и кричит – выходите! Мы все вышли и увидели, что по селу идёт конная разведка Красной Армии. Женщины бросились им в ноги! Какая была радость, что нас освободили. Мы вернулись в свою хатку.

А потом пришла долгожданная Победа. Моя сестра Нина её встретила в Баку, где она осталась работать в венном госпитале. Василий встретил Победу на Севере, в посёлке Дикси. А папа погиб в конце войны, освобождая Чехословакию в 1945 году. По документам он пропал без вести.

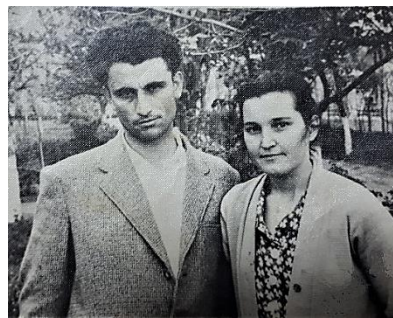
После войны мы прожили некоторое время в селе. Трудностей было много. Всё это непросто было пережить, и мама рано ушла из жизни. Но я к этому времени уже немного подросла. Нина после войны несколько лет оставалась в Баку, а потом вернулась в Москву.

Когда мамы не стало, Нина приехала за мной и забрала меня с собой в Москву, где я прожила 12 лет, из них 3 года – в московском медицинском училище.

Потом, после окончания училища, я работала в детском саду медицинской сестрой. Моя сестра жила в коммунальной квартире со своей семьёй, у неё родился ребенок. Было, конечно, очень тесно. И я решила по комсомольской путёвке уехать в Братск, строить ГЭС.

Глазами Детей войны

В Братске я встретила своего мужа. Проработав там несколько лет, мы вместе решили уехать жить на Кавказ. Приехали мы в город Ставрополь. У нас здесь никого из близких не было. На Ставрополье, посоветовавшись с людьми, мы решили отправиться в город Будённовск, где муж устроился на работу в колхозе, а я стала работать медсестрой в детском садике. Мы

прожили там 12 лет. За это время у нас родились и подросли две дочки. Мы решили, что нам нужно перебраться в Ставрополь, потому что вскорости девочкам нужно будет поступать в институт. Муж оставил хорошую работу, он был управляющим отделения. Приехав в Ставрополь, мы долго жили по частным квартирам, пока муж не получил квартиру. Здесь у нас родился сын. Муж работал инженером в ПМК, а я в детском саду.

Почти всю свою жизнь я проработала медработником детского сада. Дети выросли, закончили школы, закончили институты, женились, вышли

замуж. У меня родились внуки и правнуки. У меня шестеро внуков, пять правнуков. Они добрые, хорошие, замечательные люди. Все они имеют высшее образование.

Я рада, что живу в такой стране, где можно выучить детей. И хочу, чтобы все люди радовались жизни, чтобы не было войны, не было страха у матерей за своих детей, за своих сыновей. Всегда был мир, чтобы мы, наши дети, внуки и правнуки спали спокойно. Я желаю им никогда не увидеть такого детства, какое увидела я. Я желаю им мирного неба, желаю им, чтобы они любили землю, на которой они родились, людей, которые их окружают, потому что мы живём в замечательной стране – России. Дай Бог всего наилучшего всем людям и всем жителям нашей страны!

Сердюкова

Варвара Ивановна

Моя бабушка – ребенок войны⁷⁹

Страницы истории нашего края омрачены оккупацией Ставрополя немецкой армией с августа 1942 по январь 1943 года, что не могло не отразиться на жизни многих людей, семей, детей, проживающий в родных ставропольских степях.

Моя бабушка, Сердюкова Варвара Ивановна, родилась 27 декабря 1939 года в хуторе Вавилон Ипатовского района Ставропольского края. Многодетная семья воспитывала 6 детей: четырех девочек: Нину, Варвару, Надежду, Марию, и двоих мальчиков: Николая и Ивана. Родители: Головащенко Иван Ефимович и Головащенко Вера Яковлевна (в девичестве Белоцерковская).

Иван Ефимович ушел служить на фронт сапером в звании сержанта. По рассказам моей тети, в ненастную погоду, когда на дороге лужи и грязь, он умел ходить так аккуратно, что у него всегда была чистая обувь. Вернувшись с фронта, не любил говорить о том, что ему довелось пережить во время службы.

Бабушка говорит, что в тяжёлое время оккупации, Вера Яковлевна переехала в Карачаево-Черкесию, спасаясь с детьми от голода и смерти. Затем они вернулись в хутор, в котором она вместе с мужем прожила всю оставшуюся жизнь.

В советское время хутор Вавилон, в котором бабушка прожила всю свою жизнь, был процветающим. Это был хутор, в котором жили потомки раскулаченных. В нём была развивающаяся ферма (МТФ), которой в свое время управлял мой прадедушка. А бабушка там и работала. В 18 лет Варвара Ивановна первый и единственный раз вышла замуж. В браке родились три дочери: Татьяна, Людмила, Евгения. Семья обзавелась домом и обширным хозяйством.

В прошлом году, моя бабушка отпраздновала 80-летие. В настоящее время, она проживает в городе Ипатово. Варвара Ивановна активно читает прессу и иногда любит говорить: «Раньше было жить интереснее, а сейчас...», – так она вспоминает минувшие времена.

⁷⁹ Статья «Моя бабушка – ребенок войны» написана внучкой Сердюковой Варвары Ивановны К. С. Белозёровой

**Новиков
Анатолий Павлович**

Я, Новиков Анатолий Павлович, 1939 года рождения, 4 сентября. Родился в Смоленской области Монастырщинского района в деревне Моксаево.

Отец, Новиков Павел Иванович, образования как такового не имел, но он был ветврачом, лечил скот и до войны возглавлял ветслужбу. Мама всю свою жизнь домохозяйкой была и заботилась о

нас, как могла. В нашей семье было пятеро детей: Аня, старшая сестра, 1928 года рождения, старший брат, 1930 года рождения, потом сестра Рая, 1934 года, брат Миша, 1937 и я, 1939 года рождения. Вот такая наша семья была.

На начало войны мне исполнилось 2 года. Отец ушел на фронт в 1942 году в возрасте 30 лет. Помню, как он уходил. Мы проводили его на бугорок, он попрощался с нами и сказал: «Я вернусь». Но... не вернулся. Во время войны с отцом связи никакой не было. А после войны пришло извещение, что он без вести пропал.

Нас на тот период так и оставалось – мама и пятеро детей. Самой старшей сестре было 14 лет. Мне, когда отец уходил, было 3 годика. И вот мы, оставшись вшестером, испытали все: и голод, и холод. Питались мы только тем, что выращивали у себя на огороде: капуста, морковка, картошки много было. Это все, что было нашей пищей.

Рано начали трудовую деятельность. С 12 лет я уже работал в колхозе, управлял лошадьми. Жизнь была очень тяжелая, очень сложная. Работали за трудодни. Потом за это получали зерно, причем не зерно, а отсева зерна. Зерно сдавалось государству, а отсева раздавались людям. Потом мы на ручной мельнице размалывали это зерно. Получалось что-то похожее на муку. Мать лепешки пекла. Мы их ели, и от них нам очень хотелось спать. И тошнило тоже. Мы их называли «тошнотики». Видимо этот отсев зерна содержал и какие-то сорные травы, что лепешки действовали на нас как наркотик. От них все время хотелось спать и тошнило. Но другого ничего есть не было. Ну и мать была спокойна тем, что мы не просили есть в этот день больше. Ну, конечно, была еще картошка, которая была и первое, и второе, и хлеб. Помню, моя

единственная еда была, когда пошел в школу, это две картошины в кармане.

У меня была задача, когда в школе учился, рвать щавель летом, копать картошку, заготавливать сено для коровы, заготавливать торф, пасти коров. Работы много было. Со щавелем потом щи варили. У нас были куры, гуси. Их растили. Этим и спасались. Когда постарше стали, появилась корова у нас. Она, конечно, была нашей кормилицей. Но и накормить корову было очень тяжело. Нужно было накосить, перевезти и засушить сена. Косили с братом только на опушках леса, в овраге, около речки. На колхозных полях нельзя никак было. Сколько могли, заготавливали. До весны сена не хватало. Корова падала, буквально лежала, не вставала. Соседей просили, они приходили ее поднимали веревками, подвязывали к перекладинам, чтобы она хоть стоять могла. Она, конечно, нашей спасительницей была.

Немцы прошли через наше село. Несколько дней стояли. Наш дом был с краю. Дом был приличный такой – отец построил. Немцы поселились в нем. Нас сразу выселили в сарай за домом. Хорошо, что было лето. Они хоть и недолго стояли, но гусей, кур поизловили, свиней убили. А мы свою свинью дегтем измазали, и немцы побрезговали грязную брать. Помню также, как пацанами мы бегали и немецкую технику разглядывали, когда они переправляли ее через речку по мосту.

Что касается одежды, то я в 1-й класс пошел в галошах. Это была моя первая настоящая обувь. До этого я ходил в лаптях. Старший брат плел лапти. И до школы мы ходили в них. Мать, чтобы пошить рубашку и штаны к школе, сначала ткала ткань на ручном станке. Благо, что места на Смоленщине льняные. Очень хорошо вырастали рожь, овес. А овощные культуры просто исключительно росли. До школы нам мама шила длинные рубашки по колено. И брюк мы не знали. А летом с мая месяца и до холодов мы босиком бегали. Помню, было страшное желание учиться. Было большое стремление. Я учился только на страшно. Старшая сестра, когда назначалось родительское собрание, говорила, что ей уже не хочется ходить на собрание и опять слушать, как меня хвалить будут.

Мама умерла в 1953, когда мне было 14 лет.

Школу я закончил на

забрала меня к себе, в Выборг. Там я поступил в мореходную школу специалистом рядового плавсостава. Закончил мореходку в 1957 году и после практики в Калининграде в 1959 году попал на службу сначала в Севастополь, а потом в Новороссийск. А в 1962 году я демобилизовался.

По окончании службы вместе с сестрой Раей я уехал в Ставрополь, где и повстречал свою жену Веру. Вместе мы родили и воспитали двоих детей, троих внуков. И дожили до рождения правнучки.

В Ставрополе начинал работу на заводе «Электроавтоматика» монтажником. Затем работал в НИИ «Электроаппаратура» тоже монтажником. Потом много лет работал в Ставропольском аэропорту начальником связи. Обслуживали радиолокационные станции, приводные станции. Все, что касалось управления самолетным движением. Затем работа в «СтавНИИГиМ» зав. отделом метрологии и стандартизации тоже много лет. Затем работа в учебном комбинате по подготовке водителей.

Я всю жизнь занимался любимым делом. Сам всегда ремонтировал все в доме. Сам собрал первый телевизор для нашей семьи. Мне все время нужно что-то ремонтировать. И я получаю удовлетворение от этого до сих пор.

Новикова (Диденко) Вера Кузьминична

Я, Новикова Вера Кузьминична, в девичестве Диденко. Родилась я в селе Арзгир Ставропольского края в 1941 году 20 августа.

24 августа 1941 года отец мой в возрасте 38 лет (и тут Вера Кузьминична расплакалась) был призван на фронт. И когда мне было 2 недели от роду, мама положила меня в корзину, с которой на рынок ходят, и поехала в Ставрополь. Повезла продукты моему отцу, так как его с призывного пункта Арзгира отправили сначала в Ставрополь. Сборный пункт был на Каменных корытах в районе кирпичного завода. И вот они с соседкой, мужа которой тоже призвали в этот день, узнав, что призывников плохо кормят, собрали продукты и повезли своим мужьям. И я с ними в корзинке для продуктов. Их пустила на ночлег пожилая женщина, учительница из крайнего дома. На следующий день

они пошли на сборный пункт и доставили продукты своим мужьям. Вот так я первый раз встретила со своим отцом.

У нас в семье было пятеро детей: я, Нина, Люба, Катя и сводный брат Василий, который погиб потом на войне. Когда война началась, ему было 17 лет. В 1943 году он был призван на фронт. Но Василию не суждено было вернуться. Брат погиб 25 января 1945 года в Прибалтике под Ригой.

Второй раз мне довелось увидеться со своим отцом уже, когда мне было 6 месяцев. Он был ранен два раза в левую руку и лежал в Кисловодске в госпитале. Мама взяла меня и поехала туда. После госпиталя его отпустили в отпуск домой в Арзгир. И через неделю уже его снова забрали на войну, после чего мы его больше никогда не видели. Получили извещение, что он пропал без вести. Мы даже не знаем, на какой фронт он ушел. После 5 марта 1942 года связь с ним прекратилась. До войны отец работал комбайнером. Был стахановцем, имел награду за труд «Знак Почета».

Война закончилась. Было очень трудно. Старшая сестра Катя работала на комбайне. Тогда женщины заменяли мужчин. Голод пережили большой. Чтобы не умереть, мама продала все, что можно было. Огородов в Арзгире не было раньше. Мама то в школе уборщицей работала, то в «Мяспроме» убирала.

Я вспоминаю, как пришел с войны дядя Павел, брат отца. Я стою на пригорке. Он приехал на автобусе и шел из центра. Его подвели ко мне и сказали, что я дочка Кузьмы, его брата. Он похлопал меня по голове. Вот так война окончилась. Мама узнала о конце войны, когда погнала рано утром корову в стадо. Люди говорили, у которых радио было.

Мы всю жизнь ждали, что отец вернется. Жизнь была и тяжелая и нетяжелая одновременно. Ведь мы дети были. Трудностей не замечали. Мама у нас хорошая была. Она о нас заботилась. Была нам и отец, и мать. И среди нашего поколения не принято было жаловаться на жизнь, на власть. Не было понятия осуждать кого-то, искать виноватых. В нас воспитывали чувство патриотизма.

У нас небольшое хозяйство было. Тем и спасались. Курочки, гуси, один поросенок был. Голод начался после войны, когда засуха была и неурожайный год. Для нашей семьи самый трудный был 1947 год. Сестры Люба с Ниной сидели на печке и уже пухли от голода. Всё мама

распродала, чтобы выжить: машинку швейную «Зингер», комод, зеркало большое. Всё ценное распродала. Одна кровать у нас осталась железная, помню. Старшая сестра вышла замуж, и меня как самую младшую отдали в ее семью в соседнее село, чтобы выжить, так как ее муж работал парторгом тогда, и было что есть. А сестры мои голодали. Пока не принесли пенсию по потере кормильца. Потом уже полегче стало. Уже и хлеб можно было купить. Хоть и по карточкам. И приходилось с раннего утра выстаивать огромную очередь.

Немцы в Арзгире были с осени 1942 по февраль 1943 года. Приходили к нам и забирали яйца, молоко. Мама рассказывала, как доит корову, а дети с кружками стоят, чтобы успеть налить, пока немец не пришел. А у нас наша бабушка (отцова мать) лично встала с кочергой на ворота и сказала: «Идите к черту. Мой сын не для вас хату строил». И не пустила их. Они испугались бабушки. А она нет. Ведь они могли бы ее из автомата... Но они приходили и забирали у нас яйца и молоко. Мама прятала яйца в пшенице. А они находили. Мирных жителей они не трогали. А партизан, пацанов 18-летних, расстреляли. У нас в Арзгирской школе во дворе на пригорке партизанам памятник стоит. А еще немцы евреев расстреливали, которые эвакуировались с Украины. Мама рассказывала, что вели их мимо нашего дома на гору. И там их расстреливали. Там тоже стоит памятник. И рассказывали, что один мальчик остался живой. Его мать прикрыла собой. И когда уже немцы ушли, местные жители их хоронили в Арзгирской балке. Один мужчина взял выжившего мальчишечку к себе, усыновил его. Мальчик вырос. И его сын теперь – глава Арзгирского муниципального района Палагута Алексей Иванович. Ну, а когда Сталинград освободили, они, немцы, говорят, вечером были, а утром люди проснулись – их уже нет. Они уже сбежали. А потом наши солдаты пошли со сложенными шинелями через плечо. Наши шли – гнали фашистов.

Загоруйко(Акинина) Лидия Георгиевна

Я, Загоруйко (Акинина) Лидия Георгиевна, 1940 г. р., родилась в г. Ставрополе. О войне практически ничего не помню: ни немцев не видела, ни стрельбы, ни взрывов не помню. Одно только врезалось в память, как мама нас с сестрой Ниной, 1938 г. р., ставила на коленки перед иконой и говорила: «Молитесь, просите Бога, чтобы папа с войны вернулся живой».

Мы так и молились.

Наша мама, Акинина (Еськова) Мария Пантелеевна, родилась в 1905 году в с. Надежда Ставропольского края. По ее рассказам знаю, что в семье их было 4 детей: 2 брата и 2 сестры. Никита, 1902 г.р., Мария, 1905 г.р., Филипп, 1907 г.р., Ксения, 1915 г.р. Жили своим трудом, все с детства работали. Мама с 6 лет уже водила быков на выпас, и с 8 лет ходила с ними, когда пахали.

Отец, Акинин Григорий Александрович, 1897 г.р., родом из с. Бешпагир Ставропольского края. Он был вдовец с 3 сыновьями, когда женился на маме, тоже вдове, в 1934 году, и потом уже родились мы с сестрой. Наши братья по отцу Василий, 1916 г.р., и Георгий, 1920 г.р., были призваны на срочную службу в армию, в 1939 году участвовали в Финской войне. Когда началась Великая Отечественная, были в армии, где именно, точно не знаю, но оба пропали без вести в 1943 году в разные месяцы и на разных фронтах. Еще один брат, Николай, 1926 г.р., жил с нами, когда я родилась. А старших я так никогда и не видела.

Мои дяди тоже воевали, ушли добровольцами на фронт. Еськов Никита Пантелеевич пропал без вести в 1942 году, а Филипп Пантелеевич прошел всю войну, вернулся с фронта, награжден медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Жил в с. Надежда, работал, занимался хозяйством, растил детей, внуков. Умер в 1989 году.

Моя сестра Нина рассказывает, что мама помогала своей сестре Ксении пасти корову и ждала, что та хоть немного даст молока нам, детям. Но та не давала, и мама плакала, что нас нечем кормить. Еще сестра помнит, как в наш двор, где был склад продовольствия, пришла машина грузовая, её разгрузили, а дети залезли в кузов и стали танцевать. В это время кто-то крикнул, что немцы в городе, началась суматоха, детей отправили по домам. Во время бомбежки, вспоминает Нина, мы с 3-го этажа спускались в подвал, а я была очень крикливая, мне было 3 года, и я громко плакала, а остальные ругали маму, что она не может успокоить ребенка и что немцы нас услышат. Однажды и ночевали в подвале. А наутро пришли домой, а стёкла все выбиты. Ещё помнит, как тоже утром обнаружилось, что под дверью ночевали немцы, но в квартиру не заходили, сестра не понимала, что это враги, ей мама потом объяснила. Но они никого не трогали.

Когда наш папа ушел на войну, не знаю, а вот его возвращение запомнила хорошо. Уже после Победы, это было летом. Мы жили в районе Нижнего рынка, гуляли на углу ул. Ясеновской и Шаумяна, когда увидели, как снизу от рынка поднимается в гору солдат. Он был в гимнастерке, на голове пилотка, шинель скаткой через плечо. Сестра крикнула: «Папа!», и я бежала вниз ему навстречу.

Мама говорила позже нам, что отец побывал в плену. Дома никогда о войне ничего не рассказывал и вообще о ней не говорили. После войны папа плотничал, строили что-то по селам в округе, как говорила мама. Хлеб был по карточкам, я знаю, что нам с сестрой выдавали по 300 г, а маме не положено было хлеба. Рано утром мама нас отправляла занимать очередь за хлебом, его привозили мало – часто не хватало на всех. Она давала нам по кусочку и остальное запирала в шкаф,

а ключ носила с собой, чтобы мы не съели весь хлеб сразу. Как и что она ела, я ни разу не видела. Наш брат Николай учился в ремесленном училище и с нами не жил, только приходил в гости.

Позже, когда мы уже учились в школе, мы с мамой и сестрой ездили за город (в район современной Туапсинки, Чапаевки, Северо-западного района) на огороды: сажали кукурузу, тыкву, картошку, огурцы, помидоры, поливали, пололи. У нас была свинья, мама варила кукурузу ей и нам, пекла

пирожки с фасолью. Она работала убощицей, мыла полы в разных конторах.

Я училась вначале в школе № 29 на ул. Шаумяна, потом в школе № 28 на углу ул. Фрунзе и Голенева, а окончила школу № 3 на ул. Комсомольской (она и сейчас там), куда нас перевели после 8-летки.

Моя сестра Нина вначале училась в школе № 12, а потом 9-10 класс – в школе № 7, это сейчас Центр образования на проспекте К. Маркса.

Интересная история произошла с нашим отчеством. Мой отец Григорий и его сыновья все Григорьевичи, а нас почему-то записали Георгиевнами, видимо, паспортистка что-то напутала.

После школы я поступала в электротехникум, но не добрала 1 балл, работала в няньках, затем в магазине «Универмаг» напротив аптеки Байгера (позже там был «Детский мир») подсобницей, ученицей и уже продавцом. Позже я работала в «Крайсправке» в отделе газетной информации.

Замуж вышла за одноклассника своей сестры, который наблюдал за мной из своего двора, когда я ходила мимо него не работая.

В 1960 году мы поженились. Муж, Загоруйко Борис Дмитриевич, тоже уроженец Ставрополя, работал в тампонажном цехе Газопромыслового управления в пос. Рыздвяный. В 1961 году родилась дочь Наталья, в 1972 году – сын Дмитрий.

Муж мой проработал на своем предприятии 36 лет, до самой смерти. В 1986 году в мае и июне вместе со своими товарищами на спецтехнике были направлены для участия в ликвидации последствий Чернобыльской аварии, получил там дозу радиации. Умер в возрасте 55 лет.

С 1973 по 1998 годы я работала в Ставропольском институте вакцин и сывороток, сегодня это АО «НПО» «Микроген» (бывший «Аллерген»). Была на городской Доске почета. Когда пенсионеров сократили, работала еще долго в разных местах до февраля 2020 года. Люблю быть среди людей. Хочу чувствовать жизнь в себе и вокруг себя, жить активно и помогать другим.

Глазами Детей войны

У меня дочь и сын оба с высшим образованием, 2 внука и 2 внучки,

2 правнука. Внучка преподает в московском вузе, кандидат наук, специалист социальной работы, переводчик жестового языка.

Котлярова Евгения Николаевна

Я, Евгения Николаевна Котлярова, родилась в 1931 году. Родители были бухгалтерами.

Встретила войну в селе Воронцовка, Буденновского района. Я тогда была у бабушки. Родители нас с двоюродной сестрой отправили к ней на лето, а сами оставались в городе. Была дикая жара. У бабушки был свой дом, радио не было. А у бабушки жила ее дочь, она в библиотеке работала. Звали её Дуся. Вот она прибегает домой и говорит: «Сейчас будет объявление». Ну вот так мы узнали, что началась война.

Потом я вернулась в Буденновск совершенно спокойно. Сразу ничего плохого не было. Это после немцев была проблема – поездов не было.

А немцев я увидела в Кисловодске. Они в Кисловодск зашли 10 августа 1942 года, ушли во второй половине января – в начале февраля 1943 года. Были мы под ними только полгода. За это время они успели вывезти и расстрелять всех евреев и коммунистов, которые оставались здесь. В городе они не бесчинствовали, потому что они решили, что

Кавминводы – это касалось и Пятигорска, и Ессентуков – это зона отдыха для их солдат и для себя.

Такого мародерства, как в других местах у нас не было. Я помню, что мы бегали по городу, по улице во время оккупации и нас никто не трогал. Тогда нас не бомбили.

Как пример этого, зашел в наш дом немец, хотел взять курицу, ему объяснили, что вот смотри, мол, сколько детей, а курица одна, и он ее не взял, это был обыкновенный солдат, ни в коем случае не офицер. У нас даже школу устроили. Месяца два я в моем возрасте – 11 лет мне было – ходила в школу. Там нас называли почему-то коммунистическим отребьем. Во всяком случае, нашлись учителя, которые начали учить нас на немецко-фашистский лад. В учебниках были зачеркнуты все советские призывы. Через два месяца школу эту распустили, нас разогнали.

Жили мы тяжело. Отец у меня был непризывного возраста, старый.

Сначала продавали все, что было: мама была любительницей постельного белья. У всех же есть какое-то хобби. У моей мамы были запасы постельного белья. Какое-то время нас поддерживало это белье. Мы его продавали на рынке и на него покупали муку, масло и так далее. За все время оккупации мяса мы не видели. Ели пышки: «буржуйка» стояла в комнате, и прямо на ней пеклись пышки: шкурки картошки перемалывались и чуть-чуть добавлялась мука; пеклись они как лепешки.

Бабушка моя была рукодельница. Игрушки она шила на высоком уровне. У меня была гора игрушек. Какую-то неделю или две мы жили на этих куклах: все куклы собрали и понесли на базар продавать.

Фашисты за время оккупации ничего не успели взорвать, кроме моста железнодорожного, по которому сюда шли электрички, – мост через Подкумок. Вот это нанесло ущерб в какой-то мере.

Весь наш район, где мы жили, был абсолютной окраиной. Люди здесь имели кур, баранов, коров. У немцев были планы на этих сельских трудяг, которые могли выращивать мясо, получать молоко. Они их не трогали, потому что рассчитывали на их продуктовую поддержку.

Мелкое чиновничество должно было быть ликвидировано, но немцы не успели этого сделать.

В аулах, где жили карачаевцы, русских не очень любили. Но тем не менее были и такие случаи: рядом с нами жили мои одноклассницы-девочки Роза и Белла, они были карачаевки, и у них еще была старшая сестра. В 1943 году стали выселять карачаевцев, в это время семья Розы и Беллы нам перекинула через забор мешок с картошкой.

Во время оккупации немцев я должна была работать, но мне не пришлось. Нашлась у мамы такая справка о том, что я болею какой-то заразной болезнью и поэтому не могу работать и меня немцы работать не принуждали.

Мои родители не могли работать во время оккупации. Немцы ушли и снова восстановились организации, где они работали до войны. Жили мы на запасах, которые у нас были.

Пономарёв Алексей Иванович⁸⁰

Мой отец, Пономарев Алексей Иванович, участник Великой Отечественной войны. Уроженец села Красного Грачевского района Ставропольского края, он ушел добровольцем на войну в 1943 году. Народ переживал ужасы войны уже третий год. В селе, где рос Алексей Иванович, остались единицы мужчин,

специалистов, но война неумолимо требовала новые кадры. В это время и подрастали его ровесники парни, девушки. Они шли в военкоматы с просьбой отправить их на фронт.

⁸⁰ Пономарёв Алексей Иванович родился 18.марта 1926 года. В 1942 году ему исполнилось 16 лет. Скончался Алексей Иванович в 2000 году. Материал предоставлен его дочерью.

Но их убеждали, что придет и их черед.

И вот он настал. 12 декабря 1943 года из села Красное отец был призван в армию. Было ему 17 лет. Присягу принял 1 января 1944 года в г. Краснодаре.

Он писал позднее в своих воспоминаниях: «Мы, молодые ребята, почти подростки, еще не представляли, что такое война. Перед нами был пример героев начала войны, и мы, юные, хотели быть такими же, как они...»

Алексей Иванович стал служить в артиллерии, рядовым. Первые же дни боевой обстановки определили характер каждого человека. Никто не отходил от орудия, не обращая внимания на огонь противника. Но для этих юных солдат это было только начало.

Когда немецким захватчикам был отрезан путь на Сталинград и Ростов, вся Кавказская группировка Советских войск устремилась через

Керчь в Крым. 2 апреля 1944 года отец попал в состав Отдельной Приморской армии. И воевал с врагом в Керчи и Крыму. С 29 апреля шли бои за город Симферополь. Бойцы нашей армии выполнили свою задачу, за что были отмечены наградами.

Далее боевой путь лежал через Украину: г. Мелитополь, Запорожье, Харьков. Далее через Белоруссию. 16 августа 1944 года Алексей Иванович участвовал в боях за города Витебск, Могилев, Лида. В составе Второго Белорусского фронта освобождал Польшу и далее Германию. Со своим орудийным расчетом форсировал реки Вислу и Одер.

2 марта 1945 года взяли город Вжесня, 10 апреля окончательно освободили город Познань. До победного завершения войны оставалось совсем немного. В боях отец потерял многих своих товарищей-однополчан.

Воспоминания о них тоже сохранились в его фронтовых

записях. Но многие ребята ставропольцы – наши земляки дошли до Берлина.

30 апреля 1945 года уже шли бои на окраинах Берлина. В память об этих боевых днях у нас осталась фотография.

За весь боевой путь Алексей Иванович был награжден орденами и медалями: «Орден Отечественной войны», медали: «За взятие Берлина» и «За победу над Германией», «За Боевые Заслуги» и многими другими наградами Министерства обороны.

После войны отец продолжил службу оперативным сотрудником отдела по борьбе с бандитизмом уголовного розыска города Ставрополя. Так что, война для него в 1945 году не закончилась. Светлая память нашим отцам и дедам.

Азанова Светлана Викторовна⁸¹

Моя мама, Азанова Светлана Викторовна, родилась 5 августа 1939 года на Урале, в Пермской области. В это время она жила со своей мамой, бабушкой и старшей сестрой. В их семье было 9 детей, но в живых остались только моя мама и ее старшая сестра.

Мой дедушка Витя ушел на фронт. Он был моряком. Он не вернулся с войны. Пропал без вести. Бабушка долго ждала его и искала после войны, но так и не смогла его ни дождаться, ни найти.

По рассказам мамы, время было очень тяжелым. Голодное было время. Есть абсолютно было нечего. Бабушка была вынуждена младшую дочь отдать в детский дом. Иначе бы моя мама не выжила бы. Маленькая

⁸¹ Статья подготовлена дочерью В. К. Азановой Ольгой Владимировной Кузьминой.

была и слабенькая. До Урала, к счастью, война не дошла. Там был тыл и работали заводы и местные, и эвакуированные. Они поддерживали детские дома, поэтому многие в это время, стараясь сохранить жизнь своим детям, помещали их в детдома. Там и питание было и с детьми работали педагоги.

Но и в детских домах по словам мамы жилось не так-то и сладко. Всё было строго нормировано. Но и из своих пайков детдомовские дети выкраивали часть еды для того, чтобы поддерживать соседских голодающих детей и детей из близлежащей деревни. Из продуктов это были хлеб, пряники. Делились они и книгами. Мама рассказывает, что хоть и трудно и голодно жили в то время, но очень дружно!

В детском доме прошли и детство, и юность моей мамы. Но детские дома тогда были настоящей школой жизни. Они учили детей быть самостоятельными. В отличие от «домашних» детей они все умели делать: шить, вязать, делать искусные вышивки, полностью себя обслуживать, следить за порядком и гигиеной. Но главное, чему их научило детдомовское братство – это не бросать товарищей в беде и делиться всем, что у них было.

Вот это и нам мама сумела передать и мне, и моим сестрам!

После выпуска из детского дома мам вернулась в семью – в свое маме и сестре. Они в то время жили уже в Краснокамске. Но прожила вместе с ними она не долго, т. к. встретила моего папу – Губанова

Владимира Ивановича⁸² и вышла за него замуж. Папа приехал на заработки на Урал. Но сам он был с юга, родом из Чечни, из Гудермеса. И у папы, и у мамы к этому времени уже были дети. У мамы был сын, а у папы была дочь. На Урале у них родились еще две дочки. А в 1969 году наша семья переехала на папину родину в Чечено-Ингушскую ССР, но уже в г. Грозный.

⁸² В. И. Губанов родился 26 сентября 1940 г.

Глазами Детей войны

В Грозном жили в бараке вместе с папиными племянниками в одной комнате. Можно сказать, штабелями, рассказывает мама. Натерпелись, намучались. Целых 6 лет жили в страшной тесноте. И только в 1975 году смогли получить квартиру. Вот тогда мы и зажили большой дружной семьей. Нас у мамы с папой было 6 детей. Я и моя младшая сестра родились уже в Грозном.

Моя мама работала всю жизнь! Она ветеран труда. События 90-2000-х годов в Чечне привели к тому, что семья вынуждена была, все оставив, вынужденно переселяться. Мама и сестры уехали на Урал. Маме в Доме ветеранов выделили комнату, где она сейчас и живет.

Я осталась на юге России, переехав в г. Ставрополь.

Мама передала нам не только жизненные навыки, но и традицию многодетности. Я родила ей 5

внуков – все парни: Евгений, Дмитрий, Артем, Александр и Алексей. Они такие же дружелюбные и отзывчивые.

В этом году моя семья включилась в добровольческую деятельность. Я еженедельно готовлю питание для программы «Кормление» для людей без определённого места жительства. И мои дети мне в этом помогают. Вот такая закалка, переданная мне моей мамой, передается и моим детям!

Ни я, ни, тем более моя мама – ребёнок военного времени, не хотим, чтобы наши дети и внуки и все дети на всей планете попали в такие условия, которые свалились на плечи детей войны. Но качества,

которые были воспитаны у этих детей хочется сохранять, преумножать и передавать следующим поколениям!

Страхов Юрий Владимирович⁸³

Я, Юрий Владимирович Страхов, 1937 года рождения, родился в г. Пятигорске, потом отца перевели в Ставрополь. Я только родился, и тут же отца перевели, так что можно сказать, что я родился в г. Ставрополе. Отец мой работал в НКВД. Мама была домохозяйкой. Нас было четверо детей. Из четверых я остался один. Старшим был Михаил Владимирович Страхов⁸⁴. Он был 1928 года рождения. Потом Ростислав. Он был военным и имел отношение к ракетной отрасли. Служил в Плесецке. Ракета взорвалась, и погиб целый офицерский взвод – 7 человек. А он стал инвалидом и его вывезли сюда, в Ставрополь. Это было 9 лет назад. Потом был я – Юрий Страхов и младше меня была сестра Галина Владимировна.

Отец ушёл на фронт, и мы остались с мамой. Мы вообще из Красногвардейского. Выживали мы так: мама продавала мясо и покупала хлеб. Хлеб покупали по карточкам. Вставали за хлебом в 5 утра и занимали очередь и стояли.

А когда мы переехали в Ставрополь, так вот, брат наш средний Славик – во дворе уже немцы были – они с еще одним парнем, Володей

⁸³ Страхов Юрий Владимирович родился 12 сентября 1937 года в г. Пятигорске. Пятикратный чемпион СССР, трехкратный чемпион РСФСР, чемпион спартакиады народов СССР, трехкратный чемпион первенства Вооруженных Сил СССР 1959–1961 годов и призер (2-е место) чемпионата мира 1967 года. Ему первому среди акробатов было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР». С 1961 года Юрий Владимирович занимается тренерской и преподавательской работой. Ю. В. Страхов тренировал сборные команды РСФСР, Казахской ССР, СССР и ГДР по спортивной гимнастике и сборную РСФСР по художественной гимнастике по разделу акробатики. Тренерские успехи Страхова высоко оценены руководством союзов спортивных обществ и организаций СССР и РСФСР. За подготовку чемпиона СССР 1968 года и чемпионов РСФСР 1969–1972 годов Юрий Страхов награжден медалями и дипломами Центральных советов союзов спортивных обществ и организаций СССР, и РСФСР. В 1972 году ему присвоено высокое звание «Заслуженный тренер РСФСР».

⁸⁴ Михаил Владимирович Страхов – четырехкратный чемпион России по акробатике. На Ставрополье разработаны и внедрены уникальные методики тренировок по акробатике. Их автором является заслуженный тренер СССР по акробатике М. В. Страхов. За 42 года тренерской деятельности он воспитал более 60 мастеров спорта по акробатике. Его ученики становились многократными чемпионами РСФСР, СССР и мира. Среди них Ю. Страхов и В. Скакун. Методика обучения сложным движениям в воздухе М.В. Страхова используется при подготовке космонавтов. За большой вклад в развитие отечественного спорта М. В. Страхов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ковалевым, полезли на крышу и как заорали: «За Родину, за Сталина! Бей врага!» А враг – во дворе: и немцы, и калмыки, прислуживавшие немцам...

Мама после случившегося как рванула! Мы все и хату здесь оставили и уехали в Надежду. А в 1943 году освободили Медвеженское и мы сюда переехали обратно.

В 1945 году я пошел учиться во 2-ю школу г. Ставрополя. Потом открылась 5-я школа. Я продолжил учёбу там. Потом, некоторое время я учился в Суворовском училище. В училище я повздорил со старшиной. Когда я уходил учиться в Суворовское училище, мама отдала мне часы отца – карманные. А их, когда я кинулся, не оказалось. И эти часы нашлись у старшины... Ну, я выступил на него. Но всё закончилось тем, что я вынужден был уйти. С седьмого класса я снова стал учиться в 5-й школе.

Об отце мы сначала узнали, что он пропал без вести, а потом уже после войны пришло известие, что он погиб в 1943 году. Мама с того времени, как пришло известие о том, что он пропал без вести, получала пенсию на всех на нас. Пенсия, конечно, была очень скудная. Потом нас мама отправила в село, где мы жили до 1945 года. Там, в Красногвардейском были ее братья, сестры и мать жили. Вот мы там и выживали. А потом, в 1945 – в школу же нужно было идти.

Брат мой, Михаил, стал тренировать меня по акробатике с первого класса. Он меня сам за ручку водил в школу. А Михаил ходил в это время в кружок по акробатике в дом пионеров, который располагался по ул. Октябрьской революции. Потом, после окончания школы, Михаил пошел учиться в институт. Здесь, в Ставрополе, как раз открылся спортфак в учительском институте. Но он проучился один год и перевелся на первый курс в Лесгафта⁸⁵. Там только первый набор велся на первый курс. Вот так и проучился он там. И я у него все время учился.

⁸⁵ Государственный институт физической культуры и спорта им. П.Ф. Лесгафта в Ленинграде. В настоящее время – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени Петра Францевича Лесгафта, Санкт-Петербург – старейшее высшее физкультурно-образовательное учебное заведение в России – основан в 1896 году выдающимся ученым Петром Францевичем Лесгафтом.

В 1955 году я среди школьников города я стал первым мастером спорта. На российских соревнованиях Михаил занял первое место, а я – второе. А третье место занял Марк Львович Пантух. Он до сих пор работает в Аграрном университете. Защитился – кандидат наук.

Когда я закончил школу, то поступил на спортивный факультет пединститута. Перед окончанием института я женился. Родители были против. Но мы втихую все-таки поженились и прожили вместе 22 года, с 1957 по 1979 гг. У нас в браке родились две девочки. У каждой теперь по сыну, мои внуки – Алексей и Константин.

Во время учёбы, когда я еще был студентом, – на первенстве СССР занял второе место. А после окончания института в 1959 году меня призвали в армию. В армии был начальником физподготовки Диннер Евгений Абрамович, мастер спорта по штанге. Так вот, будучи в армии, я без подготовки на первенстве Вооруженных Сил занял 3-е место. Меня оставили на сборы. Сборы проходили в Киеве. И тогда я уже на первенстве Союза занял первое место. Меня привезли в Ростов, на встречу с командующим округа. А в это время командующим округа был генерал Плиев⁸⁶. На приеме он мне вручил денежную премию и спросил о просьбах и пожеланиях. Я сказал, что женат и хотел бы иметь возможность жить со своей женой. «Квартира нужна? – спросил он. – Так точно, – ответил я. И вот, в 60-м году мне дали квартиру, когда я еще был солдатом. Сначала мы жили на ул. Шпаковской, а потом – на Октябрьской Революции, чтобы мне удобнее было добираться к месту тренировки. Тренировался я у брата на спортфаке, где он уже работал. А после армии и я стал работать вместе с Михаилом в институте. И тренировались тоже вместе. Ну, и поездки, конечно. И за границу – на Кубу, в Австрию, во Францию. И начиная с 1960 года я несколько лет подряд был Чемпионом СССР.

⁸⁶ Плаев Исса Александрович – советский военачальник, генерал армии. Дважды Герой Советского Союза, Герой Монгольской Народной Республики.

А потом я получил травму Ахиллова сухожилия⁸⁷ и в 1963 году не смог выступить. Но подлечился и в 1964 году в Ленинграде на первенстве Союза опять занял 1-е место. Вот и был я пятикратным чемпионом СССР, был Чемпионом спартакиады народов СССР. И захотелось мне закончить свою спортивную карьеру хорошо. И мы поехали на чемпионат мира в Лондон. Поехали тогда Василий Скакун, мы с Михаилом – прыгуны, Игорь Токорев – батутист из Ставрополя. Скакун в своем виде занял первое место, а я в классике стал первым. Ну, вот, после этого я решил закончить. В 1967 году я завершил спортивную карьеру и вместе с братом стал тренировать и работать в институте. Из моих учеников, к примеру, была Наталья Тимофеева, Валентина Чухарева, Юрий Аселедкин. В результате своей деятельности я стал по своему виду первым заслуженным Мастером спорта в Советском Союзе. А потом приходилось работать со сборными СССР – гимнастами-женщинами: Латынина, Астахова. В 60-х годах мне довелось месяц

⁸⁷ Повреждение ахиллова сухожилия – это полное или частичное нарушение целостности сухожилия икроножной и камбаловидной мышц, расположенного по задней поверхности голеностопного сустава и нижней трети голени. К симптомам разрыва ахиллова сухожилия относятся резкая боль, отечность, ограничение движений в стопе, пальпаторное выявление "провала" в области ахилла. – URL: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/traumatology/achilles-tendon>

проработать в Звездном городке – с космонавтами Комаровым⁸⁸ и Волковым⁸⁹. Но потом они погибли.

В 1979 году мы с женой разошлись, и я 22 года прожил один. А потом встретил свою бывшую ученицу по физкультуре. Я работал когда-то в 24-й школе, а она там училась. Она была замужем, но брак ее был неудачным. Вот мы с ней стали встречаться. И хотя разница между нами в возрасте была большая – 33 года, мы уже живем вместе 28 лет. И дай Бог так прожить вместе каждому!

Пахомова

Зоя Михайловна

Пересказываю воспоминания моей мамы, Пахомовой Зои Михайловны, рожденной в 1936 г. в с. Троицком, Калмыцкой АССР.

Родное село мамы было оккупировано частями румынской армии в середине августа 1942 г. Со слов мамы, румыны оказались оккупантами не слишком в себе уверенными: во всяком случае, она хорошо помнила, как её мама – моя бабушка – по ночам часто просыпалась с сердитым ворчанием, брала в руки коромысло и выходила во двор прогонять румынских солдат, которые время от времени прокрадывались к курятнику и воровали кур.

Но в конце лета в село вошли немцы, которых бабушка называла «зондеркомандой», и это была уже совсем другая оккупация. Судя по рассказам бабушки, это была рота (или полурота) войск СС, посланных со специальным заданием – очистить село от проживавших там евреев и цыган. И тех и других в селе перед войной было много – семей 300. Их собирали в центре села, строили в колонну, выводили далеко за околицу села к степному оврагу под названием Хомутовая балка и там

⁸⁸ Комаров Владимир Михайлович – советский лётчик-космонавт № 7, дважды Герой Советского Союза (второй раз звание присвоено посмертно), инженер-полковник.

⁸⁹ Волков Владислав Николаевич (23 ноября 1935, Москва, СССР – 30 июня 1971) – советский лётчик-космонавт СССР № 20, дважды Герой Советского Союза (второй раз звание присвоено посмертно).

расстреливали вместе с детьми. Овраг этот с тех пор стал называться в селе Еврейская балка. Сельские ребяташки ещё долго тайком от взрослых рылись в размытом дождями песке на её дне и находили там черепа и мелкие вещи расстрелянных. Ни мама, ни бабушка ничего не говорили мне о том, когда и в какое место эти останки потом были перезахоронены, но какое-то перезахоронение должно было иметь место обязательно, потому что среди расстрелянных были и русские, женатых на еврейках и цыганках. Один из них даже пытался отбить свою семью у солдат и был застрелен прямо у себя в доме. У них остались в селе родственники, которые после ухода немцев наверняка пытались отыскать останки своих близких в этой самой балке.

Можно предположить, что обречённые на гибель семьи пытались прятаться в селе или за селом, и немцам приходилось их разыскивать при помощи местных полицаев, потому что расстрелы продолжались довольно долго, и у солдат СС стали сдавать нервы – они каждый вечер

напивались до беспамьятства и засыпали там, где их сваливали с ног сон и водка. Мама вспоминала, как по утрам по нашему большому двору и огороду ходил их отрядный врач и будил спящих, вливая каждому в рот какие-то капли из стаканчика. За врачом шёл денщик старшего офицера с термосом в одной руке и стаканом в другой. Солдаты просыпались хмурые и злые, как собаки, но уже трезвые, строились на переключку и снова шли на задание.

Судя по этим воспоминаниям, непьющим из немцев был только командир отряда, который квартировал в нашем доме вместе с доктором и денщиком. Когда я спрашивал маму об этом офицере, она всякий говорила мне, что совершенно его не помнит, но бабушка упорно твердила, что именно с ней этот офицер нянчился всё свободное время, закармливал леденцами и шоколадом и вообще «из рук не выпускал», а однажды подозвал к себе бабушку и показал ей фотографию какой-то молодой женщины с тремя девочками, одна из которых была маминого возраста и поразительно, до неправдоподобия на неё похожа: те же белобрысые волосы, точно так же заплетённые в одну косичку, точно такие же светло-серые чуть навывкате глаза, и даже одинаковое выражение лица. Офицер тыкал пальцем в фотографию и настойчиво

что-то пытался бабушке объяснить. По-русски он не говорил совершенно, а бабушка ни слова не знала по-немецки, но поняла, что на фотографии изображены его жена и дети, и у неё почему-то сложилось твердое убеждение в том, что его семья погибла, причём погибла при какой-то бомбёжке. Поскольку до лета 1942 года только один город Германии подвергался хотя и однократной, но очень сильной бомбёжке союзной авиацией – Киль в апреле 1942 года, – у меня, в свою очередь, возникло предположение, что этот офицер мог быть родом из Киля.

Он всё-таки однажды напился, и это случилось на Новый 1943 год, который был последним днём оккупации села, потому что уже на следующий день части Красной Армии выбили немцев из Калмыкии. Бабушка рассказывала, что эсэсовцы покидали село в ужасной спешке, и их командир являл собой жуткое зрелище – был сильно пьян, небрит, плакал, целовал маму и пытался увезти её с собой, хватался за пистолет и даже пытался застрелиться, пока его, наконец, не обезоружили собственные солдаты и силой не погрузили в уже отъезжавшую машину.

Судя по тому, что мне известно о характере военных действий в этом регионе зимой 1942–1943 гг., шансов выжить в этом отступлении у зондеркоманды и их командира было немного.

Мой отец, Колесников Анатолий Александрович, 1937 г. рождения, провёл всю войну в с. Заветное, Ростовской обл., и об оккупации не помнит совсем ничего, кроме вкуса первой в его жизни конфеты, которой его угостил какой-то неизвестный румынский солдат.

Колесников Анатолий Александрович⁹⁰

Мой папа родился в селе Заветное Ростовской области в январе 1937 года. В начале войны ему шёл четвёртый год.

В 1942 году через Заветное прошёл путь немецких войск, наступающих на Сталинград. В Великую Отечественную на стороне гитлеровцев воевали войска ранее завоёванных стран, в папином селе остановился полк румынской армии.

⁹⁰ Статья подготовлена О. А. Алфимовой, дочерью Колесникова Анатолия Александровича.

Детская память мало что сохранила. Папа помнил только, что много болел в это время и помнил голод.

Через всю жизнь мой отец пронёс уважение к хлебу. Рассказывал, что кушать хотелось очень, его мама давала детям по кусочку хлебушка, размером со спичечный коробок. Очень хотелось съесть его сразу, но так делать было нельзя! Отщипывали по кусочку и рассасывали, как конфетку, по крошечке...

Голодно было очень и в Ростовской области, и в Калмыкии. Ели лебеду и сныть, выливали сусликов из норок и тоже ели. После войны, в 1946 году, семья уехала на Кубань, в Черкесск. Там давали уцелевшим переселенцам земельные наделы, земли были плодородные, можно было прокормиться. Жили в землянке и всей семьёй строили дом. Месили саман, лепили кирпичи, сушили и поднимали стены.

Мой папа закончил медицинское училище в Черкесске, уехал в

Калмыкию. Работал фельдшером-акушером, одним на несколько сел. Затем он поступил в Ставропольский медицинский институт, который с отличием закончил. И дальше всю жизнь работал хирургом, терапевтом, ортопедом,

преподавателем. Отец был очень изобретательным человеком. Он изобретал новые инструменты для своей работы.

В тяжкие 90-е папа уехал врачом в село Курджиново, в Карачаево-Черкесию. Там он жил и работал. Но важно рассказать вот о чём: он принял в свою семью и воспитал 14 детей, выучил их и вывел в люди.

Такой вот ребёнок войны! В его доме бережно относились к хлебу, даже крошечки собирали для птичек. Над хлебницей висел написанный папиной рукой призыв «Покормите птичек»!!!

До самого последнего дня папа лечил людей. Упокоился он на кладбище села Курджиново, которое очень любил. Его самое главное пожелание: «Счастья вам, люди!!!»

**Тюльпанова
Нина Ивановна⁹¹**

«Когда мне было тринадцать, мы в школе вплотную приступили к изучению знаков препинания, и тогда же мне в руки попала эта тетрадь, потрепанная, с желтыми листами, исписанная мелким старательным почерком».

Здесь почти не было запятых, тире. «Мы не успели изучить...», – сказала бабушка, но для того чтобы понять всё то, что было там написано, потребовались вовсе не точки с запятыми, а еще 5 лет, ровно столько же, сколько

потребовалось моей бабушке, чтобы приступить к изучению синтаксиса в 1946 году, когда ей исполнилось восемнадцать.

Она читала медленно, без запинок, словно всю жизнь читала только эту тетрадь, иногда отвлекаясь и посматривая то в окно, то на меня. Ее пальцы дрожали...

«...Август. Мне 13 лет, Гене полтора года, Юре – три, а Вадиму – десять. Позавчера мы бежали из города. Говорят, там теперь немцы. Кажется, самое страшное позади, но все же трудно представить, как там все без нас – наш дом, вещи, наш Шарик. Мама не разрешила забрать его с собой, сказала, что он будет защищать корову. Отец, когда уходил на фронт, успел продать обручальные кольца, чтобы ее купить, и теперь будет очень плохо, если немцы ее убьют. Мы почти ничего не взяли, потому что уходить надо было очень быстро, а потом мы бежали по дороге, как и все. Я посадила на плечи Гену, и он так просидел всю дорогу, пока нас не стали обстреливать из самолёта. А Юрий, хоть он и маленький совсем еще, плакал и все время тянул маму за руку, чтобы шла быстрее, как будто понимал, в чём дело. Война. Но мы шли со всеми, и нельзя было идти быстрее. А потом начался обстрел. Все ринулись в лесополосу, что была слева от дороги, надеясь скрыться за деревьями, и только мама потянула нас направо, в степь, спрятала в стог сена и велела не шевелиться. Так мы и просидели очень-очень долго, даже не знаю

⁹¹ Рассказ написан внучкой Нины Ивановны Тюльпановой Аркалией Олеговной Моревис. На групповых фотографиях: Тюльпанова Антонина Алексеевна (мама Нины Ивановны) с дочкой Ниной и сыном Вадимом; А. А. Тюльпанова с сыном Юрием и дочерью Ниной.

сколько. Выбрались только, когда стемнело. Я очень боялась смотреть в сторону лесополосы: оттуда слышались стоны...».

– Мы бежали из Невинномысска в августе 41-го, – пояснила бабушка. – Я до сих пор точно не знаю, где мы хотели скрыться, только попали на хуторок. Нас там очень хорошо приняли...

«...Мы здесь уже два месяца. И только теперь мама решила пойти и посмотреть, как там наш дом. Несколько раз ходила туда: говорит, дом цел. Но в городе опасно. Немцы ночуют, где хотят, делают что хотят... Три раза уже ходила, и каждый раз за ней увязывался Шарик. Сначала мы боялись, что дом останется теперь совсем без присмотра, но он молодец: к вечеру всегда возвращался обратно – сторожить. А потом мама вернулась с дурными вестями и без собаки. Люди рассказали ей, как Шарик защищал наш дом от немцев. Говорят, он, как услышал, что дверь ломают, начал лаять и бросился на них совершенно бесстрашно, когда они попытались вломиться. Он их долго не пускал, а потом фашисты его оглушили прикладом и все равно вошли, забрали все съестное, но корову почему-то оставили. А нашего верного Шарика напоследок пристрелили, хотя он и так не шевелился...»

– Мы забрали корову и самое необходимое, в Невинку больше не возвращались. Мы пошли пешком в село Пески, потому что отец, прежде чем уйти на фронт, договорился с одной из здешних хозяек, чтобы она нас приютила. Правда, у неё не остановились – в доме и так уже было 12 человек, и поэтому начали искать другое пристанище. Вскоре набрели на домик, где жила женщина с двумя детьми. Там и жили до конца войны. Я помню, это было в сентябре...

«...она сказала маме: давай, Тоня, будем жить вместе – у тебя, значит, четверо и у меня двое – как-нибудь разместимся и вдвоем сможем всех прокормить. Теперь мы так и живем: в одной комнатке мы с мамой, в другой их трое – теть Тая и двое ее мальчишек...».

- А в октябре и сюда пришли немцы.

«...Вчера пришли немцы, и я в первый раз их увидела, услышала их отрывистые птичьи фразы. Жутко вспоминать.

Соседский мальчишка бежал спотыкаясь, чтобы рассказать, что видел немцев, – они идут в село. Тогда все решили собраться в одном доме. Взрослые говорили: «Умирать, так всем сразу!» – потому что прежде никто не видел немцев. Все ожидали худшего – стягивались в дом на окраине села...».

- – Это был, по сути, даже не дом, – пояснила бабушка, а всего одна комнатка...

«...и когда здесь собрались все, стало совершенно невозможно ни дышать, ни шевелиться. Мы стояли плечом к плечу. Плакали дети, кашляли старики. Так постепенно стемнело, и наступила ночь. Казалось, ничего не изменилось: дом не обстреливали, нас как будто и не собирались убивать. То ли от того, что было душно, то ли по какой-то другой причине, но мне показалось, что что-то произошло как будто струна напряглась и издала мерзкий металлический, тревожный звук. Немцы вошли в село и разбрелись по домам, которые теперь были наполовину нашими...».

Бабушка прерывает чтение, услышав свист чайника на кухне. Приносит чашки и, согревая этой улыбкой напряженную тишину, повисшую в комнате.

– А знаешь, – говорит она, – были среди них, то бишь среди немцев, разные. Вот, к примеру, повар, который им готовил. После вторжения в Пески они согнали нас всех в одну комнату, а было нас в общей сложности восемь человек, а из другой соорудили полевую столовую или нечто вроде этого. Так этот самый повар (мы его так и звали Повар) малышам печенье и конфеты втихую передавал – подкармливал. И вообще мама говорила, что он коммунист, да я и сама видела, как он целовал портрет Ленина на русских деньгах – вроде как убедить нас пытался, что не враг нам и не фашист. Вот тут как раз про него, слушай!

«...он повар. Не знаю его имени. Хотя я понимаю, что он не фашист. Он не такой, но до конца все равно к нему доверия нет, потому что он с ними. Он иногда разговаривает со мной, но на своем птичьем – я почти ничего не понимаю. А мать ругает меня за то, что попадаюсь ему на глаза. Она боится за нас, хотя взрослым их больше бояться надо».

– А когда по деревне прошел слух, что наши взяли Невинномысск и скоро придут в село, немцы сразу засуетились и стали уходить. С ними ушел и наш повар, а напоследок сделал подарок – два мешка картошки. Картошка была мороженая и вроде как негодная, но он позаботился и об этом – рассказал маме, как ее приготовить, и оставил остатки сала, на котором ее можно было жарить. Помню, потом это было самое желанное лакомство для нас. До сих пор не могу забыть этот вкус. Помню еще, как без словаря поняла одну немецкую фразу, с которой у меня, по сути, и

началось изучение немецкого. Потом я стала учительницей немецкого, а тогда...

«...пришли немцы и хотели забрать корову. Они нагрянули

внезапно, никто не ожидал. В приоткрытую дверь дома я наблюдала, как они кричат на мать и заставляют открыть дверь в сарай. А у мамы тряслись от страха руки. Она несколько раз роняла ключи, плакала, а немцы подгоняли и уже начали угрожать. Я понимала только по тону. Если бы корову увели, нам совсем ничего не осталось бы и мы бы, наверное, умерли от голода. Но пришел повар и заступился...

– Сказал «Mutter, vier Kinder», и эту фразу я запомнила надолго. Он

повторял ее много раз, и фашисты оставили маму в покое. Оказалось, и у него дома, в Кёльне, остались тоже четверо детей и жена, а мы ему их очень напоминали.

Немцы покинули село очень тихо, так же как и пришли. Они никого не убили и не забрали в плен, но на протяжении всех двух месяцев, пока они были, в Песках было «тихо и страшно», как говорит бабушка. Позже немцев она видела только однажды, в 45-м, когда их, пленных, вели по дороге.

А к изучению знаков препинания бабушка вернулась только в 46-м, тогда и расставила запятые в тетради, где и без них смысл будет ясен всем и во все времена, пока будет жива память...

Евдокимова (Иванова) Лариса Ивановна

Мы дети войны, рожденные в 1933–1945 годах, волею судьбы попали в совсем не детскую ситуацию.

Что помню я об этих событиях? Мне было всего 4 года, когда началась война. Бабушка рассказывала мне, что в начале 1941 года зимой моего отца призвали на переподготовку в

армию. Никто не предполагал, что с это было связано с войной.

Мой отец, Иванов Иван Федорович, 1908 года рождения, воевал с первого дня войны в составе 1-го Украинского фронта и до Дня Победы. Он очень мало рассказывал об этих годах. Было известно, что тяжелые бои разворачивались под Ростовом-на-Дону, наша армия отступала на восток. В 1942 году все силы сосредоточились под Сталинградом. Была поставлена задача: не допустить немцев в город, не дать им перейти на левый берег Волги.

Бои шли за каждый дом. Солдаты подвозили снаряды от танкового завода на полуторках, а потом на санях к действующим отрядам. Дома переходили из рук в руки по несколько раз, но все-таки город отстояли очень дорогой ценой. Из каждых десяти воинов в живых остался только один. Об этом я узнала потом, через 30 лет, когда отец был приглашен в Волгоград на празднование дня Победы в 1973 году. Из своих однополчан он встретил только двоих. Одного из них я знала, это был Николай Алексеевич Болотов, летчик, герой войны. В тот период, после Сталинградской битвы, отец – обмороженный, контуженый, раненный в плечо – остался в действующей армии восстанавливать военные аэродромы.

Очень тяжелый период был при освобождении Кишинева и Ясс. В истории это получило название Яско-Кишиневская группа войск. Там было огромное количество вооружения и боеприпасов. Огонь был такой плотности, что дым от разрывов не давал немцам выйти из окопов. Когда наша армия заняла эти позиции, немецкие солдаты все были мертвы.

Отец закончил войну в Вене. Разрушений в городе почти не было. Но после подписания капитуляции его домой не отпустили, направили в Западную Украину, где пришлось вновь воевать с бандеровскими бандами.

В последние годы жизни отец жил в семье, много болел, но всегда держался на ногах, не пил лекарств, много ходил и работал до 80 лет. Я похоронила его в 1993 году 30 декабря.

Моя бабушка, мать моего отца, Иванова Пелагея Аверьяновна (в народе Ивановна) (1882–1970 гг.) рано потеряла отца.

И её мать вместе с детьми «кочевала» в поисках лучшей жизни. Волею судьбы оказались на Кавказе. Там бабушка встретила своего мужа Федора и с двумя его братьями уехала в Казахстан на «свободные земли».

Но в 1914 году началась Первая мировая война. Федор был призван в действующую армию. Бабушка осталась с сыном Иваном. Муж без вести пропал, она так ничего и не узнала об обстоятельствах его гибели,

осталась вдовой до конца жизни. Пришлось вернуться на Кавказ к сестрам.

Вся моя жизнь была связана с бабушкой и тетей – сестрой матери, Строгановой Александрой Михайловной, светлая ей память.

Летом 1943 года моих подруг почти не осталось в городе. Обычно мы играли во дворе, где я и услышала впервые слово «эвакуация». Мы играли в войну, совсем не понимая ее истинного смысла.

3 августа у меня заболел зуб. Бабушка повела меня в детскую поликлинику на проспекте Карла Маркса. Мы ждали своей очереди, как вдруг резко открылась дверь, вошел военный и приказал всем быстро спуститься в подвал. Там было темно и сыро, на полу лежали кирпичи. По ним мы прошли дальше и стали ждать. На улице что-то грохотало. Это была первая бомбежка нашего города.

Наша семья тогда жила на улице Рылеева, 10, в районе Нижнего рынка.

Мы пошли домой. Там, где сейчас находится гостиница «Ставрополь», зияла огромная дымящаяся воронка. Прежде там была Троицкая церковь в полуразрушенном состоянии. Наш дом сохранился, но взрывной волной были выбиты окна. Бабушка стала собирать фанерки и закрывать ими окна.

На улице Ипатова жила моя тетя, 1908 года рождения. Муж ее воевал с первого дня. Под Ростовом он получил тяжелое ранение руки, просто чудом врачам удалось ее спасти. Израненный, в 1943 году он вернулся домой, помогал нам выживать.

В августе нас стали бомбить каждый день. В районе сегодняшней биофабрики находился Чкаловский аэродром, с которого нас бомбили. Вдоль улицы Ипатова находится глубокий яр, мы надеялись там прятаться, но оказалось, что с низко летящего самолета люди очень хорошо видны, поэтому убежали из яра в дом и укрылись в подвале. Бабушка бросала нам подушки и одеяла и просила не бояться, если засыплет. Сама она бомбежки не боялась. Вскоре город был взят фашистами, по улицам мчались на мотоциклах немцы. В нашем доме на Рылеева тоже разместились немцы, и нам пришлось жить у тети Александры Михайловны.

Вскоре началась охота на евреев. Моя подруга Циля жила в нашем дворе с мамой и бабушкой. Они поверили приглашениям немцев прийти на регистрацию тем евреям, которые хотят уехать в Израиль. Они собрали ценные вещи и ушли. Больше их никто не видел. После освобождения города стало известно, что они были отравлены газом в машинах.

Глазами Детей войны

Как-то по телевизору я услышала, что было найдено неотправленное письмо немецкого солдата домой в Германию. В нем он пишет, что от Ростова до Ворошиловска (так назывался наш город тогда) они почти без боев на танке добрались за три дня. Когда поднялись на гору, то увидели в долине маленький уютный городок, утопающий в зелени и абрикосовых садах. Было много домов индивидуальной архитектуры, непохожих на унылые однотипные постройки других городов. Такое впечатление производил наш город! Но после войны он уже таким не выглядел. Разбомбили железнодорожный вокзал, мельницу, бензохранилища, мою первую школу и много других зданий.

В оккупации жили голодно. Что мы ели? Из лебеды варили суп, корень солодки в чай вместо сахара, крапиву варили и жарили. Для нас жмых был, как шоколад. На улице Ленина и Пушкина был маслозавод. Немцы на подводах возили жмых, чтобы кормить лошадей. А мы, голодные дети, подкрадывались сзади и воровали его. Ох, какой же он был вкусный, ну как шоколад!

После освобождения, уже в 1944 году я пошла в школу № 7 на проспекте Карла Маркса. Писать было не на чем. Нам раздали газеты, мы линовали, сшивали тетради и писали буквы.

Кушать было нечего. Бабушка варила мыло из животного жира, который подбирала на мясокомбинате. Шли пешком в близлежащие села Надежда, Старомарьевка и другие. Меняли мыло на продукты: кукурузу,

овес, тыкву. Мы не голодали.

После окончания школы № 1 в г. Ставрополе поступила в Ставропольский педагогический институт. После его окончания поступила в очную аспирантуру Ленинградского технологического института им. Ленсовета, где защитила диссертацию.

Всесоюзная аттестационная комиссия присвоила мне звание доцента. Преподавала в Ставропольском политехническом институте.

Скакун
Василий Александрович⁹²

Я родился 18 марта 1944 года в селе Петровском, окончил сельскую школу. У меня был старший брат 1928 года рождения, он не призывался. Мои родители: папа Скакун Александр Демидович, мама Котлярова Мария Терентьевна – были учителями. Родом они с Кубани, из одной станицы.... До войны оба окончили Ставропольский учительский институт. Папа преподавал физику и математику, а мама – русский язык.

Папа 1897 года рождения. Как казак, он воевал в белой армии. И власть ему этого не прощала. Через каждые два года мама с папой меняли место жительства.

Когда началась война, папе было 43 года. В 1942 году он ушёл на фронт. Воевал он в противотанковом отряде под Майкопом. В 1942 году при разрыве мины папа получил осколочные ранения (8 осколков) и попал в плен. Немцы очень быстро уходили, когда их гнали с Северного Кавказа и пленных не расстреляли.

Он на костылях, каким-то образом добрался до Ставрополя. В Ставрополе был мост, при выезде в сторону Светлограда. Его предупредили, что там стоят посты. На что он ответил: «Да, кому я нужен!» Но его арестовали и посадили в НКВД, в тюрьму. Четыре раза отца выводили на расстрел, чтобы он признался... Папе удалось

⁹² В 1963 году Василий Скакун выполнил норматив мастера, а уже через два года, в 1965 году, выиграл в Батуми первый розыгрыш Кубка СССР. Блестящий в прошлом атлет, а сегодня – выдающийся специалист, Василий Скакун создал одну из лучших школ акробатики в стране. Подготовил чемпионов мира и Европы: заслуженных мастеров спорта В. Завалия, А. Рассолина, Л. Громову, А. Крыжановского, Е. Бугаеву, Н. Кадакову; мастеров спорта международного класса О. Акиншина, Е. Дерфель, А. Круглякова, В. Федулова. В 1997 году, в преддверии празднования 225-летия со дня основания краевого центра, Василию Скакуну присвоено звание «Почетный гражданин города Ставрополя». Образование: в 1971 году окончил факультета физического воспитания Ставропольского педагогического института. Звания и награды: Заслуженный мастер спорта, первый чемпион мира по акробатическим прыжкам, Заслуженный тренер СССР и России. Подготовил 19 абсолютных чемпионов мира. Кандидат педагогических наук. Член технического комитета Европейской федерации гимнастики. Имеет 15 изобретений в области спортивного оборудования. Фирменное оборудование Василия Скакуна использовалось на трех чемпионатах мира и двух олимпийских играх. Почетный гражданин Ставрополя и Светлограда. Награжден орденом Знак почета. Директор Академии здорового образа жизни Василия Скакуна и тренер детской спортивной школы Василия Скакуна г. Ставрополя. Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР и России, вице-президент Международной федерации гимнастики.

передать записку на волю. Пришла женщина, с которой они вместе работали в школе. Она засвидетельствовала это, и его отпустили.

С моим рождением была целая история. Когда мама узнала, что ждет ребёнка, то семьёй решили, что не смогут прокормить ещё одного. Есть было нечего, семья голодала. Мама обратилась к врачу с тем, чтобы сделать аборт. Но врач ей сказал: «Если родится мальчик, то он вас досмотрит в старости!» И родители подарили мне жизнь. Я родился весом в 1кг 700 г.

Из времён войны я помню, что у нас был ящик зелёный из-под снарядов, который был под замком, а в нём хранился хлеб, чтобы он не был съеден раньше положенного времени. Я помню, что папа ходил ночью за хлебом и всю ночь стоял. Когда я подрос, помню, у нас была обрезанная немецкая 16-литровая канистра. Я с ней ходил за керосином, простаивая целый день в очереди. Кушать готовили на примусе. Как-то у нас случился пожар, когда папа огнём мух травил. Для того чтобы истопить печь, нам с папой приходилось из Карачаевской угольной пыли и коровьего навоза лепить катушки. Так топили печь до 1955 года.

В памяти у меня картинка: на ж/д станции горы из разбитых танков, пушек. Их стаскивали со всего района, для последующей

транспортировки. В начале 50-х годов в стране что-то начало подниматься.

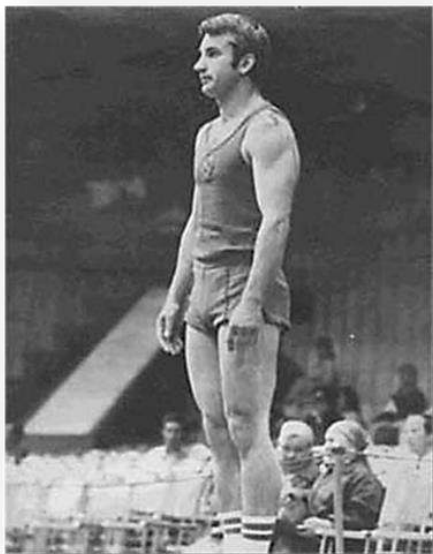
На Новый год кульков не было и учитель рисования, сам сделал кулёк и нарисовал на нём деда мороза, ёлку. И я этот кулёк оставлял из года

в год. Переписывая на нём последнюю цифру.

Во втором классе меня мама заставила вести дневник, и у меня этот дневник остался. В нём есть интересные записи, когда мне обещали купить велосипед. Прежде чем научиться плавать, я дважды тонул. Брат меня спас, тогда в Калаусе воды было много. Мы жили рядом с детским домом. Детей повели купаться, и девочка стала тонуть. Воспитательница бегала по берегу, я в одежде прыгнул в воду и поплыл к ней. Она ухватила меня за шею и мы вместе стали тонуть. Я тогда понял, она хотела, чтобы её голова была выше и старалась опереться на меня, тогда я стал подныривать под неё и подталкивать её. И таким образом мы спаслись. Это спасение девочки в нашем селе стало большим событием.

С детства я увлекался спортом. Для того чтобы научиться каким-то элементам, мне папа в огороде выделил небольшой участок, чтобы я

его вскапывал. Одевал кожаную шапку для того, чтобы, делая переворот, я не ударился головой. Я играл в волейбол и в футбол за сборную района.

Потом я приехал к Страхову Михаилу Владимировичу. А Юрий уже был пятикратным чемпионом Союза...

О предприятии: Мы сейчас выживаем за счёт того, что производим спортивный инвентарь и продаем его за границу. Сейчас в Австралию готовим оборудование, которое у нас постоянно берут и перепродают немцы, англичане, в Америке. Мы с Америкой сейчас завязались, вот эта вся каша, когда она вся кончится (коронавирус). Всё это грязные дела политики. Санкции нас не касаются, они касаются должностных лиц... на

область спорта они не распространяются.

Анализируя свои 76 лет, могу сказать, что всё было правильно. Было много трудностей, которые нужно было преодолеть только личным напором. Я помню, в 1996 году, мы ехали в Бельгию на автобусе, по пути разбилось стекло... проехали Польшу, подъехали к Германии, нас не пропускают... Что было делать? У меня 30 человек спортсменов, ехавших на соревнование. Мы переждали ночь, пришла следующая смена. Я всех детей переодел в спортивную форму, выходим и как дали показательные выступления, прямо на границе! Они нам в ответ: «О, русс, браво!!!» И нас пропустили. Поехали, а в Бельгии стекло не нашёл, поехали во Францию там его нашёл, поменяли. По возвращении домой,

под Воронежем застучал двигатель.

На улице минус 15 градусов, ночью минус 25. Но мы сумели, через ГАИ, автобус оставили с водителями,

остальных — в Воронеж. Я вернулся на тягаче... Утром пошёл, денег нет, ребята мои знакомые тренеры и спортсмены дали денег, дали другой автобус. Я всех довёз,

одна девочка там порвала ахиллу, я договорился, о бесплатной операции

за границей. Мой девиз: если не ты, то кто? Я знал, что я всё сделаю, всех довезу, и всё будет хорошо.

19 лет назад мы организовали Академию. Вывели формулу: «Помогая людям, ты исцеляешься сам». Ты отдаёшь себя, твои улыбки, помощь и так далее, тем самым ты подпитываешь духовный иммунитет, который наводит порядок, и если ты был больным, то не будешь болеть. Самая важная штука (истина), но она трудно пробивается.

Я уже 14 лет пишу каждый день и не одного дня не могу не писать. У меня более 2 500 статей. В неделю, кровь из носа, будет минимум четыре-пять, а то и более статей. Я вошёл в такой ритм жизни. Семья мне помогает тем, что они меня понимают и дают мне эту возможность. Я признаюсь женщинам в любви, а они мне. Я их люблю. Здесь очень важно, чтобы было понимание и принять это всё.

У меня двое детей старшая дочь Света и сын Вадим, двое внуков, два правнука. Вадиков сын сейчас в Голландии, учится в магистратуре по строительству. Его там оставляют, хотя он просит, чтобы здесь стать на ноги. Вторая внучка закончила СКФУ. Они оба заслуженные тренеры, у них свои люди – чемпионы мира. Мои дети выросли в спортивном зале, пошли по нашим стопам. Они переняли педагогический посыл.

Сейчас у нас нет педагогики, дети не любят школу, всё это потому, что прежде чем сказать, что ты не прав, нужно сначала сказать, что ты молодец. А потом показать ошибку. Когда говоришь, «ты – молодец», ты уже настроил человека на то, что он тебя будет слушать и принимает тебя. А потом сказать, что здесь надо было сделать чуть-чуть вот так. И наши дети взяли от нас этот подход – на этом всё строится. И тогда дети тебя любят, они на позитиве. Этого не хватает в педагогике, это мы потеряли. Мои родители, моя мама своих двоечников закрывала в школе. Шла домой и готовила для них еду, проверяла уроки. Мой папа тоже был – такого плана.

Пожелание для будущего поколения: в каждом из нас есть божественная сущность – душа. Но высший разум, он такой мудрец. Он эту божественность поставил ниже человеческой свободы воли. Он настолько мудр и говорит: ты хочешь быть здоровым, радостным, счастливым. Дорога нравственности она вся покрыта безнравственными барьерами, которые надо преодолеть для того, чтобы добраться до этой штуки. Они преодолеваемые только добрыми делами. Каждый сам за себя должен пройти этот путь, и это самая сложная штука. И для этого нам даются многие жизни. Потому что за одну жизнь это невозможно пройти. И этот духовно-нравственный и моральный опыт мы забираем только с собой. Эти наработки и наработки силы воли, больше ничего не

Глазами Детей войны

забираем. И почему мы все разные, потому что по-разному мы все распоряжаемся своей свободной волей. И результаты этого переносятся дальше. Эволюция преодолела рабовладельчество и колониализм. Эволюционный процесс продолжается. И мы сейчас на самом сложном периоде, это открытие самого себя. Кто ты есть, зачем ты здесь. Когда мы начинаем задавать вопросы о том, что я должен сделать за этот короткий промежуток времени, который мне дан.

И если мы находим, что он не в материальном, потому что материальное ничего с собой не заберёшь, а заберёшь только нравственный дух.

Последующее поколение должно быть лучше предыдущего!

Выставочный проект

в музее изобразительных искусств

«Взгляд из военного детства»

Краевой музей изобразительных искусств в год Памяти и славы представляет выставочный проект «Взгляд из военного детства», знакомящий с произведениями живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства, созданных художниками, относящихся к поколению детей войны.

Дети войны – это граждане, родившиеся на территории Советского Союза с 1930 по 2 сентября 1945 года, те, кто в 10–11-летнем возрасте стали свидетелями ее начала,

проводили своих отцов на фронт, пережили военные невзгоды, работали подростками в тылу, в том числе и на военных заводах, кто родился в период войны и даже после Победы, чье детство пришлось на не менее тяжелые годы восстановления страны после жестокой войны.

Выставка создавалась из произведений, находящихся в музейной коллекции, при внимательном изучении которой было выяснено, что в ней представлены более 280 авторов, создавших около 1800 произведений, которых в современных условиях мы относим к поколению детей войны.

Была поставлена задача познакомить наших зрителей с их творчеством, акцентируя внимание на творческом пути и темах жанра, которые им наиболее близки, увидеть на примере созданных произведений, что волновало детей войны, ставших взрослыми и выбравших профессию художника.

Достаточно понять, что самым молодым представителям детей войны в этом году исполнилось 75 лет, многих уже нет среди нас. Их становление пришлось на первые послевоенные десятилетия. Время во

многим определило особенности их мировоззрения, характер, отношение к творчеству и выбору тем. Творческий метод художников советского времени опирался на документальную точность, объективность и эмоциональную правдивость очевидца.

Естественно, что художников этого поколения продолжали волновать события войны, и полотна интересны тем, что тема войны решается в их работах в бытовом зачастую жанре, они стремятся отыскать в прошлом черты, отвечающие чувству времени, в котором жили: «В интерьере», «Моё детство», «Путешествие в детство», «Моя семья», «Мои дети», «9 Мая. Память», «Без вести пропавший», «Из прошлого», «В гостях у бабушки», «Хлеб» и др., которые можно объединить в цикл работ «Нам не забыть этот день».

Утверждая красоту окружающей действительности, ценность мира и добра, мы видим прекрасные живописные уголки, природные богатства России, тёплый родительский дом, которого было так мало в военном детстве, в работах «Весенний двор», «Дом под ивами», «Под одной крышей», «Оттепель», «Окно», «Мой край», «Семья отца», «Мать», «Детство», объединённых темой «Торжество добра».

Грандиозность событий, происходящих в послевоенное время, в 70–80-е годы XX столетия, захватывали творческое воображение художника. Огромные стройки, восстановление народного хозяйства, сооружение научных станций, Всесоюзные ударные стройки, трудовые будни сельских тружеников, легендарное строительство Байкало-Амурской магистрали, полёт в космос – всё это хотелось зафиксировать для истории.

Художники отправлялись в творческие командировки, становясь очевидцами исторических событий, и здесь главное место отводилось графике – самому оперативному и мобильному виду искусства. В разделе «Путешествие по родной стране» мы видим циклы работ, отражающих многообразие жизни нашей страны и её народа, ставшие подлинной летописью истории, художественными документами эпохи.

Благодаря выставке у нас появляется возможность увидеть работы и вспомнить имена замечательных художников Ставрополя, к сожалению, уже ушедших из жизни и оставивших нам в наследство свои произведения – заслуженных художников России: Виктора Муссовича Чемсо (1933–1994), Алексея Егоровича Соколенко (1938–2011), Евгения Фёдоровича Биценко (1930–2019), Олега Константиновича Урюпина (1940–2018), Николая Фёдоровича Рыбнова (1934–2006), художников Виктора Семёновича Диброва (1930–2014), Анатолия Ивановича Клочкова (1939–2010), Анатолия Ивановича Котова (1943–2009),

Александра Павловича Логачёва (1930–2009), Евгения Владимировича Саврасова (1940–2017), а также тех мастеров, которые ещё с нами: Евгения Константиновича Горина (1945 г.р.), Александра Николаевича Гайдина (1936 г.р.), Ивана Григорьевича Ковалёва (1935 г.р.), Юрия Васильевича Смотров (1942 г.р.), Виктора Ивановича Солодкого (1931 г.р.), Леонида Анатольевича Чёрного (1943 г.р.) и др.

Всего на сегодняшний день в Ставрополе живёт 10 художников – детей войны, чьи работы входят в музейное собрание родившихся в период с 1931 по 1945 год.

Представляя выставку «Взгляд из военного детства», её организаторы еще раз хотели выразить своё признание, глубокое уважение замечательному поколению нашей Родины – светлому, славному, чистому, честному и талантливому, отдававшему свой труд, знания, творчество во имя её процветания.

Биценко Евгений Федорович

Член Союза художников СССР,
заслуженный художник России

Указом Президента РФ № 1669 от 11 декабря 1996 г. за заслуги в области искусства Евгений Федорович Биценко удостоен звания «Заслуженный художник России».

Е. Ф. Биценко родился 20 октября 1930 г. в деревне Кулаково Пронского района Рязанской губернии. В том же году семья – родители и четверо детей – переехала в г. Спас-Клепики – центр Клепиковского района. Мать, Евдокия Кузьминична, в девичестве Цыплакова, уроженка деревни Кулаково Пронского уезда Рязанской губернии, крестьянского происхождения, была домохозяйкой. Отец, Федор Афанасьевич, – выходец с Украины, рабочий. Школа, в которой учился Евгений Федорович, находилась в здании бывшей Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, где с 1909 по 1912 г. учился С. А. Есенин.

В 1945 г. Евгений Федорович поступил в Рязанское художественное училище (ныне РХУ им. Г. К. Вагнера).

Искусствовед, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников РФ Степан Михайлович Степашкин позднее так вспоминал

о годах совместной с Биценко учебы: «В год окончания войны вновь открылось Рязанское художественное училище. Вернулись в него уцелевшие на войне бывшие его ученики, с орденами, медалями. В армейской форме, а между нами – пацаны, только окончившие семилетку. Бывшие солдаты и подростки стремились стать художниками, не очень сознавая, что это такое. В то время со мной, фронтовиком, на одном курсе учился парнишка из Клепиков – Женя Биценко, небольшого роста, общительный, не лишенный тщеславия и напористости быть в числе первых, таков он и до сих пор. Мы, «старики», учились остервенело, как шли в бой, а «малолетки» не утруждали себя. Только Женя Биценко не отставал от нас, и мы признавали его равным, своим. С нашего курса только Биценко поступил учиться в знаменитую Академию художеств. Завидовали ему, всем туда мечталось попасть...»

В 1950 г., получив среднее профессиональное образование, Евгений Федорович поступил на живописный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР в Ленинграде, где продолжил учебу в мастерской представителя русской реалистической школы, ученика И. Е. Репина - Ивана Петровича Степашкина.

В 1956 г. Биценко по распределению направлен в г. Кисловодск Ставропольского края. В начале 1960-х гг. переехал в краевой центр Северного Кавказа г. Ставрополь. Евгений Федорович стал вторым художником с академическим образованием после выпускника Санкт-Петербургской академии художеств В. И. Смирнова, избравшего этот город для жительства в далеком 1877 г. Благодаря своей активной жизненной позиции Е. Ф. Биценко всегда был в центре самых важных событий общественной и культурной жизни Ставропольского края.

Принимая деятельное участие в художественной и культурной жизни, Евгений Федорович выступил одним из инициаторов создания клуба творческой интеллигенции города. На заседания клуба приходили люди самых разных профессий – журналисты, ученые, медики, писатели, – обладавшие общей отличительной чертой: всех их объединял творческий подход к своему делу, эмоциональная чуткость и отзывчивость, оптимистическое желание жить полноценной, активной, плодотворной жизнью.

В 1960 г. Евгений Федорович принят в члены Союза художников СССР.

В 1960-е гг. в Ставрополе по инициативе и при активном участии краевого отделения Союза художников СССР состоялось открытие

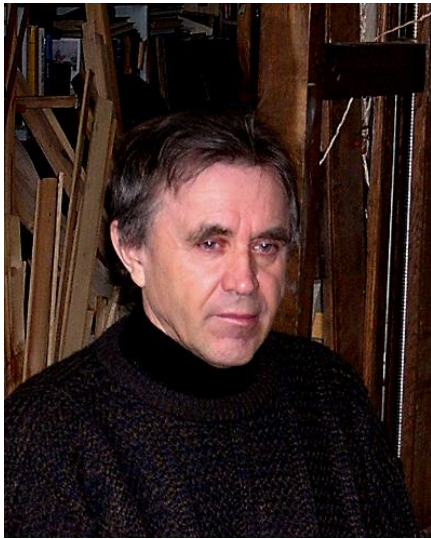
Глазами Детей войны

целого ряда учреждений, деятельность которых была призвана оживить и обогатить культурную составляющую жизни региона. Началось движение ученических бригад в Новопавловске. На базе старейшего в регионе Ставропольского краеведческого музея в 1962 г. был открыт Ставропольский краевой музей изобразительных искусств. В 1969 г. состоялся первый набор в Ставропольское краевое художественное училище. Преподавателями вновь созданного учебного заведения стали многие профессиональные художники Ставрополя, заложив фундамент системы художественного образования в регионе. Евгений Федорович в течение почти десяти лет вел в училище уроки живописи, рисунка и композиции, плодотворно совмещая творчество с наставничеством.

Теме Великой Отечественной войны посвящена серия портретов ее героев: «Участник Великой Отечественной войны Мальков», «Участник Великой Отечественной войны И. Углев» и как апогей преданности русского солдата Родине – «Пропавший без вести»... Всего около 100 портретов, объединенных вечно живой темой.

Картина Биценко Е.Ф. После боя. Жажда. 1985 г.

**Зайцев
Николай Егорович**

Николай Егорович Зайцев родился 23 декабря 1942 г. – русский советский и российский художник, живописец, мастер бытового жанра и пейзажа. Член живописной комиссии Союза художников России. Член правления Московского товарищества живописцев (1976). Член Союза художников СССР (1977).

Заслуженный художник России. Награждён Серебряной медалью РАХ (2004).

Родился в Орле в 1942 году. Окончил Пензенское

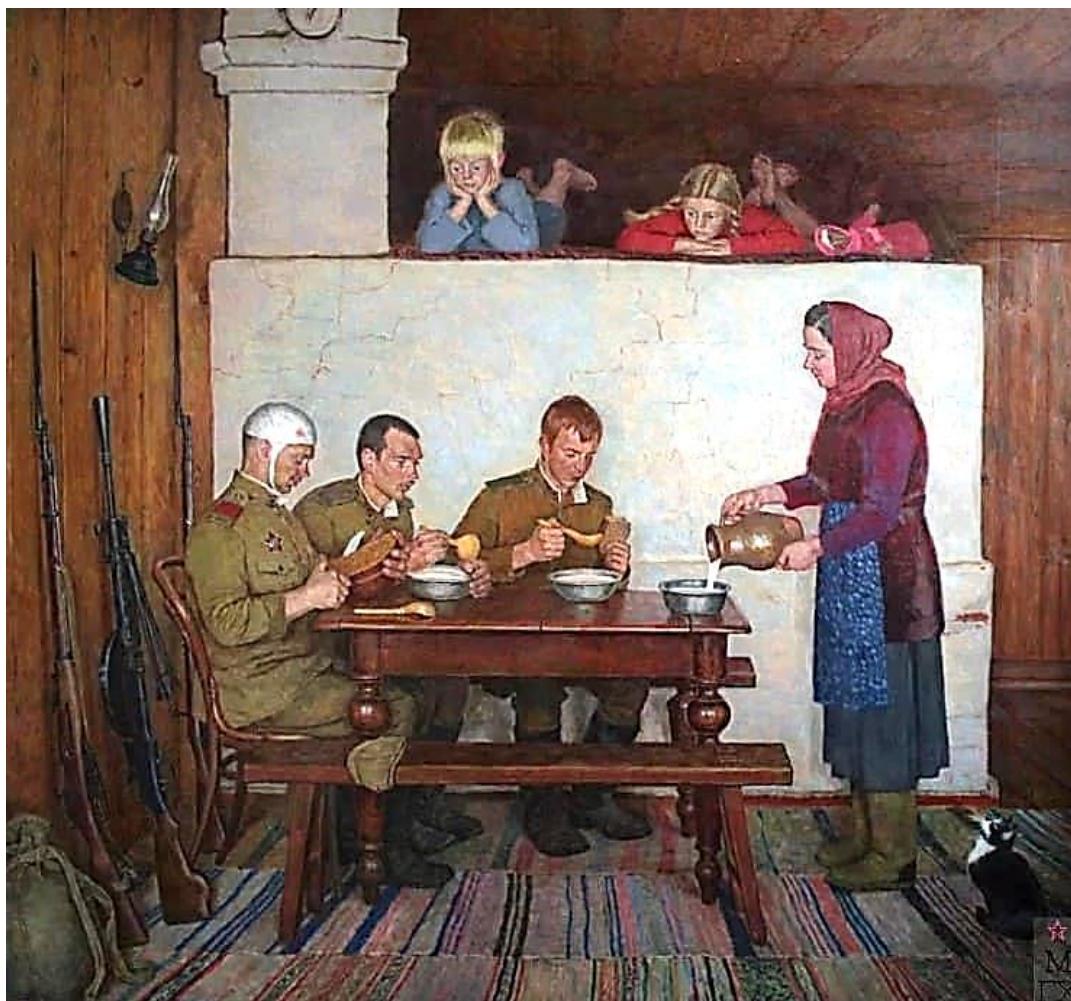
Картина Зайцева Н. Г.: «В поле»,

художественное училище им. К. А. Савицкого (1963)* и Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова (1968–1974). Тема диплома – роспись библиотеки на тему «Лето», руководитель – К. А. Тугеволев. Награждён медалью АХ СССР за дипломную работу (1975). Участник всесоюзных, республиканских и московских выставок, в т. ч. «Молодость страны» (1976), выставки

Глазами Детей войны

молодых художников в АХ СССР (1976). Член современных творческих объединений «Романтики реализма» и «Русский мир».

В 1975–1977 гг. работал в Творческой мастерской Академии художеств СССР под руководством Г. М. Коржева, а затем А. П. Ткачева и С. П. Ткачева.

Картина Зайцева Н. Г.: «Свои».

В 1975–1976 гг. преподавал в МГХИ им. В. И. Сурикова. Работы художника находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, галерее «Арт Прима», во многих региональных музеях, в частных коллекциях в России и за рубежом. Медаль Российской Академии художеств (1975). Диплом Академии художеств СССР (1976). Серебряная медаль Российской Академии художеств (2004).

Ряд картин прямо посвящен теме поколений, их преемственности и связи («Вечер» (Старость и юность) 1975, «Старики» 1975, «Племянники» 1977, «Внук солдата» 1980, «В гостях у бабушки» 1988, «Внуки приехали» 1990, «Детство» 2002, «Мамина шкатулка» 2004, «Памяти бабушки и мамы»). Обращение к теме связи поколений, традиции и – в конечном итоге – истории и судьбе народа расширяет

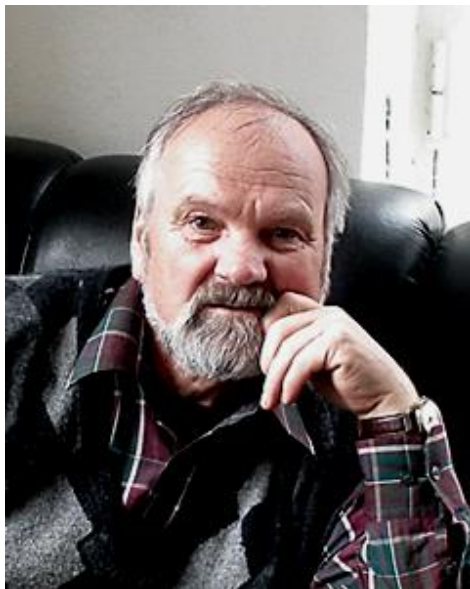
Глазами Детей войны

творческие задачи «скромной» жанровой живописи до задач живописи исторической.

К теме поколений примыкает многозначная тема памяти, наиболее ярко выраженная в искусстве Н. Е. Зайцева памятью детства. Это и память о трудных послевоенных годах. Герой-подросток – это сам художник, вновь переживающий боль за русскую женщину, которой выпали на долю вдовство и тяжкий труд. Но также эти произведения выражают нежную грусть по невозвратному прошлому, воплощают романтическую мечту, сотворенную фантазией из множества запавших в душу художника воспоминаний юности.

Картина Зайцева Н. Г.: «В интерьере».

**Соколенко
Алексей Егорович**

Соколенко Алексей Егорович родился 3.03.1938 в селе Овоци Ставропольского края. Умер 10.09.2011 в г. Ставрополе. Заслуженный художник России. Награждён медалью Советского фонда мира; Золотой медалью (за вклад в отечественную культуру) Творческого союза художников России (Международная федерация художников). Лауреат премии Губернатора Ставропольского края известным деятелям культуры и искусства имени В. Г. Клёнова (2006). Поощрён стипендией Губернатора Ставропольского края известным деятелям культуры и искусства Ставропольского края (2011). Окончил Ростовское художественное училище имени М. Б. Грекова (1964). Участник городских, краевых, зональных, всесоюзных, всероссийских и международных выставок с 1964 г. С 1980 по 1988 гг. – председатель правления Ставропольского краевого отделения Союза художников РСФСР. С 1981 по 1986 гг. – член правления Союза художников СССР. С 1987 по 1992 гг. – секретарь правления Союза художников РСФСР. С 1981 по 1986 гг. – член ревизионной комиссии СХ РСФСР. Делегат VI (1987) и VII (1993) съездов Союза художников РСФСР и Союза художников России. Депутат Краевого Совета трудящихся XIX и XX созывов. С 1964 г. занимался педагогической деятельностью; преподавал в Детской художественной школе (со дня основания, 1964–1968 гг.), Ставропольском краевом художественном училище (1994–2011 гг.). С 1964 г. жил и работал в Ставрополе

Из Воспоминаний Алексея Егоровича Соколенко⁹³

– Я родился в селе Овоци Туркменского района. Семья была небогатая: отец работал в колхозе, мать вела хозяйство и растила детей, нас ведь у нее семеро – шесть сыновей и дочь.

⁹³ Автобиографический очерк А. Е. Соколенко «Семья Соколенко: Память». Опубликовано в издании «Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет» (Ставрополь : СГУ, 2007), – URL: <http://www.textus2006.narod.ru/Sokolenko.html>

В селе Овощи жили переселенцы из разных областей России, Украины: Московской, Воронежской, Полтавской и др. Татарское (туркменское) название села Учи. В село приехал грек по фамилии Овочи, и название села народ постепенно переделал в знакомое Овощи. Мы жили на улице Крестьянской, здесь обитали москали и называли этот край села – Тургай, окраина рядом – Сахалин, на западе – Полтава, на востоке – Галушина, между ними Кобелевка, центр села – улица Красная.

Егор Андреевич (1904–1986) – отец. Об отце рассказать можно много. Он окончил четыре класса церковно-приходской школы – для села это большое образование. Я помню, в детстве он нам часто читал наизусть «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина. Работал заместителем председателя колхоза имени Димитрова (завхозом). В первые дни войны работал председателем колхоза. Он рассказывал, как по мере наступления немцев через село прошло много беженцев, а бывало, организованно переправляли большие партии людей, их приходилось содержать, кормить

Настала очередь и отцу идти на войну. Под Макеевкой их полк послали отбить у немцев село. Выдали по винтовке на троих и по несколько патронов – и вперед. Для безоружных должны были отбить оружие у врага. Подошли к селу – никого, послали разведку в село, те зашли на окраину села – никого нет. Решили занять село. Продвигались в центр села – вдруг немцы открыли минометный и пулеметный огонь (они все силы сосредоточили как раз в центре). Командир встал, закричал: «За Родину, за Сталина!» – и упал, сраженный. Все залегли, слой пуль был такой, что не высунуть головы. Потихоньку начали отходить. Когда были за селом, осталось уже треть полка, патронов нет. Спасаясь от пуль, одни скопились в овраге, другие спрятались в кошаре. Из села показались немецкие танки с автоматчиками. Один танк с ходу врезался в кошару и всех, кто был там, привалил. Остальные окружили овраг, соскочили автоматчики и всех взяли в плен, защищаться было нечем. Так отец попал в плен...

Гнали по степи долго, было холодно, многие замерзли. У отца руки горели, он даже рукавицы засовывал за пояс. Как-то им выдали махорки и мыла в целях гигиены. Отец не курил и выменял за махорку еще кусок мыла. Порядки в разных лагерях были разные. В одном

проверяли содержимое, у отца в кармане нашли мыло, завернутое в тряпицу, начали кричать: «Украл!» – и били палкой по рукам. Затем заставили поднять руки вверх и приставили часового. Если руки опускались, били по локтям палкой и прикладом. Их долго перегоняли с места на место по Украине и Польше. Один немец взял его домой работать, завел кур и заставил отца делать курятники, хотел, чтобы куры по лесенке поднимались на насест. Отец не понимал его, и немец показывал, что он хотел сказать, разбежался в курятник к насесту и квохтал курицей. Выдали им как-то по булке черного хлеба с криком: «На четыре дня!» – и долго гнали. В новом лагере порядки были жестокие, работали тяжело. Охрана по-своему развлекалась. Вечером в бараке выбирали двоих пленных, говорили: «Ты Молотов, а ты Сталин», – заставляли драться. Драка вначале была вялой, не хотелось бить друг друга, их толкали, стравливали. Нечаянно кто-то заденет другого – и начиналась настоящая драка. Затем охрана сталкивала ослабленных пленных в кучу, брали за ноги нижнего и переворачивали эту живую кучу. Хрустели кости, ломались ноги: стоны, крики. Вместе с отцом в плену был земляк Иван, они держались друг друга, это им и помогло выжить. На ночь загоняли в бараки, или сараи, или клубы – так тесно набивали, что можно было только стоять или сидеть. Постепенно все притирались, опускались на пол и сидели. Отец с другом садились спиной к спине и спали по очереди, откинувшись один к другому на спину. Когда надо было выйти по нужде, ползли на карачках по плечам и головам сидящих к двери. Те кричали: «Да хоть по головам не становись, сапоги поднимай». Кормили плохо, голод. Один пленный нашел в поле бурлак и на отдыхе перочинным ножичком тонко резал его и медленно ел. Другой долго жадно на него смотрел, наконец, не выдержал и сказал: «Ну, дай кусочек, я хоть вкус его вспомню». Часто немцы отбирали пленных по десять человек, выводили работать, а затем в той стороне раздавалась автоматная очередь. В лагерь уже никто не возвращался. Как-то Иван вышел из барака во двор, вернувшись, он сказал: «Там записывали на работу. Чем с голоду помирать, я рискнул и записался». – «Так расстреляют!» – «А вдруг нет. Я и тебя записал». Утром огласили список записавшихся и выдали по булке черного хлеба. Пригнали на станцию. Под усиленным конвоем пленные должны были сопровождать эшелон с лошадьми, ухаживать за ними, кормить, поить. Так из Украины они попали в Тихорецк. Здесь в конвое был пожилой немец. Он по-человечески относился к пленным, у отца спрашивал: «Киндер? Есть?» Отец показал шесть пальцев. Немец удивился, вынул

портмоне и показал фотографию с тремя своими детьми. Он часто отцу что-либо давал, подкармливал...

В Тихорецке группа работающих пленных была небольшой – человек сто. Когда возвращались с работы, стало не хватать трех человек. Отец с другом тоже надумали бежать. Договорились, когда, назначили день. Утром перед побегом товарищ отказался, сказал: «Ты иди, а я болен, не могу». Днем отец бежал, удачно. Весь день шел по кукурузному полю. Крестьяне в ближайшем селе его переодели. Он шел по тылам немцев домой ночью, скрываясь днем. На Ставрополье тоже были немцы, но его никто не тронул.

После освобождения Ставрополья от немцев наши его забрали и уже как арестованного перегнали в Армавир. Там целый месяц его избивали, ему нечего было сказать. На допросах, между побоями отец увидел под конвоем избитого Ивана, видно, он после тоже бежал от немцев. Его вели на очередной допрос. Больше отец его никогда не видел. Потом отца вызвали, сказали: «Ну, за тобой ничего нет. Извини.

А то, что били, так надо было». Отца послали служить, но не на фронт, а охранять зеков, которые восстанавливали Сталинградский тракторный завод. Оттуда он нам прислал нарисованный каким-то зеком цветными карандашами свой портрет. Его демобилизовали в первую очередь как отца большого семейства.

Когда он приехал домой, семья жила в хуторе Индырь. Там был

Картина Соколенко А.Е.: «9 мая».

совхоз, где платили натуральными продуктами, и мать, чтобы спасти детей от голода, перевезла семью туда. На следующий день отец взял подводу в родном колхозе имени Димитрова и перевез всех домой.

Помню, была зима, и в село Овощи приехали ночью. Отец оторвал доски забитых окон в своем доме, и жизнь закипела. На другой день появилась мука, и мать начала печь пышки и хлеб. Отец, как и прежде, начал работать заместителем председателя колхоза, но коммунистом уже не был.

Я много слышал страшных историй о его плене и работе с зеками, которые он рассказывал ночью, за бутылкой водки председателю колхоза по кличке Куёшка. Мы, дети, спали на печи, и я, затаив дыхание, слушал эти ужасные вещи. Некоторые из них я до сих пор не могу рассказать, настолько они меня поразили и ужаснули...

Анна Леонтьевна (1906–1988) – мать. В молодости помогала отцу в его портновском деле. Вышла замуж за Егора Андреевича Соколенко. Через каждые два года у них рождался ребенок. Вела домашнее хозяйство. На ее плечах лежала вся семья. Детей она обшивала сама начиная с раннего возраста. Мальчикам шила короткие штанишки на помочах и обязательно с прорехой. Бегают такой голопуз по улице, присел и оставил в пыли мокрую дучку или калач и побежал дальше. Удобно!.. Для колхоза она пекла хлеб у себя дома, за что ей начисляли трудодни. Во дворе была выстроена большая русская печка. Заготавливала опару в больших кастрюлях и чашках еще на ночь, опара «подходила», набухала, вылазила из больших кастрюль, мать заталкивала ее обратно. А рано утром затапливала печь и месила тесто на большом деревянном столе. Вымешивала долго, подсыпая муку на стол, тесто становилось тугим, потом делала круглые булки. Из натопленной печи выгребала жар кочергой, затем сковородником засовывала в раскаленную печь большие сковороды с белыми шарами вымешенного теста. За один раз она выпекала с дюжину громадных хлебов – каждый килограмма по три. Это был белый, слоистый, удивительно вкусный хлеб. Ее хлеб славился в колхозе. Не одна она выпекала хлеб для колхоза, но в колхозе многие ждали, когда привезут хлеб от Анны.

В 1933 голодном году село Овощи было наполнено беженцами из Украины. Там было еще страшнее, и истощавший голодный люд двинулся на Кавказ в надежде, что здесь лучше. Голодные люди бродили по улицам, жили в ярах. В селе не закрывали дома замком, оставляли так – все свои. Как-то мать зашла в свой дом и увидела худого мужчину, сидящего за столом. Он вытащил из печи большой чугунок каши и уже

больше половины съел. Мать прислонилась к притолоке и печально глядела на него. Он встал: «Простите, не мог удержаться». Мать дала ему буханку хлеба, и тот, кланяясь, ушел. А наутро его нашли мертвым в канаве – обильная еда после продолжительного голода оказалась смертельной. По селу ходили дети-сироты – девочка шести лет с маленьким братом, она всегда держала его за руку. В каждом доме сердобольные женщины подкармливали, угощали, одевали их. Они выглядели сытыми, опрятными и вдруг исчезли. Через некоторое время в яру одна женщина уронила в колодец ведро. Начали «кошкой» вылавливать ведро и вытащили из колодца узелок, а в нем головы и руки этих детей.

Перед Отечественной войной у матери было шестеро детей. В войну она делала все, чтобы прокормить, сохранить детей. Пошла работать на маслозавод, приносила сыворотку, соленую брынзу, вымачивала ее. Перестал работать завод – перевезла семью в хутор Индырь, там легче прокормить, платили натуральными продуктами, да и старшие дети начали работать в совхозе. В комнате, где жила вся семья, появились цыплята, длинные кормовые арбузы. Арбузы были зеленые и невкусные, ими кормили скот. Их не так легко было разбить, от удара они подпрыгивали, как мячи, и нередко мы начинали играть этими арбузами «в мячи». Подпрыгнув, арбуз попадал в убегающего цыпленка, и раздавливал его. Мы же от матери получали подзатыльники. Много лет спустя, когда я был в Америке со своей выставкой, я увидел такие длинные арбузы, спросил: «Это кормовые?» – на меня недоуменно посмотрели, разрезали – настоящий сладкий арбуз. Сейчас и у нас можно увидеть такие длинные арбузы. В Индыре мы научились ловить воробьев на лапшу.

Не помню точно, в войну или после нее, прислали в село Овощи эвакуированных детдомовских детей. Их разбирали по семьям – прокормить. Мать взяла двух мальчиков десяти-двенадцати лет. Где шесть, там и восемь можно прокормить. Сняла с них завшивленную одежду, прожарила в печи, выкинула на черепичную крышу сенцев – прожарить еще на солнце, детей же искупала в корыте в воде с креолином. В нем купали овец для профилактики. И по совету ветеринара мать всем своим детям часто устраивала такую профилактику в те тяжелые годы. Приемные ребята прожили у нас с год-два как члены семьи. Можно было поражаться смелости и находчивости матери: как она выручила тетю Ольгу из каталажки, отбила спасительный ячмень у Жулика!..

После войны, когда отец перевез семью снова в село Овоши, у матери дел не убавилось. Старшие дети Николай и Василий работали в колхозе. Мать должна всех собрать в дорогу. Вставала, когда еще было темно, готовила, ведь с рассветом всем надо на работу. Ложилась позже всех – готовила, обшивала, латала.

Мы, младшие, Мария, Володька и я ходили за колосками. До восхода солнца выходили в поле. По пыльной дороге тянулись группы старух, детей. Солнце встречали на выгоне по дороге к Киричам. В скошенном поле за пять-семь километров от села рассыпались и собирали колоски. У каждого была тряпичная сумка, привязанная к поясу. Собрав несколько колосков, разминали их в сумочке. Острые устюки кололи нежные детские руки, но надо было. Намяв полную сумку, расстилали полотно и веяли на ветру, отделяя зерно от половы. В полдень в жару дети сникали, иногда случались солнечные удары. Обедали, пили из бутылок молоко и воду из кубышек. К вечеру ссыпали добытое чистое зерно в свои сумки. Взрослым удавалось собрать до десяти килограммов, детям по пяти, а самым маленьким (шести лет) достаточно и трех. Обьездчики следили, чтобы собранное зерно сдавали в колхоз, но удавалось миновать обьездчиков и приносить зерно домой. Приползали домой, мать кормила нас, мы мыли ноги и ложились спать во дворе под вишней. Во сне мы продолжали собирать колоски под палящим, крутящимся над нашими головами солнцем.

Каждую субботу в колхозе топили общую баню. Вначале мылись дети. Маленьких детей – мальчиков и девочек – поручали мыть девкам. Они весело нас мылили хозяйственным мылом, обмывали водой, похлопывали, вытирали полотенцем. К мальчикам наклонялись, говорили: «А ну, дай табачку понюхать! Какой он у тебя? – О, крепкий!» – чихали и с хохотом бежали в парную, хлестая друг друга вениками и обливая водой...

Себя же я помню еще до оккупации: привезли к нам в детский садик подводу огурцов, лежали они горкой на полу, а нянечки берут их, режут на две длинные половинки, посыпают солью, трут половинки друг о дружку и дают нам.

Помню, пришла к нам бабка Погребнова, схватила меня за уши и давай драть: «Ты что делаешь?! Март уже, а на улице мороз да метель! А еще теплый Алексей».

При немцах – играем мы у клуба в пыли на дороге, скачет на лошади пьяный полицаи Жулик, размахивая шашкой, и кричит: «Всех порублю!» Жулик с немцем приходил к нам делать обыск. Еще тетю Олю помню, пришла она к нам, матери дома не было, одни дети, глянула

она на окно: «Что ж у вас окно вываливается?» – взялась руками за верх рамы, коленом уперлась в нижний и поставила окно на место. Помню, в конце войны пришел к нам человек в гимнастерке. Все думали – отец вернулся, сбежались бабы, а в хате сидит татарин, друг отца, учитель. Когда освободили село от немцев, наши солдаты присели отдохнуть у каменной ограды. Бабы бежали к ним с хлебом, молоком. Они сидели на земле, пили молоко из кувшинов и, улыбаясь, давали детям потрогать свои винтовки. Потом мы находили патроны, разрывные пули, пытались бить по ним, выстрелить. Я тоже притащил домой патрон с пулей и на пороге бил по нему молотком. Раздался выстрел, пуля пролетела между ногами и застряла в глиняной стене.

В Овощах в войну и после войны было голодно. Весной, как только начинал таять снег, все дети высыпали на выгон с ведрами. Набрав в лужах талой воды, заливали ее в сусличьи норы, суслики вылезали, мы хватали их за загривок, чтоб не укусили, ловко их свеживали (сдирали шкуры) и жарили на костре на палочках, и ели это нежное и сладкое мясо. У дальнего родственника отца (приемный ему дядька) была рушилка для проса, оставалась шелуха. Эту шелуху он давал матери, из нее нельзя было слепить даже оладьи. Мать засыпала ее на сковородку, заливала водой и поджаривала, и хотя шелуха застревала в горле, все равно ее приходилось есть. Через улицу напротив нас жили Воронины (Гогузовы), у них было тоже много детей, но они жили беднее нас. Весной, когда пригреет солнышко, старшие выносили маленьких в тряпье на солнце – погреться. С пухлыми от голода животами они сонно сидели, по ним ползали вши. Мы окружали их и, глядя на вшей, говорили: «Смотри, какой танк ползет».

Ели всё! Лишь только появится в поле россыпь чешуйчатых грибочков – ели, тонконог выбросил свои метелочки – ели, зацвела

акация – ели, появилась у акации молодая поросль – ели; пастушья сумка, заячьи ушки, «козельчики», молочай – всё ели, даже глей (глину) из оврага сосали; жмых или макуха от подсолнечника были роскошью, вместо конфет.

Картина Соколенко А.Е.: «Пацаны»

Наше село стояло на ровном месте в поле, на выгоне, везде рос курай (верблюжья колючка), осенью эти огромные колючие шары срывал ветер и гнал по полю, забивая ими овраги, лесополосы, огороды. Если выйти в это время на выгон, то кажется, что все поле, весь мир наполнен этими бегущими «стадами» серых шаров. Им топили печи, вспыхивал он, как порох, и горел быстро. Нас, детей, посылали с веревками на выгон, мы собирали колючий курай, утапывали его, вязали в огромные вязанки и тащили домой. Это было бесконечно – такого топлива хватало ненадолго. Раз мы с Василием – старшим братом – пошли за кураем. На выгоне он начал со мной играть, шутя, связал веревкой и ушел. Я вскоре развязался, но курай пришлось тащить одному. В сорок шестом – сорок седьмом годах стало легче. Урожай. Настрадавшись от голода, народ ценил каждое зернышко.

Во время жатвы детей посылали на колоски. До восхода солнца выходили в поле и встречали солнце на выгоне, по дороге к Киричам. Большой красный шар выкатывался из-за темно-фиолетового горизонта, и на его фоне по пыльной дороге тянулись силуэты старух и детей. Шар отрывался от горизонта, некоторое время плыл по-над землей, поднимался выше, превращаясь в ослепительный желто-белый прожектор. От нас по пахучей полыни бежали длинные глубокие тени, сохраняя прохладу утра. В скошенном поле, за пять-семь километров от села, рассыпались и собирали колоски. Молодежь работала на тракторах и комбайнах. Василий работал вначале на тракторе, в сорок девятом работал на комбайне «Сталинец». В мои обязанности входило носить ему харчи в поле. Мать собирала корзину продуктов. Это была большая с двумя ручками корзина из осоки, она вмещала двух- или трехлитровый кувшин кислого молока, буханку хлеба килограмма три, блины, огурцы, макитру вареников, еще мясо, масло, сметану, лук, чеснок и т. д. Рано утром, до солнца, я выходил с нею из села и тащился до Киричей четыре километра. В Киричах был большой колодец с цибаром (ведром), которым набирали воду. Там я садился на доски и ждал водовоза из культстана, потом вместе с ним наливали холодной водой большую деревянную бочку и на быках ехали в бригаду. Я садился на бочку верхом, водовоз говорил: «Цоб, цобе!» – и поехали. Холодная вода плескалась в бочке, брызгами обливала меня – блаженство и рай. Водовоз знал всегда, кто на каком поле работает, он подвозил меня до нужного перекрестка дорог: «А теперь шпарь два или три километра, там увидишь комбайны». Гусеничный трактор тащил комбайн «Сталинец» – большую бескрылую красную птицу, позади комбайна – тележка для соломы. Завидев меня, весь этот поезд останавливался, команда кричала:

«Ленька пришел». Команда состояла из тракториста, комбайнера Василия, штурвального Ивана Винограденко и крепкой девушки Варвары – коптильщика на тележке. У меня забирали тяжелую корзину, хмыкали, лезли в нее. Я быстро взбирался на комбайн, лез в бункер, ложился на зерно, и струя пшеницы из мешка трубы потихоньку засыпала меня. Подъезжала машина, включали шнек – и зерно из бункера текло в кузов машины. Я быстро выскакивал из бункера, чтобы винтом шнека не затянуло в трубу. И было почему: один мальчишка проталкивал ногой в шнек бункера задержавшееся по краям зерно, попал в винт, и тот втянул ногу в трубу, изрезав ее на куски. Он истек кровью, не доехав до больницы. После этого случая мы все боялись оставаться в бункере, когда работал шнек.

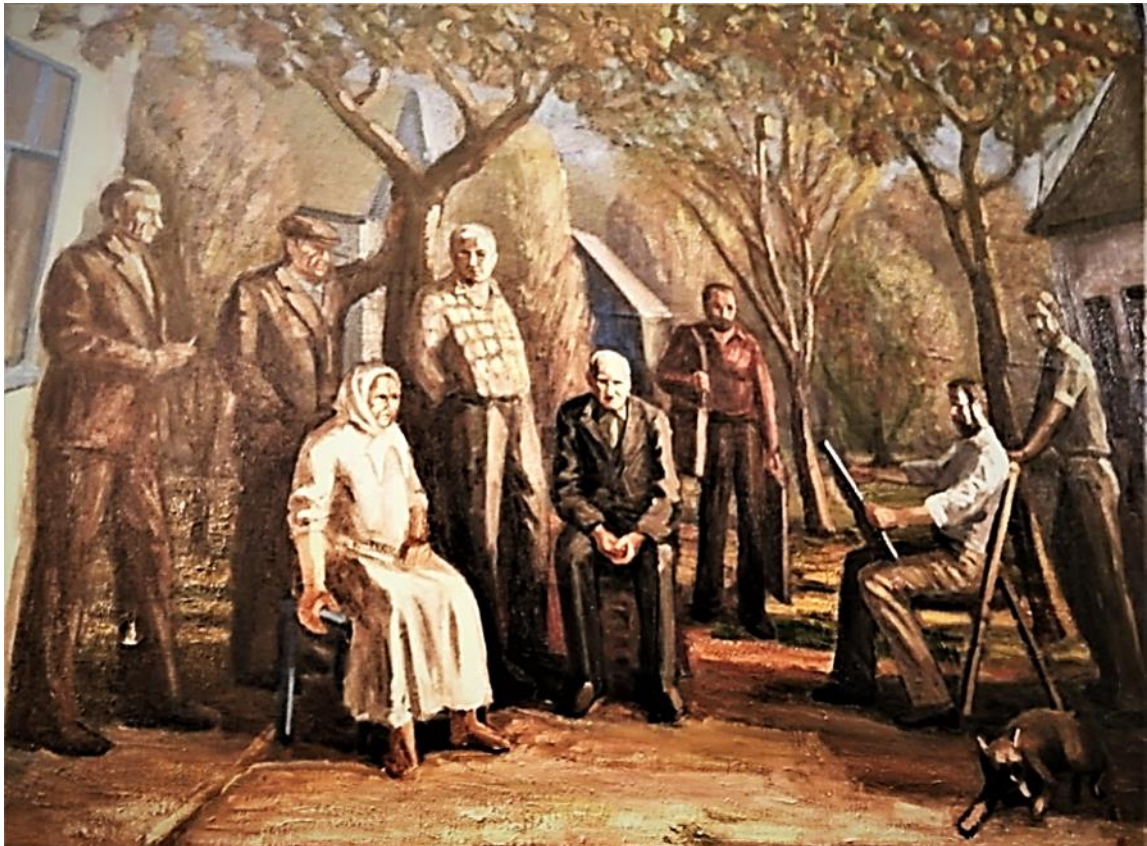
Потом я влезал в тележку, которая плохо срабатывала при нажатии на педаль. Стоя на соломе, упираясь в переднюю стену тележки руками, мы заставляли ее открыться, решетка поднималась, задний край дна опускался – и копна соломы вместе с тобой вываливалась из тележки. Надо было только вовремя лечь на копну и пригнуть голову. В поле я часто оставался ночевать в копне соломы. А утром отправлялся домой с пустой корзиной и тарой, добравшись в село к вечеру. На следующее утро мать собирала корзину харчей, и я вновь отправлялся в путь до Киричей, к колодцу, водовозу и веселой команде Василия. Дальше стало сытнее, лучше и детям свободнее: ходят в школу, гуляют по улицам. Но обязанности по дому, по хозяйству есть. А летом обязательно в колхоз, в поле: помогай зарабатывать трудодни. Когда я в первый раз приехал в поле на работу, меня послали пасти рабочих быков. Их было десятка два, но и выпас был по полосе у дороги, между двумя зелеными полями пшеницы. Быки лезут во вкусную, сладкую пшеницу, выгонишь с одной стороны – лезут в другую. За день я так набегался, намучился с ними, что плакал, но трудодень заработал...

Нам построили новую школу № 11. Объединили, перемешали классы. Старший брат Николай сделал мне этюдник. Пошел на этюды, пишу замерзший пруд, а снега еще нет. Подходит ко мне высокий худой и рыжеватый парень, посмотрел и говорит: «А ты учишься рисовать где-либо?» – «Да нет». – «Так иди в Дом пионеров к Родиону Никандровичу». – «Так я вышел из пионерского возраста», – отвечаю. – «У него все учатся». Это был Жора (Георгий) Скоморохов. Он уже окончил Саратовское художественное училище и работал в минском издательстве художником. Мы с Юрой Тарасовым пошли к Родиону Никандровичу, проучились у него год, поехали поступать в художественное училище в Одессу. Провалились. Взяв самые дешевые

Глазами Детей войны

билеты на теплоход «Грузия», путешествовали по берегам Черного моря, доплыли до Новороссийска, а поездом – в Ставрополь...

Мне тогда лет 15 исполнилось – взрослый уже, но после войны мы все подростками были. Тогда и понял, что стану художником... Я уехал в Ростов поступать в художественное училище, не прошел по конкурсу и поступил в подготовительную группу. Домой приехал взять вещи. Старшие братья были недовольны: «Родителям помогать надо. А ты уезжаешь». Я молча собрал чемодан и уехал. В подгруппе учился у Петра Павловича. Рисовать-то я умел, а вот как они учили живописи, я совершенно не понимал, очень неопределенно: то как краски надо смешивать, то писать серенько. Но в училище я поступил...

Картина Соколенко А.Е.: «Семья отца»

Все художники во все времена искали себя, выработывали свой почерк, свое отношение к жизни. Много новых картин по-новому напишут Виктор Чемсо и Петр Горбань. Придет новое поколение, и будут новые песни. А пока неутомимый Петр Горбань заваливает свою мастерскую все новыми и новыми работами, заваривает покруче чай из чабреца и опять сопит у своего мольберта. Его энергии можно удивляться: уже немолодой, он оформляет сотни работ, несколько раз возит свои выставки в Тбилиси, Ленинград, Москву, делает выставки в Ставрополе. В конце жизни обращается к Библии и делает сотни черно-белых иллюстраций к ней. Великий труженик. В Краевом музее

изоискусств накопились тысячи работ. Благодаря неутомимой энергии директора Зои Александровны Белой фонды музея увеличились в несколько раз. Самоотдача сотрудников под ее руководством удивительна. Бесконечные разнообразные выставки. Музей – настоящий культурный центр всего Северного Кавказа. Но у музея так мало выставочной площади. В его запасниках искусство XX века всего Ставрополя, и есть настоящие шедевры. Как нужна постоянная экспозиция XX века! А новое современное искусство?! Мечты, мечты... Когда это будет? Построят ли новое помещение? XXI век встретил художников по-своему. Новые запросы у богатых покупателей. Им надо украшать свое новое жилье, свои особняки – и не надо в картине ни глубокой мысли, ни эмоций, ни размышлений. Картина должна быть украшательской – стильной в стильном интерьере. Молодые художники стали петь по-новому. Все хотят понравиться покупателю, продать свой труд. Украшательские, легкие картины заполнили салоны. Но я верю, что настанет время – будет у нас образованный покупатель, меценат, будут у нас новые Третьяковы. И не умрет, не зачахнет наше отечественное искусство.

Телин

Владимир Николаевич

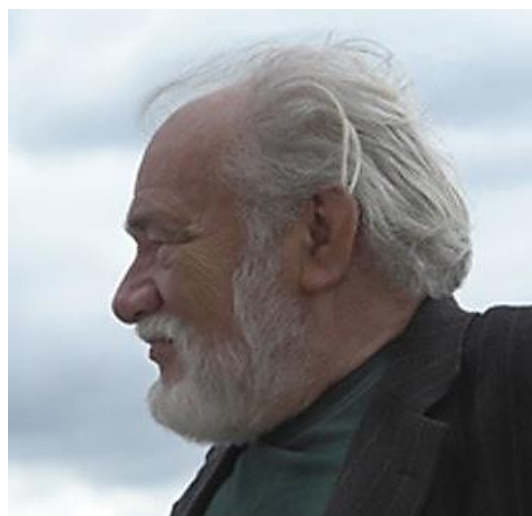
Родился 5 февраля 1941 года в Москве.

Окончил МГАХИ имени В. И. Сурикова. Учился у П. Д. Покаржевского, затем у Д. К. Мочальского. Член Союза

художников СССР (1967). Среди основных произведений художника можно выделить: «Дом с изразцами»

(1970), «Бусы рассыпались» (1971), «Дом опустел» (1973), «Бабушкин платок» (1975), «Арбатские старушки» (1977), «В молчании», «Отчий дом» (1979), «Проводы гостей» (1980), «Дочери», «Тещины блины» (1985), «Сестры» (1995), «На воде», «Песнь вдовца» (2000), «Старая яблоня» (2001), «Рыбак» (2002), «Матушкины именины» (2003).

Работы хранятся в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Кемеровской картинной галерее, Ярославском, Оренбургском, Курганском художественном, краеведческом музеях, галерее Арт Прима, частных коллекциях в России и за рубежом.

Глазами Детей войны

В 2001 году назначен руководителем мастерской станковой живописи МГАХИ имени В. И. Сурикова. Член-корреспондент РАХ (2002). Избирался секретарем Союза художников России.

Народный художник России (1992). Член-корреспондент Российской академии художеств. Лауреат Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина. Профессор МГАХИ им. В. И. Сурикова. Член Московского товарищества живописцев (МСХ).

Окончил Московскую среднюю художественную школу при МГХИ им. В. И. Сурикова. Окончил МГХИ им. В. И. Сурикова по мастерской профессора В. Г. Цыплакова (1967).

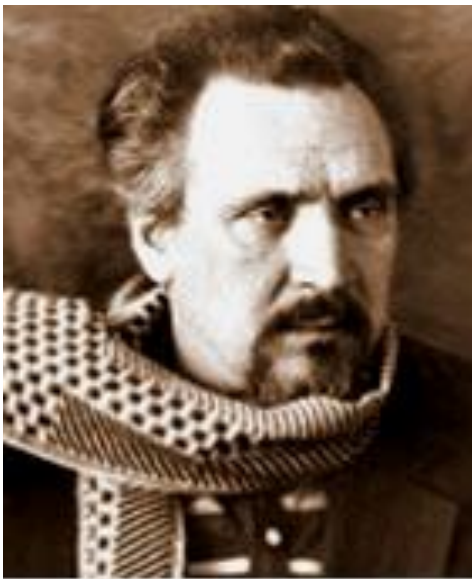
Картина Телина В.Н.: «Под одной крышей».

Государственная премия РСФСР (1991) за картину «Родительский день». Преподавал в Абрамцевском художественном училище (1967–1969), в изостудии Дома культуры «40 лет Октября» (1967–1971).

Жанровые картины Владимира Никитовича представляются своеобразным «живописным театром», то есть «художественным отражением явлений жизни посредством драматического действия, возникающего в процессе игры актеров перед зрителями». Тема семьи – рода – народа в жанре Телина, безусловно, не только главная, но и особенно любимая автором. Мы многого не знаем о героях картин Телина, но в самом главном можем быть уверены – это добрые люди, в

них нет гордыни и агрессии, они способны любить и жалеть ближнего, не только родственника, но и человека, волею судьбы оказавшегося рядом: соседа, односельчанина, соотечественника. В своем великодушии в этот спасительный круг любви они включают даже домашнюю живность, которая в картинах Телина «очеловечена» и ведет себя удивительно осмысленно, отвечая хозяевам любовью и преданностью.

Народный художник России Владимир Никитович Телин действительно народный – его картины нельзя оценивать лишь с точки зрения классического содержания бытового жанра, они гораздо значительнее и глубже, поскольку являются художественным воплощением традиционного народного мировосприятия.

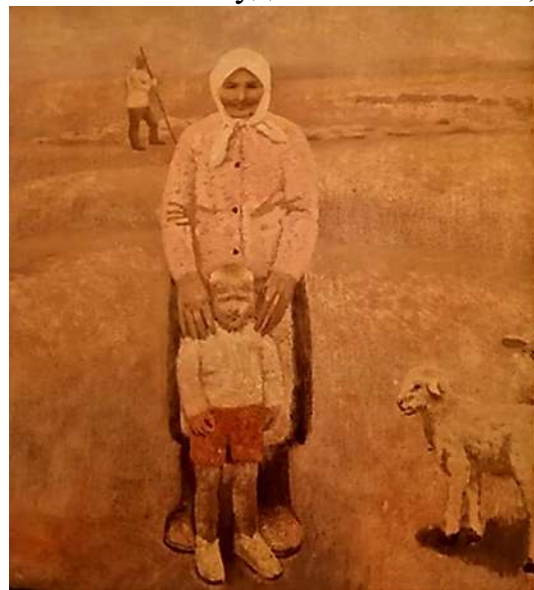
Чемсо Виктор Муссович

(1933–1994),

заслуженный художник России.

Виктор Муссович Чемсо родился в г. Лабинске Краснодарского края. В 1957 г. окончил Краснодарское художественно-педагогическое училище.

С 1960 г. он постоянный участник городских, краевых, зональных, республиканских, всесоюзных выставок. В Ставрополе и Москве прошли его персональные выставки. С 1967 г. член Союза художников СССР, многие годы был председателем Ставропольской краевой организации Союза художников, членом зонального выставкома «Советский Юг», членом правления СХ СССР. С 1984 г. член республиканского художественного экспертного совета по станковой живописи. Обладал уникальным колористическим даром, был многосторонним художником, написал много портретов жителей Ставрополя.

Картина В. М. Чемсо: «Моё детство»,

Глазами Детей войны

«Я работаю в традиционном стиле русской живописи, – говорил Виктор Муссович в одном из интервью. И далее выносил сам себе суровый приговор: – Я самоучка... До всего доходил долго, мучительно и трудно... Много пришлось работать, часто впустую. Сколько уничтожено холстов! Хотелось, чтобы мои ученики твердо и прочно знали основы... Я дал им то, что мог как художник, но всегда советовал искать в искусстве свой путь...».

Виктор Муссович много лет возглавлял краевое отделение Союза художников РФ.

В 1969–1994 гг. преподавал в Ставропольском краевом художественном училище. В. М. Чемсо много сил отдал становлению и развитию художественного образования в Ставрополе, выстраивани

Картина В. М. Чемсо: «Дороги войны»,

ставропольской школы живописи. Он очень радовался успехам своих учеников. Его ученики сегодня широко известны: Петр Охрименко, Сергей Беликов, Валерий Арзуманов, Юрий Орлов и, конечно же,

Глазами Детей войны

дочери, продолжившие дело отца – Алла Чемсо и Людмила Чемсо-Петросян.

У многих бывших студентов училища общение с Виктором Муссовичем оставило незабываемый след в творчестве и судьбе. В нашем городе также найдется немало людей, которым дорога память о художнике.

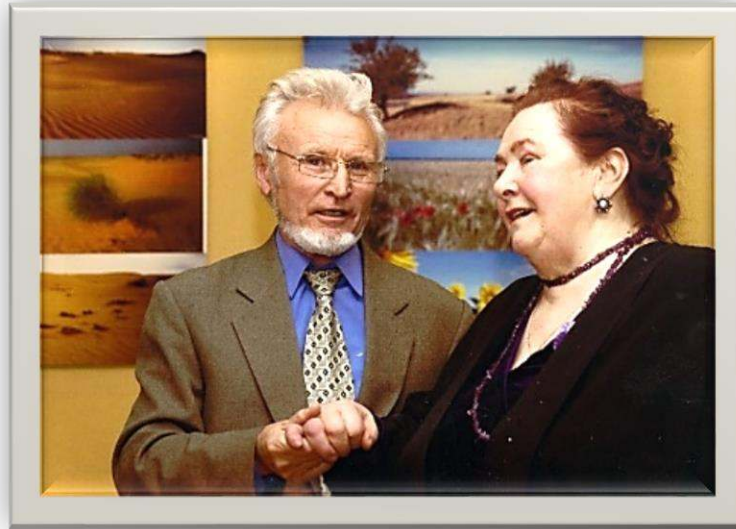
Многим, лично знавшим Чемсо, он запомнился человеком сложным, бескомпромиссным и в то же время умеющим глубоко искренне сопереживать и оценивать работы коллег.

Награждён медалью «За доблестный труд». Лауреат премии им. Героя Советского Союза А. Скокова.

На здании Ставропольского краевого художественного училища располагается мемориальная доска заслуженному художнику России Виктору Чемсо.

Картина В. М. Чемсо: «Возвращение».

В 2020 году Валентина Ивановна Сляднева отметила бы свой 80-летний юбилей. Наша книга – это посвящение и нашей замечательной землячке – поэту, ребёнку войны. Именно потому этот сборник венчают и заключают стихи Валентины Ивановны Слядневой

Из-за тебя, война, я старой стала...
Далёкая война, зачем не стала
Далёкой ты, придя в судьбу мою?
Из-за тебя, война, я старой стала,
Из-за тебя я песен не пою.

Смотрю все фильмы о тебе подряд я,
И боль живая бьёт меня под дых...
Фашист проклятый выкосил все грядки
Моих коротких радостей простых.

Уже порой хожу я еле-еле
По глухomanям, под Сапун-горой...
В солдатской, тяжелой той шинели,
Что всё полощет ливень проливной.

И первый, и второй, и третий выстрел
Меня сразили. Сколько слёзы лить
На плечи мне военных всех министров?
Пора войне в отставку уходить!

Глазами Детей войны

Пускай она, голодная волчица,
Пристанище не ищет средь людей!
Пускай Любовь к своим любимым мчится,
И в небе пусть лишь клёкот лебедей

Порой нам слышен будет отовсюду...
И пусть, заветам дорогим верны,
Не умирают на планете люди,
Не старятся все люди от войны.

Был мой отец молодым и красивым.
Правда, красивым!
В день этот солнечный луг наш косил он,
Статный и сильный.

Мама была молодой и красивой.
Правда, красивой!
Долго в объятьях отца голосила,
Как голосила!...

Высохло сено, и мама сметала
Скирд в одиночку,
И ничегошеньки мама не знала
В дни те про дочку.

Маму война разрывала, качала
Дома и в поле –
Это и было, и было началом
Всех моих болей.

Я – огненного времени птенец,
Опять над полем брани пролетаю
И вижу, как рассыпанную стаю
Подкашивает там и тут свинец.

Огонь разлучный гнёзда все спалил,
Обуглил птиц живое оперенье...
Господь, на что мне грустное прозреньё?
Но бог войны всегда неумолим.

О жизнь – всего прекрасного венец!
Победа мне была такой наградой.
Зачем же вновь круги земного ада
Высвечивает память – светунец?!

Глазами Детей войны

Я – огненного времени птенец,
И, над землёю пролетая низко,
Где поднялись кресты и обелиски,
Вновь склёвываю жалящий свинец!

Пришла она к нам в том треклятом году,
С покрашенных лавочек в каждом саду
Смахнула сидящих под солнцем детей,
И двери в домах полетели с петель.

И смолк, как подрубленный, радостный смех
Влюблённых... и выпал на головы снег.
И стихли на улицах песни все вдруг,
Закрылись окошки – в цветах дол и луг.

А как уж горели девчонок глаза!
А как уж ходила в тот полдень гроза!
И как торопились сельчане сметать
Всё сено в стога. Было некогда ждать.

Гудков паровозных и хрипы, и вой
Чудовищной этой Второй мировой,
Безумные эти глаза лошадей,
Что, как и людей, всё калечил злодей.

Но нет! Я, впитавшая всю кровь-руду,
С той страшной Второй мировой – не уйду.

Нас война по свету разбросала,
Отняла у нас цветные сны...
Как забыть нам,
Что мы дети самой
Долгой-долгой
На земле войны?!

Как забыть нам
Гул сердечных стуков,
Бедность – не бывало, что бедней!
Ржанье лошадей
В предсмертных муках,
Замолчавших навсегда детей?

Пусть проходят годы

Глазами Детей войны

Вереницей!
А у нас в крови остался страх.
Чёрный, чёрный
Сон опять нам снится
И чума в коричневых тонах.

Она не видела боёв⁹⁴

Она не видела боёв,
Она не видела сражений.
Война, не знавшая краев,
Всех захватила в окруженье.

Война врывалась в каждый дом,
Она свинцом на всех давила.
И кто в окопах, кто трудом,
Но вся стана взялась за вилы.

И гнали подлую войну,
Не зная продыху и света,
Но все же встретили весну,
И привели врага к ответу!

Из стихотворных ее слов
Стекает горечь, но не жалость.
Она не видела боёв,
Но, как и все, она сражалась!

⁹⁴ Вместо Заключение. Автор Митрофаненко Валерий.